

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный совет Российской академии наук
по комплексным проблемам этничности
и межнациональных отношений

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Москва
2023

УДК 343.341-048.66

ББК 66

Т 33

Работа выполнена по программе фундаментальных
и прикладных научных исследований Минобрнауки РФ
«Этнокультурное многообразие российского общества
и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

Рецензенты:

д.полит.н. В.Ю. Зорин,

чл.-корр. РАН, д.и.н. А.В. Черных

Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред.
В.А. Тишкова. – Москва: ИЭА РАН, 2023. – 384 с.

ISBN 978-5-4211-0302-8

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/1-384>

Сборник статей содержит разработку теоретических, правовых, социально-антропологических подходов к проблемам экстремизма и радикализма, которые проявляются в России и в мире в разных формах: от идеологических концепций до насильственных форм, включая терроризм. Освещены итоги исследований в этой области в рамках научного сотрудничества Российской академии наук и Национальной академии наук США, правовые нормы и правоприменительная практика в отношении экстремизма в странах Европы и в международно-правовых документах. Социологический анализ на предмет рисков радикализации среди российской молодежи выполнен на примере Московского и других регионов РФ, риски радикализации и возможного рекрутирования в экстремистские идеологии и сообщества рассмотрены на примере мигрантских сообществ. Научный интерес представляют социально-психологические подходы в анализе личностей и групп, вовлеченных в экстремистские идеи и практические действия. Рассмотрены проявления насильственного экстремизма в форме молодежных субкультурных группировок типа АУЕ в России и т.н. Колумбайна (школьных расстрелов), проявившееся масштабно в США. Оба явления рассмотрены с точки зрения общественного восприятия и судебно-правовой практики под углом феномена «моральной паники» (неадекватной квалификации явления без его должного обоснования и под влиянием общественных настроений и политических установок). Сборник имеет не только научное, но и практическое значение для понимания и противодействия экстремизму и радикализму в российском обществе и в мире в целом.

УДК 343.341-048.66

ББК 66

ISBN 978-5-4211-0302-8

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения

Радикализм и экстремизм: природа, история изучения, практические подходы (В.А. Тишков)	4
--	---

Часть 1.

ТЕОРИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализ антиэкстремистского законодательства: международный аспект (В.В. Энгель)	23
Правоприменительные практики противодействия экстремизму на пространстве ОБСЕ (В.В. Энгель)	73
Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов (С. Этран, США, пер. с англ.)	101
Риски радикальных настроений в молодежной среде (О.В. Кульбачевская).....	154
Анализ сходства и различий радикализма и экстремизма в регионах России (Н.С. Захарова, И.С. Савин, А.Н. Старостин)...	201

Часть 2.

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Русский марш – ксенофобский лик «народного праздника» (В.А. Шнирельман)	248
Память о Кавказской войне в процессах радикализации черкесов в Кабардино-Балкарии (В.А. Танайлова)	270
«Движение АУЕ»: чего нужно опасаться? (Д.В. Громов)	293
Вызовы религиозного и этнического экстремизма среди населения Северного Кавказа (И.Л. Бабич).....	316
Скулшутинг: основные понятия и некоторые заблуждения (Д.В. Громов).....	354
Экстремизм среди северокавказских эмигрантов в современной Европе (И.Л. Бабич)	371
Об авторах.....	382

Вместо введения

РАДИКАЛИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИРОДА, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В.А. Тишков

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/1>

Сначала лучше разобраться в самом понятии *экстремизма* в любых его формах, ибо он связан с другим близким понятием *радикализма*. Мы используем этот термин главным образом в его политических смыслах как приверженность крайним взглядам или действиям. Если определять крайнюю форму как экстремистское насилие – это взгляды и действия людей, которые поддерживают или используют физическое и моральное насилие для достижения идеологических, религиозных или политических целей. Данное понятие включает феномен *терроризма* и все другие формы политически мотивированного индивидуального или коллективного насилия.

Научные исследования радикализма отличаются широким спектром определений. Чаще это понятие используется для обозначения политических идей и действий, нацеленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов. Наиболее общие положения дефиниций «радикализма» в научной среде отражены в следующем определении: «Радикализм (от латинского *radix* – корень) – это приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией¹. Радикальные настроения идут вразрез со взглядами и ценностями, разделяемыми большинством, хотя сами эти взгляды и ценности подвержены историческим изменениям и обусловлены во многом культурой, традицией и правовой нормой того или иного общества.

¹ «Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию»: методическое пособие / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ»». СПб., 2016. С. 19.

Несмотря на тенденцию последних лет употреблять термины «радикализм» и «экстремизм» как синонимы², очевидно, что радикализм – это в первую очередь идеи и умонастроения, которые могут распространяться на все сферы человеческого существования: на политическую, социальную сферы, религию, культуру, межнациональные отношения, экономику. Радикализм не всегда приводит к действиям, насилие не является его специфическим признаком. Однако радикальные настроения подготавливают почву для агрессивного поведения, противоправных и насильственных действий. Идеологический радикализм может перерасти в экстремизм. Действия насильственного характера большинство отечественных и зарубежных исследователей связывают с экстремизмом. Экстремизм можно определить как крайнюю форму проявления радикализма, которая характеризуется именно насильственными противоправными действиями. Следует иметь в виду, что одним из проявлений радикализма можно также считать реформизм, который также направлен на коренные перемены в идеологических целях, но, как правило, действует в рамках существующего строя, когда разрешение противоречий и интересов осуществляется чаще всего с использованием ресурсов власти и на правовой основе³.

Радикализм может иметь самые разные направленности и обретать разные формы: консервативные, националистические, религиозные, культурные. В политике обычно различают правый, левый и анархистский, а также революционный и реформаторский виды радикализма. Существует классификация радикализма по признаку сферы проявления: политический, социальный, этнический (националистический), религиозный. В качестве специфической формы радикализма выделяется молодежный экстремизм.

В переломные исторические периоды, когда трансформируются идеалы и ценностные установки общества, радикальные настроения усиливаются, а потому им необходимо уделять особенно пристальное внимание. В одной из своих первых работ по этой теме я писал следующее: «Экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых

² *Сергеев С.А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // *Конфликтология*. СПб., 2011. № 3. С. 2.

³ *Радикализм: теория и практика: учебное пособие для магистратуры / И. Н. Лопушанский.* 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 15–16.

6 | Теории и практики радикализма и экстремизма

институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Некоторые формы экстремизма имеют исторические корни, что, разумеется, никак не служит его оправданию. Экстремизм имеет внешние ресурсы и может быть формой внешних воздействий и вмешательства. Экстремизм характерен для слабо модернизированных обществ, но от него не застрахованы и благополучные страны с демократической формой правления. Достаточно сказать, что в США действуют около 500 экстремистских групп, главным образом неонацистского, антисемитского и сепаратистского характера... Экстремистские молодежные организации, в основном антииммигрантского и неонацистского толка (так называемые *скинхеды* – бритоголовые) действуют в европейских странах, в том числе в сытой Скандинавии. Ультраправые партии и организации, действующие на грани нарушения закона и норм общественной морали, имеются почти во всех странах, где есть хоть минимальная свобода общественных организаций. Таковых, пожалуй, нет только в странах с диктаторскими и авторитарными режимами, но там право на экстремизм узурпировано самим режимом, как это было и в Советском Союзе. В России современные формы антисистемного экстремизма появились с утверждением основ демократического правления, и это в какой-то мере тоже результат демократии. Толерантность демократии допускает проявления нетолерантности, но только до тех пор, пока последняя не угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан»⁴.

Тогда, в конце 1990-х гг. мною были предложены несколько стратегий борьбы против экстремизма, среди которых: политика отказа в публицити, просвещение граждан по части культурного многообразия, истории геноцидов и других преступлений, порожденных экстремизмом. Кроме этого, трактовки истории не должны позволять превращать прошлые коллективные травмы в объекты сакрального значения и питать идеи реванша и «исправления прошлого» за счет новых несправедливостей. Одной из стратегий предлагалось уходить от стигматизации и экзотизации этнических сообществ и от придания этничности фундаментального характера, чреватых разобщением граждан одной страны. Наконец, предлагалось наладить научный и общественный мониторинг экстремизма, его профилактики и нейтрализации на массовом, низовом уровне, а также инкорпорацию (включение) внесистемных радикалов-экстремистов в более цивилизованную среду, а их лидеров – в истеблишмент. Но самым важным должна была быть стратегия государственного воздействия, в том числе и правового преследования экстре-

⁴ Валерий Тишков. Стратегии противодействия экстремизму // Независимая газета. 1999. 18 марта (№ 48), С. 8.

мизма, который должен наказываться по закону. Мое итоговое заключение было следующим: «Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества. Но и общественности пора прекратить беспомощное нытье. Все это заканчивается постыдными для страны и нами же спровоцированными резолюциями международных организаций и иностранных парламентов, нацеленными на то, чтобы унизить и наказать Россию»⁵.

С тех пор прошла почти четверть века, и очень многое изменилось в России и в мире, в том числе и с научным познанием данной стороны жизни современного человечества. В какой-то мере террористический акт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и теракты на Дубровке в Москве в 2002 г. и в осетинском Беслане 2004 г. вызвали мощные ответы на уровне государств, а также со стороны академических сообществ. Именно тогда началось международное научное сотрудничество по проблемам экстремизма и терроризма между Российской академией наук и Академией наук США, хотя первые проекты и семинары по мониторингу и разрешению конфликтов с участием зарубежных специалистов организовывались нами, начиная еще с 1995 года, когда была создана Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN).

В феврале 2000 г. Российская академия наук (РАН) предложила Национальной Академии наук США (НАН) реализовать совместный проект по проблемам конфликтов в полиэтничных обществах. Среди российских ученых была потребность более фундаментально осмыслить произошедшие с конца 1980-х гг. этнополитические конфликты на территории бывшего СССР, включая два раунда вооруженного и разрушительного конфликта в Чечне. Привлечение мирового опыта и зарубежных специалистов по другим регионам мира здесь могло дать много полезного для урегулирования и предотвращения подобных коллизий на территории как постсоветских государств, так и во всем мире. Академический совет НАН одобрил российское предложение, и были сформированы две руководящих комиссии: от РАН за общую координацию отвечал вице-президент РАН В.Н. Кудрявцев, который руководил созданной при Президиуме РАН научной комиссией по изучению и противодействию терроризму⁶.

Проект начался за полтора года до событий 11 сентября в Нью-Йорке, и, по признанию самих американских коллег, они «первоначально не рассматривали насилие и вооруженные действия в Чечне и в других

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: Борьба с терроризмом. Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 2004.

8 | Теории и практики радикализма и экстремизма

этнических анклавов России как проявления терроризма или как реакцию на него, несмотря на то, что российские власти именно так характеризовали ситуацию в Чечне»⁷. Однако своего рода прозрение пришло со временем в ходе совместных обсуждений и обмена информацией. Тем не менее, на протяжении всей начальной стадии сотрудничества и даже после этого американские коллеги ставили во главу угла своей повестки обсуждения преимущественно российских проблем и под явным прицелом изменения ситуации в России по линии «дальнейшего утверждения демократии» и «досооопределения меньшинств» и тех самых «этнических анклавов», которые, по их мнению, не успели самоопределиться в момент распада СССР на 15 государств. Второй неявной установкой американцев было нежелание обсуждать с кем-либо свои домашние проблемы, несмотря на многочисленные свидетельства проявлений экстремизма и терроризма в этой стране.

При всем при этом академические знания и практический опыт зарубежных коллег не мог не быть полезен, учитывая, что наша страна сравнительно недавно столкнулась с подобными вызовами, а научный задел был более чем скромным. Нельзя не отметить с удовлетворением, что с американской стороны в проекте участвовали выдающиеся ученые с мировыми именами, такие, как Джон Адамс, Чарлз Тилли, Джон Комарофф, Анатолий Хазанов, Стасис Қаливас, Стэнли Тэмбайя, Марк Бэйсингер, Тони Бринга, Пол Стерн, Йошика Херрера. В те годы, как мне представляется, их интерес к России и желание содействовать решению наших проблем были вполне искренними и без откровенной политизации, если не считать выше отмеченные одержимость «распространять демократию» и изоляционистское высокомерие по части дел в собственном доме. В любом случае, эта ситуация по части климата и содержания двустороннего сотрудничества радикально отличалась от того, что пришло в наши отношения 20 лет спустя, когда на смену американским академикам общественную и академическую трибуну заняли политизированные фрики типа Тимоти Снайдера и Энн Аппельбаум.

В рамках данного проекта прошли два масштабных симпозиума в декабре 2000 г. в Москве и в декабре 2001 г. в Вашингтоне. Их материалы были позднее изданы в США с докладами американских и российских ученых. С российской стороны также было вполне авторитетное представительство: В.В. Наумкин, Л.М. Дробижева, В.В. Амелин, Дж. Гакаев, Л. Гатагова, В.М. Бочаров, А. Шубин, Э.А. Паин, А. Каменский, Л.А. Хоперская, А. Гудков, Э. Панарин, В. Мирзеханов. К обсуждениям пригла-

⁷ Conflict and Reconstruction in Multiethnic Societies. Proceedings of a Russian-American Workshop. The National Academies press. Washington, D.C. 2003. P. vii.

шались представители органов власти, специалисты и общественные активисты из регионов России. Несколько встреч и обсуждений прошли непосредственно в двух наиболее полиэтничных регионах России с выработкой практических рекомендаций и платформ для обеспечения межэтнического и конфессионального согласия, предотвращения и урегулирования конфликтов. В октябре 2000 г. консультативная встреча прошла в Ростове-на-Дону, а в ноябре 2000 г. в Москве научно-практическая конференция по теме постконфликтной реконструкции в Чеченской республике. На обеих встречах основными участниками были ученые из регионов Северного Кавказа и юга России. Семинар в ноябре 2001 г. в Нижнем Новгороде прошел с участием аппарата Полпреда в ПФО и ученых из Татарстана и других республик Поволжья.

Фактически все программные документы и рекомендации готовились российской стороной под моим руководством, американские коллеги участвовали скорее как наблюдатели. Этот опыт привлечения региональных научных и практических работников, в том числе высокопоставленных государственных служащих, к научным обсуждениям в целом оказался полезным. Интересно, что в момент проведения симпозиума в Вашингтоне в 2001 г. его участник В.Ю. Зорин был назначен министром Российской Федерации по делам национальностей, а в январе 2002 г. в рамках проекта Полномочный представитель Президента РФ в Поволжском федеральном округе С.В. Кириенко выступил с лекцией по проблемам этноконфессиональных отношений перед учеными и госслужащими в Национальной академии наук США в Вашингтоне. Тогда же началось обсуждение следующей фазы сотрудничества, фокус которой сместился с темы этнических конфликтов на проблемы противодействия терроризму в его самых разных сферах: от атомной и биологической до социально-культурной и информационной.

Какие из тогдашних научных наработок сохраняют свою значимость и поныне в ситуации, когда, казалось бы, время обычных этнополитических конфликтов почти закончилось? Во-первых, именно «почти», ибо конфликты на основе культурных (этнических и религиозных) различий никуда особо не подевались. В лучшем случае они в гораздо большей степени поставлены под контроль государственной силы, международных соглашений и миротворческих сил. Или они погрузились в некоторое замороженное состояние в готовности пережить пробуждение, как только созревают условия для так называемого очередного цикла насилия (вырастает новое поколение бойцов, не переживавших прошлые конфликты, или наступает момент накопления нового арсенала для военных действия или внешние акторы включают команды для запуска нового

обострения). Следует помнить, что с интервалом в 20 лет (1990 и 2010 гг.) повторился конфликт в Киргизии между киргизами и узбеками в регионе Ошской долины. С интервалом в 30 лет повторился конфликт в Нагорном Карабахе между армянами и азербайджанцами. Нет гарантии рецидива и с другими полностью неразрешенными конфликтами. Так что старые наработки что делать если назревает или случился такой конфликт в открытой (насильственной) форме сохраняют свое значение. Записанные в учебные пособия рекомендации или документы типа «Меморандума Кона» остаются в арсенале научного мониторинга и политического менеджмента.

Еще более значимы тогдашние наработки по части так называемой постконфликтной реконструкции. Выработанные тогда «пути мира» и другие варианты восстановления «разорванных войной обществ» (war-torn society) вместе с усилиями государственных служб и общественных активистов дали свои результаты. Пусть не везде, но в Чеченской республике результат постконфликтной реконструкции был более чем впечатляющий. К сожалению, так и не оцененный должным образом внешним миром и недостаточно изученный специалистами по конфликтам. В феврале 2000 г. состоялась встреча в Президиуме РАН президента В.В. Путина с группой ученых, занимающихся Кавказом и конфликтами. Как сообщил мне тогдашний президент РАН Ю.С. Осипов, просьба об этой встрече последовала после того, как РАН направила В.В. Путину аналитический доклад с анализом ситуации на Северном Кавказе с приложением 99 рекомендаций¹. С Президентом на встречу приехали также министр обороны страны И.Н. Родионов, министр по делам национальностей А.В. Блохин, секретарь Совета безопасности Н.П. Патрушев, представитель МИДа, а от РАН были В.Н. Кудрявцев, востоковед Г.А. Бондаревский, историк А.О. Чубарьян и мои коллеги-этнологи С.А. Арутюнов и Л.М. Дробижева. Почти 2-часовая встреча проходила в кабинете Президента РАН и, как я понимаю, никакой ее записи не было, кроме коллективной фотографии с участием всех вице-президентов РАН после встречи. Однако это был единственный в истории академии случай посещения ее штаб-квартиры главой нашего государства!

Из сказанного мною в разговоре с Президентом отметим наиболее важное для тогдашнего момента, когда ситуация в Чечне после разгрома басаевского вторжения в Дагестан оставалась все еще крайне напряженной: как закончить военные действия, как сформировать власть и на кого положиться, что и как восстанавливать, как обходиться с внешними воз-

¹ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. Отв. ред. В.А. Тишков, М., 1999.

действиями и много других сюжетов, в том числе и по региону в целом? Наши рекомендации были: найти среди чеченцев лояльных и влиятельных лидеров и многое доверить им, включая возможность получения оружия и главенство в налаживании и управлении мирной жизнью; изменить отношение в стране, а в армейской среде особо, к чеченскому народу: если Чечня – это часть России, то чеченцы – это часть российского народа; обязательное восстановление Грозного (тогда были варианты строительства города на новом месте) и других разрушений общими усилиями, но с участием местного населения, чтобы не оставлять визуальную память о войне; отсечение старой черкесской и новой чеченской эмиграции от внутренних дел по восстановлению республики; восстановление культуры и науки, школьного и вузовского образования в полном объеме. Что-то из всего этого явно было учтено теми, кто обеспечивал восстановление мирной жизни, но главным ресурсом здесь оказались само чеченское общество и его новые лидеры.

Как мне рассказывали очевидцы, каждую субботу и воскресенье из разных районов республики в Грозный приезжало до 100 тысяч добровольцев расчищать руины и восстанавливать основы жизни. Федеральные финансы и турецкие строительные фирмы сыграли важную роль, но все основные работы сделали сами чеченцы, как бы психологические перечеркнув прошлое, отринув совсем недавнюю трагедию войны и память о потерях, и сформировав желаемый ими образ новой жизни в составе Российской Федерации при сохранении основ традиционной культуры и религиозной жизни. Как бы скептически и даже отрицательно не относились некоторые внешние обозреватели и эксперты к феномену восстановления жизни после конфликта в Чечне, этот опыт безусловно позитивный и явно выигрышный на фоне десятилетий стагнаций конфликтных зон в других регионах бывшего СССР и мира в целом.

Надо отметить, что основной итог тогдашнего этапа изучения проблемы конфликтов, насилия и терроризма заключался в самом определении центральной сущности явления как «идентификационный конфликт» (*identity conflict*), т.е. конфликт по поводу самосознания, идей и ценностей, исторических травм и переживаний и т.д. Это не конфликты вокруг территорий, ресурсов, власти и управления, а тем более – биологической групповой ненависти и несовместимости. Этот базовый научный подход было важно утвердить, ибо примордиальная трактовка феномена этничности среди части отечественных и зарубежных политиков и экспертов диктовала объяснения в пользу «глубоко-укорененных конфликтов» (*deep-rooted conflicts*), «национально-освободительного движения» «пробуждения угнетенных наций» (*nations speaks out*), которые са-

мой волею исторического процесса призваны обрести свою государственность на собственной «этнической территории» (national self-determination). На этой позиции с момента горбачевской перестройки тогда стояли многие коллеги-ученые и радикально-демократический спектр политического истеблишмента страны².

Во многом благодаря взглядам именно таких известных американских ученых, как Чарлз Тилли, Джон Комарофф и других, в материалах наших обсуждений стал постепенно утверждаться более современный и более чувствительный взгляд на изучаемых феномен конфликта и экстремистского насилия. Во вводной части публикации НАН по итогам первого этапа сотрудничества всемирно известный антрополог и социолог, ныне покойный академик Чарлз Тилли определил исследовательские приоритеты в изучении конфликта в полиэтничных странах следующим образом. Отмечая, что этнически мотивированные конфликты распространились по всему миру после второй мировой войны и особенно с конца 1980-х гг. в СССР и странах, образовавшихся после его распада. В них обычно конфликтующая сторона претендует выступать от имени и в защиту конкретных и аутентичных наций. По поводу интерпретаций причин таких конфликтов, явных и скрытых мотивов и форм действий, мер разрешения и прочих вопросов среди специалистов имеются разные точки зрения, но тем не менее возможен некоторый консенсус прежде всего среди самих академических специалистов, по крайней мере в поиске ответов на некоторые сложные вопросы. Ученые здесь, по мнению Тилли, играют четыре разные, зачастую противоречивые, роли: «ищут наиболее адекватные объяснения и наиболее эффективные формы воздействия; осуществляют связь с студентами, интеллектуалами и общественностью по этим вопросам; выступают советниками и критиками правительств и других институтов, которые заняты разрешением конфликтов; выступают советниками участников конфликтов и адвокатами их целей»³.

В качестве рекомендаций в адрес исследователей Ч. Тилли на основе обобщения обсуждения участников проекта предложил следующее:

² См. главу: Поздний СССР и советская этнография. Антропологический анализ в контексте личного опыта В.А. Тишкова // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / отв. ред. М.Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2022. С. 521–555. Критику западных подходов см.: Valery Tishkov. Ethnic Conflicts in the former USSR: The Use and Misuse of Typologies and Data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. N 5. P. 571–591.

³ Charles Tilly. Priorities for Research on Conflict in Multiethnic Countries // Conflict and Reconstruction..., P. 2.

1. Изучение социальных процессов, которые способствуют мобилизации, демобилизации и разделению людских сообществ по этническим линиям вместо других разделяющих факторов, таких как экономика, локальность, возраст. Эта тема включает изучение как сами группы и конфликты образуются и обозначаются и как этнические конфликты обретают отличие от тех, где участники определяют себя и группируются по религиозным, политическим, расовым, региональным или каким-либо другим разделительным линиям.

2. Изучение социальных процессов, которые трансформируют этнический конфликт (который обычно происходит в ненасильственных формах) в насильственные формы борьбы, включая условия, процессы и вмешательства, которые обеспечивают ненасильственное разрешение конфликта.

3. Изучение того, как политические активисты (такие, как этнические лидеры), спецы по насилию (такие, как руководители парамилитарных ополчений) и дилеры-контрабандисты (такие, как торговцы наркотиками) способствуют или препятствуют трансформации между насильственными и ненасильственными формами борьбы.

4. Изучение связи между формами правления и составом населения в части провоцирования или препятствия обострению конфликтов от имени этнических групп, как и почему такое происходит.

5. Создание полного и сравнительного свода данных по конфликтным событиям на всей территории бывшего СССР во время и после его распада. Далее следовали рекомендации по сравнительному изучению конфликтов, опыту разрешения, правовым и силовым методам разрешения и т.д.⁴

Из других работ того периода следует отметить обсуждение и рекомендации по части анализа феномена коллективного насилия. По этой теме интерес представляют, помимо российских, оценки и предложения, которые были обобщены двумя известными специалистами в этой области – Марком Бэйсингером⁵ и Стасисом Каливасом⁶. Они отметили, что долгое время изучение феномена коллективного насилия слабо связывалось с этнически мотивированными конфликтами, теории насилия были сами по себе, а насилие в этнических конфликтах плоско рассматривалось как результат исключительно эмоциональной приверженности

⁴ Ibid. P. 1–5.

⁵ См. его книгу: Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge, 2002.

⁶ См. его книгу в переводе на русский язык: Каливас С. *Логика насилия в гражданской войне*. М., 2019.

своей идентичности членов этнической группы. Другие факторы, как-то личностное соперничество, месть и реванш, борьба за власть, материальный интерес, кланово-семейные обязанности рассматривались явно недостаточно. Среди новых обсуждаемых идей того времени отметим следующие: каковы внутригрупповые механизмы сохранения мира и предотвращения насилия и каким образом то или иное сообщество контролирует радикалов и т.н. спойлеров, призывающих к крайним действиям и готовых участвовать в насилии; как фабрикуются и распространяются призывы к насилию, в какие формы облекаются и какие аргументы используются; какова роль членов семьи, женщин, родственников в мобилизации и в исполнении актов насилия и другие. Уже на тогдашних материалах ученые отметили важность трансграничного характера коллективного насилия в этнических конфликтах, а именно – особую роль диаспоральных сообществ, а также международных организаций и сетей, специализирующихся на парамилитарной деятельности и на наемничестве так называемых «профессионалов насилия».

Наконец, в рамках проекта было обращено особое внимание на ритуализацию межэтнического насилия, когда граница между так называемым экспрессивным и инструментальным насилием трудно различима. Как пишут Бэйсингер и Каливас, антропологи и историки различают дискурсивную, символическую и ритуальную природу насилия, но можно также выделить и проводить различие между инструментальным и экспрессивным насилием. Экспрессивное насилие не преследует никакой другой цели, кроме как удовлетворение эмоций, которые стоят за этим актом, но экспрессивное насилие часто используется как средство в насилии на основе идентичности и идеологии, т.е. которое направлено против личностей на основе их принадлежности, а не на основе совершенного или планируемого ими действия. В таком случае экспрессивная форма заключает в себе и инструментальное (т.е. с определенной и осознанной целью) насилие.

В таком случае идейное насилие (*sectarian violence*) почти всегда имеет также и инструментальную форму, т.е. направлено на достижение определенной цели или решение определенной задачи, помимо своего сугубо эмоционально-психического содержания. «Поэтому, тот факт, что насилие обретает некую ритуальную форму, не означает, что оно по своей сути является экспрессивным. Нет сомнения, что индивидуальная мотивация участников актов насилия может иметь экспрессивную природу... Тем не менее, трудно и даже невозможно установить на приемлемом уровне достоверности личностные мотивы, стоящие за насильственными действиями. Выводить мотивы насилия только из поведенческих факторов грозит методологическим тушиком. Сами мотивы обычно подверже-

ны (стратегическим или внешним) интерпретациям или постфактическим рационализациям самого субъекта насилия и по этой причине они могут быть очень подвижными и иметь смешанную природу... Акты насилия могут исполняться в символических формах, но оставаться по сути инструментальными. В целом, довольно проблематично объяснять социальные явления отсылкой к их проявлениям в состоянии индивидуального сознания, а не к самим социальным факторам, которые могут быть в его основе»⁷.

Рассмотренный нами этап в изучении проблем конфликтов и коллективного/этнического/экстремистского насилия, а также роль российско-американского проекта научного сотрудничества по данной теме двух академий можно оценить вполне положительно. Нынешние попытки в доморощенном варианте «культуры отмены» отвергнуть сделанное в данной области не могут быть приняты. Российские ученые с должной ответственностью контролировали ход сотрудничества в части изучения домашней ситуации и вполне результативно использовали теоретические и практические наработки своих зарубежных коллег. Неслучайно, труды многих участников проекта с американской стороны со временем были переведены на русский язык и пользуются спросом среди политологов, историков, антропологов и этнологов. Безусловно, среди зарубежного экспертного сообщества и общественных активистов, особенно поборников прав человека и меньшинств, было много тех, кто стоял открыто на стороне разного рода экстремистов, сепаратистов и даже террористов, действовавших на территории России, особенно в Чечне. Однако первенство здесь я бы отдал представителям таких стран, как Франция, Великобритания, Швеция, куда, кстати, выехало больше всего тех, кто потерпел поражение в чеченском конфликте. Американцы, особенно после 11 сентября 2001 г., вели себя более ответственно, по крайней мере, так можно сказать о представителях Национальной академии наук США.

В нашей вводной главе я не касаюсь подробно большого объема научных работ, которые были написаны российскими учеными в годы, когда страна переживала трудное время преодоления инерции распада, «парада суверенитетов», «национальных движений», «религиозного возрождения» и т.п. Именно эти работы и ориентированные на политику выводы и рекомендации способствовали выработке более адекватных стратегий государственной национальной политики (Концепция 1996 г. и два варианта Стратегии государственной национальной политики 2012 и

⁷ Beissinger M., Kalyvas S. Priority Themes for Research on Collective Violence // Conflict and Reconstruction... P. 46–47.

2018 г.), обеспечению межнационального согласия и формированию российской идентичности.

Следующим этапом в изучении темы экстремизма и терроризма в плане международного научного сотрудничества стала совместная программа двух академий России и США выстроить кооперацию по разным дисциплинарным линиям, а не только в части социально-гуманитарных наук. С российской стороны программу координировал вице-президент РАН, ныне покойный академик Н.А. Плате и к работе подключились специалисты в области ядерной безопасности, химико-биологических проблем, информационно-коммуникационной и других сферах. По социально-гуманитарным дисциплинам сохранилась та же самая команда, но с добавлением специалистов по психологии, религии, миграциям. Также после серии терактов во Франции к программе подключилась Французская академия наук и один из симпозиумов прошел в 2017 г. в Париже на трехсторонней основе. Затем к программе были привлечены несколько специалистов из арабских стран, и один из симпозиумов прошел в 2019 г. в Абу-Даби. Всего в 2016–2019 гг. в рамках программы состоялись пять симпозиумов по теме экстремизма и терроризма. Выделим две темы, которые наиболее высветились в новых исследовательских проектах. Одна из них была достаточно необычной: сами американцы раскрыли для международной аудитории тему ультраправого экстремизма, который давно существует в США и является там основным источником террористических актов и насилия, включая и такое драматическое явление, как *скулл-шутинг* (school shooting) или «Колумбайн» по названию одного из масштабных школьных расстрелов, совершенных радикально настроенным молодым человеком. Эта тема представляет интерес и для российской аудитории, ибо уже имели место схожие случаи и в российских учебных заведениях.

В последние годы в США имеет место явный подъем ультраправого экстремизма, причем сугубо домашнего происхождения. Его некоторые проявления направлены против правительства в насильственной форме. В отличие от транснационального терроризма религиозного происхождения эта форма насилия не становится предметом международного научного сотрудничества по причине нежелания американцев обсуждать в кем-либо собственные проблемы. Однако некоторые вопросы изучения процессов радикализации представляют совместный интерес. Эта форма насилия и экстремизма имеет свои корни преимущественно в нэтивистских и этнонационалистических идеологиях. По крайней мере, такова ситуация в последние пару десятилетий. Ультраправый терроризм имеет свою отличительность, но проявляется как в США, так и в России. Есть

также риск, что эта форма радикализации может быть использована как одно из средств в межгосударственном соперничестве.

Невиданная скорость процессов радикализации последнего времени связывается также с информационными технологиями. Все больше приходит осознание, что Интернет – это не столько про более богатый диалог и людское взаимодействие, сколько про другое. Это другое Джеймс Халверсон определяет так: «социальные параметры Интернета, получившего всеобщее обозначение как «социальная сеть», заключают в себе распределенное средство связи, которое преимущественно продвигает и утверждает ту или иную декларацию (месседж)»⁸.

Хотя данный медиум заключает в себе много позитивных моментов, в реальности в нем заключены моменты, побуждающие и поддерживающие социальную разобщенность, своего рода социальный трайбализм. Ибо в социальной среде, где каждый индивид представляет собой транслятора собственного мнения и позиции, в такой среде диалог почти невозможен. Вместо этого преобладает соперничество за обладание вниманием и продвижение собственной новости или оценки. При этом могут приводиться в подтверждение разные высказывания, заявления, мнения как доказательства беспристрастности, объективности и даже научности. Так, например, американский антрополог Нэнси Рис на моей личной странице в фэйсбуке в защиту собственных позиций как сугубо научных приводит как приложение (или как ссылку) доклады разных западных комиссий о преследованиях и даже «казнях крымских татар в Крыму» после перехода территории под контроль России. Ни у профессора Рис, ни у других «ленточных друзей» нет особого желания и времени проверять все эти ссылки или выяснять противоположную позицию. Здесь главное сформулировать и донести крайне сенсационный, вызывающий реакцию, и представляющий новость или высказывание как чрезвычайные и по этой причине привлекающие более легко к себе внимание. Тот факт, что никакого химического оружия против детей в сирийском Алеппо и никакой бомбежки женщин-рожениц в донбасском роддоме на самом деле не было, а разбросанные на дороге трупы убитых людей в украинской Буче так и остались неопознанными и без международного расследования. На мой взгляд, здесь мы имеем дело с своего рода академической формой экстремизма под лозунгом защиты людей от вооруженного насилия в ходе открытого конфликта.

⁸ James Halverson. *Far-Right Domestic Extremism // Roots and Trajectories of Violent Extremism and Terrorism. A Cooperative Program of the U.S. National Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences (1995–2020). By Glenn Schweitzer. Washington, DC: The National Academies Press. 2022. P. 136.*

Что касается насилия и терроризма как послания, то здесь экстрим нормализован, как и призыв к безудержной эскалации. Скрытый в платформах социальных медиа механизм сконструирован так, что настраивает их пользователя на предпочтение использования один раз подсказанного, случайно избранного или навязанного целенаправленного контента, своего рода моноконтента. Эффект от этого – вовлечение пользователя в идеологически гомогенные орбиты мышления и действия, которые уходят далеко от мейнстрима общественного дискурса. При этом такой дрейф остается зачастую незамеченным со стороны вовлеченных или посвященных. В итоге на этих же платформах формируются сообщества, которые самовоспроизводят свои идеологемы и правила и разными методами держат в своей зависимости участников. Индивиды, которые уже находятся в состоянии риска радикализации по причине экономической или социальной депривации, оказываются наиболее подверженными вовлечению в сетевые радикально-террористические сообщества.

Одним из важных направлений современных исследований можно назвать социально-психологический подход, одним из лидеров которого является профессор Мичиганского и Оксфордского университетов Скот Этран. Как участник российско-американских семинаров он представил следующее резюме своих выводов по теме психологии транснационального терроризма и экстремистских политических конфликтов⁹.

1. Цель транснационального терроризма заключается в разрушении и последующей смене политического порядка людьми, вовлеченными в конфликтующие социополитические лагеря, в которых нет места для невинных людей.

2. Безотносительно к своей возможности наносить физический урон, терроризм особо отличается сильным психологическим, социальным и политическим воздействиями на состояние общества и политику.

3. Экстремистские формы терроризма и другие глубоко мотивированные революционные и радикальные формы насилия совершаются убежденными акторами, отстаивающими или продвигающими не подлежащие компромиссу священные ценности вместо рационально действующих акторов, которые соотносят материальные цену и затраты с приобретениями от достижения своих целей.

4. Полевые исследования действующих комбатантов в сочетании с исследованиями поведения и мозговой деятельности радикально настроенных

⁹ Atran S. Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict // Roots and Trajectories of Violent Extremism and Terrorism. A Cooperative Program of the U.S. National Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences (1950–2020). The National Academy Press. Washington, DC. 2022. P. 139–140.

людей показывают, что люди проявляют больше готовности сражаться и умирать за священные ценности, чем за обычные мирские ценности.

5. При некоторых экстремальных обстоятельствах преданность делу священных ценностей может перевешивать преданность какой-либо группе, включая семью и близких друзей.

6. Предотвращение экстремистского насилия и разрешение, казалось бы, неразрешимых конфликтов может требовать обращения к священным ценностям альтернативного порядка вместо игнорирования или разоблачения противостоящих ценностей, что также требует (особенно в случае с молодежью) прямого вовлечения в социальные связи, которые позволяют реализовать эти альтернативные ценности.

7. Сегодняшние социальные медиа больше вдохновляют, чем отвергают радикализацию и экстремистскую поляризацию по причине особых психологических и организационных возможностей интернет-платформ и сетевых каналов.

8. Возрастающая социополитическая поляризация вокруг ценностей в открытых обществах создает экзистенциальный вызов: препятствуя совещательному характеру принятия решений и блокируя демократический консенсус, эти поляризации углубляют существующие общественные уязвимости и увеличивают шансы дальнейшей деградации общества от угрозы и проявлений терроризма.

Что предлагает американский коллега для перспективной научной повестки в поиске ответа на вопрос: поскольку социальная маргинализация отдельных людей и политическая поляризация групп способствуют сакрализации не священных ценностей и готовности приносить за них жертвы, тогда какие скрытые когнитивные и нейробиологические процессы сопровождают все эти процессы? «Мы знаем мало о когнитивных процессах, посредством которых мирские, земные ценности сакрализуются или десакрализуются (например, белый супремасизм был священной ценностью для американского и европейского мейнстрима в начале XX века, но сейчас он в основном распространен только на периферии общества), или каким образом эти процессы могут быть замедлены или укорены по имя разрешения конфликта»¹⁰, – пишет С. Этран. По его мнению, критически важной для либеральных демократий является психологическая проблема каким образом сохранять социальные связи семьи, комьюнити и межпоколенческую преемственность в ситуации конфликта и подрывных ситуаций в обществе, способствуя самостоятельному принятию решений человеком на основе аналитического принципа

¹⁰ Idid., P. 140.

cost-benefit, т.е. соотношения цены поступка и его ожидаемым результатом. К этой же повестке относится вопрос об анализе медиа: как можно задействовать медиа по части уважения разных мнений, достижения согласия и способности находить решение конфликтов. «В психологии убеждения и того, как идеи становятся токсичными в эру так называемых фэйк-ньюс, важно установить какие факторы препятствуют обращению к разумности, очевидным свидетельствам правды и, наоборот, какие способствуют утверждению психосоциальных предрассудков, которые ведут к экстремистскому насилию¹¹. Публикуемая в сборнике статья этого автора развивает многие из этих положений.

Еще одни важные сведения по теме международного терроризма изложил известный американский ученый Гэри Лаффри, который, как и другие эксперты, отмечает волнообразный характер этого явления. На основе созданной при Мэрилендском университете банка данных о террористических атаках по всему миру можно установить, что начавшаяся после 11 сентября волна международного террора показала рост числа терактов между 2002 и 2019 г. в 12 раз (с 1333 до 16903 терактов), а число жертв выросло в 8 раз (с 4805 до 44490). Особо пострадали от террора Ирак и Афганистан на среднем Востоке, Индия и Пакистан в южной Азии, Нигерия в тропической Африке. После 2014 г. картина существенно изменилась. К 2020 г. число терактов и их жертв сократилось более чем вдвое, хотя масштабы этого явления остаются внушительными и захватывают территории около ста стран¹².

С 2020 г. пандемия коронавируса внесла свои коррективы в глобальную ситуацию. Как считает Г. Лаффри, есть основания считать, что пандемия увеличивает риски и реальные проявления терроризма, ибо появляются острые социально-экономические ситуации, гораздо больше людей переживают стрессы и недовольство, что может подстегивать радикализацию и проявления насилия. Но с другой стороны, пандемия может ограничить возможности для террористической деятельности, как она ограничивает все другие формы человеческой деятельности. Судя по всему, динамика международного терроризма переживает в последние годы некое плато: теракты в 2019 г. произошли в 57 странах, но особая активность была в африканских странах Нигерии, Камеруне и Чаде. С 2020 г. активизировались ультраправые в Австралии, Северной Америке и в Западной Европе. В связи с военной операцией на территории Украины частью этой вооруженной борьбы стали также террористические акты,

¹¹ Ibid., P. 140–141.

¹² Gary LaFree. Recent Trends and Future Concerns in Worldwide Terrorism // Roots and Trajectories..., P. 143–145.

наиболее масштабными из которых был взрыв газопровода «Северный поток» в сентябре 2022 г. и Крымского моста 8 октября 2022 года. Многочисленные попытки терактов с украинской стороны были предотвращены российскими спецслужбами. Какова судьба терроризма в современной крайне обостренной международной ситуацией – сказать довольно трудно, ибо совершение терактов становится частью того, что до сих пор считалось регулярными военными действиями, на которые распространялись некоторые международные правовые нормы ведения войны. Причастность государств с их огромными возможностями использовать самые разные типы оружия, а также по части индоктринации населения с целями вовлечения в террористические акты или военные операции террористического типа еще более обостряют ситуацию.

В настоящий момент можно сказать, что общая ситуация в России и в мире отличается исключительной напряженностью и неопределенностью. С одной стороны, в России имеет место высокая степень социально-политической и ценностной мобилизации населения в пользу проводимого государственной властью курса, включая СВО на Украине. В чрезвычайных условиях имеет место гораздо большая степень дисциплинирования населения по части поведения, включая сферу социальных сетей и общественный активизм. В ситуации чрезвычайной мобилизованности находятся и все государственные службы, ответственные за безопасность граждан, общества и страны в целом. Все это ограничивает возможности радикализации населения и его вовлечения в экстремистское насилие. С другой стороны, наша страна уже прожила несколько десятилетий в состоянии открытого общества и демократического государственного порядка. Российское население, особенно молодое поколение, освоило нормы и возможности виртуальных коммуникаций и свободных перемещений. Только за последние несколько лет наша страна, помимо обычных трудовых мигрантов, приняла несколько миллионов новых жителей, в том числе вынужденных переселенцев и беженцев. Сам конфликт между двумя чрезвычайно культурно близкими народами включает в себе особо драматический, а для очень многих – трагический момент. Разрушения городов и сел, утрата родных и близких, страдания и стресс от условий жизни в зоне конфликта и многие другие факторы – все это делает ситуацию в России и в пограничных с ней странах уязвимой для проявлений экстремизма и терроризма. А это диктует в свою очередь необходимость мобилизации интеллектуальных усилий специалистов в данной области научного знания по части изучения сложных и поистине актуальных проблем экстремизма и терроризма с целью из лучшего понимания и более эффективного противодействия.

Часть 1

Теория и общие проблемы

АНАЛИЗ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

В.В. Энгель

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/2>

Сравнительный анализ понятий и подходов

В мире на сегодняшний день не существует общего понимания термина «*экстремизм*». Условно можно выделить европейскую, американскую модель экстремизма и модель, предложенную в 2001 г. Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹ и дополненную Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по противодействию экстремизму 2017 года². Эта т.н. «шанхайская модель», которая оказала влияние на формирование дефиниций экстремизма в странах ШОС. Европейское определение было сформулировано в Резолюции № 1344 (2003 г.) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» и рассматривает экстремизм как «форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма»³. При этом пункт 8 указанной резолюции гласит, что «борьба с экстремизмом ставит демократию перед дилеммой: она призвана, с одной стороны, гарантировать свободу выражения мнений, собраний и объединений, допускать существование и политическое представительство всех политических групп, а с другой, – бороться за самосохранение, ограждать себя от деятельности определенных экстремистских групп, отвергающих демократические принципы и права человека»⁴.

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2001 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.

² Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, 2017 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>.

³ Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе. Резолюция № 1344 (2003) // Совет Европы. Парламентская ассамблея. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2003\]/\[Sept_2003\]/Res%201344%20Rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2003]/[Sept_2003]/Res%201344%20Rus.asp).

⁴ Там же.

С целью защиты демократических ценностей ПАСЕ в ст. 13 указанной резолюции призвала государства – члены Совета Европы «предусмотреть в своем законодательстве возможность *ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений для целей борьбы с экстремизмом*» при соблюдении требований Европейской конвенции о правах человека. В частности, ПАСЕ посчитала, что необходимо применять, а если их нет, то ввести «действенные наказания» за экстремизм, включая публичные *призывы* к насилию и нетерпимости, меры по приостановлению деятельности и даже роспуску экстремистских партий и движений, предотвращать возобновление их деятельности, в т. ч. в другой организационной форме⁵.

Положения этой резолюции фактически были подтверждены через 7 лет еще одной резолюцией ПАСЕ № 1754 (2010). Несмотря на ряд оговорок о необходимости соблюдения Европейской конвенции о правах человека и выраженных сомнениях в «соответствии антиэкстремистского законодательства, принятого в некоторых государствах-членах Совета Европы, международным документам по правам человека», ПАСЕ еще раз призвала государства–члены ввести в свое уголовное законодательство положения, запрещающие подстрекательство к расовой ненависти или ненавистническим высказываниям; обеспечивать систематическое и последовательное применение антиэкстремистского законодательства ко всем формам экстремизма, а также обеспечить соблюдение предусмотренных их законодательством наказаний за публичное подстрекательство к насилию, расовой дискриминации и нетерпимости, включая исламофобию⁶.

Надо сказать, что указанные резолюции логически проистекали из ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (КЛРД), принятой на Генеральной ассамблее ООН, которая не просто осудила всякую «пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения, или пытающиеся оправдать, или поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме», но и потребовала от государств-участников «принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации»⁷.

⁵ Там же.

⁶ Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и неудачи. Резолюция 1754 (2010) // Совет Европы. Парламентская ассамблея. URL: [https://www.coe.int/t/ru/parliamentary_assembly/\[Russian_documents\]/\[2010\]/\[Oct2010\]/Res1754_rus.asp](https://www.coe.int/t/ru/parliamentary_assembly/[Russian_documents]/[2010]/[Oct2010]/Res1754_rus.asp).

⁷ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Резолюция № 2106 (XX) Генеральной ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 года // ООН. Конвенции и Соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml.

К таким мерам конвенция относит:

– объявление преступным всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или *группы лиц* другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование;

– объявление противозаконными и запрет всех организаций, а также организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которые поощряют расовую дискриминацию и подстрекают к ней, и признают участие в таких организациях или в такой деятельности преступлением, караемым законом;

– запрет национальным или местным органам государственной власти или государственным учреждениям поощрять расовую дискриминацию или подстрекать к ней⁸.

По сути дела, основное отличие европейской модели экстремизма состоит в том, что она объявляет главной его отличительной чертой угрозы, которые он несет *демократическим ценностям*, криминализирует возбуждение ненависти и вражды к *социальной группе*, а также *объявляет вне закона те организации*, которые осуществляют и поощряют эту деятельность. Однако призывы ввести уголовную ответственность за разжигание ненависти и выражение своих взглядов, пусть даже экстремистских, противоречит американскому подходу, основанному на букве и духе Первой поправки к Конституции США, защищающей право на выражение любых взглядов⁹. В этом состоит особенность американской модели экстремизма. Только в начале нынешнего века под влиянием растущих рисков терроризма более жесткий подход к экстремизму, предусматривающий ограничение права на самовыражение, стал обретать популярность в странах Запада.

В чем же состоит суть американской модели? Согласно разъяснениям Департамента внутренней безопасности США (Department of Homeland Security), только конкретные действия, подпадающие под определения «терроризм», «насилованный экстремизм» и «преступление на почве ненависти», считаются преступлениями в соответствии с законодательством США¹⁰. Ни пропаганда ненависти, ни возбуждение вражды *к соци-*

⁸ Там же.

⁹ U.S. Constitution. First Amendment // Legal Information Institute, online at: https://www.law.cornell.edu/constitution/first_amendment.

¹⁰ Homeland Security. Official website of the Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/cve/what-is-cve>.

альной группе, ни распространение любых идей, включая ненавистнические, не являются преступлением в соответствии с этими нормами. *Терроризмом* в американском законодательстве называются преступления, «связанные с насильственными действиями или действиями, опасными для жизни человека, которые являются нарушением уголовного законодательства Соединенных Штатов или любого штата», причем независимо от того, совершены они в пределах юрисдикции США или нет. Для того, чтобы считаться террористическими, эти преступления должны быть направлены на «запугивание и принуждение гражданского населения, влиять на политику правительства путем запугивания или принуждения или влиять на поведение правительства путем массового уничтожения, убийства или похищения людей»¹¹.

Насильственный экстремизм в американской правовой системе – это активность, напрямую и явно связанная с насилием, но выходящая за рамки американского понимания терроризма и включающая «пропаганду, участие, подготовку, вовлечение или иную поддержку» любому идеологически мотивированному насилию или насилию, «оправдывающему достижение определенных социальных, экономических и политических целей»¹². Иными словами, американское законодательство трактует экстремизм как расширенное понятие терроризма, что часто не разделяется в правовых традициях европейских стран. В то же время в американском законодательстве прямо упоминается социально-экономический, политический и культурный фон, который может быть причиной насильственного экстремизма¹³. Таким образом, термин «экстремизм» употребляется в Соединенных Штатах только применительно к насильственным преступлениям или преступлениям, прямо ведущим к насилию, совершаемым под влиянием идеологической мотивации.

Что касается *преступления на почве ненависти* (или на почве *предвзятости*), то, согласно американскому законодательству, оно является не отдельным преступлением экстремистского характера, а отягощающим обстоятельством при совершении любого преступления, когда преступник «умышленно выбирает жертву или, в случае преступлений против собственности, имущество, являющееся объектом преступления, на основании реальной или предполагаемой расы, цвета кожи, религии, национального

¹¹ U.S. Code, Title 18, Crimes and Criminal Procedure, Part I. Crimes, Chapter 113B, § 2331.
URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331>.

¹² The Development Response to Violent Extremism and Insurgency// USAID, 2011, p.2.
URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/VEI_Policy_Final.pdf.

¹³ Там же.

происхождения, этнической принадлежности, пола, инвалидности, или сексуальной ориентации любого человека»¹⁴. Т.е. это дополнительные обстоятельства, которые *отягощают ответственность*, а иногда и трансформируют «деяние» в «преступление», связанное с насильственным экстремизмом, но не отдельное кодифицированное преступление¹⁵.

Движение законодательства европейских стран в сторону криминализации возбуждения вражды и ненависти к представителям отдельных социальных групп, происходит постепенно и непоследовательно. Главной причиной является существенное идеологическое и политическое влияние США на европейскую правовую систему. Например, ненавистнические высказывания упоминаются в статьях 137c1, 137d.1 и 137e.1.1. Уголовного кодекса Нидерландов¹⁶. Однако они, согласно действующему законодательству, сами по себе не квалифицируются в качестве отдельного преступления, хотя это рекомендовано § 18 b, c и d Рекомендаций Европейской комиссии против расизма и нетерпимости Совета Европы № 7 (ЕКРН)¹⁷. Эти деяния, как и в США, являются лишь отягчающими обстоятельствами, что дает основание прокурорам требовать увеличения наказания. Несмотря на то, что в уголовный кодекс страны введено упоминание о «социальной группе» как объекте ненависти, этот термин остается слишком расплывчатым с точки зрения законодательства Нидерландов.

В качестве примера можно назвать решение суда по делу нидерландской праворадикальной Партии Свободы. 15 марта 2018 г. в телеэфире в ходе политических дебатов от ее имени был показан видеоролик, который начинался с текста «Ислам есть...». За этим следовали такие слова, как «Ислам есть...»: «дискриминация», «насилие» и «террор». В заключительном предложении «Ислам убивает» – капли крови из букв. Передача вызвала общественное возмущение, и против лидера партии Герта Вилдерса были выдвинуты уголовные обвинения за дискриминационное оскорбление мусульман и разжигание ненависти и дискриминации в отношении мусульман. Суд постановил, что это заявление не является наказуемым, поскольку агитационный ролик был направлен против *религии*, а не против *социальной группы*. Это решение было оспорено несколькими

¹⁴ Matthew Shepard and James Byrd, Jr. Hate Crimes Prevention Act, H.R. 2647, October 28, 2009, URL: https://www.law.cornell.edu/wex/matthew_shepard_and_james_byrd_jr_hate_crimes_prevention_act.

¹⁵ U.S. Code, Title 18, Crimes and Criminal Procedure, Part I. Crimes, Chapter 13. Civil Rights, § 245, URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/245>.

¹⁶ Wetboek van Strafrecht (Criminal Code). URL: http://www.ejtn.eu/PageFiles/6533/2014%20seminars/Omsenie/WetboekvanStrafrecht_ENG_PV.pdf.

¹⁷ Ecri Report on the Netherlands (fifth monitoring cycle), p. 11. URL: <https://rm.coe.int/fifth-report-on-the-netherlands/168094c577>.

правозащитными организациями, которые подали жалобу в суд на решение не возбуждать судебное преследование, но 18 декабря 2018 г. суд окончательно признал жалобу необоснованной¹⁸.

Ближе всех к криминализации «экстремизма ненависти» стоит Германия, которая, будучи в европейском тренде, также определяет экстремизм как политическую деятельность, направленную «против конституционного строя и на уничтожение основ свободного демократического строя»¹⁹, но при этом имеет антиэкстремистское законодательство, объявляющее уголовным преступлением *распространение ненависти* и подразумевающее запрет и преследование всех организаций, проповедующих *идеологию ненависти, оправдывающие расовую, религиозную или этническую вражду* и пр. Кроме того, существует уголовная ответственность за отрицание Холокоста²⁰. Законодательство Германии запрещает политические партии и группы, не удовлетворяющие конституционным требованиям. В соответствии с Основным законом (ст. 9) и Законом «О частных ассоциациях» общества и ассоциации, не являющиеся политическими партиями, могут быть запрещены, если, по заключению компетентного органа, их цель или деятельность противоречат уголовному законодательству или направлены против конституционного строя или против концепции взаимопонимания между народами. Более того, в Германии преследуется и антиконституционная (нацистская и другая экстремистская) символика²¹.

Существует точка зрения, что европейское «расширенное» толкование экстремизма страдает неконкретностью формулировок, затрагивает право на самовыражение, а американское конкретно и не противоречит принципам свободы слова²². Оно, как правило, критикуется за отсутствие конкретики и расплывчатость формулировок, несмотря на постановку во главу угла тезиса об экстремизме как главной угрозе демократическим ценностям. Ведь сегодня вряд ли найдется кто-либо, даже в праворадикальной правой среде, кто открыто заявит, что он против демократических ценностей, верховенства закона и свободы личности. Наоборот,

¹⁸ Rijksoverheid. Discriminatiecijfers in 2018. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2019/04/16/discriminatiecijfers-in-2018>.

¹⁹ Bundesamt für Verfassungsschutz, Glossar, «Verfassungfeindlich» URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_IV#vereinsverbot.

²⁰ Art. 86, 86a, 130 Strafgesetzbuch, online: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/StGB.pdf>.

²¹ Die wichtigsten Paragraphen// Plattform «Recht gegen Rechts». URL: <http://www.recht-gegen-rechts.de/gesetze-gegen-rechts/die-wichtigsten-paragraphen.html>.

²² Sam Jackson. «A Schema of Right-Wing Extremism in the United States», October 2019. URL: <https://icct.nl/app/uploads/2019/11/ASchemaofRWEXSamJackson-1.pdf>.

стремясь подчеркнуть свое отличие от приверженцев исламского образа жизни, праворадикалы не устают повторять, что они являются поборниками демократии и свободы²³.

Поэтому Еврокомиссия и другие органы ЕС часто руководствуются не Резолюцией ПАСЕ № 1344, а американским стандартом, где основной отличительной чертой экстремизма является насилие. Так, выпущенная Еврокомиссией в 2015 г. совместно с аналитическим центром по вопросам международной обороны и безопасности RUSI брошюра, посвященная борьбе с экстремизмом и радикализацией «STRIVE for Development», акцентирует внимание только на насильственном экстремизме и терроризме. При этом в документе утверждается, что «экстремистские взгляды не обязательно являются незаконными и не приводят автоматически к насилию или вреду; те, кто предпочел придерживаться экстремальных практик, не затрагивающих гражданские свободы сограждан, по праву защищены в соответствии с основными свободами и нормами прав человека»²⁴. Именно по этой причине большинство стран Запада во главе с США еще в 1965 г. сделали оговорки и к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации²⁵.

Однако есть и другая точка зрения, которая состоит в том, что американское определение экстремизма слишком сфокусировано на насилии, по сути исключая широкий спектр явно экстремистской деятельности, такой как сегрегация, запреты межрасовых браков, запреты на работу для определенных социальных групп, выражение ненависти по отношению к той или иной социальной группе и т.д. Как отмечал научный сотрудник Контртеррористического проекта стратегических коммуникаций США Дж. М. Бергер, «мы зачастую не говорим об экстремистских движениях, которые еще не ступили на путь насилия, до тех пор, пока они однажды не совершат насильственное действие». В результате, констатирует он, «у нас (в США) возникла большая проблема», заключающаяся в том, что государство не в состоянии эффективно контролировать распространение ненависти среди целых групп населения, что неизбежно ведет к ра-

²³ Allen. C. 'The UK's "Hateful Extremism" report: more muddled thinking on an already over-crowded pitch', 18 October 2019. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/hateful-extremism-and-radical-right-we-need-new-definitions/>.

²⁴ STRIVE Strengthening for Development. Resilience to Violence and Extremism // European Commission, Publications Office of the European Union, 2015. URL: <https://rusi.org/sites/default/files/mn0115566enn.pdf>.

²⁵ Reservations, Declarations, Objections and Derogations. CERD // The United Nations Human Rights Treaties. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&clang=_en#EndDec.

дикализации их отдельных представителей и провоцирует их на насилие²⁶. Т.е. ведущие к насилию причины остаются за рамками действующего законодательства.

Законодательство США разделяет терроризм на внутренний и международный. Причем, в отличие от международного, внутренний терроризм, хотя и упоминается в законе как вид терроризма, но не кодифицируется как преступление со всеми присущими ему характеристиками и последствиями в виде наказания за него. Вследствие этого федеральное правительство оказалось лишенным многих инструментов для борьбы с внутренним терроризмом, какие оно имеет для борьбы с международными террористическими угрозами. Директивы ФБР запрещают агентам использовать их против деятельности, защищенной Первой поправкой к Конституции²⁷. Имея подробный и обновляемый список зарубежных террористических организаций, американские спецслужбы не имеют даже официальных реестров внутренних экстремистских организаций, что создает им очевидные проблемы не только в борьбе с радикализацией, но и с предотвращением насильственных преступлений.

В этой связи стоит сказать и о британской дефиниции «экстремизма», которая движется к большей конкретике в рамках европейской модели. Британия, как известно, всегда разделяла американскую точку зрения на вопросы соблюдения прав человека. Так же, как и США, правительство Великобритании в 1965 г. сделало оговорки к КЛРА, защищающие свободу слова²⁸. В 2013 г. оно определило экстремизм как «явное или активное противодействие [британским] фундаментальным ценностям, включая демократию, верховенство права, личную свободу и взаимное уважение и терпимость к различным конфессиям и убеждениям,.. а также призывы к убийству военнослужащих [британских] вооруженных сил»²⁹. Это определение, явно выдержанное в традициях европейского тренда и также страдающее расплывчатостью формулировок, дополняло существовавшее с 2000 г. антитеррористическое законодательство, которое полно-

²⁶ *Julia Simms*. «Are we talking about Extremism all wrong?» // *New America*, Sept. 2018. URL: <https://www.newamerica.org/weekly/are-we-talking-about-extremism-all-wrong/>.

²⁷ What is «domestic terrorism» and what can the law do about it? // *CBS News*, August 10, 2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/what-is-domestic-terrorism-understanding-law-and-fbi-definitions-terrorist-activity-in-the-united-states/>.

²⁸ Reservations, Declarations, Objections and Derogations. CERD // *The United Nations Human Rights Treaties*. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&clang=_en#EndDec.

²⁹ HM Government, ‘Counter-Extremism Strategy’, UK Home Office, 19 October 2015, online at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/470088/51859_Cm9148_Accessible.pdf.

стью соответствовало американской модели насильственного экстремизма³⁰. Однако в 2019 г. независимый правительственный советник по экстремизму Сара Хан призвала к пересмотру этой модели экстремизма. 7 октября 2019 г. возглавляемая ею правительственная Комиссия по противодействию экстремизму опубликовала свои выводы и рекомендации в докладе «Борьба с ненавистническим экстремизмом»³¹. В докладе определяется новая категория экстремистского поведения, помимо терроризма и насильственного экстремизма, – «экстремизм ненависти» (ненавистнический экстремизм). Он определяется как поведение:

– которое может разжигать и усиливать ненависть, или проявлять стойкую ненависть, или допускать двусмысленные высказывания по поводу насилия и изложение моральных оснований для насилия;

– которое основано на ненавистных, враждебных или расистских убеждениях, направленных против чужой *группы*, которая воспринимается как угроза благополучию, выживанию или успеху внутренней группы (определяемой как жертва);

– которое причиняет или может причинить вред отдельным лицам, *сообществам* или *обществу* в целом.

При этом Сара Хан так аргументировала необходимость расширения этого понятия:

– «Ненавистный экстремизм угрожает нашей способности жить вместе. От подстрекательства к актам насилия и терроризма до разжигания ненависти и вражды, часто нацеленных на тех, кто не защищен, экстремисты оказывают разрушительное воздействие на жертв, на сплоченность в наших городах и подрывают социальную ткань и демократические нормы нашей страны.

– Способность государства противодействовать повторным и настойчивым нарушителям непоследовательна и часто неэффективна. Когда экстремисты участвуют в террористической деятельности, они часто попадают в ловушку жесткого антитеррористического законодательства. Но когда они разжигают ненависть, проявляют упорную ненависть или оправдывают насилие в отношении других, они знают, что не переступают порог терроризма. В результате многие экстре-

³⁰ Counter-terrorism legislation – an overview // Charity Commission for England and Wales. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/611149/Chapter1_Module4.pdf.

³¹ Independent adviser calls for overhaul of extremism strategy // GOV.UK, 2019, official website of the UK Government. Commission for Countering Extremism. URL: <https://www.gov.uk/government/news/independent-advisor-calls-for-overhaul-of-extremism-strategy>.

мистские субъекты и организации, будь то ультраправые, исламистские или другие, продолжают безнаказанно действовать в нашей стране как онлайн, так и офлайн.

– Экстремисты стремятся ограничить права и основные свободы других. Они пытаются приблизить (свои воззрения) к норме и заставить нас учитывать свое экстремистское мировоззрение, которое принижает нашу демократию и ценности, которыми мы дорожим. Государство несет ответственность за защиту этих прав и ценностей в соответствии с принципами верховенства права»³².

Налицо конкретизация общей европейской модели экстремизма как формы противодействия демократическим ценностям, но при этом мы видим явный отход от американской позиции, которая отстаивает свободу самовыражения и основывается на трактовке экстремизма исключительно как насильственного действия.

В отличие от американского подхода, который, как правило, фокусируется на угрозах личности, британский взгляд рассматривает также угрозы *социальной группе* как риск для демократических устоев государства. Тем не менее, пока такой подход еще не оформился в виде закона Соединенного Королевства. Однако, в качестве «первой ласточки» можно рассматривать принятие в марте 2021 г. парламентом Шотландии закона «О преступлениях на почве ненависти и против общественного порядка», которое криминализовало новое отдельное преступление «Умышленное разжигание ненависти»³³.

Надо признать, что в последнее время европейская точка зрения на экстремизм, особенно усиленная британской позицией, оказывает возрастающее влияние на позиции других развитых стран мира в этом вопросе. Они опасаются растущей террористической угрозы, а также очевидного увеличения прослойки т.н. «испуганных избирателей», которые готовы проголосовать даже за правых радикалов, если те гарантируют им безопасность в новых условиях³⁴.

³² Commission for Countering Extremism launches a legal review to examine effectiveness of existing legislation relevant to hateful extremism, 10 June 2020 // GOV.UK, official website of the UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/commission-for-countering-extremism-launches-a-legal-review-to-examine-effectiveness-of-existing-legislation-relevant-to-hateful-extremism>.

³³ MSPs approve Scotland's controversial hate crime law // BBC News, March 11, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-56364821>.

³⁴ Valery Engel. «Europe Is Caught in a Wheel of Xenophobia» // Fair Observer, November 08, 2018. URL: <http://www.fairobserver.com/region/europe/xenophobia-europe-anti-semitism-islamophobia-far-right-politics-news-87102/>.

Рост этого влияния можно проиллюстрировать на примере Заявления о предотвращении и противодействии насильственному экстремизму и терроризму в Интернете, которое было принято на саммите министров внутренних дел стран «большой семерки» в сентябре 2021 г. в Лондоне. Интересно, что оно было оформлено в виде Приложения 1 к общему «Программному документу», который назывался «Внутренние обязательства G7»³⁵. Несмотря на то, что в названии было вынесено упоминание о насильственном экстремизме, на деле там шла речь о согласии всех семи стран на преобразование Глобального интернет-форума по борьбе с терроризмом (GIFCT) в неправительственную организацию – орган, который будет бороться с «агрессивным экстремистским контентом во всех формах и на всех языках»³⁶. Под этим контентом, как следует из Заявления, понимается «ряд ненавистнических, ксенофобских, женоненавистнических, антиправительственных, направленных против власти, и других насильственных нарративов, которые могут привести к мобилизации насилия». Для участников данного саммита было очевидно, что данное положение можно трактовать очень широко, поскольку теоретически любой экстремистский контент может привести к насилию. Поэтому они отметили в том же пункте: «Мы признаем необходимость более точного определения и рассмотрения контента этого типа, уважая при этом права человека и основные свободы»³⁷. Таким образом, признавая на словах приоритет прав человека и употребляя «экстремизм» лишь в сочетании со словами «насильственный» или «агрессивный», страны Запада постепенно развязывают себе руки в части жесточайшего контроля за риторикой и распространением ненависти.

Существует также «шанхайская» модель (дефиниция) экстремизма, которая впервые была сформулирована 15 июня 2001 г. на конференции Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) в подписанной странами-участниками Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Она трактует экстремизм как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в

³⁵ Policy Paper. Annex1: Statement on preventing and countering violent Extremism and terrorism online, September 9, 2021 // G7 Interior and Security Ministers' Meeting, September 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/g7-interior-and-security-ministers-meeting-september-2021/annex-1-statement-on-preventing-and-countering-violent-extremism-and-terrorism-online-accessible-version>.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»³⁸.

Очевидно, что шанхайская модель в ее первом варианте также говорит о насильственных антиконституционных действиях, но она, в отличие от американской модели, акцентируется на насильственном изменении именно *конституционного строя государства и насильственном захвате власти*, упуская угрозы в отношении расы, религии, этнического происхождения и пр., и не говорит, в отличие от европейской модели, о демократических ценностях, хотя и содержит некое расплывчатое упоминание *общественной безопасности*.

В 2017 г. ШОС, куда к этому времени вошли также Индия и Пакистан, модернизировала свою дефиницию экстремизма, охарактеризовав его как «идеологию и практику, направленную на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»³⁹. Т.е. экстремизм, согласно новому шанхайскому определению, это антиконституционный способ разрешения конфликтов. Отличие от старой модели 2001 г. она состоит в том, что к угрозам конституционному строю и насильственному захвату власти добавились также социальные, расовые, этнические и религиозные конфликты, разрешаемые антиконституционным путем. К этому относится не только насилие, но и создание, руководство и участие в деятельности экстремистской организации; разжигание политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни; пропаганда исключительности по тем же признакам; публичные призывы к осуществлению указанных деяний, а также массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов в целях пропаганды экстремизма⁴⁰.

Таким образом, отказавшись от «насильственной концепции экстремизма» и даже выведя перечень угроз за пределы насильственных действий, новая шанхайская модель, в отличие от европейской дефиниции, не рассматривает угрозу демократическим ценностям в качестве главной характеристики экстремизма. Вернее, такой характеристикой остается угроза конституционному строю, как это было и в первом варианте. В то же время любой конституционный строй основывается на ценностях, ко-

³⁸ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2001 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405>.

³⁹ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, 2017 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>.

⁴⁰ Там же.

торые, далеко не всегда являются демократическими, но остаются *базовыми* для того или иного государства.

Модернизированная шанхайская модель имеет два явных недостатка. Во-первых, обращает на себя внимание расплывчатость и неконкретность формулировок, еще более очевидная, чем в европейском варианте. В конкретизации нуждаются такие характеристики экстремистских видов деятельности («экстремистского акта»), как «антиконституционный путь разрешения конфликтов», «разжигание розни», «публичные призывы» к осуществлению экстремистской деятельности, «массовое изготовление» экстремистских материалов и т.д. В результате неконкретности формулировок, законодатели в странах шанхайской группы фактически сняли с себя ответственность за имплементацию антиэкстремистского законодательства и делегировали ее правоприменителю, что создало широкие возможности для злоупотреблений⁴¹.

Во-вторых, включение в перечень экстремистских актов *разжигания политической и социальной розни*, а также *пропаганды социальной и политической исключительности* критикуется рядом экспертов за то, что фактически оно может быть использовано для того, чтобы приравнять к экстремистским оппозиционные силы (особенно левые и непарламентские), стремящиеся к смене власти, в т.ч. путем уличной активности и пропаганды своих взглядов⁴². Они утверждают, что грань между пропагандой политической исключительности и, например, социальной розни, с одной стороны, и предвыборной полемикой, где, скажем, левые политики говорят о противоречиях между социальными классами и преимуществах своей партии, с другой, очень условна. Основная критика этой модели состоит в том, что она может быть использована властями для подавления оппозиции.

Антиэкстремистское законодательство стран-участников Шанхайской Организации Сотрудничества развивается в соответствии с «шанхайской» моделью, однако каждая страна внесла в свое законодательство свои нюансы. Например, китайский законодатель определил экстремизм как идеологическую основу терроризма (ст. 4 Закона КНР «О борьбе с

⁴¹ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в России, 2016 // Гражданская нация. URL: <https://www.ru.civic-nation.org/upload/iblock/a11/a11382a6978c5ed4ae54ac7fb249bb84.pdf>, стр. 44–45.

⁴² «Антиэкстремистская политика в России, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане. Сравнительный обзор». Совместный доклад членов Рабочей группы: Информационно-аналитический центр «Сова» (Российская Федерация), «Кадір-каснет» (Республика Казахстан), «Бир Дуино» (Кыргызская Республика), «Офис гражданских свобод» (Республика Таджикистан) // Информационно-аналитический центр «Сова», Москва 2020. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/wg-4-2020-rus.pdf>.

терроризмом»)⁴³, а российский сделал акцент на насильственных действиях, а также определил в качестве основных бенефициаров антиэкстремистской деятельности не только государство, что в целом свойственно для стран шанхайской группы, но также социальную группу, что свойственно европейской модели, и даже отдельную личность, что, как правило, характерно для американского определения⁴⁴. Таким образом, мы видим, что *в мире нет «золотого стандарта» определения экстремизма, потому что динамика социально-политических процессов не позволяет учесть все нюансы развития общества в разных странах, их политические и социальные традиции, а конфликт между ценностями и политическими интересами, интересами общественной безопасности не позволяет выработать единый подход, в равной степени удовлетворяющий все страны.*

Безусловно, отсутствие общего подхода к экстремизму мешает совместной борьбе с ним. В общественном дискурсе часто возникает вопрос о том, можно ли выработать общее, «консенсусное» определение экстремизма, которое помогло бы в совместном противодействии этому явлению. Действительно, анализ вышеуказанных дефиниций экстремизма позволяет выделить наиболее общие моменты, характерные для этого явления:

- ✓ приверженность крайним взглядам и методам их реализации;
- ✓ деятельность, направленная на *слом существующих систем*, а также на уничтожение *базовых ценностей*, заложенных в основу законодательства той или иной страны;
- ✓ нетерпимость, ненависть или насилие по отношению к *представителям власти, меньшинствам и приверженцам противоположных взглядов.*

Таким образом, **общее (консенсусное) определение экстремизма** можно сформулировать как **деятельность, основанную на приверженности крайним взглядам и направленную на уничтожение базовых ценностей, разрушение существующих социальных, политических и экономических систем, характеризующуюся нетерпимостью, ненавистью, или насилием по отношению к ним, а также к тем, кто, по мнению экстремистов, несет ответственность за происходящее, прежде всего к представителям власти, меньшинствам и сторонникам противоположных взглядов.**

Упоминание приверженности крайним взглядам является в данном случае ключевым, поскольку демонстрирует прямую связь между разру-

⁴³ Zhōnghuá rénmín gònghéguó fǎn kǒngbù zhǔyì fǎ [Anti-Terrorism Law of the People's Republic of China], 27/12/2015. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2015-12/27/c_128571798.htm.

⁴⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ в редакции от 01.07.2021 // № 280-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18939>.

пительными действиями и причинами их возникновения. Не имея крайних взглядов, человек не может заниматься экстремистской деятельностью. При этом характеристики деятельности, направленной на системное разрушение, следует отнести к компетенции национальных законодательств, поскольку это зависит от специфики соответствующей правовой системы. Если американское законодательство считает таким действием только насильственные и связанные с ними действия, то законодательство целого ряда других стран считает таковым не только насилие, но и действия, направленные на формирование ненавистнических взглядов в отношении как личности, так и социальной группы, а также государства.

Однако, важность этого определения состоит не в том, что оно поможет объединить усилия многих стран в борьбе с экстремистами, а в том, что оно помогает лучше понять суть современного экстремизма. Оно высвечивает его важнейшую характерную черту, а именно *базовые ценности*, на разрушение которых направлен любой экстремизм. Для большинства европейских стран, а также США и Канады – это демократия и права человека, хотя во многих странах Европы, в связи с высоким уровнем террористических угроз, сегодня отдается приоритет интересам безопасности; для восточных автократий – это угроза общественному укладу, гарантированному режимами, в т.ч. со стороны демократических сил; для многих стран бывшего СССР, – это угроза этнократическому характеру их государств и т.д.

Но раз отдельные группы стран разделяют разные, иногда прямо противоположные, ценности, то они рассматривают в качестве экстремистских самые разные политические силы, которые далеко не всегда идентичны и часто противоположны. Поэтому основная проблема состоит не в отсутствии общего понимания экстремизма, а в отсутствии единых ценностей. Именно поэтому совместная борьба с этим явлением на международной арене будет возможна только в сфере противодействия террористической деятельности, где есть политический консенсус, но вряд ли в других сферах, касающихся угроз по-разному понимаемым ценностным приоритетам.

Несмотря на различия в дефинициях экстремизма, а также несмотря на разное понимание того, кого следует относить к экстремистам, мы можем наблюдать в последние годы одну глобальную тенденцию, выражающуюся в общем ужесточении антиэкстремистского законодательства. Иными словами, разница в подходах не отменяет общей озабоченности ростом экстремистских проявлений. Эта мировая тенденция прослеживается, начиная с террористических атак в США 11 сентября 2001 г. Исключения касались случаев, когда были ликвидированы очевидно несбалансированные меры. В этой связи можно привести пример с Соединен-

ными Штатами Америки, Нидерландами и Россией. В США в 2015 г. был принят новый Акт о свободе (USA Freedom Act of 2015) вместо исчерпавшего себя чрезвычайного Патриотического акта 2001 года⁴⁵. Новый закон был призван остановить массовый сбор конфиденциальной информации, такой как записи телефонных разговоров, данные об использовании кредитных карточек и статистике пользования Интернетом. Ранее собирать такую информацию разрешалось, если она была нужна для расследования. Теперь закон требует от Агентства национальной безопасности (АНБ) получения разрешения на сбор информации о конкретном лице, банковском счете или считывание данных с электронных устройств. Более того, АНБ нужно доказать, что лицо или счет, за которыми планируется установить слежку, имеет отношение к террористической деятельности.

7 февраля 2017 г. в Нидерландах сенат (Eerste Kamer) принял дополнение в закон «О гражданстве» страны в виде нового раздела о правовой защите лиц, чье гражданство в соответствии с поправками в закон «О борьбе с терроризмом» от 24 мая 2016 г. было отозвано в связи с информацией спецслужб о том, что они присоединились к террористической организации за границей. Согласно этой норме, лицо теперь может прямо подать апелляцию, например, в районный суд Гааги, чтобы оспорить решение исполнительного органа об отзыве. Таким образом был ликвидирован самый вопиющий недостаток более раннего антитеррористического пакета, которое не подразумевало судебной апелляции. При этом, согласно действующему законодательству, гражданство Нидерландов может быть отозвано без суда и даже без окончательных доказательств того, что человек присоединился к террористической организации. Достаточно лишь доказательств того, что это лицо планировало стать ее членом⁴⁶.

В России 27 декабря 2018 г. была частично декриминализована известная ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Уголовное наказание в виде лишения свободы за первое нарушение, связанное с распространением экстремистских материалов и демонстрацию запрещенной символики, было заменено Федеральным законом № 521-ФЗ на административный штраф⁴⁷. Либерализация коснулась, в основном, первой части ст. 282, т.е. малозначительных деяний, таких как «лайки» в Интернете, неосторожные

⁴⁵ Public Law No. 114-23 (02.06.2015), H. R. 2048. United States Congress.

⁴⁶ Netherlands: Three New Laws Adopted to Further Counterterrorism Efforts // Global Legal Monitor. URL: <https://www.loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-three-new-laws-adopted-to-further-counterterrorism-efforts/>.

⁴⁷ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 521-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, 22 декабря 2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/12/29/fz-521-dok.html>.

высказывания в социальных сетях, демонстрация экстремистской символики и прочее. Однако в целом можно констатировать, что антиэкстремистское законодательство в Европе и в мире развивалось в последние 20 лет в сторону ужесточения и в русле следующих общих тенденций:

1. Расширение и ужесточение ответственности за экстремистскую деятельность, включая терроризм, расизм и другие формы нетерпимости. Ужесточение борьбы с финансированием террористической деятельности.

2. Расширение полномочий спецслужб и других правоохранительных органов по контролю за экстремистскими группами.

3. Ограничение гражданских прав лиц, осужденных за экстремизм и подозреваемых в экстремистской деятельности, в т.ч. лишение гражданства иммигрантов и лиц, имеющих двойное гражданство, замешанных в экстремистской и террористической деятельности. Упрощение процедуры выдворения иностранцев.

4. Ужесточение контроля за Интернетом и за активностью экстремистов в соцсетях.

5. Усиление контроля за оборотом экстремистской литературы и медиа-материалов.

Опыт законодательств США и Канады

Как уже указывалось, основной импульс эти тенденции получили в США с принятием Конгрессом США в 2001 г. после террористической атаки 11 сентября Акта «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» или, как его принято называть, Патриотического акта⁴⁸. Новый закон дополнил определение терроризма в федеральном законодательстве, включив в эту категорию ряд тяжких насильственных преступлений, ранее к ней не относившихся. Титул 18 Свода законов США был дополнен понятием «внутренний терроризм»⁴⁹. Таким образом, понятие терроризма в США с этого момента включает в себя дефиниции международного терроризма, который имеет место вне юрисдикции США, и внутреннего, который происходит на территории США.

Как уже указывалось, если международный терроризм кодифицируется законодательством Соединенных Штатов как отдельное преступление со всеми вытекающими последствиями, то внутренний терроризм, хотя и

⁴⁸ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001 // Public Law No. 107-56 (26.10.2001), S. 735. United States Congress.

⁴⁹ United States Code, Title 18, Chapter 113B, §2331, point 5 «Domestic Terrorism». URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2331> (дата обращения: 10.10.21).

упоминается в Своде законов США, но таким образом (как отдельное преступное деяние со своими особыми характеристиками) не кодифицируется. Поэтому «внутренний» террорист может быть осужден в США за любое насильственное преступление или хранение оружия, но не за терроризм. Таким образом, у отечественных американских экстремистов больше свободы для выражения своих взглядов, чем у иностранцев⁵⁰.

Кроме того, все преступления, предусмотренные ст. 2332b («Акты терроризма, совершенные с пересечением государственных границ») и отнесенные теперь к федеральным преступлениям, связанным с международным терроризмом, были включены в число уголовно наказуемых деяний, преследуемых по §1961(1) Титула 18 Свода законов США⁵¹. По сути их приравнивали к преступлениям организованных преступных группировок. Это привело к автоматическому и резкому увеличению наказания, поскольку §1961 является частью Закона о борьбе с организованной преступностью, который предусматривает более тяжелые санкции, назначаемые путем сложения наказания. С внутренним терроризмом этого не произошло.

Также следует упомянуть, что новым законом в законодательство были введены тогда такие новые понятия как «кибертерроризм» и «биотерроризм», были также увеличены или вовсе отменены сроки давности за преступления, связанные с терроризмом⁵². В целом, Патриотический акт предписывал новые, более жесткие санкции за совершение многих преступлений, как ранее относившихся к категории «связанных с терроризмом», так и вновь отнесенные к этой категории. Например, ст. 810 вводила максимальные наказания, вплоть до высшей меры за большинство террористических преступлений, ст. 809 отменяла сроки давности для таких преступлений, «если их совершение привело или создало предсказуемый риск смерти или серьезных телесных повреждений другого лица», ст. 811 приравнивала подготовку теракта к участию в теракте, а ст. 806 определила, что все внутренние и иностранные активы террористических организаций подлежат конфискации в гражданском порядке⁵³.

Новый закон о борьбе с террором также расширил возможности для применения различных видов электронного наблюдения. В частности, упростилась процедура получения судебного ордера на прослушивание

⁵⁰ См. What is «domestic terrorism» and what can the law do about it? // CBS News, August 10, 2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/what-is-domestic-terrorism-understanding-law-and-fbi-definitions-terrorist-activity-in-the-united-states/>.

⁵¹ United States Code, Title 18, Chapter 96, §1961.

⁵² Там же.

⁵³ H.R.3162 – Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT ACT) Act of 2001, Sec. 806, 809–811. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162>.

телефонных разговоров с помощью электронных средств. Кроме того, федеральные правоохранительные органы получили возможность вести розыск подозреваемых в терроризме с помощью оперативного наблюдения через Интернет с помощью разработанной и используемой ФБР системы наблюдения в режиме онлайн «Carnivore». Сотрудники спецслужб получили возможность отслеживать посещения Web-страниц и электронной переписки, причем в некоторых случаях без судебного ордера, а лишь с одобрения прокуратуры⁵⁴. Кроме того, статья 216 нового закона уполномочивает судью выдавать ордера на использование определителей телефонных номеров абонентов в любой точке США, а не только в пределах юрисдикции суда, как это обуславливалось прежней редакцией ст. 3123 Титула 18 Свода законов США⁵⁵.

Другая новая норма (ст. 212) устанавливала обязанность провайдеров сети предоставлять правоохранительным органам электронные сообщения лиц, подозреваемых в терроризме. На провайдеров, телефонные компании и кредитные организации возлагалась обязанность предоставлять государству без судебного ордера о выемке, но по требованию ФБР, информацию о потребителях своих услуг, если такая информация будет необходима для санкционированного проведения расследования дел о международном терроризме⁵⁶. Ст. 213 нового закона внесла изменения в ст. 3103 Титула 18 Свода законов США и расширила круг условий, при которых сотрудники федеральных правоохранительных органов при осуществлении расследования вправе проводить негласные осмотры и обыски помещений, не уведомляя об этом владельца⁵⁷.

Подраздел «В» раздела IV ужесточил иммиграционные правила и порядок въезда в США. Была разрешена более тщательная проверка кандидата на получение въездной визы в части определения судимости и связей с преступным миром, устанавливался контроль за обладателями студенческих виз. Было объявлено о создании базы данных иностранцев, которым закрывался въезд в страну или которые подлежали депортации, если они являются «представителями политической, социальной или аналогичной группы, чья политическая поддержка террористических актов подрывает антитеррористические усилия США; если они или близкие члены их семьи (супруги, дети) использовали видное положение для поддержки террористической деятельности или для того, чтобы убедить других поддержать такую деятельность способом, который подрывает антитеррористические усилия США;

⁵⁴ Там же, Sec. 216.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, Sec. 212.

⁵⁷ Там же, Sec. 213.

или были связаны с террористической организацией и намеревается участвовать в угрожающих действиях, находясь в Соединенных Штатах»⁵⁸.

IX раздел Закона вносил изменения в приоритеты Закона «О национальной безопасности» 1947 года, вводя понятие «международный терроризм»⁵⁹. Раздел III закона вносил международные меры, связанные с отмыванием денежных средств и вносил поправки в Закон о банковской тайне, вменяющие в обязанность финансовым учреждениям раскрывать информацию о подозрительной деятельности клиентов⁶⁰.

В последние года в США предпринимались серьезные меры, направленные на ограничение количественного роста определенных социальных групп, которые рассматривались правительством как потенциальные объекты радикализации. К ним были отнесены иммигранты и мусульмане. Так, с 2016 г. США приняли ряд беспрецедентных законодательных актов, направленных на сокращение числа иммигрантов. Как известно, президент Д. Трамп неоднократно высказывался об иммигрантах как о потенциальных преступниках⁶¹. В результате в последние годы в США были предприняты меры «по защите от иностранцев». Особенно это касалось выходцев из арабских стран. 27 января 2017 г. президент Д. Трамп своим Исполнительным указом № 13769 «О защите нации от иностранного террора при въезде в Соединенные Штаты»⁶² в целях борьбы с исламистскими террористами запретил краткосрочный въезд в страну всем иностранцам из Ирана, Ирака, Сирии, Ливии, Судана, Сомали и Йемена. Этот первоначальный запрет на поездки был дважды пересмотрен, сначала еще одним указом, изданным в марте того же года,⁶³ а затем президентской прокламацией «Усиление возможностей и процедур проверки на предмет выявления попыток проникновения в Соединенные Штаты террористов или других угроз общественной безопасности», которая была издана 24 сентября 2017 года⁶⁴. Эта последняя прокламация была при-

⁵⁸ Там же, Title IV, Subtitle B.

⁵⁹ Там же, Title IX.

⁶⁰ Там же, Title III.

⁶¹ Drug dealers, criminals, rapists': What Trump thinks of Mexicans // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-us-canada-37230916>.

⁶² Executive Order Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States, January 27, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-protecting-nation-foreign-terrorist-entry-united-states/>.

⁶³ Executive Order Protecting The Nation From Foreign Terrorist Entry Into The United States, March 6, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-protecting-nation-foreign-terrorist-entry-united-states-2/>.

⁶⁴ Presidential Proclamation Enhancing Vetting Capabilities and Processes for Detecting Attempted Entry Into the United States by Terrorists or Other Public-Safety Threats, September 24, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential->

нята после волны обвинений Белого дома в предвзятости в отношении лиц арабского происхождения. В ней Венесуэла, Северная Корея и Чад были добавлены в список стран, подпадающих под запрет, с тем чтобы этот запрет формально не имел дискриминационного характера по отношению к мусульманам.

В июле 2018 г. администрация Трампа еще больше сузила круг оснований для предоставления убежища⁶⁵. После этого право остаться в стране потеряли жертвы семейного насилия, жертвы преследования со стороны преступных группировок, а также лица, против которых на родине выдвинуты официальные обвинения⁶⁶. В ноябре 2018 г. США ввели запрет на получение убежища для нелегальных иммигрантов, проникающих на территорию страны, минуя пограничные пункты въезда⁶⁷. Министерство национальной безопасности также оказало давление на правительства Гондураса, Гватемалы и Сальвадора с тем, чтобы они подписали соглашения «о безопасных третьих странах», которые требуют, чтобы мигранты, намеревающиеся получить убежище в США, в первую очередь искали его в этих странах⁶⁸. В случаях, когда проситель убежища уже находится на территории США, он будет депортирован в одну из этих трех стран, но не в страну происхождения, что облегчает задачу по депортации лиц, ищущих убежища в случаях, когда им угрожает опасность дома.

Интересно, что президент Д. Байден пытался отменить иммиграционные законы администрации Д. Трампа. В частности, отмене подлежало положение, согласно которому беженцы из Мексики должны оставаться в своей стране до получения положительного решения их вопроса. Однако, в августе 2021 г. Верховный суд США отказал президенту в пересмотре прежних решений⁶⁹.

Байден также отменил Исполнительный указ Трампа № 13769 «О защите нации от иностранного террора при въезде в Соединенные Штаты»

proclamation-enhancing-vetting-capabilities-processes-detecting-attempted-entry-united-states-terrorists-public-safety-threats/.

⁶⁵ There are new, tougher guidelines for migrants seeking asylum in the United States // The Texas Tribune. URL: <https://www.texastribune.org/2018/07/12/migrants-asylum-tougher-guidelines/>.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Factsheet on the November 9, 2018 Asylum Ban. URL: <https://cliniclegal.org/resources/asylum-and-refugee-law/factsheet-november-9-2018-asylum-ban>.

⁶⁸ Fact Sheet: DHS agreements with Guatemala, Honduras, and El Salvador // U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/19_1003_ora_fact-sheet-agreements-northern-central-america-countries.pdf/.

⁶⁹ Иммиграционная политика Байдена: почему Верховный суд не поддержал его инициативы? // RTVi, 26 августа 2021 г. URL: <https://rtvi.com/skvoznoy-efir/immigratsionnaya-politika-baydena/>.

ты», которым были запрещены краткосрочные поездки в США граждан ряда арабских стран. Однако администрация нового президента так и не назначила специального посланника по вопросам исламофобии, как того требовала мусульманская община по аналогии со спецпосланником по вопросам антисемитизма. Кроме того, по мнению экспертов, США по-прежнему непропорционально применяют к странам с мусульманским большинством процесс проверки, направленный на предотвращение получения гражданства иммигрантами, которые, как считается, представляют угрозу национальной безопасности⁷⁰.

Мусульмане вообще стали отдельной целевой социальной группой, которая рассматривается в США в качестве основного объекта радикализации. В результате на уровне штатов был принят целый ряд ограничений в отношении исламистских организаций, которые затронули права обычных граждан, исповедующих ислам как религию. С 2010 по 2018 г. в 43 штатах страны было принято 217 т.н. «антишариатских» законов. Только в 2017/18 гг. в 14 штатах было принято не менее 20 законопроектов, запрещающих шариат⁷¹. Согласно этим законам, суды «не должны руководствоваться *международным правом* или *законами шариата*»⁷². Этот закон был признан неконституционным, поскольку в нем в качестве объекта запрета был конкретно указан шариат и, следовательно, проводилась явная дискриминация ислама⁷³. Тогда во многих антишариатских законах были удалены прямые ссылки на шариат. Вместо этого законодатели используют иную терминологию, например, «любой иностранный закон, правовой кодекс или система»⁷⁴.

Антишариатское законодательство подрывает правовой статус американских мусульман⁷⁵. Поправка лишает американских мусульман возможности использовать свое гражданство для получения практических и юридических прав, поскольку в США законы нескольких религий функционируют в более широких рамках светской судебной практики. Первая

⁷⁰ Dalia Fabeid. “Muslims to Biden: Fighting Islamophobia requires more than lifting Trump’s travel ban” // USA Today News, April 23, 2021. URL: <https://eu.usatoday.com/in-depth/news/politics/2021/04/23/how-muslim-groups-want-president-joe-biden-fight-islamophobia/7262582002/>.

⁷¹ United States Islamophobia Database, HAAS Institute Berkeley.

⁷² Enrolled House Joint Resolution 1056 of the State of Oklahoma, May 10, 2010. URL: <https://www.sos.ok.gov/documents/questions/755.pdf>.

⁷³ Federal Judge strikes down Oklahoma’s anti-shariah amendment. URL: <https://www.splcenter.org/hatewatch/2013/08/19/federal-judge-strikes-down-oklahoma-s-anti-shariah-amendment>.

⁷⁴ Полный список антишариатских законов см. здесь: <https://www.splcenter.org/data-projects/tracking-anti-muslim-legislation-across-us>.

⁷⁵ Anti-Muslim Legislation Dataset March 2019. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1Lo8PPUAYHdkcfEzolPFvgEnxWd6E3M0R0nIF-LyNrik/edit#gid=535258935>.

поправка к Конституции США гласит, что правительство должно защищать себя от навязывания любой религии и в то же время защищать права людей исповедовать свою религию⁷⁶. Иными словами, американцы могут следовать своим собственным священным законам, если и когда последние не противоречат светскому закону (например, закону, запрещающему многоженство)⁷⁷. В то время как многие религиозные группы в США придерживаются религиозных законов и образа жизни и обращаются в религиозные суды (например, в Римско-католической церкви существует около 200 епархиальных судов, которые рассматривают различные дела, в том числе об аннулировании брака;⁷⁸ и, подобно этому, ортодоксальные евреи обращаются в раввинские суды), право американских мусульман на соблюдение шариата в таких сферах, как ежедневные молитвы, пост в месяц Рамадан, брачные контракты, правила благотворительности и инвестирования, было серьезно подорвано антишариатским законодательством.

Таким образом, начиная с 2001 г., в тех вопросах, которые касаются именно противодействия международному терроризму и насильственному экстремизму, американская правовая традиция между интересами безопасности и демократическими ценностями выбирала интересы безопасности. Что касается преступлений ненависти, то в 2009 г. в стране был принят Закон Мэттью Шепарда и Джеймса Берда, который объявлял отягчающим обстоятельством при совершении преступлений ненависть на почве инвалидности, гендерной идентичности и сексуальной ориентации⁷⁹.

Примерно в том же ключе развивалось и антиэкстремистское законодательство Канады. Сразу же после терактов 11 сентября 2001 г. здесь были приняты меры по усилению антитеррористического законодательства. 18 декабря 2001 г. здесь был принят Закон о борьбе с терроризмом (Билль-36), который расширил полномочия правительства и силовых ведомств по реагированию на террористические угрозы. Закон включал положения, разрешающие «тайные» судебные процессы, предварительное заключение и другие расширенные полномочия по обеспечению безопасности⁸⁰.

⁷⁶ Constitution of the United States. First Amendment. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-1/>.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Applying God's Law: Religious Courts and Mediation in the U.S. // Pew Research Center. URL: https://www.pewforum.org/2013/04/08/applying-gods-law-religious-courts-and-mediation-in-the-us/#_ftn1.

⁷⁹ Matthew Shepard and James Byrd, Jr. Hate Crimes Prevention Act, H.R. 2647, October 28, 2009. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/matthew_shepard_and_james_byrd_jr_hate_crimes_prevention_act.

⁸⁰ Anti-Terror Legislation in Canada // Terror Victims Response. URL: <https://terrorvictimresponse.ca/legislation-in-canada/>.

21 ноября 2002 г. было принято регулирование по трансграничной отчетности по валюте и денежным инструментам, которое обязывало всех граждан отчитываться о перевозке через границу денежных средств, если их сумма превышала 10000 долларов США⁸¹. 1 июня 2009 г. вступили в силу поправки в Регламент о сообщениях о подозрительных операциях, полученных от доходов от преступной деятельности (отмывание денег) и финансирования терроризма, который был принят еще в августе 2001 года. Поправки обязывали банки и инвестиционные институты сообщать в правоохранительные органы и при необходимости блокировать любые подозрительные финансовые операции⁸².

В 2015 г. здесь был принят Билль С–51, или Закон о борьбе с терроризмом⁸³. При этом главной причиной принятия этого закона назывался исламистский террор. Премьер-министр Стивен Харпер, представляя Билль С–51, утверждал, что «жестокый джихад – это не просто опасность где-то там. Он направлен на то, чтобы навредить нам здесь, в Канаде». В соответствии с С–51 был введен т.н. «бесполетный список» – паспорта многих канадских мусульман, в отношении которых у спецслужб были только подозрения в причастности к экстремистской деятельности, были приостановлены, им отказывали в пересечении границы без каких-либо объяснений⁸⁴.

В 2018 г. был принят Билль С–59, который дополнял Билль С–51. В соответствии с этим законом были расширены права и возможности органов национальной безопасности для проведения массового наблюдения; практически исключалась возможность оспаривания включения того или иного лица в «бесполетный список»; Канадской разведывательной службе сигналов (CSE) разрешалось проводить кибератаки. «Бесполетный список» был распространен на т.н. «проблемные зоны», в которые вошли многие мусульманские страны⁸⁵.

⁸¹ Cross-border Currency and Monetary Instruments Reporting Regulations. SOR/2002-412 // Canadian Legal Information Institute. URL: <https://www.legislationline.org/download/id/1176/file/358193ec1ebf8c4c4386fc2e90a2.pdf>.

⁸² Proceeds of Crime (Money Laundering) and Terrorist Financing Suspicious Transaction Reporting Regulations. URL: https://www.legislationline.org/download/id/7891/file/Canada_Proceeds_Crime_Money_Laundering_Terrorist_Financing_Suspicious_Transaction_Reporting_Reg_2001_am2017_en_fr.pdf.

⁸³ Bill C–51. An Act to amend the Criminal Code and the Department of Justice Act and to make consequential amendments to another Act // Department of Justice. URL: <https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/pl/cuol-mgnl/c51.html>.

⁸⁴ The Case of Maher Arar, submitted by Legal Team on Mon, 03/06/2017 // Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.ca/legal-brief/case-maher-arar>.

⁸⁵ Bill C–59, An Act respecting national security matters // Parliament of Canada. URL: <https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/42-1/bill/C-59/royal-assent>.

Принятый 18 октября 2017 г. Билль № 62 провинции Квебек запрещает любому лицу, получающему государственные услуги (включая школьное обучение, уход за детьми в детском саду или поездки на автобусе), носить защитное покрытие для лица. Законопроект оказал негативное воздействие на мусульманских женщин и других лиц, придерживающихся определенных религиозных или этнических обычаев⁸⁶. Этот закон был подкреплён Биллем 21, который был принят 29 марта 2019 года. Он запрещает некоторым работникам государственного сектора, которые, как считается, занимают руководящие должности, носить религиозную символику во время работы, например, тюрбан, кишпу и хиджаб. В эту группу входят учителя, полицейские и судьи⁸⁷.

Антиэкстремистское законодательство в странах Западной Европы

Консолидированная европейская позиция в отношении терроризма была выражена в решении Совета Европейского союза от 13 июня 2002 г. в соответствии с Разделом VI Договора о Европейском союзе. Оно определило общие характеристики терроризма, ограничивающиеся насилием или угрозой насилия, дефиниции террористической группы, а также расширило круг преступлений, связанных с террористической деятельностью, обязав государства-члены ввести соответствующие наказания за них⁸⁸. При этом п. 3. ст. 4 предусматривал минимальную планку за такие преступления для законодательства государств-членов ЕС. Она составила в зависимости от вида преступления от 8 до 15 лет лишения свободы⁸⁹. Решение также предусматривало введение ответственности для юридических лиц, расширение юрисдикции государств-членов по таким преступлениям на всю территорию ЕС, а также защиту и помощь жертвам террора. По сути дела, это рамочный модельный закон, который был принят за основу всеми государствами-членами Европейского союза при совершенствовании своего антиэкстремистского законодательства. Впрочем,

⁸⁶ Bill 62, An Act to foster adherence to State religious neutrality and, in particular, to provide a framework for requests for accommodations on religious grounds in certain bodies. URL: <http://www.assnat.qc.ca/en/travaux-parlementaires/projets-loi/projet-loi-62-41-1.html?ap pelant=MC>.

⁸⁷ Bill 21: the Law against Religious Freedom // Canadian Civic Liberties Association. URL: <https://ccla.org/bill-21/>.

⁸⁸ Council Framework Decision of 13 June 2002 on combating terrorism (2002/475/JHA) // Official Journal of the European Communities. URL: http://euromed-justiceii.eu/files/repository/20100909161723_COUNCILFRAMEWORKDECISION4752002ONCOMBATINGTERRORISM2002UE.pdf.

⁸⁹ Там же.

не все страны ЕС стали немедленно приводить свое законодательство к этому знаменателю.

Ярким примером отказа государства ограничивать демократические свободы в интересах общественной безопасности, несмотря на консолидированную позицию ЕС, является *Франция*. После 11 сентября 2001 г. она, в отличие от своих соседей, не стала проводить политику солидарности с США, направленную на усиление мер безопасности и ограничение прав граждан. Наряду с тем, что во Франции исторически существуют объективные предпосылки для экстремизма (высокий уровень притока трудовых мигрантов, отсутствие «ненависти к мигрантам» как отягчающего обстоятельства при совершении преступлений в Уголовном кодексе, конституционный запрет на признание факта существования национальных меньшинств во Франции, самоустранение государства от финансирования школ этнических меньшинств,⁹⁰ правовой запрет на финансирование мусульманских религиозных институтов⁹¹), это субъективное решение во многом предопределило дальнейшее развитие событий. На несколько лет Франция превратилась в тихую гавань для исламских экстремистов, которые не только чувствовали себя достаточно свободно, но и получили возможность для радикализации местных мусульман, вербовки их в свои ряды. Но относительно спокойный период закончился 12 марта 2012 г., когда террористом Мохаммедом Мера, предположительно связанным с Аль-Каидой, был совершен массовый теракт в еврейской школе «Оцар хат-Тора» в Тулузе, в результате которого были убиты 4 человека (учитель и трое детей в возрасте от 3 до 8 лет), 17-летний подросток тяжело ранен. Убийца был ликвидирован при попытке к бегству в ходе его захвата⁹².

После этого за считанные годы Франция превратилась в одну из самых опасных стран Европы. Наиболее тяжелыми были 2015–16 гг., когда за 18 месяцев в стране было совершено 10 терактов, в которых погиб 101 человек. Самым вопиющим был теракт в Ницце, когда грузовик, которым управлял гражданин Туниса, въехал на набережную и врезался в толпу людей, собравшихся на празднование Дня взятия Бастилии. Тогда погибло 84 человека⁹³.

⁹⁰ Белая книга нацизма, М. 2014, стр.10. URL: <https://www.ru.civic-nation.org/upload/iblock/536/53696d10e55cf280dc6c79ad3adb6c24.pdf>.

⁹¹ Racial Discrimination: The Record of France. URL: <https://academic.udayton.edu/race/06hrights/georegions/Europe/France01.htm>.

⁹² Убийство в Тулузе: количество жертв достигло четырех // Вести.RU. URL: <https://www.vesti.ru/article/1942271>.

⁹³ Самая опасная страна Европы. Во Франции за полтора года произошло 10 терактов // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/15/samaya-opasnaya-strana-evropy>.

Начиная с 2012 г. французское правительство стало, наконец, принимать активные меры по противодействию экстремизму⁹⁴. 21 декабря 2012 г. был принят закон «О безопасности и борьбе с терроризмом» № 2012-1432, который существенно ужесточил наказание для лиц, причастных к террористической деятельности⁹⁵. В частности, за подстрекательство к вступлению в террористическую организацию или к совершению террористического акта вводилось новое наказание в виде десяти лет лишения свободы и штрафа в размере 150 000 евро⁹⁶.

При этом важно отметить, что французский законодатель в 2019 г. внес в тот же закон изменения, связанные именно с распространением ненависти. В частности, законом № 2019-222 от 23 марта 2019 г. «О реформе правосудия на 2018–2022 годы» (ст. 71) была криминализована ст. 24 закона «О безопасности и борьбе с терроризмом» № 2012-1432. Теперь она предусматривает наказание в отношении лиц, которые «спровоцировали дискриминацию, ненависть или насилие в отношении лица или *группы лиц* по причине их происхождения или их принадлежности или непринадлежности к этнической группе, нации, расе или определенной религии», в виде одного года тюремного заключения и штрафа в размере 45'000 евро⁹⁷.

4 ноября 2014 г. французские парламентарии приняли новый закон «О борьбе с терроризмом», который впервые дал право властям отбирать паспорта и запрещать выезд за границу французским гражданам, отправляющимся в Сирию и Ирак, если, по данным спецслужб, они намереваются присоединиться там к джихадистским группировкам. Также закон допускал возможность внесудебной блокировки исламистских интернет-сайтов⁹⁸.

13 ноября 2015 г. президентом Ф. Оландом в стране было введено чрезвычайное положение, которое было утверждено парламентом специальным законом, расширившим действие старого закона о ЧП № 55-385 от 3 апреля 1955 года⁹⁹. В частности, закон расширял полномочия мини-

⁹⁴ Белая книга нацизма, М. 2013, стр.916. URL: <https://www.ru.civic-nation.org/upload/iblock/9de/9de62608b9098be0a71610bee41b483f.pdf>.

⁹⁵ LOI n° 2012-1432 du 21 décembre 2012 relative à la sécurité et à la lutte contre le terrorisme. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000026809719/>.

⁹⁶ Там же, ст. 3.

⁹⁷ LOI n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice, art. 71. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000038262626/2019-03-25/>.

⁹⁸ LOI n° 2014-1353 du 13 novembre 2014 renforçant les dispositions relatives à la lutte contre le terrorisme, online at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000029754374/>.

⁹⁹ LOI n° 2015-1501 du 20 novembre 2015 prorogeant l'application de la loi n° 55-385 du 3 avril 1955 relative à l'état d'urgence et renforçant l'efficacité de ses dispositions, online at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000031500831/>.

стерства внутренних дел в части внесудебного преследования и временного ограничения свободы личности, давал исполнительной власти право распускать различные сообщества и НПО, заподозренные в экстремистской деятельности, изымать даже законно приобретенное оружие и т.д.

По истечении чрезвычайного положения, которое действовало почти 2 года, в стране был принят Закон «О борьбе с терроризмом», инициированный президентом Э. Макроном¹⁰⁰. Он включил в себя многие положения старого закона о чрезвычайном положении. Несколько положений нового законодательства направлены на достижение более эффективной политики борьбы с терроризмом, причем радикальный ислам объявлялся целью номер один для разведывательных и правоохранительных органов. Как следствие и в соответствии с административной организацией централизованного французского государства, новый закон реализует исполнительная власть в лице префекта, то есть представителя государства в департаментах (главная административная единица во Франции), которая имеет полномочия, например, закрывать до 6 месяцев любой религиозный институт, который подозревается в подстрекательстве к терроризму или ущемлении прав¹⁰¹.

24 июня 2020 г. в стране вступил в силу новый закон, известный как «Loi Avia», названный в честь члена парламента Летии Авиа, которая принадлежит к партии президента Э. Макрона «Республика на марше»¹⁰². Этот законопроект направлен на борьбу с различными формами высказываний, разжигающих ненависть в Интернете, с террористическими высказываниями и детской порнографией. В соответствии с ним интернет-платформы должны снимать публикации «явно» незаконного контента в течение 24 часов после того, как пользователь или полиция пожалуется на него. Кроме того, согласно закону, была создана специальная юрисдикция, задачей которой является преследование за ненависть в Интернете. Закон облегчает человеку сообщение о содержании ненависти провайдеру; создается Обсерватория ненависти в Интернете под руководством Высшего совета по аудиовизуальным средствам (CSA), который является регулирующим органом в области коммуникаций¹⁰³.

Кроме того, 15 апреля 2021 г. был принят Закон о глобальной безопасности, который призван защитить сотрудников полиции от онлайн-новых призывов к насилию. Статья 24 этого закона квалифицирует в ка-

¹⁰⁰ Loi du n30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme. See : <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2017/10/30/INTX1716370L/jo/texte>.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Текст закона см.: LOI n° 2020-766 du 24 juin 2020 visant à lutter contre les contenus haineux sur internet – Dossiers législatifs – Légifrance (legifrance.gouv.fr).

¹⁰³ Dalloz. Actualite. Censure de la « loi Avia » par le Conseil constitutionnel : un fil rouge pour les législateurs français et européens ? – Civil | Dalloz Actualité (dalloz-actualite.fr).

честве преступления показ в СМИ или соцсетях лица или передача информации о личности любого дежурного офицера «с целью нанесения ущерба его физической или психологической неприкосновенности». Это правонарушение влечет за собой наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет и максимального штрафа в размере 75 000 евро. Этот закон подвергся резкой критике со стороны журналистов и правозащитных групп, которые утверждают, что он ограничит свободу прессы и приведет к снижению ответственности полиции¹⁰⁴.

15 июля 2021 г. парламент страны принял Закон о сепаратизме, направленный против исламского экстремизма. Закон существенно затронул права мусульманского меньшинства, которое, также, как и в США, рассматривается как уязвимая группа в смысле угрозы радикализации. Закон ставит под государственный контроль все средние школы, включая частные, а также запрещает домашнее обучение школьников¹⁰⁵.

До событий в США 11 сентября 2001 года *Великобритания* уже имела хорошо разработанное антитеррористическое законодательство, сформулированное в Законе о терроризме от 2000 года¹⁰⁶. В нем дано определение терроризма как действие или угрозу действия, которые: **включают серьезное насилие над человеком; влечет за собой серьезный материальный ущерб; подвергает опасности жизнь человека (кроме лица, совершившего действие); создает серьезную опасность для здоровья или безопасность окружающих; серьезно нарушает работу электронных систем.**

При этом, использование или угроза таких действий должны быть спланированы, влиять на правительство или международную правительственную организацию или запугивать общественность, а также должны предприниматься с целью продвижения политических, религиозных, расовых или иных идей¹⁰⁷. Это законодательство полностью соответствовало американским стандартам. Однако теракты 11 сентября вынудили британское правительство, так же, как и власти США, Канады и многих других стран, предпринять дополнительные меры безопасности, следствием

¹⁰⁴ French MPs pass controversial law that restricts images of police // EuroNews, 15.04.21. URL: <https://www.euronews.com/2021/04/15/french-mps-pass-controversial-law-that-would-restrict-images-of-police>.

¹⁰⁵ France's new 'separatism' law stigmatises minorities and could backfire badly // The Conversation, August 15, 2021. URL: <https://theconversation.com/frances-new-separatism-law-stigmatises-minorities-and-could-backfire-badly-162705>.

¹⁰⁶ Code of Practice. Terrorism Act 2000, online at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97944/stop-search-code-of-practice.pdf.

¹⁰⁷ Там же.

чего стало принятие в 2001 г. Антитеррористического закона,¹⁰⁸ предусматривающего также ужесточение мер в борьбе с преступностью и в области обеспечения безопасности. В соответствии с этим законом были еще более усилены меры безопасности на воздушном транспорте. Было ужесточено законодательство и в отношении других потенциально опасных объектов, которые могли бы быть избраны террористами в качестве целей. Дополнительные меры были внесены и в перечень мероприятий по пресечению каналов финансирования террористов. Наибольшую известность в данном законе получило право бессрочного ареста без суда и следствия с последующей депортацией иностранных граждан, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. Часть 4 этого закона предоставляет министру внутренних дел полномочия на санкционирование задержания иностранных граждан, подозреваемых в терроризме и в возможной угрозе для национальной безопасности Британии, но которые на данный момент не могут быть депортированы из страны.

В апреле 2006 г. был принят новый Закон «О терроризме». Он расширил толкование понятия «терроризм», распространив его на такие деяния как подстрекательство (поощрение) к терроризму, распространение публикаций, восхваляющих и оправдывающих терроризм, использование сети Интернет для распространения призывов и оправдания терроризма. За все эти деяния было установлено наказание в виде 7 лет лишения свободы. Кроме того, были криминализованы подготовка терактов, посещение мест подготовки террористов и непосредственно обучение террористов. За эти преступления, особенно связанные с хранением и использованием оружия, законодательство предусматривает от 10 до 15 лет лишения свободы¹⁰⁹. В то же время, подготовка теракта квалифицировалась в законе как особо тяжкое преступление, за которое предусматривалось пожизненное заключение. Такое же наказание подразумевалось за руководство террористической организацией¹¹⁰. 10 лет тюремного заключения предполагается за сбор, владение или передачу информации в целях совершения теракта¹¹¹.

В 2015 г. Великобритания еще больше ужесточила свое антиэкстремистское законодательство, приняв Закон «О борьбе с терроризмом и

¹⁰⁸ Anti-Terrorism, Crime and Security Bill//Home Office, 12th November 2001 [Bill 49]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200102/cmbills/049/en/02049x--.htm>.

¹⁰⁹ The Terrorism Act 2006 // Home Office, April 11, 2006. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-terrorism-act-2006>; *David Anderson*, Report on the Operation in 2010 of the Terrorism Act 2000 and of Part 1 of the Terrorism Act 2006, July 2011. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/243552/9780108510885.pdf.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

безопасности границ» (Билль 127)¹¹². Он предусматривал: временные ограничения на поездки для лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, в том числе в пределах страны; давал право правительству требовать от поставщиков услуг связи хранить данные, которые позволят соответствующим органам идентифицировать человека или устройство, использующее определенный адрес интернет-протокола по адресу в любой момент времени; ряд мер по обеспечению безопасности границ и транспорта; создание баз данных на лиц, которые могут быть причастными к террористической деятельности; меры в отношении контроля товаров на границе и деятельности страховщиков.

Наконец, 6 июня 2018 г. был принят и в мае 2019 г. дополнен Закон «О борьбе с терроризмом и безопасности границ», который ликвидировал пробелы в свете «современных моделей радикализации» и ужесточил контртеррористические меры и ответственность за ряд преступлений¹¹³. В частности, поощрение терроризма, распространение публикаций террористического содержания и ряд других действий по подготовке к террористическим атакам карается теперь тюремным сроком до 15 лет¹¹⁴.

Кроме того, он предоставляет главе МВД дополнительные полномочия, наделяя его правом определять с одобрения парламента зоны за пределами Великобритании, в которой подданные Соединенного Королевства под предлогом необходимости защиты их от угрозы терроризма не могут оставаться или в которую они не могут въезжать. И те британцы, которые не последуют этим указаниям и либо проникнут в указанную зону, либо не согласятся ее покинуть, столкнутся с угрозой лишения свободы на срок до 10 лет. Также, согласно положениям нового акта, теперь будет противозаконно выражать какую-либо поддержку запрещенным организациям, а также публиковать их символику: изображения флагов, эмблем или формы, что позволило бы предположить, что автор этих заявлений и публикаций может либо состоять в запрещенных организациях, либо являться их сторонником¹¹⁵. В 2021 г. в Британии начал разрабатываться новый закон о спецслужбах, который расширит их полномочия.

¹¹² Counter-Terrorism And Security Bill, introduced in the House of Commons on 26 November 2014 [Bill 127]. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/2014-2015/0127/en/15127en.htm/>.

¹¹³ Counter-Terrorism and Border Security Act 2019, Published 6 June 2018, Last updated 7 May 2019. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/counter-terrorism-and-border-security-bill-2018#:~:text=The%20act%20will%20ensure%20that,terrorism%20and%20hostile%20state%20activity.>

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

В частности, предполагается, что там введут реестр иностранных агентов, существующий сегодня в ряде других стран¹¹⁶.

При этом надо иметь в виду, что в Соединенном Королевстве существует и антиэкстремистское законодательство, связанное с распространением ненависти. Так, в Законе об общественном порядке 1986 г., в Законе о преступности и беспорядках 1998 г. и в Законе об уголовном правосудии 2003 г. содержатся положения, запрещающие расовые и религиозные преследования и преступления на почве ненависти. Раздел 5 Закона «Об общественном порядке» запрещает использование угрожающих (или оскорбительных) слов или поведения, а также письменных надписей, знаков или любого другого видимого изображения, которое является угрожающим (или оскорбительным) для меньшинств¹¹⁷. Кроме того, в статьях 18 и 19 закона говорится, что преступления или письменные материалы, предназначенные для разжигания расовой ненависти, или материалы, способные разжечь расовую ненависть, запрещены¹¹⁸.

Однако эти статьи действуют только в случае, если при совершении данного преступления имеются пострадавшие и свидетели. Это является важным моментом, объясняющим, почему правительство озабочено расширением дефиниции экстремизма в сторону распространения ненависти на социальную группу (см. выше). В настоящий момент британское законодательство подразумевает уголовную ответственность за самый широкий спектр таких преступлений при условии, что они носят насильственный характер, или *вызывают страх и страдание* у конкретной личности. Более того, как и в американском законодательстве, ненасильственные преступления на почве ненависти здесь не кодифицированы как отдельные виды преступлений, а являются лишь отягчающими обстоятельствами при совершении обычных преступлений¹¹⁹.

Тем не менее, 11 марта 2021 г., как уже указывалось выше, парламент Шотландии принял новый закон «О преступлениях на почве ненависти и против общественного порядка». Главным в законе было введение в правовой оборот ответственности за новое преступление – «умышленное разжигание ненависти». Слово «умышленное» было внесено после неод-

¹¹⁶ UK Government Considers New Foreign Agents Registration Act // Covington. URL: <https://www.cov.com/-/media/files/corporate/publications/2020/07/uk-government-considers-new-foreign-agents-registration-act.pdf>.

¹¹⁷ Public Order Act (1986), Section 5 // UK Government. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/64/section/5.

¹¹⁸ Public Order Act (1986) // UK Government. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/64.

¹¹⁹ Racist and Religious Hate Crime – Prosecution Guidance, updated 21.10.20. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/racist-and-religious-hate-crime-prosecution-guidance>.

нократных дебатов с целью защитить свободу слова¹²⁰. Все это свидетельствует о том, что усилия независимого правительственного советника по экстремизму Сара Хан не пропали даром. Можно предположить, что шотландский закон – это пробный шар, за которым последует общенациональный закон об экстремизме.

В *Германии* экстремистской (антиконституционной) считается политическая деятельность, направленная против конституционного строя и основ свободного демократического строя,¹²¹ под которыми понимается «неизменные высшие ценностные принципы как основа демократии»^{122,123}. В отличие от английской и американской правовых систем, эти преступления в ФРГ кодифицированы. Ст. 86 Уголовного кодекса объявляет уголовным преступлением распространение пропагандистских материалов антиконституционных организаций, а ст. 86а – пропаганду с использованием их символики. Ст. 130 («Подстрекательство»), охватывающая также разжигание расовой ненависти, является одним из важнейших инструментов борьбы против правого экстремизма и ксенофобии, содержащихся в Уголовном кодексе. Организации, пропагандирующие расистскую идеологию, либо оправдывающие или разжигающие расовую ненависть и расовую дискриминацию, подлежат уголовному преследованию на основании ст. 129 и 129а Уголовного кодекса. И это принципиальное отличие антиэкстремистского законодательства Германии от аналогичного законодательства в США и Соединенном Королевстве.

Законодательство Германии запрещает политические партии и группы, не удовлетворяющие конституционным требованиям. В соответствии с Основным законом (ст. 9) и Законом «О частных ассоциациях» общества и ассоциации, не являющиеся политическими партиями, могут быть запрещены, если по заключению компетентного органа их цель или деятельность противоречит уголовному законодательству или направлена

¹²⁰ MSPs approve Scotland's controversial hate crime law // BBC News, March 11, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-56364821>.

¹²¹ Bundesamt für verfassungsschutz, Glossar. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_IV#vereinsverbot.

¹²² Там же, онлайн: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_IF#freiheitliche-demokratische-grundordnung.

¹²³ К таким принципам относятся, согласно Конституции: право народа осуществлять государственную власть на выборах и голосовании, через законодательные и судебные органы, а также избирать представительный орган на общих, прямых, свободных, равных и тайных выборах; привязка законодательства к конституционному строю и привязка исполнительной власти и юрисдикции к закону и порядку; право создавать и осуществлять парламентскую оппозицию; возможность подчинения правительства и его ответственность перед парламентом; независимость судов; исключение всякого насилия и произвола; права человека, указанные в Основном законе (*прим. авт.*).

против конституционного строя или против концепции взаимопонимания между народами. В ФРГ также существует уголовная ответственность за отрицание Холокоста. Она базируется на Уголовном кодексе ФРГ и Законе «О преодолении последствий преступлений» 1994 года.

Особое внимание в законодательстве страны уделяется пресечению распространения символов антиконституционных организаций. Продолжают действовать законодательные запреты на использование символов и приветствий, обозначающих приверженность идеологии «Третьего Рейха». Главным образом, это статьи Криминального кодекса ФРГ (Strafgesetzbuch, StGB): «Распространение пропагандистских материалов и применение символов или знаков антиконституционных организаций» (ст. 86 и 86а) и «Разжигание межнациональной розни» (ст. 130)¹²⁴.

В связи с потрясшими Германию в 2013 г. разоблачениями преступлений террористической группы Национал-социалистическое подполье (NSU), а также судебным разбирательством по этому делу, были предприняты меры по расширению полномочий спецслужб. Так, 26 февраля 2014 г. бундестаг удовлетворил совместную просьбу всех парламентских политических партий, которая включает в общей сложности 50 предложений по реформе полиции, судебной системы и конституционной защиты. Кроме того, с этого момента при назначении наказания стало уделяться особое внимание преступлениям расистского, и ксенофобского характера¹²⁵.

19 марта 2015 г. немецкий Уголовный кодекс был дополнен статьей 46.2, согласно которой суды обязаны учитывать мотив ненависти при вынесении приговоров. Это важнейшая реформа, положившая конец лояльному отношению к расизму и дискриминации в германских судах¹²⁶. В июле 2015 г. федеральный парламент, Бундестаг, согласился ужесточить закон о беженцах. С этого момента люди, которые пересекли границу контрабандным путем и заявили об утере паспорта, подлежат аресту и выдворению без дальнейших разбирательств¹²⁷.

30 июня 2015 г. в стране вступило в силу новое законодательство по борьбе с терроризмом. Согласно новому закону, выезд за границу с целью получения террористической подготовки и участия в боевых дей-

¹²⁴ Сборник законов ФРГ. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

¹²⁵ Германия. Антидискриминационное законодательство // Интернет-платформа «Гражданская нация». URL: https://www.ru.civic-nation.org/germaniya/vlast/zakonodatelstvo/antidiskriminatsionnoe_zakonodatelstvo/.

¹²⁶ Strafgesetzbuch//Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

¹²⁷ Германия. Антидискриминационное законодательство // Интернет-платформа «Гражданская нация». URL: https://www.ru.civic-nation.org/germaniya/vlast/zakonodatelstvo/antidiskriminatsionnoe_zakonodatelstvo/.

ствиях в составе террористических групп является преступлением. Новое законодательство также ставит вне закона финансирование терроризма. Соответствующая статья была внесена в Уголовный кодекс. Также как в Британии, Франции и Нидерландах, он также вводит ограничения на действие национальных удостоверений личности и заграничных паспортов иностранных боевиков, с помощью которых они путешествовали как в пределах ЕС, так и по всему миру¹²⁸.

8 августа 2019 г. в Германии был принят «Третий закон о внесении изменений в Закон о гражданстве», который допускает лишение гражданства для лиц, которые участвовали в террористическом ополчении на Ближнем Востоке¹²⁹.

Современное антиэкстремистское законодательство *Италии* стало формироваться, начиная с 1990-х гг. В июне 1993 г. Сенат Италии принял закон, направленный на борьбу с расизмом (Legge Mancino, decreto-legge № 205/1993 – «Закон Манчино»). Он предусматривает тюремное заключение сроком до 3 лет за религиозную, этническую и расовую нетерпимость. Кроме того, закон запрещает любые объединения, призывающие к дискриминации иностранцев или инакомыслящих. Этот закон представляет собой обновленную версию закона против расовой дискриминации 1975 г., который никогда не применялся¹³⁰. «Закон Манчино» стал инструментом для преследования неонацистского терроризма в начале 1990-х годов и помог сдержать распространение неонацистских групп. Он рассматривает преступный акт как создание, участие или поддержку любой организации, группы или движения, целью которых является подстрекательство к расовой дискриминации или насилию. Кроме того, «Закон Манчино», по аналогии с германским законодательством, запрещает публичную демонстрацию символов экстремистских организаций и рассматривает как отягчающее обстоятельство любого преступного деяния, его расистскую мотивацию¹³¹. В дополнение к этому законодательству существует также статья 18 / бис, пункт 1 закона № 482, являющаяся поправкой 1999 года в т.н. «Legge Reale», касающийся регулирования публичных акций. Поправка защищала права *коренных* языковых и этниче-

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Drittes Gesetz zur Änderung des Staatsangehörigkeitgesetzes. URL: https://dejure.org/BGBl/2019/BGBl_I_S_1124#:~:text=c%20des%20Dritten%20Gesetzes%20zur,1%20Nr.

¹³⁰ Италия. Антидискриминационное законодательство // Интернет-платформа «Гражданская нация». URL: [https://www.ru.civic-nation.org/italiya/vlast/zakonodatelstvo/anti-diskriminatsionnoe_zakonodatelstvo/.](https://www.ru.civic-nation.org/italiya/vlast/zakonodatelstvo/anti-diskriminatsionnoe_zakonodatelstvo/)

¹³¹ Legge Mancino, Consiglio dei Ministri, no. 205 (25 Giugno 1993); and no. 85 (24 Febbraio 2006).

ских меньшинств на изучение родного языка и на получение образования на родном языке¹³².

20 февраля 2015 г. были приняты поправки в уголовный кодекс, посвященные борьбе с терроризмом в Италии. Поправки увеличили сроки тюремного заключения за терроризм для соучастников терактов. Новое законодательство разрешает правительству привлекать вооруженные силы к осуществлению предупредительных полицейских функций в связи с актами террора. Была введена новая квалификация преступления – участие в деятельности зарубежной террористической организации. В ходе уголовного судопроизводства было разрешено временное изъятие паспортов подозреваемых. Также были расширены возможности спецслужб для сбора личных данных лиц, подозреваемых в терроризме.

27 апреля 2016 г. Италия ратифицировала Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся криминализации актов расистского и ксенофобского характера, совершаемых посредством компьютерных систем¹³³.

В июне 2016 г. был принят Закон об отрицании Холокоста¹³⁴. В соответствии с этим новым законодательством те лица или группы, которые публикуют материалы или публично заявляют об отрицании Холокоста, или делают заявления в этом смысле в социальных сетях или блогах или веб-сайтах, несут ответственность и подлежат наказанию в виде шести лет лишения свободы и штрафа 6.000 евро. Этот закон стал своего рода завершением «Закона Манчино».

24 сентября 2018 г. в Италии был принят закон «Об иммиграционной безопасности», предложенный министром внутренних дел и заместителем председателя правительства М. Сальвини, возглавлявшим право-популистскую партию националистического толка «Лига»¹³⁵. Закон ставил своей целью ограничение присутствия мигрантов в Италии. Он облегчил процедуру депортации из страны (исключения составляют только те люди, которым угрожает на родине смерть или угроза пыток), а также ужесточил наказание для организаторов торговли людьми.

В 2015 году произошла реформа Уголовного кодекса *Испании*. Одним из принципиальных изменений стала поправка к статье 510 УК о разжигании ненависти. Это положение предусматривает наказание за *публичное*

¹³² *Fiorenzo Toso*, "Le Minoranze Linguistiche in Italia". Bologna: Il Mulino Collana Universale paperback, 2008.

¹³³ Там же.

¹³⁴ La legge 16 giugno 2016, n. 115. URL: <https://www.altalex.com/documents/news/2016/06/30/negazionismo-in-gazzetta-la-nuova-legge>.

¹³⁵ Decreto legge Salvini su immigrazione e sicurezza. URL: <https://www.meltingpot.org/+Decreto-legge-Salvini-su-immigrazione-e-sicurezza+.html>.

подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации «на почве расизма, антисемитизма или других факторов, связанных с идеологией, религией или убеждениями, семейным положением, принадлежностью к этнической группе, расе или нации, национальному происхождению, полу, сексуальной ориентации или инвалидностью; посягательство на достоинство людей посредством действий, связанных с унижением, презрением или унижением достоинства на тех же основаниях; и публичное отрицание, преуменьшение и прославление преступлений геноцида, преступлений против человечности или против лиц, пользующихся защитой в вооруженных конфликтах, только если они поощряют или поощряют атмосферу насилия, вражды, ненависти или дискриминации».

Другие положения Уголовного кодекса этой страны также регулируют преступления на почве ненависти, предусматривая уголовную ответственность за угрозы, направленные на запугивание членов некоторых групп (в частности, этнических, культурных или религиозных – статья 170); отказ какому-либо лицу, находящемуся на государственной службе или занимающемуся профессиональной или предпринимательской деятельностью, в получении выгоды, на которую это лицо имеет право, по дискриминационным основаниям (в частности, по признаку этнического происхождения, национальной принадлежности, сексуальной ориентации – статьи 511 и 512); участие в деятельности организаций, которые имеют целью совершение уголовных преступлений или поощрение или разжигание ненависти, враждебности или дискриминации (статья 515); геноцид (статья 607)¹³⁶.

Тем не менее, Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН) выступила с рядом критических замечаний в отношении этого нормативного акта. Основная критика состоит в том, что испанское законодательство не подразумевает ответственности за разжигание ненависти по таким ключевым позициям как цвет кожи, язык, гражданство и гендерная идентичность. Кроме того, в нем нет уголовной ответственности за поддержку групп, поощряющих расизм, а также за любую расовую дискриминацию при занятии государственных должностей или осуществлении профессиональной деятельности¹³⁷.

Однако эффект от реформы ст. 510 УК Испании фактически был сведен на «нет» определенными факторами правоприменения, а именно официальной памяткой (Циркуляром № 7/2019) от 14 мая 2019 г.,¹³⁸ под-

¹³⁶ Código Penal. Derecho Penal, Leyes. URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/codigo-penal/>.

¹³⁷ Ecri Report on Spain. URL: <https://rm.coe.int/fifth-report-on-spain/16808b56c9>.

¹³⁸ Circular 7/2019, de 14 de mayo, de la Fiscalía General del Estado, sobre pautas para inter-

писанной Государственным прокурором страны Марией Хосе Сегарра Креспо, которая содержит руководящие принципы толкования этой статьи. В ней утверждалось, что поскольку дискриминация по идеологическому признаку включена в статью 22.4 УК как отягчающее обстоятельство, а также в статью 510 как одно из дискриминационных оснований, любая идеология должна защищаться без учета ее моральной этики. Это было подвергнуто критике со стороны многих правозащитных организаций, но осталось без изменения. Другой важный аспект памятки заключается в том, что в ней подчеркивается важность доказательства намерений отдельного лица в момент передачи сообщения, которое может рассматриваться как разжигание ненависти, что фактически создает большие проблемы при доказывании вины преступника. Как видим, попытки отойти от дефиниции насильственного экстремизма в пользу более широкого его толкования сталкиваются с жестким противодействием со стороны исполнительной власти в лице ее отдельных представителей, в данном случае государственного прокурора.

В 2004 г. в *Нидерландах* был принят Закон о террористических преступлениях. Этот закон был воплощением европейского рамочного решения 2002 года, направленного на усиление внимания уголовного законодательства к терроризму. Для этого в Закон было включено определение «террористического намерения», и было установлено, что преступления с террористическим умыслом подлежат более суровому наказанию. Подготовка к таким преступлениям также влечет за собой более строгое наказание¹³⁹.

После серии террористических атак 28 декабря 2006 г. в стране был принят еще один закон «О расширении возможностей расследования и судебного преследования террористических преступлений» № 30164, который существенно расширял возможности спецслужб и судов¹⁴⁰. Это расширение позволило правительству действовать быстрее в случае серьезной террористической угрозы. Принципиальное новшество состояло в том, что впредь спецслужбам при проведении расследований были не нужны конкретные обоснованные подозрения для получения судебных санкций на обыск, систематическое наружное наблюдение и прослушивание телефонных переговоров¹⁴¹.

pretar los delitos de odio tipificados en el artículo 510 del Código Penal. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2019-7771.

¹³⁹ Eerste Kamer der Staten-Generaal, 28.463 «Wet terroristische misdrijven». URL: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/28463_wet_terroristische.

¹⁴⁰ Eerste Kamer der Staten-Generaal, 30 164 «Verruiming mogelijkheden tot opsporing en vervolging van terroristische misdrijven». URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-30164-K.html>.

¹⁴¹ Там же.

29 июля 2008 г. в Нидерландах был принят закон о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма¹⁴². Годом позже, 18 июня 2009 г. был принят закон о криминализации участия в тренировочных лагерях террористов, в т.ч. за рубежом¹⁴³. Оба этих закона ссылаются на теракты 11 сентября 2001 г. как на причину принятия закона о борьбе с терроризмом.

Эти меры имели далеко идущие последствия для основных прав гражданских лиц и подозреваемых. В 2016 г. в Нидерландах произошел достаточно показательный случай крайнего расширения полномочий спецслужб в интересах борьбы с терроризмом. 17 мая Палата представителей Нидерландов (Tweede Kamer) приняла проект Временного закона об административных мерах по борьбе с терроризмом, представленный министерством безопасности и юстиции (MSJ). Законопроект ограничил свободу передвижения лиц, представляющих угрозу национальной безопасности, и тем, кто намерен присоединиться к террористическим группировкам или оказать им финансовую поддержку¹⁴⁴. Он также касается и лиц, которые возвращаются из мест боевых действий (в Сирии, Ираке, Афганистане и т.д.), но которые ранее не подвергались уголовному преследованию, а также лиц, которые не покидали территорию Нидерландов, но, по мнению спецслужб, «сильно радикализованы и готовы применить насилие». При этом исполнительная власть в лице спецслужб получила полномочия запрещать отдельным лицам покидать Нидерланды, если существуют «обоснованные подозрения», что они планируют присоединиться к террористической организации.

24 мая 2016 г. Палата представителей Нидерландов приняла вторую часть законопроекта по борьбе с терроризмом, также представленного министерством безопасности и юстиции. Новый документ требовал внесения поправок в Закон о гражданстве Нидерландов, что позволило правительству отзываться голландское гражданство без предварительного обвинения у тех граждан, которые вступают в террористические организации за рубежом. По словам министерства, «возвращение в Нидерланды джихадистов может представлять собой прямую угрозу национальной

¹⁴² Eerste Kamer der Staten-Generaal, 31.238, «Wet ter voorkoming van witwassen en financieren van terrorisme», online at: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/31238_wet_ter_voorkoming_van.

¹⁴³ Eerste Kamer der Staten-Generaal, 31 386, «Strafbaarstelling deelname en meewerken aan training voor terrorisme», online at: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/31386_strafbaarstelling_deelname.

¹⁴⁴ Global Legal Monitor, «Netherlands: Two New Sets of Administrative Sanctions Proposed to Fight Terrorism», online at: <https://loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-two-new-sets-of-administrative-sanctions-proposed-to-fight-terrorism/>.

безопасности», и в таких случаях необходимо быстрое реагирование с тем, чтобы такие люди не смогли вернуться в Нидерланды. В законе говорилось, что министр юстиции и безопасности может потребовать аннулирования голландского гражданства лица, достигшего 16-летнего возраста, добровольно входящего в вооруженные силы государства, участвующего в боевых действиях против Королевства Нидерландов, или против альянсов, в которые входит Королевство. Министр может также аннулировать гражданство лица в возрасте не моложе 16 лет и находящегося за пределами Королевства, если станет известно, что он или она присоединились к организации, которая находится в списке террористических организаций, участвующих в национальных или международных вооруженных конфликтах, и считающихся угрозой национальной безопасности.

Кроме того, в законопроекте предусматривается, что джихадисты должны быть объявлены нежелательными иностранцами после того, как их гражданство будет аннулировано. Две новые меры по снятию гражданства и объявлению иностранца нежелательным лицом дополняют существующие формы борьбы с терроризмом и препятствуют законному возвращению таких лиц в Нидерланды и в Шенгенскую зону. Однако отмена голландского гражданства будет невозможна, если человек, таким образом, станет апатридом: это противоречит международным конвенциям, к которым присоединилось Королевство. Таким образом, возможность отмены гражданства в практическом смысле ограничивается лицами с двойным гражданством, к которым в основном относятся мигранты¹⁴⁵. При этом возникала коллизия, поскольку лицо, у которого было могло быть отозвано гражданство, причем только на основе подозрений спецслужб, не могло даже подать апелляцию в суд, поскольку такая возможность не была предусмотрена ранее в законе.

Ситуация, как уже указывалось, была разрешена только 7 февраля 2017 г., когда в Закон о гражданстве был внесен новый раздел о правовой защите лиц, чье гражданство было отозвано. В частности, такие лица могут прямо подать апелляцию в районный суд Гааги, чтобы оспорить решение об отзыве или в любой из заморских территорий Нидерландов¹⁴⁶. Однако, закон так и не предусмотрел возможности личной подачи в суд для тех лиц, которых лишили гражданства в период нахождения за пределами Нидерландов. Кроме того, закон оставил в силе право органов исполнительной власти лишать человека гражданства без решения суда.

Тогда же, 7 февраля 2017 г., в Нидерландах был принят третий закон, который вносит поправки в Закон о паспортной деятельности Нидерландов.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Netherlands: Three New Laws Adopted to Further Counterterrorism Efforts // Global Legal Monitor. URL: <https://www.loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-three-new-laws-adopted-to-further-counterterrorism-efforts/>.

Он предусматривает, что паспорта и удостоверения личности автоматически становятся недействительными, когда запрет на выезд из страны налагается министром безопасности и правосудия. Цель состоит в том, чтобы помешать людям покинуть страну и отправиться в районы джихада.

В июле 2017 г. в Нидерландах был также принят закон о службах разведки и безопасности. Он предоставил широкие полномочия разведке и службам безопасности, угрожая, по мнению правозащитников, соблюдению прав на неприкосновенность частной жизни, свободу выражения мнений и недискриминацию. Серьезные опасения по-прежнему касались возможности обмена информацией со спецслужбами в странах, которые могут использовать такую информацию для нарушения прав человека и преследования противников правительства¹⁴⁷.

Наконец, 15 октября 2018 г. здесь был принят Закон об усилении уголовного законодательства против терроризма. Это позволило увеличить сроки предварительного следствия для подозреваемых в серьезных террористических преступлениях и упростило сбор генетического материала у подозреваемых для тестирования ДНК. Этот закон также распространил обязанность сообщать о всех террористических преступлениях, в том числе о преступлениях, которые все еще находятся в стадии подготовки, и установил, что судья может отказать в праве голоса лицам, осужденным за террористическое преступление¹⁴⁸.

Впрочем, сегодня как власть, так и широкие круги общественности в разных странах все чаще высказываются за дальнейшее расширение полномочий спецслужб, что объясняется ростом террористической опасности. Так, например, 25 сентября 2016 г. 65% швейцарцев поддержали на референдуме законопроект о расширении полномочий спецслужб по слежке за населением¹⁴⁹. А в октябре 2020 года правительство Германии согласовало законопроект, который предоставит спецслужбам право контролировать переписку граждан в мессенджерах, включая What'sUp и другие. Речь идет о передаче провайдерами спецслужбам т.н. «ключей шифрования». Все это, по задумке исполнительной власти Германии, должно будет повысить эффективность борьбы с экстремизмом¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Amnesty International, Netherlands 2019. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/europe-and-central-asia/netherlands/report-netherlands/>.

¹⁴⁸ 34.746, « Versterking strafrechtelijke aanpak terrorisme // Eerste Kamer der Staten-Generaal. URL: https://www.eerstekamer.nl/wetsvoorstel/34746_versterking_strafrechtelijke.

¹⁴⁹ Швейцарцы одобрили расширение полномочий спецслужб и отказались от роста пенсий // Г-та «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/09/25/658382-shveitsartsi-spetsssluzhb>.

¹⁵⁰ Спецслужбам ФРГ разрешат отслеживать сообщения в мессенджерах // Г-та «Известия». URL: <https://iz.ru/1076674/2020-10-21/spetssluzhbam-frg-razreshat-otslezhivat-soobshcheniia-v-messendzherakh>.

Антиэкстремистское законодательство в Российской Федерации

Российская Федерация была одной из первых стран, которые с пониманием восприняли американский призыв к противодействию терроризму и начали приводить свое законодательство в соответствие с существующими вызовами. К этому времени у России накопился достаточно большой опыт противодействия исламскому экстремизму и сепаратизму на Кавказе, кроме того, в стране начиналось серьезное противостояние с праворадикалами, которые угрожали подрыву межнационального единства страны.

В 2002 г. в стране был принят Федеральный закон РФ № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁵¹. Наряду с насильственными действиями, направленными на подрыв конституционного строя, закон включил в себя сразу же целый ряд положений, касающихся призывов к насилию и ненасильственного разжигания ненависти. В частности, закон обязывал Министерство юстиции РФ, на основании решений российских судов, вести и публиковать Федеральный список экстремистских материалов.

К этому времени (с 1996 г.) Уголовный кодекс РФ уже содержал такие статьи как «Терроризм» (ст. 205), «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» (ст. 205.1), «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» (ст. 207), «Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем» (ст. 208), «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» (ст. 280), а также «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» (ст. 282)¹⁵². В дальнейшем именно они и стали основой антиэкстремистского блока российского законодательства.

Кроме того, в 1998 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»,¹⁵³ который установил правовые и организационные основы борьбы с этим преступлением, вопросы координации и порядок взаимодействия органов власти в борьбе с терроризмом, а также права, обязанности и гарантии прав граждан. В частности, на законодательном уровне были сформулированы такие бывшие ранее спорными понятия, как террористическая организация, террористическая деятельность, международный терроризм и др. С 2001 года также действовал Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹⁵⁴.

¹⁵¹ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18939>.

¹⁵² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ, М. 1996.

¹⁵³ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом». URL: <http://base.garant.ru/12112507/#ixzz6fOVRMbLX>.

¹⁵⁴ Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О противодействии

Вместе с проектом закона № 114-Ф были приняты соответствующие поправки в Уголовный кодекс. В рамках поправок появились две новые статьи УК: 282-1 «Организация экстремистского общества» и 282-2 «Организация деятельности экстремистской организации». Также сменилось название статьи 280. Если ранее она именовалась «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации», то с 2002 года носит название «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»¹⁵⁵.

За прошедшие годы антиэкстремистское законодательство существенно расширилось. В частности, в антитеррористическом блоке УК РФ появились статьи 205.2 («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»),¹⁵⁶ 205.3 («Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»),¹⁵⁷ 205.4 («Организация террористического сообщества и участие в нем»),¹⁵⁸ 205.5 («Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»),¹⁵⁹ а также ст. 205.6 («Несообщение о преступлении»)¹⁶⁰.

Ответственность за преступления террористического характера при этом была существенно ужесточена¹⁶¹. Одновременно с этим были приняты и другие меры¹⁶². В частности, 21 ноября 2002 г. президент РФ подписал Федеральный закон «О внесении дополнения в Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», согласно которому тела убитых террористов не выдаются и о месте их захоронения не сообщается. После одного из крупнейших терактов в Беслане 1 сентября 2004 г. появился новый закон «О противодействии терроризму»¹⁶³. Он был принят 6 марта 2006 г. и содержал

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL:<https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-07082001-n-115-fz-o/>.

¹⁵⁵ См. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25 июля 2002 г.), М. 2002 г.

¹⁵⁶ См. Федеральный закон № 153-ФЗ от 27 июля 2006 г., п. 8).

¹⁵⁷ См. Федеральный закон № 302-ФЗ от 2 ноября 2013 г., п. 7).

¹⁵⁸ Там же, п. 8.

¹⁵⁹ Там же, п. 9.

¹⁶⁰ См. Федеральный закон № 375-ФЗ от 6 июля 2016 г., п. 19).

¹⁶¹ Ст. 205 – максимальная планка – с 5 до 15 лет, ст. 205.1. – максимальная с 8 до 15 лет, по ч. 2,4 – до пожизненного заключения, по ч. 3 – до двадцати лет лишения свободы – см. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

¹⁶² Основные законы по противодействию терроризму. Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/866180>.

¹⁶³ Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

более усовершенствованные формулировки по сравнению с предыдущим законом «О борьбе с терроризмом». Кроме того, новый закон возлагал основную ответственность за борьбу с террором на Федеральную службу безопасности и создавал новый межведомственный орган – Национальный антитеррористический комитет (НАК). 30 декабря 2008 г. был отменен суд присяжных по всему блоку антитеррористических статей УК.

27 июля 2010 г. президент Д. Медведев подписал закон N 238-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Законом предусматривалась административная ответственность за неповиновение любому требованию сотрудника ФСБ при исполнении им служебных обязанностей¹⁶⁴.

2 ноября 2013 г. в стране был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», предусматривающие новые наказания за террористическую деятельность. Согласно закону, обязанность по возмещению вреда, в том числе и морального, причиненного в результате теракта, возлагается на родственников и близких террористов «при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества».

5 мая 2014 г. вступил в силу еще один пакет законов, направленных на борьбу с терроризмом. Поправками в различные законодательные акты было расширено понятие «террористического акта». За совершение преступлений террористической направленности, а также за финансирование терроризма наказание было увеличено до 15–20 лет лишения свободы. Для предотвращения финансирования терроризма была введена обязательная идентификация для платежей, превышающих 15 тысяч рублей. Тогда же был утвержден так называемый «Закон о блогерах», который регламентировал обязательное хранение в течение шести месяцев информации о пользователях и их активности сети, а также разрешил органам правопорядка получать их для оперативной деятельности без разрешения суда¹⁶⁵.

24 июня 2016 г. президент РФ В.В. Путин подписал закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части упорядочения рас-

¹⁶⁴ См. КоАП, ст. 19.3.

¹⁶⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» № 97-ФЗ, 5 мая 2014 г. URL: <https://210fz.ru/zakon-o-smi-i-bloggerax/>.

пространения информации в сети «Интернет»)). Согласно закону, владельцы агрегаторов новостей обязаны не допускать их использования в целях «распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань», также распространения новостей «с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями»¹⁶⁶.

Ранее, 7 июля 2003 г. в стране был принят закон «О связи», согласно которому провайдеры обязаны предоставлять государственным органам информацию о пользователях и их деятельности в сети. А 28 июля 2012 г. вступил в силу Закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»,¹⁶⁷ вводящий понятие *внесудебной блокировки сайтов*. В соответствии с этим законом с 1 ноября 2012 г. в России действует *реестр запрещенных интернет-ресурсов*¹⁶⁸.

6 июля 2016 г. были приняты два федеральных закона: «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (Федеральный закон № 374-ФЗ) и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления 18 дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (Федеральный закон № 375-ФЗ). Данные законы были направлены на совершенствование правового регулирования в сфере противодействия терроризму. Были введены изменения в 12 федеральных законов и кодексов. Например, было уточнено понятие «финансирование терроризма», были установлены дополнительные требования к операторам связи и организаторам распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также к осуществлению транспортно-экспедиционной деятельности.

¹⁶⁶ Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 97-ФЗ. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/document/542/>.

¹⁶⁷ Федеральный закон № 139-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3797/>.

¹⁶⁸ См. официальный сайт: <http://eais.rkn.gov.ru/>.

Помимо этого, УК РФ дополнился новой статьей 361 «Акт международного терроризма», выделяющей в отдельный состав совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан России, в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации. Кроме того были внесены изменения в целый ряд статей УК, в частности в ст. 208, которая криминализирует участие в незаконных вооруженных формированиях, в т.ч. за рубежом. В соответствии с законом «О противодействии экстремистской деятельности» Министерство юстиции России (ранее – Росрегистрация) время от времени публикует с продолжением в «Российской газете» два списка организаций, признанных судами России ведущими экстремистскую деятельность. В один список включаются ликвидированные и запрещенные организации, в другой – организации, деятельность которых приостановлена.

Примерно то же самое происходило и с блоком антиэкстремистских статей УК РФ, связанных с распространением вражды и призывов к насильственным действиям в отношении личности и конституционного строя. 8 декабря 2003 г. был принят крупный блок поправок в УК РФ,¹⁶⁹ которыми, в частности, полностью изменялось название и содержание 282-й статьи. Она была переименована в «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Было введено наказание за возбуждение ненависти либо вражды или унижение достоинства человека не только по признаку национальной, расовой или религиозной принадлежности, но и пола, языка, происхождения, принадлежности к социальной группе. Также был дополнительно введен увеличен денежный штраф за совершение данных преступлений. Кроме того, Федеральным законом № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г. были еще больше увеличены денежные штрафы¹⁷⁰.

Федеральным законом № 179-ФЗ от 28 июня 2014 г. ст. 280 и 282 были дополнены положениями, устанавливающими уголовную ответственность за преступления экстремистского характера с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети *Интернет*. Это крайне важное дополнение нанесло удар по всей инфраструктуре радикализации молодежи. Оно привело к резкому росту уголовных дел за распространение ненависти, прежде всего в сети Интернет, но и к одно-

¹⁶⁹ См. Федеральный Закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2003/12/16/kodeks.html>.

¹⁷⁰ Федеральный закон №420-ФЗ от 7.12.11. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://dokipedia.ru/document/5292033>.

временному снижению числа насильственных преступлений¹⁷¹. Кроме того, новой статьей 282.3 вводилась уголовная ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремисткой направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремисткой организации¹⁷². 6 июля 2016 г. Федеральным законом № 375-ФЗ была ужесточена ответственность по ст. 282 ч. 1¹⁷³.

В ноябре 2017 г. был принят закон «О внесении изменений в статьи 10-4 и 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», который открывает большие возможности по контролю за информацией в Интернете, в том числе дает право властям блокировать во внесудебном порядке сайты, размещающие материалы «нежелательных организаций»¹⁷⁴.

11 октября 2018 г. были приняты поправки в закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», согласно которому въезд может быть не разрешен, если иностранец участвует в деятельности экстремистской организации¹⁷⁵.

18 марта 2019 г. вступил в силу закон «О внесении изменений в статьи 7 и 7.1 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 7 и 10 Федерального закона «О национальной платежной системе», подразумевающий, что . адвокаты, нотариусы и предприниматели, оказывающие юридические и бухгалтерские услуги будут обязаны замораживать средства или иное имущество клиента, если клиент включен в список Росфинмониторинга как лицо, подозреваемое в террористической деятельности¹⁷⁶.

2 декабря 2019 г. в России был принят закон о расширении перечня лиц, которым запрещено быть учредителями, участниками и членами не-

¹⁷¹ См. Федеральный закон № 179-ФЗ от 28 июня 2014 г., пп. 2-3.

¹⁷² Там же, п. 6.

¹⁷³ См. Федеральный закон № 375-ФЗ от 6 июля 2016 г., п.а).

¹⁷⁴ Нежелательные организации на территории России. Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/5053719>.

¹⁷⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 26 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810110030>.

¹⁷⁶ Федеральный закон от 18.03.2019 № 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 7-1 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 7 и 10 Федерального закона «О национальной платежной системе». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180033>.

коммерческих организаций, в том числе общественных и религиозных объединений. В соответствии с ним в федеральные законы «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях» и «О свободе совести и о религиозных объединениях» была внесена поправка, запрещающая организациям и физическим лицам, счета которых заморозила Межведомственная комиссия по противодействию финансированию терроризма, становиться учредителями, а также членами или участниками некоммерческих организаций.

23 мая 2020 г. в России также был принят закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства о выборах и референдумах и обеспечения основных гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации)», запретивший осужденным по «экстремистским» и «террористическим» статьям Уголовного кодекса избираться в представительные органы муниципальных образований и законодательные органы власти в течение пяти лет после снятия или погашения судимости¹⁷⁷.

27 апреля 2020 г. в России был принят закон, вносящий поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. УК был дополнен статьей 243.4 (уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России). Частью 1 этой статьи за подобные действия, совершенные «в целях причинения ущерба историко-культурному значению таких объектов», предусматривалось наказание в виде штрафа до 3 млн руб. или зарплаты за период до трех лет, либо в виде принудительных работ на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок. Причем речь шла об объектах, расположенных как в России, так и за ее пределами¹⁷⁸. Таким образом антиэкстремистское законодательство охватило еще один аспект – вандализм в отношении памятников защитникам Отечества.

Сравнения и общие выводы

Если сравнить американское, канадское и российское законодательство, то мы увидим, что, хотя имеет место общий тренд на ужесточение ответственности за совершение преступлений экстремистской направ-

¹⁷⁷ РАПСИ, «Совфед одобрил поправки о совершенствовании избирательного законодательства». URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20200520/305822382.html.

¹⁷⁸ Президент РФ подписал закон об уголовном наказании за разрушение памятников защитникам Отечества // Агентство Городских Новостей. Москва. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/2991367> (дата обращения: 11.10.21).

ленности и расширение полномочий спецслужб, дает о себе знать разница в подходах к понятию «экстремизм» в целом. Если американская правовая традиция, как уже указывалось, не рассматривает в качестве проявления экстремизма распространение ненависти, акцентируя внимание на противодействии терроризму и насильственным преступлениям экстремистского характера, связанным с насилием, а также на ограничительных мерах в отношении определенных социальных групп, представители которых, по мнению законодателя, могут стать объектом радикализации, то российская традиция, не затрагивая интересы социальных групп, уделяет ненасильственным проявлениям экстремизма не меньшее внимание, чем терроризму, поскольку считает, что в основе любого насильственного преступления лежит предварительная идеологическая радикализация преступника.

Европейское антиэкстремистское законодательство тоже акцентировано на борьбе с террором и в этой части следует в основном американским стандартам. Однако по мере усиления террористических угроз и понимания необходимости профилактической работы по противодействию радикализации населения, в европейских странах также усилилась о борьба с *распространением ненависти*, в ходе которой законодатель постоянно решает вопрос о паритете демократических ценностей и интересов безопасности.

При этом антиэкстремистское законодательство европейских стран, также как и аналогичное законодательство США, Канады и России, двигалось в последние годы в сторону ужесточения. В то же время в ЕС существуют разные подходы к криминализации ненасильственных преступлений ненависти. В некоторых из них, уголовная ответственность предусмотрена за такие преступления только в том случае, если в результате нанесен ущерб конкретной личности (физический, материальный, психологический) или распространение ненависти связано с угрозой насилия.

Однако в ряде европейских стран существует ответственность за распространение ненависти по отношению к социальной группе. Не будет преувеличением сказать, что в связи с террористической опасностью в Европе все эти страны постепенно осознают необходимость борьбы с радикализацией, что требует не просто пересмотра подходов к законодательству в сторону криминализации ненасильственного экстремизма ненависти, но и пересмотра взгляда на традиционные либеральные ценности, которыми они все чаще пренебрегают.

Общий тренд антиэкстремистского законодательства происходит именно в эту сторону, о чем свидетельствуют не только реформы антиэкстремистского законодательства последних 20 лет, но и выводы бри-

танской Комиссии по противодействию экстремизму, о которых указывалось выше¹⁷⁹. Британская позиция очень показательна, поскольку англичане весьма консервативны в своем законодательстве и в своем подходе к либеральным ценностям. Ведь британское законодательство развивается в общем тренде с законодательством американским, это одна правовая традиция – англо-саксонское право. Таким образом, несмотря на разные дефиниции экстремизма и разные базовые ценности, развитые страны едины в своем стремлении ужесточить меры в борьбе с этим злом. Характерно, что эти меры, равно как и риски, практически единообразны.

Риск представляет собой, прежде всего, правовая тенденция в сторону отхода от основополагающих демократических ценностей, таких как свобода слова и самовыражения в интересах общественной безопасности. Очевидно, что в условиях стремительного развития и появления новых форм экстремизма, часто связанных с развитием технического прогресса, законодатель просто не в состоянии предусмотреть все нюансы экстремистских проявлений в их неизбежной динамике.

Понятно, что в условиях, когда законодательство регулирует самые разные стороны жизни – от конституционного строя и избирательного процесса до социальных отношений и прав меньшинств, эта проблема приобретает еще более болезненный характер. Все это приводит к тому, что законодатель либо пренебрегает правами человека с целью ограждения своих граждан от проявлений насильственного экстремизма, либо делегирует вопросы правоприменения институту экспертов и исполнительной власти, что создает дополнительные риски злоупотреблений.

Однако, альтернативой являются другие риски, а именно безнаказанность тех или иных форм распространения ненависти, а следовательно, и провалы в борьбе с радикализацией граждан и террором. Поэтому конфликт между демократическими ценностями, свободами и правами человека, с одной стороны, и интересами общественной безопасности, с другой, возникший еще в 2001 году, неизбежен и будет сохраняться до окончательного перелома в противостоянии с экстремизмом. В этом конфликте демократические режимы становятся более уязвимыми, поскольку они теряют свои характерные черты и вынуждены мириться с размыванием своих ценностей, чего нельзя сказать об авторитарных и этнократических режимах.

¹⁷⁹ Independent adviser calls for overhaul of extremism strategy // GOV.UK, official website of the UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/independent-advisor-calls-for-overhaul-of-extremism-strategy>.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА ПРОСТРАНСТВЕ ОБСЕ

В.В. Энгель

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/3>

Введение

Антиэкстремистские правоприменительные практики проистекают из действующего антиэкстремистского законодательства. Как правило, они регулируются национальными стратегическими планами по борьбе с экстремизмом и терроризмом, которые включают в себя меры, связанные с профилактикой экстремизма, правоохранительными мерами по недопущению экстремистских проявлений, защитой границ, жизненно важных объектов инфраструктуры и граждан, а также с проверкой готовности к подавлению террористических угроз и преодолению последствий атак (если их не удалось предотвратить) и иных экстремистских проявлений.

Из ключевых моментов, связанных с правоприменительными мерами, следует выделять следующие:

а) Оперативная работа по мониторингу социально-политической системы государства с целью выявления экстремистских проявлений и источников радикализации общества.

б) Создание списка экстремистских и террористических организаций и лиц, обвиняемых или подозреваемых в экстремистской деятельности.

в) Контроль за средствами и инфраструктурой радикализации населения (радикальная литература и экстремистские медиа-материалы, интернет-пространство, различные офлайн площадки, которые используются для пропаганды радикальных взглядов и т.д.)

г) Пресечение экстремистских проявлений и преступлений экстремистской направленности.

Независимо от того, как государство определяет экстремизм, оно в любом случае стремится противодействовать радикализации общества и подавлять любые ее проявления. Действуя в соответствии с национальными стратегическими планами по борьбе с экстремизмом и терроризмом, правоохранительные органы организуют мониторинг экстремистских проявлений, используя для этого методы оперативной работы, а также при необходимости взаимодействуя с институтами гражданского общества.

Формируя список мер по противодействию экстремистской деятельности, исполнительные органы власти исходят из оперативной инфор-

машины, предоставляемой спецслужбами и гражданским обществом, международных обязательств, а также из своего понимания экстремизма в соответствии с действующим законодательством. В целом классификация антиэкстремистских мер на пространстве ОБСЕ единообразна. Речь идет о таких мерах противодействия, как мониторинг и создание системы информирования на предмет выявления экстремистских организаций и лиц, занимающихся противоправной экстремистской деятельностью; практическое ограничение деятельности экстремистских и террористических организаций; контроль за деятельностью физических лиц, подозреваемых в причастности к экстремистской деятельности; контроль за средствами и инфраструктурой радикализации, включая циркуляцию экстремистских материалов, места радикализации, в т.ч. интернет и офлайн площадки, массовые мероприятия политического, спортивного, религиозного и иного характера; меры пресечения экстремистской деятельности, включая аресты, задержания, депортации, возбуждение уголовных дел в соответствии с действующим законодательством и пр. Рассмотрим имплементацию этих мер в различных странах более подробно.

Ограничение деятельности экстремистских и террористических организаций

Прежде всего, речь идет об определении *списка экстремистских организаций*, требующих особого внимания спецслужб. Эти организации, как правило, запрещаются или их деятельность приостанавливается, а их члены становятся объектами преследования или контроля со стороны государства.

Списки экстремистских и террористических организаций существуют во многих странах мира. Разница состоит лишь в критериях отбора, которые также основываются на национальных дефинициях экстремизма. Как правило, решение о включении в список и запрещении организации принимают суды. Например, в *Нидерландах* основанием для запрещения и роспуска организации является нарушение общественного порядка¹. К такому относятся, в том числе, действия, предусмотренные ст. 137c и 137d, которые подразумевают наказание для объединений отдельных лиц, публично оскорбляющих социальную группу или призывающих к насилию в отношении ее членов². В Германии и России в такие списки

¹ Dutch Civil Code. Book 2 Legal Persons, art. 2-20. URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook 022.htm>.

² Wetboek van Strafrecht, art. 137c, 137d. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/nld/1881/penal-code-of-the-netherlands_html/Netherlands_Penal_Code_1881_as_amd_2014.pdf.

включаются организации, которые проповедают ненависть к социальной группе и занимаются экстремистской и террористической деятельностью.

Существуют страны, списки которых ограничиваются лишь террористическими организациями, к ним относятся, прежде всего, Британия и США. Впрочем, список США ограничивается только зарубежными организациями, поскольку первая поправка к конституции Соединенных Штатов не позволяет должным образом кодифицировать преступления, связанные с внутренним терроризмом. Другие страны, например, уже упоминавшиеся Германия и Российская Федерация, включают в свои списки как террористические, так и экстремистские организации в соответствии с требованиями собственного законодательства.

Так, например, в *Великобритании* существует реестр «Запрещенных террористических групп и организаций». Он обновляется по мере необходимости. Например, в 2021 году этот список обновлялся дважды – 23 апреля³ и 26 ноября⁴. В этом документе перечислены «экстремистские группы или организации, запрещенные *законодательством* Великобритании, и приведены критерии, которые учитываются при принятии решения об их запрещении»⁵. Это организации, которые отвечают критериям террористических, т.е. они «совершают террористические акты или участвует в них; готовят теракты; поощряют терроризм (включая незаконное прославление терроризма); или иначе связаны с терроризмом»⁶. Принимая решение о внесении организации в такой список, министр внутренних дел должен учитывать характер и масштаб деятельности организации; конкретную угрозу, которую она представляет для Великобритании; конкретную угрозу, которую она представляет для британских граждан за рубежом; степень присутствия организации в Великобритании; а также необходимость поддержки других членов международного сообщества в глобальной борьбе против терроризма⁷. На 17 июля 2020 г. в реестр Соединенного Королевства было внесено 76 международных

³ Policy paper. Proscribed terrorist groups or organisations. List of terrorist groups or organisations banned under UK law, and details of proscription criteria. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/proscribed-terror-groups-or-organisations--2#history>.

⁴ Policy paper. Proscribed terrorist groups or organisations. List of terrorist groups or organisations banned under UK law, and details of proscription criteria. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/proscribed-terror-groups-or-organisations--2/proscribed-terrorist-groups-or-organisations-accessible-version#list-of-proscribed-international-terrorist-groups>.

⁵ Там же.

⁶ Home Office. Proscribed Terrorist Organisations, p. 3. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/901434/20200717_Proscription.pdf.

⁷ Там же.

террористических организаций, большинство из которых являются исламистскими, и 14 североирландских террористических групп⁸.

В США в список международных террористических групп входило в 2020 г. 69 организаций. Еще 13 было исключено из него по разным причинам, в основном после прекращения существования организации⁹. Однако американское законодательство разделяет терроризм на внутренний и международный. Причем, в отличие от международного, внутренний терроризм, хотя и упоминается в законе как вид терроризма, но не кодифицируется как преступление со всеми присущими ему характеристиками и последствиями в виде наказания за него. Вследствие этого федеральное правительство оказалось лишенным многих инструментов для борьбы с внутренним терроризмом, какие оно имеет для борьбы с внешними террористическими угрозами.

Директивы ФБР запрещают агентам использовать их против деятельности, защищенной Первой поправкой к Конституции¹⁰. Имея подробный и постоянно обновляемый список зарубежных террористических организаций, американские спецслужбы не имеют официальных реестров внутренних экстремистских организаций, что создает им очевидные проблемы не только в борьбе с радикализацией, но и с предотвращением насильственных преступлений, что и произошло весной и летом 2020 г. в ходе компании ВЛМ и выступлений в поддержку президента Д. Трампа в Вашингтоне 6–7 января 2021 г.

Такая ситуация вызывает озабоченности у американских законодателей. 27 марта 2019 г. в Сенате США был зарегистрирован законопроект «О борьбе с внутренним терроризмом», направленный, прежде всего, против праворадикалов – супрематистов и неонацистов. Цель законопроекта – «разрешить специальным отделениям по борьбе с терроризмом в рамках Министерства внутренней безопасности, Министерства юстиции и Федерального бюро расследований анализировать и контролировать террористическую деятельность в стране и требовать от федерального правительства принятия мер по предотвращению внутреннего терроризма»¹¹.

Таким образом, американские законодатели признают наличие проблемы, а ФБР официально публикует на своем сайте информацию о

⁸ Там же, pp. 6–22.

⁹ U.S. Department of State, «Foreign Terrorist Organizations». URL: <https://www.state.gov/foreign-terrorist-organizations/>

¹⁰ См. CBS News, «What is «domestic terrorism» and what can the law do about it?», August 10, 2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/what-is-domestic-terrorism-understanding-law-and-fbi-definitions-terrorist-activity-in-the-united-states/>.

¹¹ 116th Congress, 1st Session. S-894. A Bill. URL: <https://www.congress.gov/116/bills/s894/BILLS-116s894is.xml>.

внутренних террористических организациях, не называя их, но давая информацию об их идеологических различиях и категориях¹². Они выделяют следующие категории американских экстремистских организаций: экстремисты против аборт, «суверенные граждане», экологические экстремисты, «ополченцы-экстремисты», белые расисты-супрематисты и анархисты¹³. Иными словами, речь в основном идет о расистском, политическом (как левом, так и правом) экстремизме. Англоязычная Википедия называет 15 наиболее известных в 20–21 веке внутренних террористических организаций США. Среди них Ку-клукс-клан, Лига защиты евреев, «Альфа 66», «Коммунистическая коалиция 19 мая» и другие¹⁴.

В *Германии* существует несколько списков запрещенных экстремистских организаций: правые экстремисты, левые экстремисты, зарубежные экстремистские организации (кроме исламистских), исламистские экстремистские организации¹⁵. В 2021 г. их общая численность составляла 42 организации¹⁶. Между тем, существуют официальные списки незапрещенных организаций, имеющих признаки экстремизма. Таковых намного больше¹⁷.

В соответствии со ст. 86 УК ФРГ существуют также федеральные списки «антиконституционных символов» (как правило, связанных с национал-социализмом: свастика, руны СС, гитлеровское приветствие и т.п.),¹⁸ а также списки, составляемые земельными ведомствами по защите конституции, включающие в себя символику современных запрещенных неонацистских организаций. Наряду с праворадикальными символами и организациями, запретам подвергаются объединения и символы исламистского характера. Ведомство по защите Конституции Германии (Bundesverfassungsschutz, BfV) информирует об этом на своем сайте. По-

¹² Federal Bureau of Investigation, «Domestic Extremist Ideologies». URL: <https://cve.fbi.gov/whatare/?state=domestic>; FBI teen website, «Don't be a Puppet». URL: <https://www.fbi.gov/cve508/teen-website/what-are-known-violent-extremist-groups>

¹³ Federal Bureau of Investigation, «Domestic Extremist Ideologies». URL: <https://cve.fbi.gov/whatare/?state=domestic>.

¹⁴ Wikipedia, «Domestic Terrorism in the United States». URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Domestic_terrorism_in_the_United_States#Terrorist_organizations.

¹⁵ Bundesamt für Verfassungsschutz, «Arbeitsfelder». URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/arbeitsfelder/>.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Bayerische Staatskanzlei, «Verzeichnis extremistischer oder extremistisch beeinflusster Organisationen (nicht abschließend)». URL: https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayVV_108268-0.

¹⁸ Rechtsextremismus: Symbole, Zeichen und verbotene Organisationen // Bundesamt für Verfassungsschutz. URL: https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/rechtsextremismus/2022-02-rechtsextremismus-symbole-zeichen-organisationen.pdf?__blob=publicationFile&cv=2%20.

следний запрет был издан в марте 2020 г. в отношении символики «Хезболлы»¹⁹. Земельные ведомства публикуют брошюры с разъяснением, что такое исламизм, его методы, отличие ислама от экстремизма и «политического ислама»²⁰. Отдельная информация предназначается для мусульманской молодежи с целью уберечь ее от вовлечения в исламистские структуры, например, салафитов, которые нередко демонстрируют себя якобы в виде особой исламской молодежной субкультуры (сайт МВД земли Северный Рейн-Вестфалия)²¹.

В соответствии с законом о противодействии экстремистской деятельности Министерство юстиции *Российской Федерации* публикует два списка организаций, признанных судами России ведущими экстремистскую деятельность. В один список включаются ликвидированные и запрещенные организации, в другой – организации, деятельность которых приостановлена. Кроме того, на сайте Национального антитеррористического комитета (НАК) и сайте ФСБ публикуется список российских и международных организаций, признанных террористическими.

На март 2022 г. в списке террористических организаций РФ значилось 37 российских и международных организации исламистской, право- и леворадикальной направленности, а в перечне экстремистских организаций – 90²². Как видим, в России разделяют террористические и экстремистские организации. Анализ списка экстремистских организаций показывает, что 52 из них являются праворадикальными или правоэкстремистскими организациями (из них пять – украинские), 7 – исламистскими, а 5 – неславянскими националистическими организациями. Кроме того в список включены 19 религиозных тоталитарных сект, 2 группировки, не относящиеся ни к каким другим группам, например, «Арестантское уголовное единство», проповедующее т.н. «воровское братство», которое, впрочем, не имеет организационного оформления. Еще 4 признаны политическими экстремистскими группами.

¹⁹ “Ban on activities of terrorist organization Hezbollah in Germany”, Federal Ministry of Interior, Building and Community, Press-Release 30 April, 2020. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/EN/2020/04/ban-of-hizb-allah-activities.html>.

²⁰ См: Meklenburg Vorpommern, Ministerium für Inneres und Sport Abteilung Verfassungsschutz, Islamistische Aktivitäten erkennen». URL: https://www.verfassungsschutz-mv.de/static/VERF/Dateien/Broschueren/Broschre_Islamistische_Aktivitten_erkennen.pdf.

²¹ Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein-Westfalen, «Extremistischer Salafismus als Jugendkultur Sprache, Symbole und Style». URL: https://www.land.nrw/sites/default/files/asset/document/extremistischer_salafismus_als_jugendkultur_internet.pdf.

²² Список экстремистских и террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории РФ // Экстремизму. Нет. URL: <https://extremizmu.net/zapreshhennye-organizacii/#extremizm>.

Что касается списка российских террористических организаций, то туда входит 29 исламистских организаций, 6 ультраправых групп, одна тоталитарная секта и одна скулшутинговая группа («Колумбайн»).

Работа по обновлению списков экстремистских и террористических организаций во всех странах ведется постоянно. В декабре 2019 г. была запрещена, например, деятельность немецкого филиала правоэкстремистской группировки Combat 18, базирующейся в Великобритании. Адвокаты группировки подали в суд против МВД ФРГ. В сентябре 2020 г. Высший административный суд признал запрет правомочным. Было отмечено при этом, что Combat 18 выражает приверженность идеологии национал-социализма, распространяет печатную продукцию, содержащую ненависть. Группировка тесно связана с неонацистскими музыкальными коллективами. Само ее название демонстрирует симпатию к Адольфу Гитлеру²³. В марте 2020 г. за деятельность, противоречащую уголовному праву и направленную против идеи международного взаимопонимания, была запрещена исламистская организация «Хезболла»²⁴.

Не менее важным является решение суда Берлина, разрешающее Ведомству по защите Конституции называть «Движение идентичности» правоэкстремистским. Это международная праворадикальная сеть, первоначально возникшая в Великобритании и Франции. Особая опасность «идентитаристов» состоит в их «псевдоинтеллектуальном» имидже. «Движение» позиционирует себя в качестве якобы легитимного защитника этнического большинства в европейских государствах на основе теории «идентитаризма», против «угрозы», исходящей от ислама. В июне 2020 г. суд, несмотря на якобы мирные формы протеста, признал движение правоэкстремистским. Основная аргументация: не только идеология «идентитаристов» является расистской, но и их призывы к «чистоте расы» и признание представителей определенных этнических групп «людьми второго сорта» вполне могут стимулировать сторонников движения к насилию²⁵. В сообщении для прессы Административного суда Берлина говорится, что их «центральное требование сохранения этнокультурной

²³ «BVerwG: Verbot der Vereinigung «Combat 18 Deutschland» bleibt vollziehbar», Kostenlose Urteile. URL: https://www.kostenlose-urteile.de/BVerwG_6-VR-120_BVerwG-Verbot-der-Vereinigung-Combat-18-Deutschland-bleibt-vollziehbar.news29240.htm.

²⁴ «German government bans Hezbollah – Interior Ministry», DW. URL: <https://www.dw.com/en/german-government-bans-hezbollah-interior-ministry/a-53287126>.

²⁵ «Verfassungsschutz darf «Identitäre Bewegung» als «gesichert rechtsextremistisch» bezeichnen», Kostenlose Urteile. URL: https://www.kostenlose-urteile.de/VG-Berlin_1-L-18820_Verfassungsschutz-darf-Identitaere-Bewegung-als-gesichert-rechtsextremistisch-bezeichnen.news28905.htm.

идентичности нарушает человеческое достоинство, потому что относится к отдельным лицам или группам людей как к людям второго сорта. Это становится очевидным в целом ряде заявлений «Движения идентичности» о «гетерогенизации общества через иностранную культурную иммиграцию». Кроме того, политика «Движения идентичности» направлена на сохранение этнической «чистоты» всех народов. Эта группа также оскорбляет человеческое достоинство, потому что она постоянно действует словесно против иностранцев, особенно мусульман, и делает этих людей категорически опороченными и униженными»²⁶.

Целый ряд исламистских организаций был запрещен только в 2020 г. во Франции после варварского убийства учителя Сэмюэля Пати 16 октября 2020 года. Это прежде всего касалось тех НПО, которые отказываются признать французскую модель секуляризма и подозреваются в том, что они направляют средства джихадистским группировкам. Первая из них – «Collectif Cheikh Yassine»²⁷ была запрещена 21 октября 2020 г., прежде всего из-за непосредственной причастности к подстрекательству к убийству учителя Сэмюэля Пати²⁸. Затем правительство выступило против фонда Charity Baraka city, известного тем, что он собирал деньги для помощи нуждающимся в 26 мусульманских странах. Поскольку руководитель фонда салафит Идрисс Сихамеди отказался принять светские законы Франции и публично осудить ISIS (или «Аль-Каиду»), активы Charity Baraka city были заморожены, а сам фонд был запрещен 28 октября 2020 года. Наконец, 2 декабря 2020 г. была запрещена Ассоциация по борьбе с исламофобией во Франции (Collectif contre islamophobie en France (CCIF)), которая также отказывалась признать законы о светскости. За неделю до запрета она решила переместить свои активы, штаб-квартиру и деятельность в нераскрытое иностранное государство²⁹. Все эти организации позиционировали себя как правозащитные или благотворительные.

Работа по расширению списка экстремистских организаций активно ведется и в России. В Федеральный список в 2018 было включено 7, в

²⁶ «Verwaltungsgericht Berlin, «Identitäre Bewegung» und Verfassungsschutzbericht 2019: Einstufung als «gesichert rechtsextrem» nicht zu beanstanden (Nr. 34/2020), Pressemitteilung vom 23.06.2020. URL: <https://www.berlin.de/gerichte/verwaltungsgericht/presse/pressemitteilungen/2020/pressemitteilung.949221.php>.

²⁷ «Cinq questions sur le collectif «Cheikh Yassine» dissous par Emmanuel Macron», L'Express. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/societe/cinq-questions-sur-le-collectif-cheikh-yassine-dissous-par-emmanuel-macron_2136879.html.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

2019 – 4, в 2020 – 5 новых организаций, а в 2021 году – 8 организаций, а на март 2022 года – 1³⁰.

Контроль за деятельностью физических лиц, подозреваемых к причастности к экстремизму

К другим правоприменительным мерам противодействия экстремизму, активно применяемыми в разных странах, относятся *контроль за лицами, подозреваемыми в экстремистской деятельности*, а также ограничительные меры в отношении лиц, представляющих опасность для общественного порядка. Как правило, государства разделяют тех, в отношении кого есть устойчивые подозрения в причастности к преступлениям экстремистской и террористической направленности, и тех, в отношении кого есть только подозрения о причастности к деятельности экстремистских организаций или просто к автономной экстремистской деятельности.

В отношении одних проводятся розыскные мероприятия, в отношении других проводится проверка и осуществляется контроль за их общественно-политической и иной деятельностью. В *Германии* такие лица причисляются к «потенциальным террористам». Потенциальный террорист (по-немецки «Gefährder», букв. «угрожающий») – это тот, кто может представлять угрозу общественной безопасности, поскольку определенные «факты подтверждают предположение, что он или она может совершить тяжкое преступление». Такие предположения в основном основаны на выводах, сделанных спецслужбами.

Лица, представляющие потенциальную угрозу, не могут быть заключены в тюрьму, если они не признаны виновными в совершении фактического преступления, даже если они придерживаются определенных убеждений. Такие люди находятся в зоне контроля спецслужб, причем степень этого контроля различается в зависимости от страны и степени опасности, как ее оценивают спецслужбы. Таких людей достаточно много. Федеральное Бюро по защите конституции Германии оценивает количество только левых радикалов в 33 500 человек. Из них 9 200 в 2019 г. были признаны «воинствующими» и включены в специальные списки контроля. Из них 7 400 человек относятся к движению «Антифа», однако только двое признаны потенциальными террористами³¹. В список потен-

³⁰ Министерство юстиции Российской Федерации. Перечень НКО, ликвидированных в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», онлайн: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>.

³¹ Brief summary 2019 Report on the Protection of the Constitution Facts and Trends. URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/EN/publikationen/2020/vsb-2019->

циально опасных экстремистов исламистской направленности на конец 2019 г. в ФРГ определено 28 020 человек³². Из них, полиция и спецслужбы рассматривают 774 радикальных исламиста как потенциальных террористов. Из них 450 человек в настоящее время проживают в Германии. Остальные покинули страну. Среди правых экстремистов потенциальных террористов всего 28³³ при потенциале в 32 080 человек на конец 2019 года³⁴.

В последнее время таких лиц стали увольнять с государственной службы, причем суды, как правило, становятся на сторону работодателя. Например, гражданский служащий Бундесвера (рабочая специальность) состоял в правоэкстремистской группе. Он регулярно высказывал свою приверженность ультраправому мировоззрению и размещал соответствующие сообщения в социальных сетях. В декабре 2018 г. Министерство обороны ФРГ на этом основании расторгло контракт со своим сотрудником. В июле 2019 г. суд по трудовым вопросам Берлина признал увольнение правомочным, что является, безусловно, значимым³⁵.

Французский контрольный список «Fiche-S» с высоким уровнем безопасности включает около 26 000 человек (исламистских, правых, левых и иных экстремистов), представляющих потенциальную угрозу для государства³⁶. 4 000 из них считаются очень опасными³⁷. В Национальный список террористов Нидерландов входило на 21 июля 2022 г. 142 человека³⁸. Они объявлены в розыск, а их активы на территории Нидерландов заморожены в соответствии с Резолюцией 1373 (2001) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН)³⁹.

en.pdf;jsessionid=B90D3B1C7CCB652B6AB120654CC192EA.1_cid287?__blob=publicationFile&v=3.

³² Там же.

³³ Deutsche Welle, «Germany's terrorism watch list: What you need to know». URL: <https://www.dw.com/en/germanys-terrorism-watch-list-what-you-need-to-know/a-46728126>.

³⁴ Brief summary 2019 Report on the Protection of the Constitution Facts and Trends. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/EN/publikationen/2020/vsb-2019-en.pdf;jsessionid=B90D3B1C7CCB652B6AB120654CC192EA.1_cid287?__blob=publicationFile&v=3.

³⁵ Arbeitsgericht Berlin, «Kündigung eines Mitarbeiters der Bundeswehr wegen Verbindungen in die rechtsextreme Szene», Pressemitteilung Nr. 19/19 vom 17.07.2019. URL: <http://www.berlin.de/gerichte/arbeitsgericht/presse/pressemitteilungen/2019/pressemitteilung.829850.php>.

³⁶ Оценка эксперта по французскому терроризму Ива Тротигнона, cf. <https://www.nouvelobs.com/societe/terrorisme/20180326.OBS4169/surveillance-des-fiches-s-nous-n-avons-pas-les-moyens-humains-de-tout-suivre.html>.

³⁷ Там же.

³⁸ Government of the Netherlands, National sanction list terrorism. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2016/01/15/national-terrorism-list>.

³⁹ Там же.

В российский действующий перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму входило на 4 августа 2022 г. 10178 человек (российские граждане). В списке иностранных террористов на ту же дату состояло 412 человек⁴⁰.

В каждой стране существуют свои принципы включения потенциально опасных субъектов в контрольные списки. Более того, внутри списков существуют собственные подразделения. Например, в отчете Бюро по защите Конституции ФРГ, опубликованном летом 2018 года, определены три отдельные группы потенциальных исламистских террористов: с одной стороны, одинокие субъекты, которые радикализируются, а также очень небольшие группы экстремистов. С другой стороны, люди, которые возвращаются из контролируемых джихадистами регионов мира. И, наконец, так называемые «боевые отряды», которые отправляются террористическими сетями, такими как «Исламское государство» (ИГ), для проведения тщательно продуманных атак⁴¹.

Спецслужбы разных стран регулярно пополняют или сокращают свои списки. Так в 2020 г. из российского списка было исключено 3 человека, но включен дополнительно 21 человек, а в 2022 г. было исключено 187 человек⁴². Включение и исключение происходит по результатам оперативной деятельности, в результате смерти террористов, а также вследствие взаимодействия с гражданским обществом и отдельными гражданами.

Профилактические мероприятия, предусмотренные специальными планами по противодействию терроризму и экстремизму, также используются в правоприменительной практике не только как мера по предотвращению радикализации граждан, но и как одна из мер контроля, направленная на выявление активных экстремистов или лиц, находящихся в процессе радикализации. Например, британская программа CONTEST (от первых букв английских слов Counter-Terrorism Strategy) подразумевает наличие широкого участия в контроле за населением *Британии* НПО и отдельных граждан.

Примерно то же самое происходит и в других странах. Закон о муниципальных антидискриминационных службах *Нидерландов* обеспечивает каждому человеку возможность сообщить о (предполагаемой) дискриминации или факте распространения ненавистнических взглядов, равно как

⁴⁰ Сведения об организациях и физических лицах, причастных к террористической деятельности // Федеральная служба по техническому и экспортному контролю Российской Федерации. URL: <https://fstec.ru/component/attachments/download/1740>.

⁴¹ Deutsche Welle, «Germany's terrorism watch list: What you need to know». URL: <https://www.dw.com/en/germanys-terrorism-watch-list-what-you-need-to-know/a-46728126>

⁴² Росфинмониторинг, Иностранные физические лица, «Перечень террористов и экстремистов (действующие)», онлайн: <http://www.fedsm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>.

и о подготовке иных действий, представляющих угрозу общественной безопасности, по месту своего жительства. Государственная прокуратура создала для этого специальный Национальный экспертный центр по вопросам дискриминации⁴³. В последние годы были внесены улучшения в систему регистрации жалоб на дискриминацию (NJCМ, 2018): в каждом муниципалитете имеется антидискриминационное бюро, которое отвечает за регистрацию и рассмотрение жалоб на дискриминацию⁴⁴. Эти бюро сотрудничают с Государственной прокуратурой и полицией, а также со школами и предприятиями. Кроме того, Государственная прокуратура располагает комплексной базой данных по уголовным делам (GPS), которая может использоваться для регистрации всех преступлений, связанных с дискриминацией, вандализмом, расовой и религиозной ненавистью.

Во Франции в целях содействия раскрытию преступлений экстремистского характера Министерством внутренних дел совместно с Министерством юстиции с 2019 г. проводится работа, позволяющая свидетелям и жертвам преступлений на почве ненависти подключаться к платформе для связи со специально обученными следователями. Обсуждения в форме чата возможны 24 часа в сутки, 7 дней в неделю и будут способствовать сбору информации, а затем и оформлению заявлений о преступлениях⁴⁵.

Там, где профилактика бессильна, спецслужбы организуют *оперативно-розыскные мероприятия*, к которым относятся обыски, рейды и т.д. Их цель – выявление лиц, подозреваемых в связях с экстремистами, а также экстремистских пропагандистских материалов и инструкций. Как уже указывалось, в качестве превентивной меры спецслужбы используют задержания, домашний арест и электронный контроль за лицами, представляющими угрозу для общественной безопасности. Например, в Германии с 2017 г., лицам, представляющим опасность для общественного порядка, по решению суда может быть надет электронный браслет⁴⁶. Только в 2016 г. после серии террористических атак во Франции спецслужбы этой

⁴³ Wet gemeentelijke antidiscriminatievoorzieningen. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0026168/2009-07-28>.

⁴⁴ Briefing of the European Commission against Racism and Intolerance (ECRI) of the Council of Europe, in view of its fifth report on the Netherlands. URL: <https://njcm.nl/wp-content/uploads/2018/06/Submission-NJCM-on-ECRI-CoE-5th-monitoring-round-Netherlands-20180615.pdf>.

⁴⁵ Ministère de l'Intérieur, «Statistiques 2019 des actes antireligieux, antisémites, racistes et xénophobes». URL: <https://www.interieur.gouv.fr/Actualites/Communiqués/Statistiques-2019-des-actes-antireligieux-antisemites-racistes-et-xenophobes>.

⁴⁶ «Bundestag bans face veils for civil servants amid security measures», Deutsche Welle, URL: <https://www.dw.com/en/bundestag-bans-face-veils-for-civil-servants-amid-security-measures/a-38619204>.

страны провели рейды и обыски в домах 4500 подозреваемых активистов, более 700 из них было задержано и затем отпущено под подписку о невыезде и с обязательством об отметке в полицейском участке (ежедневной или раз в неделю)⁴⁷.

В России, которая долгое время также является объектом террористических атак, широко распространена практика оперативного выявления радикально настроенных лиц, в том числе членов запрещенных экстремистских организаций. В качестве мер предотвращения экстремистских проявлений применяются рейды и обыски по месту их жительства или в других местах, в том числе при проведении ими мероприятий, направленных на радикализацию населения. Распространена практика постановки на профилактический учет граждан, в связи с их возможной приверженностью экстремизму. В частности, только в Дагестане, по данным Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, к 2016 г. на такой учет было поставлено около 20 000 человек⁴⁸.

Основанием для постановки на профилактический учет является оперативная информация о посещении «радикальных» ваххабитских мечетей, распространении экстремистских материалов, участии в деятельности экстремистских организаций или связи с выявленными экстремистами и т.д.⁴⁹ Такая же практика применяется и в других регионах, в т.ч. в Крыму, где действуют запрещенные в РФ, но легально действовавшие на территории Крыма в период нахождения в составе Украины организации, например, такие религиозные экстремистские и террористические организации как «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги Джамаат». Как было указано выше, такая практика характерна для многих стран ОБСЕ.

Контроль за средствами и инфраструктурой радикализации

Важной задачей правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом является контроль за средствами и инфраструктурой радикализации населения, к которым относятся радикальная литература и экстремистские медиа-материалы, интернет-пространство и, прежде всего, социальные

⁴⁷ Ministry of Defence communiqué on Opération Sentinelle, URL: <http://www.defense.gouv.fr/operations/operations/france/operation-sentinelle/sentinelle-10-000>.

⁴⁸ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 8 декабря 2016 г., онлайн: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/53440>.

⁴⁹ Европейский центр толерантности Институт изучения проблем национальной политики и межнациональных отношений, «Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в России, ежегодный доклад 2016 год», М. 2017., сс. 28–29, онлайн: <https://www.ru.civic-nation.org/upload/iblock/a11/a11382a6978c5ed4ac54ac7fb249bb84.pdf> (Annex 829).

сети, различные онлайн площадки, которые используются для пропаганды радикальных взглядов и т.д.

Интернет сегодня является основной средой радикализации. По результатам исследований, проведенных голландскими экспертами на основе опроса лиц, содержащихся под стражей по обвинениям в террористической деятельности, социальные сети сыграли важную роль, в их радикализации, особенно если они состояли в Интернет-группах с «харизматичным лидером»⁵⁰.

Как видно из анализа законодательства, все страны мониторинга после 11 сентября 2001 г. расширили возможности государства в области контроля за виртуальной средой. В области правоприменения это вылилось в создание специальных исполнительных органов, которые призваны не допускать распространения ненависти в сети. Практически во всех странах мониторинга были созданы соответствующие полицейские подразделения, которые активно сотрудничают с другими государственными органами или неправительственными организациями в этом вопросе. Например, в феврале 2018 г. в структуре Национального криминального агентства *Словакии* (НАКА) было создано новое подразделение по борьбе с терроризмом и экстремизмом, причем базовый блок состоял из офицеров, которые являются специалистами именно по киберэкстремизму. Это направление, по словам его руководителя Тибора Гапшара, стало одним из главных направлений работы подразделения⁵¹. А министерство юстиции вместе с министерством внутренних дел *Австрии* внедрили в практику в 2016–17 гг. программы повышения осведомленности своих сотрудников в отношении разжигания ненависти в Интернете⁵².

Все это говорит о том, что власти стран мониторинга осознают всю серьезность Интернета как среды, где возможна массовая радикализация населения. Но кроме того, органы власти, а также сами провайдеры всячески поощряют создание разнообразных каналов для информирования о случаях разжигания ненависти.

⁵⁰ Ljujic, V., Versteegt, I., Weerman, F., Thijs, F., van Prooijen, J. W., el Bouk, F., & van de Weijer, S. // “Testing a Threat Model of Terrorism: A multi-method study about socio-economic and psychological influences on terrorism involvement in the Netherlands. In *Understanding Recruitment to Organized Crime and Terrorism*” (2020), Springer, Cham, pp. 147–171, URL: <https://research.vu.nl/en/publications/testing-a-threat-model-of-terrorism-a-multi-method-study-about-so>.

⁵¹ ZriadiliNárodnújednotkubojaprotiterorizmu a extrémizmu, URL: <https://spravy.pravda.sk/domace/clanok/418554-zriadili-narodnu-jednotku-boja-proti-terorizmu-a-extremizmu/>.

⁵² Bundesministerium Inneres, «Öffentlichkeitsarbeit», URL: <https://www.bmi.gv.at/news.aspx?id=676D6445476E793144776F3D>.

В России, в соответствии с Федеральным законом «О связи» № 126-ФЗ от 7 июля 2003 г. такими исполнительными органами являются федеральные органы, ведущие оперативно-розыскную деятельность (ФСБ, МВД, СК)⁵³. Правами контрольной и надзорной деятельности в области электронных коммуникаций обладает Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)⁵⁴. Его надзорная деятельность регулируется статьями 10.4, 10.5, 15.1, 15.2, 15.3, 15.4, 15.6, 15.6-1, 15.8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁵⁵.

В соответствии с действующим законодательством в сетях российских интернет-провайдеров установлено оборудование Системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ). С 14 июля 2007 г. регулярно публикуется и обновляется *Федеральный список экстремистских материалов* (составляется Министерством юстиции РФ на основании решений российских судов, введен законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года)⁵⁶. С 2008 г. российские провайдеры начали блокировать доступ к ресурсам, внесенным в этот список⁵⁷. В черный список изначально попадают сайты, содержащие информацию о наркотиках, детскую порнографию и призывы к суициду, а также ресурсы, по которым было вынесено судебное решение о нарушении законодательства. С 1 февраля 2014 г., на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в этот список попадают сайты экстремистского содержания. Блокировка

⁵³ Федеральный закон «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ, онлайн: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/.

⁵⁴ Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, см. онлайн: <https://rkn.gov.ru/>.

⁵⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», онлайн: <http://eais.rkn.gov.ru/docs/149.pdf>.

⁵⁶ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», онлайн: <http://base.garant.ru/12127578/#ixzz6fqwA0PMs>.

⁵⁷ ТАСС, «Государственный контроль интернета в России. Досье», онлайн: <https://tass.ru/info/693531>: «14 июля 2007 года был опубликован Федеральный список экстремистских материалов (составляется Министерством юстиции РФ на основании решений российских судов, введен законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года). С 2008 года российские провайдеры начали блокировать доступ к ресурсам, внесенным в этот список, хотя на тот момент правовой основы для такой блокировки еще не было».

осуществляется без решения суда Роскомнадзором по запросу генпрокурора или его заместителей⁵⁸.

При этом блокировка ресурса все чаще применяется как правоохранительными органами, так и самими провайдерами. В большинстве стран процедура блокирования интернет-сайтов может быть инициирована на основании мониторинга Интернета, а также на основании уведомлений от органов власти, организаций и граждан. Например, в *Нидерландах* о дискриминационных заявлениях в Интернете можно сообщить по «горячей линии» по вопросам дискриминации в Интернете (MiND Nederland). Эта линия регистрирует и обрабатывает все сообщения. Если MiND считает, что то или иное конкретное заявление является сообщением о контенте, представляющем угрозу общественной безопасности, то она направляет просьбу об удалении этого контента провайдеру. В исключительных случаях следует обращение в полицию⁵⁹. При этом сама возможность блокировки веб-сайтов, использующих язык вражды, призывающие к насилию и дискриминации, предусмотрена в перечне Общих контртеррористических мер правительства страны⁶⁰.

То же самое происходит в *Великобритании*. На веб-сайте правительства страны GOV.UK размещена информация с номером телефона для связи с призывом сообщать о размещенных в Интернете материалах, проповедующих «терроризм или экстремизм». Конкретно упоминаются статьи, изображения, выступления или видео, пропагандирующие терроризм или поощряющие насилие; веб-сайты террористических или экстремистских организаций; видео террористических атак⁶¹.

При этом некоторые страны, например, Россия,⁶² имеют открытые официальные списки запрещенных интернет-ресурсов, но в большинстве стран такие списки остаются закрытыми, формируемыми лишь решением судов или уполномоченных исполнительных органов. Так обстоит дело в Германии, Нидерландах, странах Балтии и других. Во Фран-

⁵⁸ Роскомнадзор, «О вступлении в силу изменений в федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 31 января 2014 г., онлайн: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news23647.htm>.

⁵⁹ MiND. Meldpunt Internet Discriminatie, URL: <https://www.mindnederland.nl/&prev=search&pto=aue>.

⁶⁰ Government of the Netherlands, Counterterrorism and National Security, URL: <https://www.government.nl/topics/counterterrorism-and-national-security/counterterrorism>.

⁶¹ GOV.UK, «Report URL material promoting terrorism or extremism», URL: <https://www.gov.uk/report-terrorism>.

⁶² «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», онлайн: <https://eais.rkn.gov.ru/>.

ции на конец 2016 г. в связи только с радикальным исламом было заблокировано почти 5000 веб-сайтов⁶³. При этом блокировка интернет-сайтов осуществляется примерно по одной и той же процедуре.

Европейский подход к распространению ненависти в Интернете отличается от подхода к циркулированию экстремистской литературы, поскольку, во-первых, на Западе существует устоявшаяся точка зрения о том, что книги на бумажном носителе не могут быть источником массовой радикализации населения из-за их относительно малых тиражей, а во-вторых, в большинстве европейских стран существует законодательство о запрете цензуры, которое, как правило, касается именно книг и других печатных изданий. Исключения составляет литература и печатные издания, например, листовки экстремистских или террористических организаций в случае, если они призывают к насилию. Тогда они подпадают под действие большинства европейских законов о борьбе с терроризмом.

Будучи защищенной законодательством о свободе слова и запрете цензуры, экстремистская, прежде всего, исламистская литература становится серьезной и малоисследованной проблемой для правоохранительных органов. Очень часто такие издания ввозятся из-за рубежа для использования под видом религиозной литературы в мечетях и медресе. В этом случае законодательство большинства европейских стран разрешает спецслужбам только отслеживать такую литературу и анализировать ее на предмет происхождения и призывов к насилию. Как было сказано выше, это происходит *даже в Британии и США, где экстремистская литература, согласно законодательству, не может быть запрещена*⁶⁴.

Несколько иная ситуация в России, где Интернет еще 20 лет назад был недоступен для большинства граждан, особенно в сельской местности. С 1994 году, когда вспыхнула сепаратистская война в Чечне, продолжавшаяся с небольшими перерывами почти 10 лет, широкая радикализация населения происходила там именно посредством печатных изданий. В тот же период страну захлестнула волна антисемитской литературы, которая непосредственно инициировала волну преступлений против евреев и их имущества. Было очевидно, что именно экстремистская литература является главным инструментом радикализации населения. Во мно-

⁶³ Vinayak Dalmia, *Radicalization in Prisons and Mosques in France* // The Air Force Journal for European, Middle Eastern, and African Affairs, June 9, 2020. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JEMEAA/Display/Article/2213984/radicalization-in-prisons-and-mosques-in-france/>.

⁶⁴ HM Government, 'Prevent Strategy', June 2011, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97976/prevent-strategy-review.pdf, p. 46.

гих регионах страны она продолжает оставаться им и по сей день. Сказывается не только по-прежнему низкий уровень развития Интернета в отдельных регионах РФ, но и определенная традиция. Особенно это касается религиозных кругов, где пользование Интернетом и ТВ не поощряется духовными наставниками.

Исходя из вышеизложенного, законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. было объявлено о создании *Федерального списка экстремистских материалов*,⁶⁵ ответственность за ведение, обновление и публикацию которого легла на Министерство юстиции. Первый список был опубликован 14 июля 2007 года⁶⁶. При этом, 23 ноября 2015 г. в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» была внесена ст. 3.1, согласно которой «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами»⁶⁷. При этом законодатель в пояснительной записке сослался на ст. 28 Конституции РФ, гарантирующей «свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой», а также на закон «О свободе совести и религиозных объединениях».

В то же время, п. 1 ст. 1 закона «О противодействии экстремистской деятельности» однозначно указывает на то, что одним из ее признаков является «массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение *в целях массового распространения*»,⁶⁸ следовательно, экстремизмом *не является* просто хранение единичных экземпляров такой литературы *без цели массового распространения*. Этот фактор часто не принимается во внимание российскими правоохранительными органами, что ведет к злоупотреблению антиэкстремистским законодательством.

Одним из элементов инфраструктуры радикализации населения являются те места, где возможно распространение экстремистских взглядов офлайн. В зависимости от традиций и культуры жителей того или иного региона, это могут быть любые массовые мероприятия, начиная от спортивных и заканчивая религиозными или политическими. Так под контролем спецслужб находятся многие спортивные соревнования, прежде всего фут-

⁶⁵ Министерство юстиции Российской Федерации, «Экстремистские материалы», онлайн: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>.

⁶⁶ «Государственный контроль Интернета в России. Досье» // ТАСС, 12 февраля 2015 г. URL: <https://tass.ru/info/693531>.

⁶⁷ Федеральный закон «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 23.11.2015 № 314-ФЗ, онлайн: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189222/.

⁶⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <http://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>.

большие матчи, где возможны проявления около спортивного расизма со стороны неформальных объединений болельщиков⁶⁹. Активно фиксируются спецслужбами также мероприятия, связанные с радикальными группами и партиями, неонацистские рок концерты и т.д.⁷⁰

Отдельной темой является распространение экстремистских взглядов в религиозных учреждениях, прежде всего в мечетях и медресе. В целом ряде стран этот риск сегодня не является критичным. Так, французский эксперт иранского происхождения Фахрад Хосрохавар пишет, что мечети больше не играют значительной роли в вербовке для джихада, и что те, кто уходит [к экстремистам], в большинстве своем являются молодыми мусульманами и новообращенными из так называемых бедных «банлиев» (пригородов больших городов), которых привлек джихад через Интернет или которые стали радикалами в период пребывания в тюрьме за мелкие преступные посягательства⁷¹.

Исследование американского Национального консорциума по изучению терроризма и ответным мерам на терроризм (START) также показало, что 91% радикальных исламистов в США радикализовались через Интернет, а не в мечетях или в других учреждениях⁷². Другая по степени распространенности среда для радикализации – это тюрьмы⁷³. Что касается мечетей, то в последнее время имамы, даже самые радикальные, опасаясь их закрытия, все чаще избегают прямых радикальных проповедей, прибегая к онлайн-пропаганде⁷⁴.

Однако, несмотря на снижение уровня риска, актуальность распространения экстремистских воззрений через исламские религиозные учреждения в целом ряде стран все же остается высокой. Например, во *Фран-*

⁶⁹ См. «White Papers of Hate», 2014, URL: <https://usercontent.one/wp/www.radicalrightanalysis.com/wp-content/uploads/2021/02/The-White-Papers-of-Hate-2014.pdf>.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Radicalisation: "Le rôle des mosquées est très effacé dans les nouvelles formes du djihadisme"», *Le Monde*, URL: https://www.lemonde.fr/attaques-a-paris/article/2015/11/26/radicalisation-le-role-des-mosquees-est-tres-efface-dans-les-nouvelles-formes-du-djihadisme_4818497_4809495.html.

⁷² «Profiles of Individual Radicalization in the United States (PIRUS)», May 14, 2020, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, online at: <https://start.umd.edu/data-tools/profiles-individual-radicalization-united-states-pirus>.

⁷³ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ, 2018-2020 // Московский экономический институт, 2021, с. 211. URL: [https://www.ru.civic-nation.org/report_2018_2020\(ver%202\).pdf](https://www.ru.civic-nation.org/report_2018_2020(ver%202).pdf)

⁷⁴ Vinayak Dalmia, Radicalization in Prisons and Mosques in France // *The Air Force Journal for European, Middle Eastern, and African Affairs*, June 9, 2020. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JEMEAA/Display/Article/2213984/radicalization-in-prisons-and-mosques-in-france/>.

ции, начиная с 2015 г. местные органы власти закрывают в среднем по 20 «радикальных» мечетей в год⁷⁵. Так в 2016 г. было закрыто 30 мечетей⁷⁶, в 2017 г. – 11 мечетей⁷⁷, а в 2021 г. – 22⁷⁸. Под названием «радикальная», как правило, понимается салафитское религиозное учреждение, где широко распространены ненавистнические проповеди и имеет место распространение экстремистских материалов. В соответствии с законом «О борьбе с терроризмом» 2017 года,⁷⁹ региональная исполнительная власть Франции в лице префектов, то есть представителей государства в департаментах (главная административная единица страны), имеет полномочия, например, закрывать на 6 месяцев любой религиозный институт, который подозревается в подстрекательстве к терроризму или ущемлении прав.

В среднем во Франции проверяют на радикализм около 100 мечетей в год. Всего в стране насчитывается 2620 мечетей⁸⁰. Многие из этих мечетей не относятся ни к одной из зарегистрированных конгрегаций. Более того, в них практикуется такое понятие как «имам дня», которым может быть любой верующий, в т.ч. не имеющий специального богословского образования, которому местная *умма* доверяет читать проповедь в определенный день. В таких условиях не только отслеживать и контролировать распространение ненависти, но и апеллировать к вышестоящим религиозным организациям становится практически невозможно. Поэтому власти считают единственной эффективной мерой закрытие таких мечетей⁸¹.

Такая практика существует также в Австрии,⁸² Германии⁸³ и ряде других стран⁸⁴. В каждой стране существуют свои законные основания для

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Dr. Jean-Yves Camus «Xenophobia and Radicalism in France (2016)» // Civic-nation, p. 2, URL: <https://civic-nation.org/upload/iblock/c30/c308f6e0fcb42f983a6d3175de441c6b.pdf>.

⁷⁷ «Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе. Ежегодный доклад» // Гражданская нация, 2018, стр. 19. URL: [https://civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018\(2\).pdf](https://civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018(2).pdf).

⁷⁸ Alexander Grey, France closes 22 radical mosques // Policy Exchange, Jan 18, 2022. URL: <https://policyexchange.org.uk/france-closes-22-radical-mosques/>.

⁷⁹ Loi du n° 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2017/10/30/INTX1716370L/jo/texte>.

⁸⁰ France shuts mosque in Beauvais for sermons 'defending jihad' // BBC News, 28 December, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-59791765>.

⁸¹ Vinayak Dalmia, Radicalization in Prisons and Mosques in France // The Air Force Journal for European, Middle Eastern, and African Affairs, June 9, 2020. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JEMEEA/Display/Article/2213984/radicalization-in-prisons-and-mosques-in-france/>.

⁸² Euronews, “En Autriche, la fermeture de mosquées radicales”, URL: <https://fr.euronews.com/2020/11/06/en-autriche-la-fermeture-de-mosquees-radicales>.

этого. Например, во Франции это может быть решение министра внутренних дел или префекта, которые действуют в соответствии со статьей L-227-1 Закона об усилении внутренней безопасности и борьбе с терроризмом, принятого 30 октября 2017 года⁸⁵. В Италии же речь идет о тотальном закрытии т.н. «незаконных мечетей», т.е. созданных прихожанами в самозахваченных зданиях или в объектах недвижимости, имеющих иное назначение. Ст. 13-бис и 21-бис Закона об иммиграции и общественной безопасности или «Закон Сальвини», принятый 4 октября 2018 г. и действующий на момент написания Экспертного заключения с поправками 21 октября 2020 года, прямо запрещают «незаконное занятие общественных мест/зданий»⁸⁶. Дело в том, что в Италии существует всего 11 официальных мечетей, которые полностью находятся под контролем властей. Радикализация же происходит именно в *незаконных* мечетях, под которые используют самозахваченные или переоборудованные под культовые цели здания. Вопрос о закрытии таких мест был даже отдельно упомянут в коалиционном соглашении при создании правительства в 2018 году⁸⁷.

В *России* отсутствует практика закрытия религиозных учреждений при условии, что они принадлежат к официально зарегистрированным организациям, но правоохранительные органы активно работают по предупреждению проявлений экстремизма среди членов религиозных общин.

Пресечение экстремистской деятельности

Наконец, важнейшим элементом правоприменительной практики является пресечение экстремистских проявлений. Речь идет о депортации лиц, подозреваемых в содействии экстремистской деятельности и других нарушениях законодательства, а также об уголовных делах в отношении преступлений экстремистской направленности.

Активно применяет *арест и депортацию* из страны как форму противодействия исламистскому экстремизму Франция, Нидерланды, Германия и

⁸³ The Atlantic, «Why Germany Closed Radical Mosque», URL: <https://www.theatlantic.com/national/archive/2010/08/why-germany-closed-radical-mosque/344514/>.

⁸⁴ Independent, Muslims stage mass prayer in protest over closure of mosques in Italy, URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/muslims-stage-mass-prayer-protest-over-closure-mosques-italy-rome-demonstration-islamophobia-extremism-a7376286.html>.

⁸⁵ LOI n° 2017-1510 du 30 octobre 2017 renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme, art. 2, URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000035932811/>.

⁸⁶ Decreto-Legge 4 ottobre 2018, n. 113, Decreto-Legge 21 ottobre 2020, n. 130, art. 13-bis, 21-bis, URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/gu/2018/10/04/231/sg/pdf>; <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2020/10/21/20G00154/sg>.

⁸⁷ Contratto per il governo del cambiamento, pp. 23, 43, URL: https://download.repubblica.it/pdf/2018/politica/contratto_governo.pdf.

ряд других стран. Так после теракта 16 октября 2020 г. в Париже министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманен заявил, что намерен потребовать в срочном порядке депортировать за пределы страны 231 человека в связи с обвинением в радикализации. Кроме того, по информации веб-сайта и радиостанции «Europe 1», министр намерен поставить вопрос об ужесточении правил предоставления политического убежища⁸⁸.

Одной из превентивных мер борьбы с исламистским терроризмом, применяемой в Германии, также является принудительная депортация лиц, признанных потенциально опасными, в отношении которых имеются веские доказательства их связей с террористическими организациями. Причем в последнее время суды, как правило, становятся на сторону властей в этих вопросах. Более того, в рассматриваемый период такой позиции придерживается и суд ЕС⁸⁹. Однако, министр внутренних дел Германии Хорст Зеехофер выразил сомнение в достаточности применяемых мер и сообщил, что МВД рассматривает возможность превентивного ареста особо опасных исламистов. По словам министра, практика депортаций не является всеобъемлющей реакцией на вызовы радикалов: более половины опасных исламистов обладают только гражданством ФРГ и потому не могут быть депортированы⁹⁰. Нидерланды, как уже указывалось, также активно практикуют депортацию, начиная с 2016 года, причем без суда и следствия, а лишь на основе подозрений спецслужб⁹¹. Лишь с 2017 г. депортированные получили возможность оспорить факт своей депортации в суде⁹².

В разных странах, в зависимости от определения экстремизма, пресечение экстремистских проявлений касается разных сфер деятельности. В России всегда идет речь не только о пресечении конкретного преступного деяния, но и о *пресечении процесса радикализации*. Именно поэтому экстремистские материалы (их поиск и выявление) стали центральным объек-

⁸⁸ «Gérald Darmanin communique des chiffres sur la radicalisation au sein de l'immigration irrégulière», Le Monde, URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/10/13/gerald-darmanin-communique-des-chiffres-sur-la-radicalisation-au-sein-de-l-immigration-irreguliere_6055886_823448.html.

⁸⁹ Judgment of the Court (First Chamber), 2 July 2020, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:62019CJ0018&from=EN>.

⁹⁰ EU-Info. Deutschland, «Seehofer prüft Ausweitung von Gewahrsam für gefährliche Islamisten», URL: <http://www.eu-info.de/dpa-europaticker/307598.html>.

⁹¹ Global Legal Monitor, «Netherlands: Two New Sets of Administrative Sanctions Proposed to Fight Terrorism», URL: <https://loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-two-new-sets-of-administrative-sanctions-proposed-to-fight-terrorism/>.

⁹² Global Legal Monitor, «Netherlands: Three New Laws Adopted to Further Counterterrorism Efforts», URL: <https://www.loc.gov/law/foreign-news/article/netherlands-three-new-laws-adopted-to-further-counterterrorism-efforts/>.

том интереса российских правоохранителей. Активное преследование лиц, занимающихся радикализацией населения в Интернете с 2013 г, когда были приняты соответствующие поправки в законодательство, привело в России к резкому сокращению насильственных преступлений на почве ненависти, но при этом выросло число приговоров за ненасильственные действия, связанные с распространением ненавистнических воззрений⁹³. Примерно то же самое происходило и в Испании, где пользователи социальных сетей подвергались судебному преследованию – а некоторые были приговорены к тюремному заключению – за сатирические твиты или песни по обвинениям в прославлении терроризма и унижении жертв терроризма⁹⁴. Очевидно, что такой путь является пока наиболее эффективным способом предотвращения проявлений насильственного экстремизма.

Что касается *уголовных дел по обвинению в экстремистской деятельности*, то здесь ситуация не столь однозначна. Анализ правоприменительной практики целого ряда стран Европы в 2014–2020 гг. показывает, что большинство стран не справлялось с ростом экстремизма. В пользу этого вывода говорит статистика, свидетельствующая как о снижении количества приговоров по делам о преступлениях на почве ненависти, так и об общем росте числа таких преступлений⁹⁵.

Например, в Польше, по данным ОБСЕ, только 5% всех преступлений на почве ненависти регистрируется в полиции⁹⁶. Согласно информации, собранной Департаментом контроля, жалоб и ходатайств Министерства внутренних дел этой страны, Главным управлением полиции, Агентством внутренней безопасности, Генеральной прокуратурой, Министерством юстиции, Институтом национальной памяти и Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, данные о преступле-

⁹³ Institute for the Study of National Policy and Interethnic Relations, European International Tolerance Centre, Centre for Monitoring and Comparative Analysis of Intercultural Communications (Moscow Institute of Psychoanalysis), European Centre for Democracy Development – «Xenophobia, Radicalism, and Hate Crime in Europe. Annual Report», 2018, p. 103, URL: [https://www.civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018\(2\).pdf](https://www.civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018(2).pdf).

⁹⁴ Spain / Madrid Provincial High Court, Criminal Judgement (Audiencia Provincial de Madrid, Sala de lo Penal) / SAP M 1843/2019, Rec. 2037/2018, ECLI: ES:APM:2019:1843, URL: <https://fra.europa.eu/en/databases/anti-muslim-hatred/node/5216>.

⁹⁵ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ (2018-2020) // Московский экономический институт, 2021, сс. 87–111. URL: https://civic-nation.org/pan-european-report/Research_2021.pdf.

⁹⁶ Jedynie 5% przestępstw motywowanych nienawiścią jest zgłaszanych na policję – badania RPO i ODIHR/OBWE, URL: <https://www.rpo.gov.pl/pl/content/jedynie-5-przestepstw-motywowanych-nienawiscia-jest-zglaszanych-na-policje-badania-rpo-i-odihrobwe>.

ниях на почве ненависти (включая высказывания, разжигающие вражду) выглядят следующим образом:

2020 год: 826 случаев преступлений ненависти, 374 случаев судебного преследования и 266 приговоров;

2019 год: 972 случая преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией; 432 случая судебного преследования; 597 приговоров;

2018 год: 1117 случаев преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией; 397 случаев привлечения к ответственности; 315 приговоров;

2017 год: 886 случаев преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией; 320 случаев судебного преследования; 260 приговоров;

2016 год: 874 случая преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией; 281 уголовное дело; 236 приговорено;

2015 год: 263 случая преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией; 229 случаев судебного преследования; 195 приговоров⁹⁷.

Таким образом, если в 2015 г. уголовные дела по преступлениям экстремистского характера в Польше возбуждались в 87% случаев, то в 2018 г. это соотношение составляло в отношении уголовных дел – 35,5%. В 2019 г. положение несколько улучшилось – 61,4%, но в 2020 г. оно снова ухудшилось, составив 45,2%. Всего с 2015 по 2019 гг. в Польше было возбуждено всего 2033 дел. Из них до суда дошло 1869, т.е. 92%, что составляет лучший показатель в Европе⁹⁸.

В ФРГ процент раскрываемости политически мотивированной преступности в 2019 г. снизился на 4% по сравнению с 2018 г. (41,2%/45,3%), а непосредственно по насильственным преступлениям ненависти он остался примерно на том же уровне – 59,7–59,9%⁹⁹. При этом федеральное правительство не предоставляет ОБСЕ информацию по приговорам суда¹⁰⁰.

В Британии соотношение между совершенными преступлениями на почве ненависти и заведенными уголовными делами составляло в 2015 г.

⁹⁷ ODIHR Hate Crime Reporting: Poland, URL: <https://hatecrime.osce.org/poland>.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Bundeskriminalamt, «Politisch motivierte Kriminalität im Jahr 2019 Bundesweite Fallzahlen», URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/pmk-2019.pdf;jsessionid=B600530ABFD066DA33BB4334F1CF1209.1_cid364?__blob=publicationFile&v=1.

¹⁰⁰ ODIHR Hate Crime Reporting: Germany, URL: <https://hatecrime.osce.org/germany>.

34%, в 2018 г. это соотношение составляло уже 16%, а в 2019 г. – 13%¹⁰¹. При этом Королевская прокуратура объясняет это падение главным образом общим уменьшением «числа подозреваемых, которых *полиция* направила ... для вынесения решения о предъявлении обвинения»¹⁰². Средний уровень доведения дел до судебного приговора составил более 51%. Что же касается показателей судебного преследования по сравнению с общим количеством преступлений на почве ненависти, картина еще более мрачная – с четверти до чуть менее десяти процентов за отчетный период¹⁰³.

В Нидерландах это соотношение составило в 2017 г. 8,9% по возбужденным делам, а в 2018 г. – 9,5%. Средний уровень доведенных до судебного приговора дел составил 17%¹⁰⁴.

В Греции в 2015 г. соотношение между официально поданными заявлениями и возбужденными делами составило 45%. В целом же вплоть до 2018 г. число приговоров не превышало в этой стране 6 кейсов¹⁰⁵. При этом только в 2017 г. общее число преступлений на почве ненависти, по данным НПО, составляло более 300, из них насильственных – около 100¹⁰⁶.

Несколько иную картину можно увидеть на Украине. По данным ОБСЕ, соотношение между общим числом преступлений и возбужденными делами по преступлениям ненависти составило в этой стране в 2015 г. 50%, а в 2019 г. – почти 92%. В то же время, из 633 уголовных дел по таким преступлениям до судебного приговора дошло 18 или 2,8%¹⁰⁷. Т.е. мы видим, что высокий процент возбужденных уголовных дел полностью компенсируется самым низким в Европе числом дел, доведенных до суда.

¹⁰¹ ODIHR Hate Crime Reporting: United Kingdom, URL: <https://hatecrime.osce.org/united-kingdom>.

¹⁰² UK Crown Prosecution Service, 'Hate Crime Annual Report 2017–2018', p. 6, URL: <https://www.cps.gov.uk/sites/default/files/documents/publications/cps-hate-crime-report-2018.pdf> & UK Crown Prosecution Service, 'Hate Crime Annual Report 2018–2019', p. 7, URL: <https://www.cps.gov.uk/sites/default/files/documents/publications/CPS-Hate-Crime-Annual-Report-2018-2019.PDF>.

¹⁰³ Dearden, L., 'Less than one in 10 hate crimes prosecuted despite record attacks', *The Independent*, 27 December 2019, URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/hate-crime-attacks-jews-muslims-gay-prosecutions-police-falling-a9257256.html>.

¹⁰⁴ ODIHR Hate Crime Reporting: Netherlands, URL: <https://hatecrime.osce.org/netherlands>.

¹⁰⁵ ODIHR Hate Crime Reporting: Greece, URL: <https://hatecrime.osce.org/greece>.

¹⁰⁶ Institute for the Study of National Policy and Interethnic Relations, European International Tolerance Centre, Centre for Monitoring and Comparative Analysis of Intercultural Communications (Moscow Institute of Psychoanalysis), European Centre for Democracy Development. «Xenophobia, Radicalism, and Hate Crime in Europe. Annual Report», 2018, p. 92, URL: [https://www.civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018\(2\).pdf](https://www.civic-nation.org/pan-european-report/Pan-European-Report-2018(2).pdf).

¹⁰⁷ ODIHR Hate Crime Reporting: Ukraine, URL: <https://hatecrime.osce.org/ukraine>.

При этом необходимо учитывать, что далеко не все приговоры по делам о преступлениях экстремистского характера были обвинительными. По мнению средств массовой информации Испании, где данные о статистике судебных приговоров по этим делам не публикуются, на каждые два обвинительных приговора приходится один оправдательный¹⁰⁸.

Исключением из общего правила стала Россия, где снижение числа приговоров по делам экстремистского характера подтверждалось в целом снижением количества совершенных преступлений. Эта тенденция проявилась в 2018 году. При этом следует иметь в виду либерализацию основной статьи Уголовного Кодекса (282), по которой выносились приговоры за разжигание вражды, и перенос ответственности по ряду деяний в Кодекс об административных правонарушениях.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2018 г. по «антиэкстремистским» статьям УК (чч. 1 и 2 ст. 148, ст. 205.2, 205.4, 205.5, 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 354.1) был осужден 731 человек¹⁰⁹ (для сравнения, в 2016 г. было осуждено 663 человека, в 2017 г. – 786¹¹⁰). Рост замедлился в связи с дискуссиями о декриминализации ст. 282 УК («Возбуждение ненависти»), по которой в основном и осуждали ранее – в 2018 г. по ней было осуждено 418 человек¹¹¹. При этом общее число преступлений на почве ненависти в 2018 г. также сократилось на 16,8%.

Частичная декриминализация ст. 282 УК в конце 2018 г. привела к резкому снижению количества приговоров в 2019 г. – было осуждено всего 432 человека. При этом если по самой «популярной» ранее ст. 282 в 2019 г. было осуждено всего 14 человек, то по ст. 280 УК (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) – 119 человек и 205.2 УК (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, пуб-

¹⁰⁸ «La Audiencia confirma el ingreso en prisión del neonazi que vejaba gays», Sociedad, 23/07/20, URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/20200723/482476703303/la-audien-cia-confirma-el-ingreso-en-prision-del-neonazi-que-vejaba-gays.html>.

¹⁰⁹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

¹¹⁰ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>; Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>.

¹¹¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.

личное оправдание терроризма или пропаганда терроризма) – 103 человек. Снижение числа приговоров подтвердила и Генеральная прокуратура. По ее данным, декриминализация ст. 282 привела к тому, что количество экстремистских преступлений в 2019 г. сократилось вдвое – с 1'265 до 585. С другой стороны, по заменившей ст. 282 УК статье 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») в 2019 г. было осуждено 383 человека¹¹².

По данным Судебного департамента Верховного суда РФ, за первые шесть месяцев 2020 г. по «антиэкстремистским» статьям было осуждено 211 человек. При этом наибольшее число приговоров было вынесено по статье 280 УК и 205.2 УК – 869 и 68 соответственно¹¹³.

Если же проанализировать статистику преступлений на почве ненависти за последние годы, то мы увидим, что Россия также относится к числу стран, где прослеживается тенденция на сокращение преступлений экстремистского характера¹¹⁴.

На диаграмме 1 ниже мы видим, что после принятия поправок в антиэкстремистское законодательство 2013 г., которые ввели уголовную ответственность за распространение ненависти в Интернете, росло общее число преступлений экстремистского характера при одновременном снижении насильственных преступлений. Это означает, что преступников удавалось остановить на стадии, когда они делились своими ненавистническими настроениями в онлайн-среде, до их перехода к насилию.

Частичная декриминализация ст. 282 УК РФ привела к снижению числа уголовных дел по ненасильственным преступлениям, но к росту насильственных преступлений на почве экстремизма. Так, в 2020 г. произошло общее увеличение насильственных преступлений на 11%, а преступлений террористического характера на 29,7%¹¹⁵.

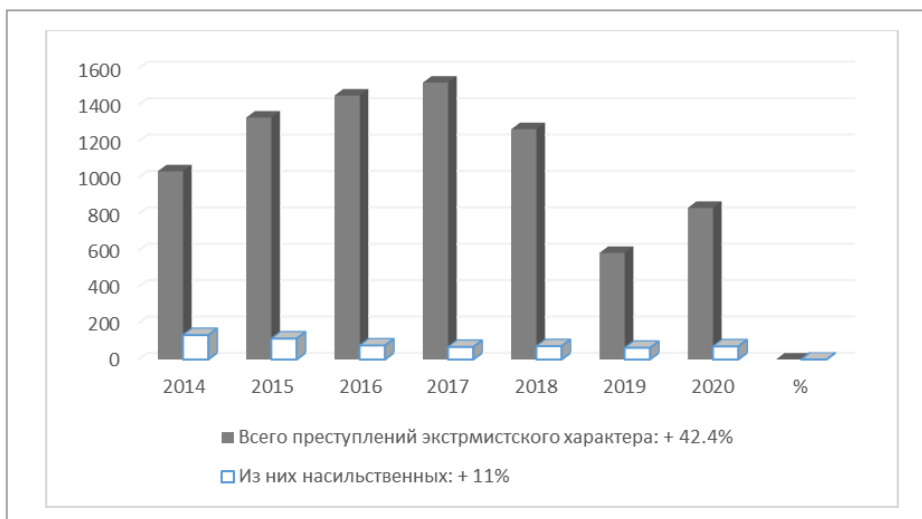
¹¹² Судебный департамент при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; ТАСС, «Число экстремистских преступлений за 2019 год сократилось вдвое: <https://tass.ru/obschestvo/8002335> (Annex 1322).

¹¹³ Судебный департамент при Верховном суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первый квартал 2020 года, онлайн: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460>.

¹¹⁴ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ (2018–2020), Московский экономический институт, 2021, pp. 98, 100, 103–105, онлайн: https://civic-nation.org/pan-european-report/Research_2021.pdf.

¹¹⁵ Там же.

Диаграмма 1. Динамика преступлений на почве ненависти в России, 2014–2020 гг.¹¹⁶

Анализ показывает, что российские правоприменительные практики в целом следуют в русле общемировых тенденций противодействия экстремизму. Это касается как основных направлений деятельности, сформулированных в российском стратегическом плане борьбы с экстремизмом, так и отдельных мер, предпринимаемых в ходе выполнения этого плана.

При этом анализ статистики ксенофобии и преступлений на почве ненависти показывает, что с точки зрения борьбы с экстремистским насилием российская модель тотальной борьбы с распространением ненависти дала свои результаты, поскольку рост числа возбужденных дел за совершение именно этих преступлений привел к резкому падению распространения ксенофобских взглядов, прекращению процессов радикализации в онлайн и офлайн среде, и, как следствие, к резкому сокращению насильственных преступлений экстремистского характера¹¹⁷. Либерализация ненасильственных статей антиэкстремистского законодательства РФ в 2018 г. привела к определенному росту ненавистнического насилия, что, вероятнее всего, объясняется отходом от этой модели.

¹¹⁶ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности, онлайн: http://crimestat.ru/offenses_chart.

¹¹⁷ Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти на пространстве ОБСЕ (2018–2020), Московский экономический институт, 2021, сс. 118–121, онлайн: https://civic-nation.org/pan-european-report/Research_2021.pdf.

ПСИХОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И РАДИКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ¹

Скотт Этран

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/4>

Аннотация

Страх перед международным терроризмом вместе с оживлением ограниченного национализма разрушает мировое социальное и политическое согласие. Может ли помочь психология? В этой статье исследуются психологические и соответствующие социальные факторы, провоцирующие и питающие насильственный экстремизм и поляризованные межгрупповые конфликты. В первой части статьи я описываю меняющийся общемировой ландшафт международного терроризма, обращая особое внимание на возрождающиеся исламизм, расовый и этнический супремасизм². Далее я исследую психологическую сущность моделей рационального актора и убежденного актора, сосредотачиваясь на том, как священные ценности, слияние идентичности³ и динамика социального взаимодействия мотивируют и поддерживают радикальные формы насилия. Психология воли к борьбе и к смерти с точки зрения исследования мозга и поведения иллюстрируется примерами бойцов, сражавшихся на передовой в Ираке, сторонников боевиков в Марокко и радикализирующихся слоев населения в Испании. Вслед за этим следуют мои размышления о том, как решать ценностно мотивированные конфликты и как Интернет и другие социальные медиа способствуют увеличению поляризованных конфликтов.

¹ Опубликовано: Scott Atran. Psychology of Transnational Terrorism and Extreme Political Conflict // *Annual Review of Psychology*. 2021. 72:6.1–6.31. Пер. Анофриева И.С., Никитичевой А.О., В.В. Тишкова.

² Супремасизм – идеология превосходства, убеждение, что определенная раса, вид, наследственность, этническая группа, религия, пол, положение в обществе, система верований или культура превосходит другие и дает право тем, кто отождествляется с ними, доминировать, контролировать или управлять теми, кто не отождествляется (*прим. перев.*).

³ Автор использует термин «identity fusion» («слияние идентичности») для обозначения одного из ключевых изучаемых аспектов сознания. Эта психологическая конструкция уходит корнями в социальную психологию и когнитивную антропологию и означает слияние, соединение идентичностей личного и социального «я», когда люди начинают рассматривать других членов группы как «семью» и развивают своего рода кровные связи с членами данной общности. Слияние идентичности предполагает, что на основе ее проявлений определяются предпосылки или факторы жертвенного поведения в пользу группы, включая принятие экстремальных форм поведения, таких как борьба и даже смерть во имя группы (*прим. перев.*).

«Зло — это неспособность понять необходимость расовой войны как священной миссии».

— Уильям Пирс, основатель движения белых супремасистов «Национальный альянс» (интервью с автором, Арлингтон, штат Вирджиния, 1980 год)

«Они [ШПЛА]⁴ сейчас слабы, потому что израсходовали все свои ресурсы, но их бойцы не отступают, даже если бой проигран».

— Курдский солдат во время боя у Кудилы (интервью с автором, линия фронта Махмур, Северный Ирак, 2016 год)

Меняющийся ландшафт международного терроризма

После двух десятилетий совместной напряженной работы ученых и правительственных ведомств, отраженной в бесчисленных конференциях, книгах и статьях, базовые черты экстремистски мотивированного насилия до сих пор остаются неопределенными: что может выдать экстремиста, прежде чем он начнет действовать, как он приходит к радикальным взглядам, что мотивирует его действия, когда он начинает проявлять себя, какие контрмеры наиболее эффективны, как соотносятся экстремизм и поляризованный политический конфликт.

Террористические группы различаются с точки зрения организации (пирамидальная иерархия, безлидерные сети, подвижные группы), масштаба операций (локальные, региональные, глобальные), мотивирующих убеждений (религиозные, светские, связанные со спорными вопросами), тактики и целей (убийства, теракты среди гражданского населения, информационная война), конечных целей (общественное признание, реформы, свержение существующего строя), источников рекрутов и сторонников (маргинальные, мейнстримные, отборочные) и т.д. (Marsden & Schmid 2011). Различия также прослеживаются внутри экстремистских групп и в определенные промежутки времени. Для наших целей, однако, важно сосредоточиться на международном терроризме⁵, который опреде-

⁴ Здесь и далее: организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации (*прим. перев.*).

⁵ Еще со времен волны левого терроризма в Европе после II Мировой войны и перед возникновением ИГИЛ, терроризмом было принято считать применение или угрозу применения насилия малыми группами против больших групп некомбатантов ради достижения политических целей (McCaughey, 2006). Тем не менее, начиная с анархистов и социал-революционеров XIX в. и продолжая антиколониалистскими и антигосударственными террористическими группами, международный аспект всегда был важен для оправдания, планирования и выбора цели террористических операций. Как выразился в 1904 г. Теодор Рузвельт (говоря об анархистах, которые убили президента Мак-Кинли и глав нескольких европейских государств), терроризм ведет к «общему ослаблению связей в цивилизованном обществе, и быть может в Америке, как и в других странах, в конце концов может понадобиться ... подготовить своего рода международную полицию».

ляется как стратегия (а) групп, которые связаны между собой общей идеологией, а не посредством международно признанных структур национальных государств, (b) стремящихся осуществить долгосрочные общественные преобразования в ряде государств в соответствии с определенной политической или религиозной доктриной, (с) путем последовательного применения крайних форм насилия в отношении несогласных групп граждан с целью нарушить и подорвать существующий порядок, (d) параллельно наращивая поддержку тех групп граждан, которые отчуждены от этого порядка или враждебны ему. Эффективное противодействие терроризму требует плодотворного «международного сотрудничества по дипломатическим, военным, правовым, разведывательным и гуманитарным вопросам» (Moghaddam & Weiss 2020, p. 121).

В течение первых 15 лет XXI в. наиболее распространенной формой международного терроризма был наступательный джихад (священная война). Применяя крайние формы насилия и запугивание, а также через последовательное продвижение радикальных убеждений, джихадисты реализуют свою политическую цель установления исламского правления в самой строгой и радикальной форме везде, где либо уже господствует хаос, либо где он может наступить (Naji 2006). Демографический облик разных джихадистских⁶ организаций зависит от динамики конфликта. Вместе с изменением природы конфликта меняется и модель рекрутирования сторонников (Hamid 2017). Так, для Исламского государства⁷ (ад-Дауляту ль-Исламию, также известно как ИГИС (Исламское государство Ирака и Сирии) или ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта)) установление халифата на обширных территориях Сирии и Ирака сделало необходимым набор тысяч бойцов для расширения его границ и защиты занятых областей от коалиции мировых держав, стремящейся к его уничтожению. Следовательно, источники потенциальных рекрутов, которых может мобилизовать ИГИЛ, более многочисленны и разнообразны, чем у Аль-Каиды⁸ или любой другой джихадистской группы. Если к Аль-Каиде присоединялось много находящихся в поиске себя людей, желающих стать частью целого (Sageman 2004), то ИГИЛ во многом полагается на целевое рекрутирование (Perliger & Milton 2016).

Основной смысл открытого вербовочного обращения ИГИЛ для стран с большинством мусульманского населения заключается в том, что

⁶ Джихадисты или моджахеды (борцы за веру), как они называют себя сами, верят только в наступательный джихад с целью защитить и распространить веру, отвергая при этом так называемый великий джихад (усилие духа) как суфийскую ересь времен халифата Аббасидов (VIII в.).

⁷ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации (прим. перев.).

⁸ Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации (прим. перев.).

экономические и политические перспективы для большинства людей, особенно для молодежи, блокируются традиционной коррупцией и кронизмом⁹. В этом обращении к мусульманской диаспоре делается акцент на том, что мусульмане всегда будут находиться под подозрением, к ним будут относиться как гражданам второго сорта или хуже, даже самые лучшие и самые умные не могут рассчитывать на честное отношение при приеме на работу или на повышение (Atran & Hamid 2015; ср. Najî 2006). Даже те, кто имеет суицидальные наклонности и кого отвергает общество, могут занять почетное место в ИГИЛ.

Мусульмане составляют меньше 10% населения Франции и большинство заключенных тюрем (Lang 2014). Большинство таких заключенных – молодые люди, вовлеченные в мелкую преступность вследствие издержек альтернативных возможностей – точнее, из-за отсутствия возможности стать частью экономически активного населения и наличия множества легких способов влиться в криминальную среду, особенно если друзья, семья и соседи уже вовлечены в нее (как это было в случае с афроамериканскими молодыми людьми в бедных городских районах американских городов, см. Clark 1970). ИГИЛ говорит этим людям, что такое отношение к ним объясняется их мусульманской идентичностью, что они, конечно же, не хотят становиться преступниками, что они могут стать героями, обратив свои криминальные умения против общества, которое им само же их и навязало, чтобы освободить себя и своих и помочь освободить своих братьев и весь мир от угнетения (Atran & Hamid 2015). Зерно истины в аргументах ИГИЛ (структурное отсутствие альтернатив) заставляет верить в то, что истиной уже не является (только радикальный ислам может улучшить качество жизни) (Leuprecht et al. 2010).

После резкого роста, начавшегося с терактов 11 сентября и достигшего пика в 2014 году, когда ИГИЛ провозгласило создание своего халифата, количество террористических атак и их жертв (убитыми и ранеными) стало заметно уменьшаться вслед за операциями 2015–2016 гг. по изгнанию ИГИЛ из Сирии и Ирака: в 2108 г. насчитывалось 15952 жертвы от 7551 террористической атаки оп всему миру, что на 53% меньше, чем в 2104 году. Тем не менее, в течение последних десяти лет активизировался ультраправый терроризм – на его счету более трети терактов, совершенных по всему миру (Romero, 2018). С 2104 г. количество атак, совершенных внутренними террористами, превысило количество атак, совершенных джихадистами (Cent. Strateg. Int. Stud. 2018). За исключением теракта, совершенного курсантом военно-воздушных сил Саудовской Аравии во

⁹ Кронизм – практика предоставления властных преимуществ друзьям или доверенными лицам, вид фаворитизма (*прим. перев.*).

Флориде в декабре 2019 года, за которым стояла Аль-Каида, каждое убийство на почве экстремизма в 2018 и 2019 гг. было связано с ультраправой этнонационалистической идеологией или белым супремасизмом (Anti-Defamation Leag. 2019).

На рост ультраправого и супремасистского терроризма, в частности в США и Европе, оказало влияние несколько связанных факторов, включая (а) широкое общественное негодование, направленное против иммигрантов, принадлежащих к разным культурным традициям, особенно против мусульман (Lichtblau 2016), что также подпитывалось отрицательной реакцией на исламистский терроризм и порожденными мировым экономическим кризисом 2008 г. страхами; (б) быстрый политический взлет и расширение влияния ультраправых популистов, что увеличило общественную терпимость и восприимчивость к экстремистским идеям и акциям (Rosner 2018); (с) в основном спонтанное сетевое взаимодействие супремасистов, устойчивость существования которых зависит от Интернета даже больше, чем существование, например, радикальных исламистов, поскольку онлайн среда допускает формирование и взаимодействие самоорганизующихся культур ненависти в глобальной Сети и эффективно сопротивляется полицейскому контролю (Johnson et al. 2019).

Несмотря на то, что, определить «местных» экстремистов, как правило, сложнее, чем иностранных, супремасистское насилие особенно легко упустить из виду в США и Европе по историческим причинам и по причине культурной привычки (имеется в виду господство супремасистской идеологии и поддержка групп наподобие американского Ку-клукс-клана на протяжении всего XX века, антимодернизм, фашизм и нацизм в Европе и т.д.), по причине того, что местные группы супремасистов пользуются защитой закона, а также потому, что людям вовсе не обязательно принадлежать к группе ненависти формально или каким-либо иным образом, чтобы поощрять и совершать акты насилия (Cent. Strateg. Int. Stud. 2018). Так, передаваемые с 2005 по 2015 гг. сообщения американских медиа об атаках, совершенных мусульманами, привлекали на 357% больше внимания, чем сообщения о других атаках (учитывалось количество жертв, случаи арестов и типы целей, см. Kearns et al., 2019).

Хотя материальная поддержка иностранной террористической организации является преступлением, защищаемое конституцией США право на ношение оружия и право свободы слова ограничивают надзор и воспрепятствование внутреннему экстремизму. В последнее время белые супремасисты существенно увеличили агитацию в кампусах колледжей и других сообществах по всей стране (Hill, 2020). Раздел 230 Акта о пристойности в телекоммуникациях (Communication Decency Act) 1996 года

особенно защищает социальные медиа платформы вроде Facebook от ответственности перед законом за распространение ложной или клеветнической третьими лицами – то же касается анонимных веб-форумов 4chan и ориентированного на супремасистов 8chan¹⁰ (ныне – 8kun). Кроме того, супремасисты в большей, чем исламисты, степени склонны действовать в одиночку (Gill et al. 2014). Предотвращение одиночных действий подразумевает применение мер, аналогичных тем, что применяются для предупреждения вооруженных нападений, – например, контроль за обращением автоматического оружия и освидетельствование психического здоровья (Silva et al. 2020). Тем не менее, действующие в одиночку супремасисты обычно создают с единомышленниками свободно общающиеся сети в социальных медиа (Cai&Landon 2019). Такие сообщества особенно сложно поддаются преследованию и полицейскому надзору, поскольку источники передаваемой и распространяемой ими информации невозможно четко определить и невозможно назначить ответственность за какой-либо вред, который она могла бы причинить (Beam 1992).

В апреле 2020 г. правительство США впервые, наконец, признало группу белых супремасистов террористической организацией (Sales 2020). Вероятно, это произошло из-за того, что в этой конкретной группе неонацистского стиля – Русском имперском движении (Russian Imperial Movement) – не было выявлено ни одного местного (то есть из США) участника, хотя при этом было известно, что она «играет ведущую роль в попытке сплотить европейских и американских единомышленников в единый фронт против тех, кто воспринимается как враг» (Hansler&Atwood, 2020). Российское правительство не считает эту ультранационалистическую группу террористической организацией.

Белый националистический терроризм подражает джихадистской терминологии и тактике. Например, в 2007 г. организация «Арийские нации» (Aryan Nations) призвала к «арийскому джихаду» против «иудей-

¹⁰ 8chan (также известен как *Бесконечный чат*) – англоязычный имиджборд, особенностью которого являются генерируемыми пользователями разделы. Каждая доска модерировается ее создателем, вмешательства главной администрации сайта минимальны. После перехода в автономный режим в августе 2019 года сайт переименовал себя в 8kun и был возобновлен в ноябре 2019 года. На сайте разрешен любой контент, прямо не запрещенный законами США. Посетители 8chan активно участвовали в спорах вокруг «Геймергейт» после того, как посты соответствующей тематики были запрещены на 4chan'e. По состоянию на сентябрь 2017 года сайт занимал 4997 место по посещаемости в мире, а в ноябре 2014 года на него заходило в среднем 35 000 уникальных посетителей в день и публиковалось 400 000 сообщений в неделю. Сайт был отключен хостингом Cloudflare 5 августа 2019 года. Домен 8kun.net был заблокирован регистратором 5 ноября 2019 года (*прим. перев.*).

ского тиранического» господства в «так называемых западных демократических странах» (RX, 2007). В этом был уверен и Дилан Руф, который в 2015 г., расстреляв девять афроамериканских прихожан в Южной Каролине, заявил, что чувствует себя «как палестинец в израильской тюрьме, который не стал бы переживать после убийства девяти человек» (Dickey, 2017). Брентон Таррант, в 2019 г. убивший 50 верующих в мечети в Новой Зеландии, опубликовал онлайн манифест, в котором превозносил Руфа и Андерса Брейвика, норвежского супремасиста, который в свою очередь убил десятки молодых людей в летнем лагере Рабочей партии Норвегии в 2011 г., чтобы предотвратить европейское «национально-культурного самоубийство», которое, якобы, совершается посредством исламской колонизации и феминизации под знаменем культурного марксизма (Berwick 2011).

Название манифеста Тарранта «Великое замещение» (The great replacement) (Tarrant 2019) отсылает к книге французского философа Рено Камю, в которой описывается «геноцид белых» (Camus 2011). Здесь перенимается радикальная схема насильственного джихада, озвучивается призыв к созданию международного братства в борьбе за выживание сильнейшего между одной глобальной силой (белой расой) и другой (мусульманским сообществом), в которой уже не будет места невинным¹¹. Таррант упоминает осаду Акры (1183 год) и Вены (1683), подражая тем самым манере Аль-Каиды и ИГИЛ ссылаться на исторические события, например – на Крестовые походы или на взятие Константинополя в 1453 году. Это указывает на то, что тенденция психологического (гиперболического) дисконтирования (т.е. преимущества «здесь-и-сейчас» перед «потом/прежде» и «в другом месте») может быть подавлена мотивом совершения массового убийства ради высшего дела. Та же насильственная эксклюзивистская философия направлена и на другие группы: за несколько минут до начала стрельбы в Эль-Пасо (штат Техас), в результате которой погибло 22 и было ранено 24 человека, «стрелю» Патрик Крузиус опубликовал манифест «Неудобная правда» (The inconvenient truth) на том же веб-форуме 8chan, где был опубликован манифест Тарранта. В нем Крузиус призвал остановить «вторжение латиноамериканцев» в США, из-за которого страна «стала с ног на голову» (Arango et al. 2019). Наконец, в Индии убившего

¹¹ Стоит обратить внимание на заметный рост количества антисемитских инцидентов по всему миру, особенно на Западе, где акции с самым большим количеством жертв готовились супремасистами и исламистами (Kantor Cent 2019). С 2017 по 2018 гг. количество инцидентов возросло на 13% в общемировом значении (на 74% во Франции, на 60% в Германии), а количество случаев в США удвоилось в период с 2016 по 2108 гг. Во время пандемии COVID-19 в 2020 году американские супремасисты подстрекали к заражению вирусом евреев, которых при этом обвиняли в создании вируса и введении ограничительных мер во всем мире (Margolin 2020).

Махатму Ганди за примирительную позицию в отношении мусульман индуистского экстремиста открыто превозносят в публикациях, проводят в его честь церемонии и устанавливают его статуи по всей стране (Yasir 2020).

В 2020 году новые и опасные возможности для совершения экстремистских акций и распространения соответствующих идей открыли две частично пересекающиеся последовательности событий: вызванный пандемией COVID-19 политический, социальный и экономический кризис и длительные протестные акции в США и по всему миру, направленные против расово избирательной и государственно санкционированной жестокости и начавшиеся вслед за публикацией в социальных медиа сделанного случайным очевидцем видео из Миннеаполиса, запечатлевшего гибель безоружного американца Джорджа Флойда во время полицейского задержания. С началом пандемии COVID-19 сильно активизировалась деятельность ультраправых групп, что вылилось в нападения на азиатов и иммигрантов (обвиняемых в заражении белой расы), евреев (предположительно создавших COVID-19, чтобы обрушить экономики христианских стран и захватить власть над миром) и полицейских и государственных чиновников, представляющих подавляющий белую расу корумпированный политический порядок (Inst. Strateg. Dialogue 2020)¹². Во время протестов после гибели Джорджа Флойда супремасисты, выдавая себя за левых активистов в социальных медиа, подстрекали к расовым конфликтам, а вооруженные ультраправые экстремисты, намереваясь добиться отставки правительства, участвовали в антирасистских митингах¹³.

¹² Особенно опасной группой является «Дивизия Эйхмана», недавно отделившаяся от «Дивизии ядерного оружия» и пропагандирующая массовые убийства (в том числе – медицинских работников) и атаки на атомные электростанции и электрические сети с целью вызвать их обрушение и распространение радиации. Пока что все попытки в США (и большинство попыток в других странах) приобрести радиоактивные материалы (цезий-137, стронций-90 и кобальт-60) для создания «грязных бомб» исходили от местных экстремистов, побуждаемых к этому сообществами, в которых они состоят, и внедряющих своих сторонников в число работников электростанций и других уязвимых объектов.

¹³ Поскольку некоторые протесты оборачивались актами насилия, губернатор Миннесоты заявил, что участие супремасистов в протестах провоцирует расовые конфликты. Президент США Дональд Трамп вместе с генеральным прокурором повесили всю тяжесть обвинений на ультраправых радикалов и грозились объявить американскую антифашистскую сеть (антифа) террористической организацией (Bump 2020). Тем не менее, не существует ни одного федерального закона, согласно которому так можно было бы поступить с любой группой, даже с американскими нацистами. Единственными признанными экстремистами, которых арестовали в то время, были так называемые *бугалу*, которые пытались пронести взрывчатку на митинг Black Lives Matter в Лас-Вегасе и также были замешаны в убийстве представителей органов правопорядка в Калифорнии. Бугалу вполне уютно чувствовали себя в Facebook (см., например, профиль Big Igloo Bois), где они пропагандировали гражданскую войну и гибель цивилизации. В Twitter также были найдены белые националисты, выдававшие себя за антифа и призывавшие к насилию (Collins et al. 2020).

Главная стратегия ультраправых террористов – это подрыв работы всех правоохранительных служб и служб спасения и защиты жизни, а также дестабилизация общества. Так на руинах старого мира может быть построен Новый порядок. Это апокалиптическая разновидность терроризма, близкая к той, которую практиковало движение Аум Синрикё, последователи которой распылили газ зарин в токийском метро. Пожалуй, даже более опасным, чем теракты сами по себе, оказывается проникновение экстремистских идей и тайных организаций в поток современной жизни. Так, например, канал One America Network News (oann.com), ныне источник для сообщений Белого Дома в Twitter) и QAnon, действующее в Facebook, Telegram, YouTube и 8chan конспиративное сообщество, организовали широкое освещение в СМИ ложных заявлений о том, что пандемия COVID–19 и последовавшие за гибелью Джорджа Флойда протесты – это часть тайного государственного заговора, разработанного еврейским финансистом Джорджем Соросом (Alba 2020).

Сегодня осознание опасности, которую несет быстрый рост расово и этнически мотивированного экстремизма, а также белого супремасизма и антиправительственного терроризма, заметно возросло (US Dep. Homel. Secur. 2019). Однако, как это было в случае с реакцией на исламистский терроризм после 11 сентября, интеллектуальные усилия и правительственные ресурсы, затраченные на предотвращение связанного с международным терроризмом насилия, не помогли понять, как и почему люди становятся экстремистами. То же касается попыток предсказать и предотвратить укоренение насильственных экстремистских моделей поведения среди людей. Отчасти это может быть связано с невниманием к базовым психосоциальным условиям, питающим и поддерживающим экстремизм.

В чем заключаются настоящие угрозы?

Террористические атаки 11 сентября обошлись Аль-Каиде приблизительно в 400 000–500 000\$, в то время как правительство США потратило на так называемую войну против терроризма в 10 миллионов раз больше – то есть, несколько триллионов долларов. (Stimson Cent. 2018, Watson Inst. 2019). Потери, выраженные в жизнях, разделенных обществах и группах, разрушенных государствах, также ошеломляют. Идущая от реакции на 11 сентября цепочка следствий преобразила политическую карту Ближнего Востока, способствовала увеличению потока беженцев до нависшего уровня со времен Второй мировой войны, коренным образом преобразила воздушные полеты, пограничный контроль, методы физического взаимодействия государственной власти с частными лицами, а также способы электронного контроля их передвижений и финансов.

Стоит добавить, что широкая свобода действий государственных властей в области преследования так называемых террористов, которую они либо присвоили себе сами, либо она была вручена им напуганными гражданами, оказалась использована для делигитимации или разгрома политических противников. Так, например, поступили в России со сторонниками независимости Чечни, независимо от того, воевали они или нет; так турецкое правительство обращается сейчас с бывшими союзниками – сторонниками удалившегося в изгнание религиозного лидера Фетхуллаха Гюлена, ратовавшего за межконфессиональный диалог; так происходит в Китае, где власти смотрят сквозь пальцы на заключение в лагеря и переобучение миллиона (или более) мусульман в западных провинциях, не обращая внимания на малое количество произошедших в Китае терактов, а также на то, что едва ли сто человек из числа мусульман-уйгуров присоединилось к ИГИЛ (Hornby 2017); так происходит в США, где правительство впервые в истории официально подтвердило убийство высокопоставленного военного руководителя суверенной страны (Иран), с которой Америка не находится в состоянии войны; так же работают федеральные постановления, позволяющие преследовать граждан, угрожающих (не важно, по какой причине) распространить COVID–19 (например, чтобы держать людей подальше от продуктовых магазинов), как террористов «использующих оружие, в том числе – биологическое» (US Dep. Justice 2020b)¹⁴. «Противодействие терроризму» использовалось как оправдательный термин для тех мер, которые власти Чили применили против активистов коренного народа *мануче*, стремившихся защитить земли своих предков от захвата в интересах Китая или других сторон (Lagos-Rojas 2018).

Независимо от того, насколько велика реальная вероятность пострадать от теракта (шанс погибнуть в результате действий иностранных террористов в США в период между 1975 и 2015 г. равнялся 1 к 45 800, см. Nowrasteh 2016), не стоит забывать о тех значительных психосоциальных и политических эффектах, которые она оказывает. История знает мало

¹⁴ Для определения того, что такое терроризм, правительства используют такой общий признак: это угроза совершения или совершение акта насилия в идеологических или политических целях. Поскольку в США нет собственного антитеррористического законодательства как такового, этот признак не применим к местным экстремистам. Так, Джон Майкл Ратбан, которого, по-видимому, заставил задуматься тот факт, что COVID–19 опустошает дома престарелых, был обвинен в попытке поджога еврейского дома престарелых, предпринятой им после того, как он опубликовал на нескольких форумах для супремасистов пост «Сегодня день убийства евреев». Джеймс Джамал Карри, напротив, был обвинен в терроризме за то, что плюнул на полицейского, приехавшего на вызов по заявлению о домашнем насилии; Карри вменили «ложное заявление о применении биологического оружия», поскольку он утверждал, что является носителем вируса COVID–19 (Khalil 2020).

случаев, когда столь немногие, имея в своем распоряжении весьма скудные средства, смогли бы вызвать страх у столь многих. Например, 11 сентября террористы, чтобы захватить самолеты, использовали только канцелярские ножи; численность бойцов ИГИЛ первоначально соответствовала численности Внутренней гвардии Норвегии, а их огневая мощь была даже ниже, чем у вооруженных сил Бельгии.

В действительности, общество в целом поначалу может быть даже не сильно травмировано, до того, как эксперты и политики не раздуют какой-нибудь террористический акт (или ставшую известной подготовку к нему), и только тогда публику начинает лихорадить. Это дестабилизирует общество, подрывая его в веру в способность правительства обеспечить базовый уровень безопасности. Это именно то, на что нацелены террористические атаки в общественных местах вместе с действиями против мусульманских меньшинств, которым показывают, что их попытки жить в мире могут принести лишь страдания (Naji 2006).

Взволнованная реакция на теракты или только на возможность их совершения ведет к нелепым и даже опасным последствиям. После взрывов на Бостонском марафоне в 2013 г. Министерство юстиции США, подталкиваемое Конгрессом и СМИ, квалифицировало домашние скороварки как оружие массового уничтожения в случае их использования террористами. Таким образом, предмет кухонного хозяйства оказался на одном уровне с ядерным оружием, тем самым превращая в тривиальную вещь настоящее оружие массового уничтожения и изображая его менее ужасающим, а последствия его применения более фантастичными (в отсутствии общественного просвещения и гражданского обсуждения этого вопроса).

После терактов 11 сентября правительство США заявило о своей цели покончить с терроризмом мерами «сдерживания, дезинтеграции и запрета», которые применялись бы системой уголовного правосудия, а также военными средствами (White House 2002). Тем не менее, терроризм, как правило, отличается от криминальной преступности тем, что ищет поддержку и набирает новобранцев среди некриминальных слоев населения с тем, чтобы радикально изменить ценности всего общества или даже всего мира. Научно проанализированные обобщенные данные разведывательных служб не позволяют считать терроризм разновидностью криминальной преступности или образа мышления (US Senate 2009), хотя тенденции последних десяти лет и указывают на то, что доля мелких преступников, вовлеченных в исламистский терроризм в Европе и праворадикальный терроризм в США значительно увеличилась (об этом будет сказано ниже). В одном недавнем исследовании 35 испанских тюрем сравнивались заключенные-джихадисты и члены и руководители латиноамериканских банд (обычные преступники —

мусульмане и немусульмане): джихадисты продемонстрировали значительно большую готовность пожертвовать собой ради группы (и даже еще большую – за групповые ценности), чем все остальные (Atran & Gomez 2019).

Очередь уголовного правосудия и военного вмешательства, как правило, наступает тогда, когда террористический акт либо уже произошел, либо вот-вот должен произойти. Все это мало помогает, когда речь идет о главных причинах терроризма. Политика предполагает рациональное сдерживание терроризма на основе стратегии наложения издержек: «Отвечая на вызовы безопасности, с которыми придется столкнуться в XXI веке, США должны постоянно стремиться минимизировать собственные потери, выраженные в человеческих жизнях и материальных ресурсах, и в то же время навязывать противникам неприемлемые для них издержки» (US Dep. Def. 2006, p.18). Такая стратегия больше подходит для противостояния одних государств против других в борьбе за долю в глобальном политическом и экономическом рынке, чем для противодействия не связанному лояльностью какому-либо государству противнику, который сражается за сверхважное для него дело. Так, террористов-смертников, добровольно жертвующих всей совокупностью личных интересов – своими жизнями и даже жизнями своих семей, невозможно сдержать навязыванием издержек.

Наверное, самое главное препятствие на пути к успеху в борьбе с международным терроризмом и радикальными политическими конфликтами кроется в той понятийной модели, которой наша научная и политическая культура отдает предпочтение в объяснении человеческого поведения и определении социальной политики. Эксперты, политики и общественность склонны рассматривать акты экстремизма либо как разновидность рационального поведения ради достижения грубых материальных корыстных целей, либо как следствие нарушений психики. Научные теории зачастую соответствуют этой тенденции, например, определяя террористов-смертников, с одной стороны, как разумных людей (Pape 2003, Kakou 2013), с другой, – как безрассудных (Harris 2005, Lankford 2013)¹⁵.

В экономике, политологии и социологии эта понятийная модель основана на предположении о том, что люди принимают рациональные решения, стремясь максимально увеличить их рентабельность, и ведут себя соответствующим образом. Эта модель стала доминировать во время Холодной войны. Ее использовали как средство для определения и оценки собственной и иностранной политики (Amadae 2003)¹⁶. Некоторые

¹⁵ В отличие от самих, якобы, мучеников, лидеры террористов используют атаки смертников в рамках рационально продуманной тактики для достижения материальных и психологических эффектов (Meagan 2010) и увеличения влияния на политическую арену.

¹⁶ Хотя модель рационального актора стала научной парадигмой в период Холодной войны, в британской (затем американской) экономической и политической философии

влиятельные психологи, экономисты и политологи отмечают, что очень часто оправдывать рациональные ожидания невозможно из-за несовершенства когнитивного аппарата (Simon 1997), незнания норм культуры (Schelling 1960), отсутствия возможности быстро распределить или потратить ресурсы (Fearon 1995) и других мотивационных предпосылок (Kunda 1990) и экологических ограничений (Kahnemann 2011). При этом, по видимому, подразумевается, что люди все равно будут стремиться к рациональному поведению, если поставить их в известность обо всех этих ограничениях.

Инструментального и утилитарного подходов может оказаться недостаточно для того, чтобы объяснить, предсказать и предотвратить радикальные политические конфликты и международный терроризм. В сфере политики все радикально новое оказывается экстремистским по сравнению с предшествовавшей ему нормальностью (неважно, насколько отсталой она может при этом быть). Простое отождествление террористов с преступниками и экстремистами может затмить настоящую моральную (в противоположность меньшей физической) угрозу (Richardson, 2007). Как утверждал в 1794 г. один из вождей Французской революции Максимилиен Робеспьер, для преодоления предшествующего порядка нужен «террор ... как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является изначальным воплощением добродетели».

Убежденные акторы versus рациональные акторы

Согласно недавним кросс-культурным экспериментам и полевым исследованиям экстремизма в конфликтных зонах в разных точках мира, одними из самых эффективных и опасных исполнителей являются убежденные акторы (Atran 2016b, Gomez et al. 2017). Защищая священные ценности, убежденные акторы весьма охотно идут на большие и даже высшие жертвы (Atran 2016b), то же происходит, когда индивидуальная идентичность сливается с коллективной идентичностью первичной референтной группы (Swann et al. 2010) в боевых братствах среди воображаемых родственников. Фактически со времени Второй мировой войны партизаны добровольно жертвовали собой ради общего дела, а партизан-

фии она господствовала по крайней мере со времен Томаса Гоббса, а в политике и военной доктрине европейских стран – в более общем виде со времен наполеоновских войн (von Clausewitz 1832). Совет национальной безопасности США, определяющий политику безопасности и внешнюю политику с 1947 г., до сих пор получает регулярные доклады именно от военных, сотрудников разведки и участников экономической политики, а не от работников здравоохранения, образования или социального обеспечения.

ские ячейки, имея на порядок меньше людей и оружия, в среднем действовали более успешно, чем полиция и армия, служащие которых зависели от системы поощрений и наказаний (продвижение по службе, заработная плата или штрафные санкции) (Arreguin-Toft 2001).

Понятие священных ценностей обозначает все, что только может быть дорого человеку, будь то предметы, верования или обычаи, которые стоят выше всех мирских забот и неравноценны никаким экономическим благам, например, вера в Бога или отечество. Как правило, священные ценности очень стабильны и хорошо сопротивляются общественным влияниям (Sheikh et al. 2013, Pincus et al. 2014). Им также не угрожает обесценивание ни во временном, ни в пространственных смыслах. Если в повседневной жизни давние события, далекие места и находящиеся вне досягаемости вещи имеют меньшую значимость, чем то, что есть здесь и сейчас, то все связанное со священными ценностями, как бы далеко во времени и пространстве оно не находилось, гораздо важнее, чем мирские интересы. Так, люди по своей воле оставляют дома и семьи и, преодолевая великие трудности, отправляются исполнять миссию, связанную с предметами или событиями вековой или тысячелетней давности, как это было в случае с крестоносцами, многими первыми сионистами или добровольцами из более чем ста стран мира, которые приехали в Сирию, чтобы сражаться за восстановление давно ушедшего Исламского халифата. Люди добровольно приносят большие жертвы и идут на крайние меры чтобы защитить или распространить не оспариваемые ценности – религиозные или светские (тот же национализм, демократия) (Rappaport 1971, Baron & Spranca 1997, Tetlock 2003, Ginges et al. 2007, Graham & Haidt 2012).

Слитная группа – это группа, в которой люди ощущают внутреннюю связь друг с другом, проникнуты осознанием общей миссии и коллективной неуязвимости, в такой группе каждый человек готов пожертвовать собой за любого другого (Swann et al. 2012, Whitehouse et al. 2014, Gomez et al. 2020). Группы убежденных акторов, как и террористические группы преданных идее мученичества «братьев», зачастую вырастают из ориентированных прежде всего на действие сообществ: например, это могут быть люди, имевшие общее боевое прошлое или даже члены одной спортивной команды (Sageman 2008, Atran 2010, Whitehouse 2018).

Готовность пожертвовать собой ради группы имеет эволюционные основания: когда угроза группе слишком велика, а перспективы выживания туманны, то только в случае, если достаточное количество членов группы готовы принести высшую жертву, группа сможет противостоять врагам более сильным, но менее склонным игнорировать потери и последствия своих действий. Эта логика самопожертвования видна в действиях террористических групп вроде Аль-Каиды или ИГИЛ, даже если в

последнее время вместо относительно образованных и хорошо обеспеченных новобранцев¹⁷ в их ряды входит сильно маргинализованная молодежь.

Дарвин рассматривал эволюционную логику самопожертвования с точки зрения моральной добродетели. Он полагал, что добродетель заключается не в честности и взаимности, как того требует золотое правило морали или принцип «не навреди (если можешь помочь)», и не в эмпатии – эти темы, лежащие в основе либерально-демократической этики, стали основными в большинстве последних исследований морали в когнитивной, социальной и нейропсихологии (Baumard et al. 2013, Van Slyke 2014). Напротив, Дарвин (Darwin 1871, pp. 163–65) рассматривал качества «нравственности ... патриотизма, верности, послушания, храбрости и соучастия к другим» как продукты «естественного отбора». Он полагал, что группы с большим количеством героев и мучеников в большей степени наделены этими качествами и будут доминировать в безжалостной исторической борьбе за выживание. Сегодня перечисленные Дарвином качества сравниваются со склонностью к «парохиальному альтруизму» (Choi & Bowles 2007). Чаще всего парохиальный альтруизм¹⁸ проявляется на войне и в ходе других радикальных конфликтов, где случаи самопожертвования имеют место даже тогда, когда есть возможность выйти из конфликта, а вероятность выживания в любом ином случае крайне мала.

На протяжении истории в разных культурах мы обнаруживаем, что самые сильные, устойчивые и прочные формы групповой идентичности основаны на священных ценностях, которые неуязвимы или очень устойчивы по отношению к материальным соблазнам, примером чего может быть категорический отказ предавать свою страну или веру по любой цене (Ginges et al. 2011). Как правило, принято верить, что трансцендентные ценности или «высшие священные постулаты» (Rapaport 1999) исходят от Природы или Провидения и сообщаются в виде канонов и за-

¹⁷ Еще со времен анархистов XIX в. наличие профессионального инженерного или медицинского образования часто выступало критерием лидерства в террористических и революционных движениях, вероятно, потому, что оно говорило о наличии практических навыков, а самоотдача во время долгого курса обучения, что требовало отказа от удовольствий, демонстрировала готовность к самопожертвованию. Так, в Аль-Каиду первоначально входили вполне обеспеченные хорошо образованные люди, многие из них имели инженерное и медицинское образование (Bergen & Lind 2007, Gambetta & Hertog 2016). Уильям Пирс, основатель движения белых супремасистов «Национальный альянс», был физиком, специализировавшимся в области аэрокосмической техники.

¹⁸ Парохиальный альтруизм – альтруизм «приходского», «местнического» типа, преимущественно направленный на членов своей социальной группы. Название связано с типологией политических культур, разработанной американскими политологами Г. Алмондом и С. Вербе. Есть основания предполагать, что в развитии такого поведения имеет место вклад генетических, биологически предопределенных факторов (*прим. перев.*).

поведей, чей смысл никогда не может быть полностью понятен, как, например, вера в бестелесное разумное божество или неизбежное движение истории к свободе или равенству. «Открытая текстура» таких верований, большая часть которых буквально лишена смысла, делают их невосприимчивыми к логической или эмпирической проверке (Atran & Norenzayan 2004). Это верно, как по отношению к основным религиозным верованиям, так и по отношению к аксиоматике любого сотериологического¹⁹ светского «-изма»: социализма, коммунизма, анархизма, фашизма, либерализма и национализма.

Религиозное или идеологическое согласие строится преимущественно не на доказанных положениях или проверенных фактах, а на эмоциональной связи, обретенной в ритуальном общении. Выраженная в пышном ритуале приверженность явно абсурдным верованиям или верованиям с «открытой текстурой» (то есть – многозначным) укрепляет доверие внутри группы, отмечая ее участников священными символами и обязывая их защищать друг друга (Atran & Henrich 2010, Norenzayan et al. 2016). Чем более враждебной и опасной оказывается окружающая группу среда, тем более ценными становятся групповые ритуалы и священные ценности. Это усиливает внутригрупповое доверие, но также обостряет враждебность и подозрительность по отношению к другим группам (Wilson 2002). И если все это так, то разве Бог и группа – не одно и то же, как сказал в свое время французский социолог Эмиль Дюркгейм? (Durkheim 1912).

Все сказанное можно сравнить с разумными общественными соглашениями, уравнивающими интересы частных лиц ради взаимной выгоды. Мышление по принципу обратной индукции – в высшей степени разумная стратегия – означает понимание доступности лучших вариантов действий в любое время. Это поощряет выбор покинуть группу прежде, чем остальные ее члены поймут, что может принести будущее. Чтобы нейтрализовать это потенциально смертельную для группы модель поведения, даже самые секулярно ориентированные народы и общественные движения охотно используют аналогичные религиозным верования, ритуалы и символы (Anderson 1983). Взглянем на «неотъемлемые права, к числу которых относятся права на жизнь, свободу и стремление к счастью», ради которых американские колонисты – а затем богатейшая нация в мире в расчете на душу населения – пожертвовали бы «своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью». В первоначальном проекте Декларации независимости США Томас Джефферсон назвал эти

¹⁹ Сотериология – богословское учение о спасении человека, которое в христианстве является важнейшей частью догматического богословия. Учение о спасении существует во многих религиях (*прим. перев.*).

права «священными» прежде, чем рационально описал их как «самоочевидные» (Boyd 1950, pp. 243 ff.). Американские и европейские революционеры устанавливали «всеобщие» права методами справедливой войны, социального проектирования и экономической конкуренции (Hunt 2008). Однако на протяжении едва ли не всей предшествующей истории человечества таких прав не существовало вовсе: рабство, геноцид, детоубийство, каннибализм, преследование меньшинств, эксплуатация женщин – все это было обычным делом.

Сегодня сам смысл равенства и свободы и необходимых для их достижения политических средств остается открытым для широких толкований и споров о том, что допустимо, а что запрещено. Современные примеры поляризованных политических конфликтов в Западном мире – конфликт по поводу стены на южной границе США (которая должна помешать проникновению иммигрантов, в том числе и беженцев), Брекзит (выход Великобритании из Европейского союза с намерением восстановить собственный суверенитет и обеспечить безопасность), Движение желтых жилетов во Франции (против экономического неравенства и элитарности правительства), движение за независимость Каталонии (достижение электоральной свободы, чтобы положить конец многовековой испанской «оккупации»; см. Gimenez Varbat 2019) – имеют два важных сходства с еще более насильственными конфликтами, вроде войны с ИГИЛ (Gomez et al. 2007), противостояния США и Ирана (Dehghani et al. 2010) и столкновений между израильянами и палестинцами (Ginges et al. 2007). Речь идет, во-первых, о закреплении искомым целей, вне зависимости от их материальных аспектов, в форме неоспоримых священных ценностей (Бог, нация, культура, суверенитет, демократия, равенство) и, во-вторых, об убеждении в том, что противная сторона, поскольку она явно придерживается противоположных ценностей, хочет лишить «нашу» сторону политического и социального существования или, если речь идет о самых непримиримых противниках, существования вообще (Hoffer 1951).

Значение слияния идентичности, социальных сетей и групповой динамики

Знание о том, как священные ценности влияют на процесс принятия решений, определяя моральные суждения и выборы, отвергающие или обесценивающие материальные интересы, может быть необходимым для объяснения многих видов радикального поведения, но не достаточным. Влияние священных ценностей на радикальное поведение может зависеть от

того, насколько большое место они занимают в идентичности индивида и насколько они укоренены в его первичной референтной группе. Усвоенная таким образом вера в священные ценности приучает к самоконтролю и тем самым снижает издержки общественного контроля за моральными нарушениями, а также делает людей нечувствительными к любым предложениям оставить свою группу, какими бы разумными, выгодными или даже спасительными они не были.

Наши исследования самоубийственного терроризма и насильственного политического экстремизма сводятся к тезису, что люди не убивают и не умирают ради дела, но всегда ради других людей – ради братьев или жителей родины в целом. Они жертвуют собой за группу генетически не связанных с ними людей, которых, однако, общее дело объединяет в своего рода воображаемую семью, где очень сильна психология родства (Atran 2010). Как сказано в «Клятве джихада» (ba'ulah) Харакат уль-Муджахидин, пакистанского филиала Аль-Каиды, «каждому мученику есть место, среди них есть братья, как есть и сыновья, и те, что еще дороже» (цит. в Atran 2004, p. 79).

В соответствии с этим тезисом теория слияния идентичности имеет в виду следующее: когда *я-образ* нескольких людей сливается с групповой идентичностью, тогда каждый член группы готов добровольно пожертвовать собой за любого другого и совершить в интересах группы любое радикальное действие, если группа подвергнется опасности (Swann et al. 2012). Дух борьбы проникает и наделяет силой и индивидов, и группу, он дает им чувство неуязвимости и особого предназначения. Концепция слияния идентичности согласуется с теорией социальной идентичности (Tajfel & Turner 1979), однако делает акцент на выстроенную по родственному принципу связь между людьми и на ритуализированные в виде клятв и испытаний ценности, которые часто предполагают переживание общего опыта боли и страданий (Whitehouse 2018), а не на понятийной и эмоциональной оценке *я-образа* индивида, принадлежащего к той или другой группе. Полевые исследования показывают, что радикализация зачастую предполагает слияние через «повторное рождение» идентичности, изменяющейся внутри плотно сгруппированных социальных пространств: семейной жизни, спортивной команды, соседского окружения, рабочего пространства, школы, тюрьмы, сообществ беженцев и диаспор, закрытых групп в социальных медиа (Sageman 2008, Atran 2010). Это означает, что подход к проблеме радикализации с точки зрения общественного здоровья может оказаться более приемлемым, чем строго криминологический подход (Alcala et al. 2017).

Экстремистские лидеры (каких бы религиозных или политических взглядов они ни придерживались) – особенно харизматичные (и чаще

всего образованные), чья страсть к общему делу и к группе увлекает за собой других – играют очень большую роль в организации группы на основе поляризующей идеологии и в управлении действиями, направленными против других групп (Stern 2020). Однако массовая вербовка новобранцев во многом основывается на горизонтальных связях равных с равными. Например, согласно сообщениям Уэст-Пойнтского центра по борьбе с терроризмом (Perliger & Milton 2016) и группы бывшего агента ФБР Али Суфана (Soufan Group 2014), большинство добровольцев присоединялись к ИГИЛ группами. Аналогичным образом пополняла свои ряды и Аль-Каида (Sageman 2004, Atran 2010), хотя, как было сказано выше, в ИГИЛ работает больше прямых вербовщиков. Даже те, кто был завербован через Интернет, кооперировались со своими друзьями, прежде чем записаться в ИГИЛ (Hamid 2020). Такие компании новобранцев основываются на уже существовавших ранее социальных связях в том виде, в каком они обычно формируются в отдельных небольших городах и районах (Perliger & Milton 2016). Если же вербовка происходила через социальные медиа или непосредственное общение с рекрутером, то применялась более диффузная модель комплектования.

Теракты в Париже и Брюсселе в 2015 и 2016 гг. показывают, как ИГИЛ удалось повысить эффективность операций, опираясь в основном на местные сети ранее сформировавшихся социальных отношений (Atran & Hamid 2015, Hamid 2018). В 2014 г. ИГИЛ направило по крайней мере 21 оперативника с заданием атаковать так называемые «мягкие цели» (гражданские объекты) в Европе. Все террористы говорили на французском языке, большинство из них было родом из Франции и Бельгии, остальные – из бывших французских колоний в Северной Африке; они прибывали по одиночке или парами. Атаки планировались подразделением ИГИЛ по проведению внешних операций EMNI²⁰ (также известное как Амн аль-Хаджри). Все боевики провалили задание, спасся только один. Это произошло во многом вследствие отсутствия местных сетей, которые могли поддержать планируемые операции. Напротив, теракты с большим количеством погибших в Париже (ноябрь 2015 г.) и Брюсселе (март 2016 г.) были совершены с участием распространенной европейской сети давно сформировавшихся пересекающихся друг с другом социальных связей. Эта сеть состояла из людей, не принимавших непосредственного участие в планировании и осуществлении терактов, некоторые из них вообще не знали, что теракты должны были произойти. Десятки

²⁰ EMNI – разведывательное подразделение ИГИЛ, отвечающее за внешние операции, в том числе – теракты за пределами Сирии и Ирака.

вовлеченных в оба теракта людей, включая двух руководителей из EMNI, принадлежали к нескольким «кадровым резервам» ИГИЛ во Франции и Бельгии.

Сетевой анализ показывает, что женщины очень часто играют ключевую роль координатора, поддерживающего работу террористических сетей. Женщинам обычно удается ускользнуть из поля зрения служб безопасности, которые отслеживают тех, кто активно вовлечен в преступную деятельность (что делает женщин идеальным секретным оружием террористических групп; см. Bloom 2011). Роль женщин также меняется в зависимости от динамики конфликта. Например, Аль-Каида первоначально работала как тайная организация, осуществляя громкие акты насилия в разных точках мира в целях привлечения внимания публики и полагаясь при этом на молодых мужчин (Junger-Tas et al. 2012), больше женщин, склонных к насилию и традиционно более востребованных на войне (Van Vugt et al. 2007).

Сеть влияния семьи Фатимы Аберкан, «Матери джихада» из Бельгии. Абдельхуайд, брат Фатимы, помогал в подготовке убийства Ахмад Шах Масуда 9 сентября 2001 года, которое по замыслу Усамы бен Ладана должно обеспечить ему поддержку Талибана²¹ в терактах 11 сентября. В 2015 году Фатима была приговорена к 8 годам тюрьмы за распространение джихадистской идеологии среди своего окружения. В 2016 году она была осуждена повторно как глава террористической группы, помогавшей в вербовке множества людей в сеть Халида Зеркани, которая задействовала семейные, дружеские связи и связи с преступным миром во Франции и Бельгии для подготовки терактов. Находясь в Сирии, Фатима отправляла сообщения своим близким, призывая их отправиться воевать в Сирию. Один из ее сыновей погиб в Сирии, другой был арестован за террористическую деятельность. Две ее дочери также отправились в Сирию. Наима, сестра Фатимы, тоже пыталась это сделать, но была арестована по обвинению в терроризме. Рисунок приводится с разрешения Нафиса Хамида (Hamid 2018) ©Artis International 2018.

ИГИЛ, напротив, задумывалось как территориальное государство, где должны были жить женщины, которых необходимо содержать. Когда ИГИЛ провозгласило создание своего Халифата, женщины составили от одной четверти до одной трети от числа всех присоединившихся к нему (Atran & Hamid 2015). Несколько женщин стали ключевыми фигурами в поддержании связи между ИГИЛ в Сирии и локальными группами в Европе, как, например, Фатима Аберкан из района Моленбек в Брюсселе (Рисунок 1).

²¹ Движение признано террористическим в Российской Федерации (*прим. перев.*).

Роль Фатимы Аберкан убедительно показывает, что процесс радикализации не сводится к простому поиску и отбору радикально настроенных личностей, это выявление сетей, внутри которых действуют отдельные лица, семьи, группы сверстников и авторитетные фигуры. Даже в век террористов-одиночек полная изоляция невозможна: люди делятся идеями, связывают их друг с другом, претворяют их в жизнь, даже не вступая для этого в физический контакт (Schuurman et al.2019)²².

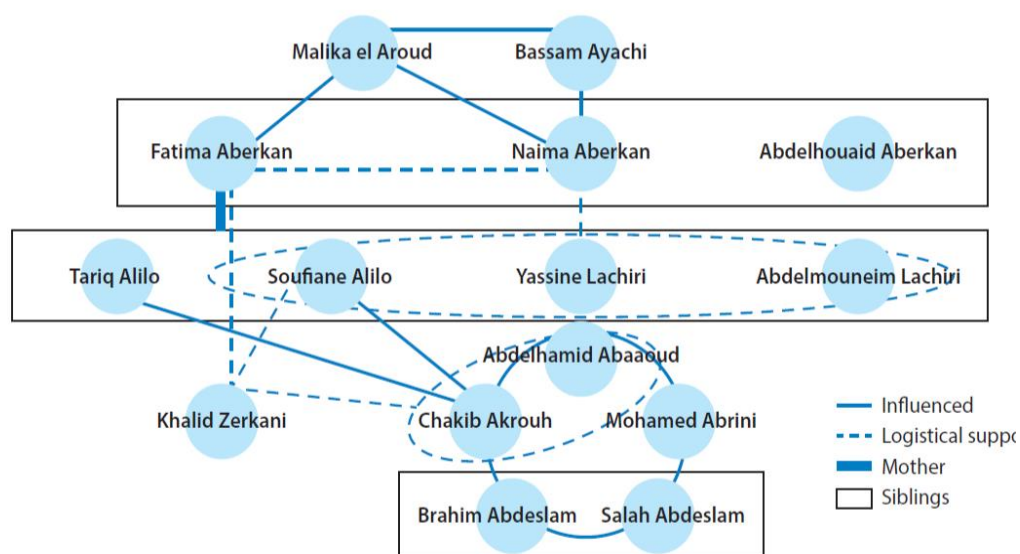

Рисунок 1

Мы никогда не сможем точно предсказать, когда люди решают встать на путь насилия и когда это произойдет (точно так же мы не можем предсказать, какие пузырьки первыми поднимутся на поверхность и лопнут, когда закипает вода). Однако мы можем определить некоторые основные условия, при которых взрыв насилия скорее всего произойдет: переход государства в разряд несостоявшихся, ослабление или полный распад социальной структуры, отсутствие или разложение моральных авторитетов,

²² Типы террористов-одиночек различны. Те, кто присоединился к Аль-Каиде, чаще всего были студентами, стремившимися получить одобрения авторитетных для них лиц; праворадикальные террористы чаще всего имеют неполное образование или являются безработными, имеют криминальное прошлое, а также страдают от психических расстройств (Gill et al., 2014) – то же характерно для террористов-одиночек, осуществлявших теракты по приказу ИГИЛ в Западной Европе (Basra & Neumann 2017).

неурегулированная конфликтная среда (где и происходит большинство терактов; см. Start 2020). Порожденные этими условиями лишённые жизненных сил сообщества беззащитны перед патогенными факторами, которые ещё больше ослабляют и разрушают их. К таким факторам относятся грабежи, незаконный оборот наркотиков, вымогательство, все эти же преступления, только совершенные в духе Робина Гуда – в таком случае как форма социального сопротивления во враждебной среде, они даже могут получать поддержку на местах, но в конце концов ещё больше ослабляют общество. Бедственное положение таких обществ усиливают последствия несправедливого обращения, депривации и отчуждения от основного потока культуры, и тогда эти общества становятся очередной жертвой экстремистских идей (Van den Bos 2018). Так, когда по завершении крупнейшей в истории современной Европы розыскной операции антитеррористические силы, наконец, захватили в занимаемой семьёй Аберкан квартире в брюссельском районе Моленбек единственного выжившего члена ответственной за теракты в Париже группы Салаха Абдеслама, жители района испытали облегчение. Но они испытали также и сильную злость в отношении полиции, правительства, средств массовой информации и общественности за то, что они заклеймили Моленбек как вотчину джихадистов.

Для понимания того, как ценности встраиваются в социальные сетевые взаимодействия и направляют деятельность людей, необходимо постижение групповой динамики (Magouirk et al. 2008, Smaldino 2014). Это в свою очередь предполагает понимание эпидемиологии, то есть того, как представляющие соответствующие ценности радикальные идеи распространяются по сети (Sperber 1985, Bond & Bushman 2017). Динамические свойства сети позволяют распределять мысли и задачи так, что ни один ее член или даже вся совокупность членов не могут полностью контролировать или даже понять как это происходит. Возникающая в результате диффузная структура также усложняет властям задачу контролировать и пресекать развитие сетевого взаимодействия (анализ примеров см. ARTIS Int. 2009, Namid 2018). Социальные сети только усиливают эти свойства, как это происходит в случае с локальными группами белых супремасистов, которые формируются в онлайн пространстве и затем самоорганизуются в диффузные глобальные сети, которые соединяются через интернет-платформы и через Даркнет. Эти группы только укрепляются и расширяются, когда правительства или отдельные платформы вроде Facebook пытаются заблокировать их. Одна из причин такого положения дел заключается в том, что группы ненависти в социальных медиа фор-

мируются по степенному закону²³, который невозможно ни подогнуть, ни подчинить спущенным сверху приказом (Johnson et al.2019).

Иллюстрация полевого исследования: воля к борьбе на передовой ИГИЛ и в других местах

Обеспечение научной основы психологических консультаций, направленных на предотвращение или противодействие насильственному экстремизму, требует проведения качественной полевой работы (Horgan, 2012), чтобы составить представление об убеждениях людей и о том, что они делают (а не предварительные допущения об этом; см. Sommers 2019). Затем эти данные интегрируются в более общую теорию и проверяются с помощью строгих методов (Freilich & LaFree 2016, Atran et al. 2017). Такая работа также предусматривает необходимость обратить внимание на предполагаемые политические приоритеты лиц, принимающих решения, поскольку поддержка исследований в области терроризма существует по причине неотложного и общественно значимого запроса. Действительно, можно утверждать, что терроризм как таковой является в первую очередь политическим понятием и той политической стратегией, которая не имеет концептуальной глубины (т.е. с точки зрения науки, это не субстанция, объективно присутствующая в природе). Конечно, ученые должны сохранять значительную степень независимости, чтобы избежать включения в свою работу бюрократических или политических интересов²⁴.

²³ В статистике *степенной закон* – это такая функциональная зависимость между двумя величинами, при которой относительное изменение одной величины приводит к пропорциональному относительному изменению другой величины, независимо от исходных значений этих величин: зависимость одной величины от другой представляет собой степенную функцию (*прим. перев.*).

²⁴ Львиная доля бюджета министерства обороны США, выделенного для социальных наук и исследований культур, была направлена на программы, подобные Human Terrain System Military Intelligence Program (поддержка научных исследований, к которым привлекаются специалисты из области социальных наук, такие как антропологи, социологи, политологи, лингвисты и специалисты по конкретным регионам – прим. перев.), которые стремились внедрить научных экспертов в боевые подразделения и тем самым достигнуть «оперативно-ориентированного социально-культурного потенциала». (US Army Intell. Cent. Excell. 2011, p. 10). К сентябрю 2014 года в программу было вложено более чем 700 миллионов долларов на проекты, которых академические ученые в основном избегали и которые многие военачальники оценивали как неэффективные (Sterling 2010, Gezari 2015). Другая проблема заключается в том, что большая часть исследований под эгидой Правительства США в зонах конфликтов поручается иностранным (местным) контрагентам, чьи мероприятия могут быть сомнительными с методологической точки зрения (например, проведение и обсуждение исследований с большим количеством людей одновременно) и которые обладают возможностями совершать те «научные открытия», которые, как им кажется, и хотело бы получить Правительство США.

Чтобы показать важность политики для фундаментальных исследований и самих научных исследований для более информированной политики, я представляю серию недавних исследований человеческого поведения и работы мозга, в которых участвовали профессиональные военные на передовой, радикальные группы населения и обычные жители Запада. Наша команда обычно начинает исследования в этой области с интервьюирования политических и военных лидеров, чтобы понять, каким может быть мышление элит (Atran et al. 2007) и получить доступ к исследованиям среди тех групп населения, которые мы бы хотели охватить (также при этом оценивая, как избежать влияния на результаты исследования со стороны элит и завышенных ожиданий). Проведя достаточное количество времени в полевых условиях с участниками исследования, включая военных, боевиков и потенциальных добровольцев для боевых действий, в течение нескольких дней, недель или лет, необходимых для установления доверия, мы проводим с ними полужоформализованные интервью для выработки гипотез об их поведении и деятельности. Далее мы разрабатываем экспериментальные методы и показатели, которые первоначально тестируются в лабораторных условиях или в Интернете, где мы можем тщательно контролировать процедуру и отслеживать результаты. Затем мы возвращаемся в поле, чтобы более строго с научной точки зрения протестировать участников. Если полученные в поле результаты окажутся надежно доказаны, впоследствии мы применяем эту методику для массовых опросов, включающих экспериментальные разработки, приспособленные для представителей разных регионов и культур.

Когда в 2014 г. организация ИГИЛ находилась на пике своего влияния, президент Барак Обама поддержал решение подотчетного ему директора Национальной разведки: «Мы недооценили Вьетконг... и переоценили намерения южновьетнамцев. В данном случае мы недооценили ИГИЛ и переоценили боевые возможности иракской армии... Все это сводится к попытке предсказать чью-то волю к борьбе, а ее нельзя точно просчитать» (cit. in Rayne, 2014). Тем не менее, наши исследования дают основание считать возможным прямо противоположное, а именно: возможно прогнозирование того, кто будет готов сражаться, а кто нет и почему, что довольно значимо для ученых и вполне поддается научному анализу, если серьезно относиться к сакральным и духовным аспектам конфликтов между людьми и не ограничиваться анализом издержек и последствий материального, сугубо светского характера.

Зимой 2015 года, когда линия фронта ИГИЛ была относительно стабильной, мы обнаружили, что готовность сражаться и умирать была

наибольшей у тех, кто считал, что борется за священные ценности, а также ощущает силу духа и храбрость (*rubi bi ghiyrat* на арабском и курдском) как нечто более значимое, чем материальный ресурс (численность военных или огневая мощь), идет ли речь об их собственной группировке, союзниках или врагах (Atran 2016b). Среди светских только марксисты-ленинцы – борцы из Рабочей партии Курдистана (РПК) с точки зрения приверженности своим убеждениям и готовности к самопожертвованию соответствовали религиозно мотивированным бойцам ИГИЛ (о чем свидетельствуют, например, установленное количество раненых и убитых, проведенное на поле боя время даже после получения ранения и т.д.). Соединенные Штаты считают ИГИЛ и РПК террористическими организациями.

Зимой 2016 г. мы провели количественное полевое исследование с участием иракских вооруженных сил, состоящих из курдских и арабских боевиков, арабских ополченцев-суннитов и *нешмерга* (курдских ополченцев). (N=60) (Gómez et al. 2017). Все респонденты участвовали в ожесточенной битве за деревню Кудила, одном из первых сражений в наступательной операции для получения контроля над Мосулом, крупнейшим иракским городом под управлением ИГИЛ (Atran 2016a). В дальнейшем для проверки гипотезы о когнитивных механизмах, лежащих в основе итоговых результатов, был проведен последний этап четырнадцати исследований в Испании, по большой онлайн-выборке (N = 6649). Полевое исследование создало прочную информационную базу онлайн исследования и вместе они позволили обнаружить характерные элементы полной готовности идти на самые последние жертвы:

(а) чувство обязательства перед священными ценностями сплоченных сообществ;

(б) если это понадобится, готовность отказаться от обязательств даже перед семьей и объединенными сообществами ради этих ценностей.

Священные ценности определялись путем полного отказа от любых компромиссов при любых условиях. Чтобы выяснить степень слияния идентичности (с группой и с системой ценностей – прим. перев.), испытуемым были представлены серии все более перекрывающихся друг друга пар кругов (Swann et al. 2012): один круг представлял респондента, а другой – группу, обозначенную узнаваемым флагом или символом-лозунгом. В результате дихотомического измерения те участники, которые выбрали полностью совпавшие пары, были отнесены к слитым с группой.

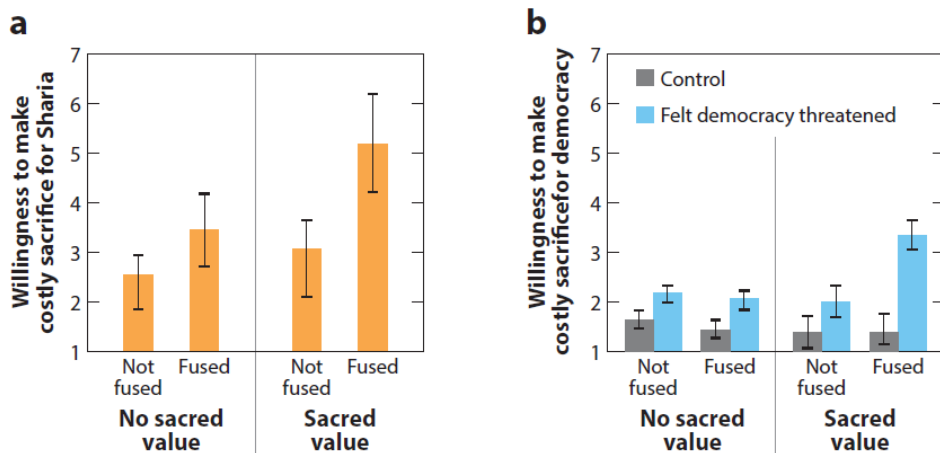

Рисунок 2

Взаимодействие сакральных ценностей и слияния идентичности.

а) в марокканских кварталах, поддерживающих джихадистов, люди, которые считали строгое соблюдение исламских законов или шариата священной ценностью и тесно отождествляли себя с группой, организованной по родственному принципу (kin-like group) (т.е. слились с группой) выражали наибольшую готовность убивать и умирать за шариат.

(b) респонденты из Испании сообщили о готовности убивать и умирать за демократию как за священную ценность, идентифицируя себя с группой друзей, организованной по родственному принципу (kin-like group), но в меньшей степени, чем марокканские участники исследования, и только при явной угрозе. Рисунок адаптирован из статьи Sheikh et al. (2016).

Предыдущие полевые и онлайн исследования в Западной Европе и Северной Африке показали, что хотя слияние идентичности и священные ценности мотивируют готовность идти на серьезные жертвы независимо друг от друга, взаимодействие этих двух факторов доводит эту готовность до крайних жертв (рисунок 2). В предыдущем исследовании двух городских кварталов Марокко, в которых поколения молодых людей участвуют в вооруженном джихаде (муниципальные подразделения Сиди Мумен в Касабланке и Джемаа Мезуак в Тетуане), около 30% опрошенных жителей получили баллы как преданные своим убеждениям участники, чья готовность к самопожертвованию была максимизирована за счет взаимодействия абсолютной приверженности строгому применению исламского права (шариата) как священной ценности и сильной сопричастности группе товарищей, подобной родственной группе. В другом исследовании, где изучались испанцы, только 12% участников были определе-

ны как преданные своим убеждениям участники. Они считали демократию священной и были объединены в группу близких друзей, хотя многие из них были готовы убивать или умирать, даже когда им были угрозы со стороны Аль-Каиды и ИГИЛ (Sheikh et al. 2016).

В наших итоговых исследованиях фронтовой линии ИГИЛ все бойцы считали определенные ценности священными, и все они были объединены, по крайней мере, в одну большую социальную группу. Это могла быть наподобие родственной группа товарищей, иракская нация, мусульманская *умма* (мировое сообщество мусульман) или конкретное боевое подразделение (ополчение арабов-суннитов, курды иракской армии, *пешмерга*) (Gómez et al., 2017). По крайней мере, 90% испытуемых были также связаны с группами реальных родственников. В эксперименте с вынужденным выбором²⁵ большинство участников (59%) ответили, что они готовы отречься от своей семьи, но не от своих священных ценностей. Подавляющее большинство (86%) предпочли покинуть любое и даже все сообщества по крайней мере ради одной сакральной ценности. Профессиональные военные (комбатанты), которые набрали высший балл по шкале значимости приносимых жертв, выбрали ценности, преобладающие над лояльностью сообществу, такой же выбор в онлайн-исследовании сделали самые преданные своим убеждениям испанцы.

По меньшей мере со времен Второй мировой войны в большинстве исследований по военной истории и психологии участников боевых подразделений делается акцент на верность товарищам, а не на верность делу (Stouffer et al. 1949, Smith 1983, Whitehouse et al., 2014). Однако, если солдаты искренне верят в священность своего дела, как, вероятно, в случае с ИГИЛ, РПК, Вьетконгом (Moskos 1975), войсками СС периода Второй мировой войны (Atran 2020) или бригадой антифашистов Линкольна,²⁶ которая добровольно участвовала в гражданской войне в Испании (Dollard 1944), то дело может стать выше, чем ценность товарищества. Наиболее преданные бойцы будут принимать мучительные решения, вынужденно выбирая между сообществом и высшей ценностью. Бойцы РПК и захваченные в плен боевики ИГИЛ рассказали нам, что они отказались от защиты своих семей ради своей цели (это могли быть курдская родина или исламский халифат; см. Atran 2016b) – это то поведение, которое, помимо прочего, противоречит эволюционному обоснованию принесения жертвы как вклада в выживание вида (Azzam 2005).

²⁵ Термин «вынужденный выбор» применяется как обозначение метода психологического исследования (*прим. перев.*).

²⁶ Батальон Линкольна, который был 17-м (позднее 58-м) батальоном XV Международной бригады Испанской Республиканской Армии (*прим. перев.*).

В 2017–2018 гг. мы продолжали исследования молодежи, прибывающей с подконтрольной ИГИЛ территории, региона Мосул (Atran et al., 2018). Сначала мы спросили высокопоставленных политиков в правительствах США, Великобритании, Германии и Франции, на какие вопросы они больше всего хотели бы получить ответы с помощью исследований в области социальных наук. Если отойти от частных вопросов, они ответили: «Что люди думают об ИГИЛ?»; «Что думают об объединенном Ираке?»; «Какого политического будущего они хотят?»; «С чем они готовы смириться?».

В этой области большинство опрошенных нами людей поначалу воспринимали участие в ИГИЛ как «революцию» (*al-Thanra*). Хотя многие из них отказались от зверств ИГИЛ, две самые священные ценности ИГИЛ, ради которых они выразили готовность к самопожертвованию, проникли в умы примерно половины молодых арабов-суннитов из числа наших респондентов: это строгая вера в шариат и арабскую суннитскую Родину, а также противодействие единому Ираку. Те, кто верит в эти ценности, выразили значительно большее желание сражаться и умирать, чем сторонники объединения Ирака. Даже если ИГИЛ потеряло контроль над территорией, оно не обязательно потеряло приверженность своим основным ценностям со стороны молодых арабов-суннитов данного региона.

В дополнение к этому мы не обнаружили значительной поддержки демократии в выборке, использованной в нашем исследовании общества после ухода ИГИЛ. На Западе выборы при всеобщем избирательном праве представляют собой последний этап в развитии либеральной демократии. При отсутствии предварительно созданных либеральных институтов (свобода слова, независимая судебная система, гарантии меньшинств и т.д.) выборы могут привести к тирании большинства. Вот почему суннитское меньшинство Ирака считает, что подавляющее шиитское большинство взяло власть на выборах, которые спонсируются США (Atran et al. 2018). Более того, хотя либеральная демократия успешно обеспечивает консенсус в индустриальных национальных государствах среди людей различного происхождения, которые неизвестны друг другу (Anderson 1983), она может оказаться не очень эффективной в разрешении этнических, племенных и конфессиональных конфликтов (точно так же, как она не помогает в урегулировании семейных разногласий).

Вывод из наших полевых и онлайн-исследований поведения состоит в том, что волю к борьбе в смертельно опасных конфликтах трудно просчитать, (и связанные с этим угрозы безопасности могут оставаться неустранимыми, если только не прибегать к численному превосходству), если мы будем рассматривать проблему в узком фокусе инструментально-рационального мышления. С исходной эволюционной точки зрения мы должны ожидать, что родственные или подобные родственным со-

общества будут иметь преимущество перед абстрактными идеалами. Дарвин (1871, стр. 159–60) сам ломал голову над тем, почему люди способны жертвовать собой ради понятий, которые «начинают высоко цениться и даже считаться священными»²⁷, при этом понимая, что это «несомненно дает огромный перевес» группам, населенным теми, которые «своим примером возбуждают... дух» самопожертвования в других. Преимущество убеждений перед силой родственных связей в том, что такие люди выковыывают мощные (и потенциально широко распространяющиеся) религиозные и политические узы именно потому, что они готовы пожертвовать своей жизнью и верностью родственникам во имя большего абстрактного идеала. Мировой ислам сам по себе означает «покорность» всех племенных и групповых форм лояльности слову и повелению Бога, учитывая готовность Авраама убить своего любимого сына, чтобы доказать приверженность священному императиву, которая является основной притчей монотеизма. В более общем плане (Fukuyama 2012) подчинение семье и племени, возможно, было необходимо для исторического формирования более крупных групп, построенных на политических принципах.

Дальнейшие исследования мозга и поведения

Недавние исследования мозга и поведения радикализирующихся групп населения дополняют результаты исследований комбатантов Ирака и мирных жителей Испании. Предыдущие исследования показывают, что создание дискриминационных условий по отношению к мусульманским иммигрантам ведет к их социальной и экономической изоляции (Adida et al. 2010). Более того, когда те, кто чувствуют себя маргинализованными, продолжают сталкиваться с дискриминацией, растет их поддержка в пользу тех радикальных групп (Lyons-Padilla et al. 2015), которые, как считается, повышают сплоченность сообщества, утверждая насилие как способ защиты этого сообщества (Gómez et al. 2011, Alcalá et al. 2017). Мы хотели выяснить, увеличивает ли социальная изоляция приверженность сакральным ценностям или даже ведет к сакрализации и самопожертвованию во имя ценностей, которые исходно не считались священными.

Мы использовали этнографические исследовательские подходы и психологические тесты, чтобы изучить самоидентификацию 535 молодых мусульман марокканского происхождения в Барселоне, где сторонники ИГИЛ убили 13 человек и тяжело ранили 100 человек в августе 2017 года (Pretus et al. 2018). Основное внимание уделялось районам, которые правоохранные органы считали уязвимыми для вербовки джихади-

²⁷ Цит. по: Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб., 1896. С. 92.

стов. Половина юношей ($N = 268$) показали уязвимость по всем мерам экстремистской вербовки, из них 38 человек (средний возраст 19 лет), которые уже выразили «готовность участвовать в насилии или способствовать насилию, связанному с причинами джихада», согласились на двухэтапный эксперимент по нейровизуализации.

На первом этапе мы определили признаки священных ценностей участников, а затем исследовали их готовность пойти на жертвы ради ценностей. Мы обнаружили, что такая готовность более значительна в случае с сакральными ценностями (например, запрещение карикатур на Пророка, предотвращение однополых браков), чем относительно не сакральных, но важных ценностей (например, ношение женщинами чадры, неограниченное строительство мечетей). На втором этапе нейровизуализационного исследования участники играли в игру с подбрасыванием мяча («Cyberball») ²⁸ против игроков с испанскими именами. Во время игры половина участников исследования была внезапно исключена из возможности передавать мяч.

После игры во время сканирования всех участников спросили об их готовности жертвовать собой ради священных для них идей, в том числе пойти на борьбу и умереть. Что касается священных ценностей, активность их мозга была более ярко выражена в области нижней лобной извилины, то есть в области, связанной с принятием морально-этических, обусловленных правилами решений, которая, как мы ранее обнаружили по основной выборке из США, связана с сакральными ценностями (Berns et al. 2012). Исследование, проведенное на материалах Барселоны-Марокко, выявило менее обдуманные, более быстрые ответы (в соответствии с обязанностями, а не утилитарными рассуждениями), когда вопросы касались священных ценностей против не священных, а также большую готовность сражаться и умереть за священные. Мы повторили эти выводы в Барселоне среди пакистанских иммигрантов, поддерживающих «Лашкар-И-Тайба» [организация запрещена в Российской Федерации, прим. перев.], соратника «Аль-Каиды» [организация запрещена в Российской Федерации, прим. перев.] (Hamid et al. 2019).

Наиболее поразительно то, что среди участников, заблокированных во время игры с подбрасыванием мяча, готовность пожертвовать ради не сакральных ценностей вызвала активность левой нижней лобной извилины, аналогичную по уровню тем, что были показаны для священных ценностей. Исключенные из игры субъекты также выразили большую готовность сражаться и умереть за эти сакрализованные ценности, а взаи-

²⁸ Эта игровая программа используется для исследования осуждения и принятия в межличностном общении (прим. перев.).

модействие между святостью ценностей и социальной изоляцией оказало стабильное воздействие на эмоциональную напряженность, связанную с защитой ценностей. Неврологическое воздействие маргинализации показало, что темы, которые исключенные из игры участники ранее считали не сакральными (секулярными – прим. перев.), стали для них более важными и больше напоминали священные ценности, за которые стоило бы бороться и умереть.

В предыдущих исследованиях поведения, проведенных в Иране (Dehghani et al. 2010), мы обнаружили, что международные санкции – более общая, политическая форма исключения, явно сделали более сакральной веру в ядерную программу среди 11–13% населения (в основном речь идет о поддерживающих режим верующих жителях в сельской местности), а также поведение, связанное с этой программой (например, увеличивающееся и более высокое обогащение урана и производство центрифуг в соответствии с возможной разработкой оружия). Сегодня те, кто считает развитие ядерной программы сакральной ценностью, часто ссылаются на Коран в поисках доказательств, как и в случае с правами нации. Это означает, что спорные вопросы не обязательно должны быть частью древних культурных или политических традиций, чтобы обрести священный смысл, но получая его, они часто утверждаются в качестве таковых.

Эти исследования показывают, что социальная и политическая изоляция способствуют радикализации и консолидации сакральных ценностей, за которые люди готовы сражаться и умирать (что часто вызвано провоцирующим событием, таким как серьезное оскорбление, жестокость полиции или тюремное заключение, подробнее см. Silke 2003, Khosrokhavar 2016). Другое исследование показывает, что коллективный болезненный опыт маргинализации или прямого насилия способствует формированию идентичности, слитой с понятием высшей ценности, что мотивирует человека на самопожертвование, включая готовность бороться в защиту сообщества (Whitehouse 2018). Если это так, то политики могут проявить мудрость и противодействовать социальной изоляции и сакрализации ценностей, чтобы предотвратить радикализацию.

Разрешение ценностно мотивированных конфликтов

Как мы сообщали в Конгрессе США (US Senate 2010) и Совете Безопасности ООН (Atran 2015), результаты наших полевых исследований среди террористов, среди уязвимых для радикализации групп населения, а также в зонах конфликтов показывают, что контрнарративы, которые просто делегитимизируют (вместо того, чтобы переформулировать и ставить в другой контекст) священные ценности других, вызывают обратный

эффект, усиливая желание и готовность прибегать к насилию. Угрозы или соблазны отказаться компромисса с ценностями, которые стали священными, или пойти на него, обычно оборачиваются против инициатора таких попыток, вызывая как отрицательные (например, гнев), так и положительные эмоции (например, радость мести; см. de Quervain et al. 2004), поощряя праведное возмущение (например, обусловленное активностью миндалевидного тела в мозгу; см. Berns et al., 2012), и приводя к длительному конфликту. Примерами такой эскалации могут быть израильско-палестинский конфликт (противопоставление права палестинцев на возвращение праву израильтян селиться в Великом Израиле; см. Atran et al. 2007, Ginges et al. 2007) или все более трудноразрешимые конфликты из-за права на оружие, аборт и иммиграционных процессов. Эти вопросы в настоящее время или уже священны, или проходят сакрализацию в условиях острой политической поляризации, в которой считается, что каждая сторона изолирует другую от политической активности.

Как же тогда разрешать конфликты из-за сакральных ценностей? Одна из возможностей состоит в том, чтобы признать и выразить уважение к священным ценностям другой стороны, но также предоставить возможности для новых трактовок и переосмысления (как в случае с религиозным канонам см. Atran & Axelrod 2008). Например, в сентябре 2013 г. в Центре по преодолению трудноразрешимых конфликтов при Оксфордском университете (Oxford University's Centre for the Resolution of Intractable Conflict) состоялись встречи с представителями Ирана, Израиля, Саудовской Аравии, Европы и США. На этой встрече участники согласились, что признание Ираном Холокоста в качестве преступления против еврейского народа (что является священным для израильтян, уважаемым со стороны американцев, европейцев и даже саудовцев) может ослабить сопротивление соглашению о праве Ирана на развитие государственной ядерной энергетики (что является крайне важным для иранцев см. Dehghani et al. 2010), но не ядерного оружия. Президент Ирана Хасан Рухани был проинформирован об этих результатах, и несколько дней спустя он публично объявил Холокост предосудительным преступлением против еврейского народа, помогая проложить путь к ядерному соглашению (на данный момент уже аннулированному Соединенными Штатами).

Другой пример касается проповедников-салафитов, которые порой довольно успешны в попытках переманить террористов-смертников на менее жесткие способы защиты веры. Ведущие саудовские проповедники-салафиты утверждают, что, хотя строгое соблюдение законов шариата и распространение ислама являются богоугодными и неоспоримыми ценностями, их лучше всего реализовать ненасильственными усилиями по увещанию – утверждение, которое, очевидно, приняли во внимание

члены отряда самоубийц на индонезийском острове Сулавеси (Atran 2010). В нашем исследовании с применением нейровизуализации с участием сторонников Лашкаре-Тайба [организация запрещена в Российской Федерации, прим. перев.] (Hamid et al. 2019) мы обнаружили, что перекрывающаяся область дорсолатеральной префронтальной коры была активной, когда участникам исследования предъявляли (искусственно созданные) оценки сверстников о нежелании бороться и умирать за священные ценности. В дальнейшем исследовании те, кто подвергался этой оценке со стороны сверстников, проявляли меньшую готовность бороться за веру. Это говорит о том, что социальное давление со стороны менее воинственных сверстников помогает сделать более гибкой готовность других использовать насилие для продвижения сакральных ценностей, при условии, что никто не попытается дискредитировать эти ценности.

Задействование уязвимых сетей требует прямого включения молодых людей в сообщества, чаты и доски объявлений, что также предоставляет свидетельства неудачных или эффективных мероприятий (Sommers 2019). Будь то джихадисты или сторонники превосходства белой расы, в Европе или США большинство людей, которые сегодня присоединяются к экстремистским группам, находятся в возрасте от 20 до 30 лет (NOPE not hate 2017, US Gov. Account. Off. 2017). Они часто находятся на переходных этапах жизни: студенты, иммигранты, люди, которые не работают, ищут друзей и т.д. Покинув свои дома, они пытаются заменить семью друзьями и попутчиками, чтобы найти общность и цель в группах активистов, которые предлагают эмоциональный подъем (Schumpe et al. 2018) – какой-то захватывающий призыв к славе, вопреки умеренности, которую так часто предлагают власти (Atran 2015).

Притягательная сила общины особенно остро проявляется там, где есть ощущение краха общества или социальной изоляции, независимо от того, связаны они с экономическими лишениями или нет. Это говорит о том, что наша способность справляться с реалиями и проблемами, с которыми сталкивается молодежь – неопределенностью, тревогой, надеждами и мечтами, – будет определять тенденции ослабления, продолжения или усиления бича терроризма и крайнего политического насилия.

Общественные службы и вмешательства в социальные сети могут потребоваться для любых серьезных усилий по снижению угроз со стороны насильственного экстремизма. Кеннеди (2012), специалист по криминологии, продемонстрировал важность общественной работы в сокращении количества убийств среди уличных банд. Конечно, движимые ценностями группы могут заметно отличаться от банд с точки зрения приверженности и готовности к самопожертвованию и игнорированию матери-

альных стимулов, как это уже отмечалось выше в наших исследованиях в тюрьмах гангстерских группировок в сравнении с джихадистами. Тем не менее, исследования показывают, что участие в социальных сетях с радикально настроенными членами семьи (Koehler, 2015), друзьями (Jasko et al, 2016) или другими доверенными лицами препятствует радикализации. Проактивная политика требует выхода за рамки рассмотрения молодежи как жертв, преступников или нуждающихся в чужих инициативах. Необходима политика, которая дает молодежи возможность принимать решения относительно своего будущего. К сожалению, сегодня правительства рассматривают молодежь в основном как проблему молодежного *бугра, навеса* (youth bulge)²⁹, который нужно подавить, а не как молодежный бум, то есть как наиболее обещающий потенциальный источник нахождения способов положить конец насильственному экстремизму (Sommers 2019).

Альтернативный способ справиться с кажущимся неразрешимым, основанным на ценностях конфликтом, – это задействовать силу подавления, чтобы разрушить социальные сети и консолидированные группы, в которых насаждаются эти ценности. В некоторых случаях этот вариант может быть неизбежным, как, например, в случае с ИГИЛ или нацистской Германией. Наше исследование, однако, показывает, что одним из возможных способов воспрепятствовать радикализации и избежать неразрешимого конфликта является предотвращение превращения пагубных ценностей в сакральные ценности с самого начала, в том числе борьба с социальной (и политической) изоляцией. Необходимо работать, используя язык компромисса вместе с материальными стимулами, позволяя другим менее воинственным и более терпимым ценностям соревноваться за преданность.

Противодействие вовлечению и общению в социальных медиа

Соединенные Штаты и их союзники сосредотачиваются на противодействии терроризму и кампаниям злонамеренного влияния с помощью контрнарративов, которые «подчеркивают факты, а не пропаганду» (Krause & Van Evera 2009) и продвигают принцип «проливать свет и открывать истину» (Taylor, 2018). Их успех часто измеряется количеством людей, которые просматривают или нажимают на сообщения и видео (Reynolds & Tuck, 2016), так же, как и в рекламных кампаниях (на самом деле, рекламные

²⁹ Молодежный бугор (навес) – термин, обозначающий резкий рост молодого населения в государстве, и связан с ключевой ролью молодого населения в радикальных формах социального протеста и революциях (*прим. перев.*).

агентства имеют одни из самых крупных контрактов на проведение контрнарративных кампаний).

Однако есть скудные свидетельства того, что кампании противодействия терроризму или злонамеренные информационные кампании (Rosand & Winterbotham, 2019) имеют тенденцию рассматривать идеи как оторванные от социальной среды, в которой они рождаются и распространяются. Скорее, политика и исследования могут быть более эффективными, если они основаны на позиции «противодействия» (Хамид, 2020), используя страсти, цели и общение реальных людей в определенных социальных контекстах, как это часто делают джихадисты и ультраправые группы в социальных сетях и в обмене сообщениями через СМИ (Атран 2017). Это контрастирует с нынешним вниманием к массовым сообщениям, которые выдвигают негативные темы о том, как плохие парни выступают за провокационные операции, чтобы сдерживать сомневающуюся молодежь посредством наказания (предпочтительная практика правоохранительных органов США в этих вопросах)³⁰.

Подобно религиозным верованиям и аксиоматическим предпосылкам секулярных идеологий, приверженность священным ценностям не может быть опровергнута эмпирическими данными или логическими аргументами (Atran & Axelrod 2008, Atran & Ginges 2012). Более того, есть неопровержимые свидетельства когнитивной и социальной психологии и культурной антропологии, что истина и свидетельства – независимо от того, насколько они логически последовательны или фактически верны – не обращают внимания на общественное мнение, корпоративную легитимность, а также на когнитивные предубеждения, которые подтверждают глубокие убеждения и основные ценности (Flynn et al. 2017, Mercier & Sperber 2017). Таким образом, для борьбы с ложными или ошибочными рассуждениями – как в случае с пагубными идеями – недостаточно противостоять эмпирическим и логическим недостаткам довода с помощью логической и эмпирической последовательности контраргумента. Недавнее исследование показывает, что предостережение о дезинформации имеет незначительный эффект (Murphy et al. 2019). Есть свидетельства того, что ориентированная на высшие ценности и вообще на мораль информация (Gómez и другие. 2017), особенно в социаль-

³⁰ Исследование, проведенное в США, в котором были изучены 580 вынесенных за терроризм приговоров, показало, что только 9% из этих случаев касались подлинных угроз джихада; 55% участвовали в содействии правительству или под его покровительством. В некоторых случаях не было никаких признаков того, что осужденный «террорист» ранее симпатизировал терроризму или был способен совершить террористический акт без чрезвычайного побуждения со стороны правительства (Norris & Grol-Prokopczyk 2015).

ных сетях (Feinberg & Willer 2015, Mooijman et al. 2018), продвигает не только готовность верить убеждениям (Crockett, 2017), но и сами действия в поддержку этих убеждений (Davis, 2016).

Социальные сети могут сдерживать деспотические правительства, но также могут содействовать подрыву демократического консенсуса и способствовать разрушительному моральному релятивизму посредством неконтролируемого и каскадного распространения ложных сообщений, теорий заговора и других видов дезинформации. Как это ни прискорбно, сегодня социальные сети скорее вдохновляют на радикализацию, чем отвращают от нее из-за стремительного распространения поляризующих идей, которые в свою очередь поощряют крайние взгляды. Во-первых, социальные сети снижают «проблему взыскания», связанную с риском участия в неприглядной деятельности (Hasen 2018) и позволяя людям присоединяться к экстремистским движениям без каких-либо затрат на физическое участие. Во-вторых, в Интернете больше распространены гневные, злобные, вызывающие возмущение и даже вредные сообщения (Crockett 2017), потому что как отдельным лицам, так и группам или государствам никогда не нужно фактически взаимодействовать со своими целями или сталкиваться с последствиями своего поведения. В-третьих, злоумышленники могут легко заявить, что токсичное сообщение исходит из неизвестного источника или из неопределенно многих возможных источников, и за счет этого избежать ответственности за любой косвенный вред. В-четвертых, социальные сети поощряют замкнутые коммуникативные системы, при которых убеждения усиливаются многократным повторением сообщения внутри, они открыты для сообщений, усиливающих личные и групповые предубеждения, но закрыты для сообщений, допускающих сомнения, разнообразие или противоречащий контент, который способствует рассуждению, компромиссу и консенсусу³¹.

Тяжеловесам Интернета, таким как «Google» (2 миллиарда пользователей на платформе «Android»), «Facebook» (1,6 миллиарда пользователей в день) или подконтрольному России «ВКонтакте» (почти полмиллиарда зарегистрированных пользователей), которые позволяют маскировать источники ложных и подстрекательских сообщений, не удастся предупредить об искажении фактов и прямой лжи, фактически они поддерживают токсичный контент, используя преимущественное размещение, оп-

³¹ Открытая структура подписчиков в «Twitter» делает его менее подверженным замкнутым системам (автор употребляет термин «эхо-камера» – прим. перев.) по сравнению с «Facebook» или подконтрольной России «ВКонтакте» (связанной с российскими службами разведки), но не поляризованным мнениям; например, демократы США, использующие Twitter, меньше поддерживают компромисс с республиканцами, чем те, кто этого не делает (Pew Res. Cent. 2020).

тимизирующее алгоритмически заданные стандарты популярности³². Таким образом, до того, как такой контент перейдет в глубокий теневой интернет или в даркнет (содержимое которых не размещается на общедоступных платформах, таких как «Facebook»), и не индексируется стандартными поисковыми системами наподобие «Google»), «Daily Stormer» (2017) могла громко заявлять на своем веб-сайте: «Раньше мы были крупнейшим в мировой истории изданием, ориентированным на белых. Имея шесть миллионов уникальных посетителей в месяц, мы превзошли тираж самого популярного таблоида Третьего рейха “Der Stürmer”, который насчитывал 250 000 человек». Если только мы осознаем тот факт, что рост влияния враждебных сил в Интернете не может быть блокирован правдивой информацией и доказательной базой, представленными на якобы нейтральных платформах свободного выражения мнений, и что такие платформы не способны предотвращать распространение, даже если бы они этого хотели (Johnson et al. 2019), тогда враждебные силы будут продолжать свои атаки, которые распатывают открытое общество.

Заключение: терроризм и беспрецедентный политический конфликт в эпоху краха культур

В конфликтах, при которых люди делятся на два лагеря, противостоящие группы чувствуют и осознают противостояние непримиримых ценностей (van Prooijen & Krouwel 2019), то есть того, что правильно и хорошо, а что неправильно и невыносимо. Эти ценности заложены в догматах веры (идеологиях) об обязанностях, правах, и силах, поддерживающих светскую жизнь и политические принципы. Укоренившись в умах и социальных институтах верующих, они управляют и регулируют индивидуальную и коллективную жизнь. Когда конфликт воспринимается как угроза существованию наиболее авторитетных ценностей, определяющих «что есть я» и «кто есть мы», как это представляется в чьих-либо политических идеалах, то весьма вероятен всплеск чрезвычайного насилия (Atran & Ginges 2012). Например, в 2018 г. 95% смертей от террористических актов произошло в странах, переживающих открытый насильственный конфликт (START 2020).

Острый политический конфликт создает условия неустойчивости и беспокойства. Результатом является то, что Дюркгейм назвал *аномией*,

³² Во внутреннем исследовании поляризации пользователей, проведенном «Facebook», отмечается: «Наши алгоритмы используют способность человеческого мозга к разногласиям» и выдвигают «все больше и больше противоречивого контента, чтобы привлечь внимание пользователей и увеличить время нахождения на платформе» (Horwitz & Seetharaman 2020).

расширяя изначальное значение суицидальной предрасположенности, чтобы указать на общее состояние общества, представленное нарушением социальных норм и ценностей, которое вызывает бедствия среди населения. В таких условиях люди часто стремятся к простоте в мыслях (например, к бинарным оппозициям) и определенности (Kruglanski et al. 2006). Это, в свою очередь, способствует формированию абсолютных моральных убеждений и нетерпимости к менее прозрачным или, казалось бы, противоположным убеждениям (Skitka 2010), и это отталкивает идеологически отличающиеся группы от гражданских дебатов и компромиссов (Lee 2015).

Вызывает тревогу нынешняя волна расистского и этнонационалистического терроризма (рост на 320% за последние пять лет), которая довольно опасна. Маргинальные группы людей крайне правых взглядов, как правило, менее терпимы к этническим меньшинствам и иммигрантам, чем крайне левые (Sears & Henry 2003, Rubin et al. 2014). Тем не менее, история политических конфликтов, а также недавние исследования показывают, что поляризованное мышление и готовность к насилию являются общими для крайних левых и крайне правых партий (Brandt et al. 2015), светских или религиозных (Wright & Khoo, 2019), несмотря на разные поводы для недовольства (Van Prooijen & Kuijper 2020). Действительно, западные страны пережили 322 террористических нападения³³ за последнее десятилетие. При этом в период с 1970 по 1980 г. их было 1677 (START 2020), наиболее знаменательные из атак в те годы были совершены крайне левыми (например, итальянскими красными бригадами, немецкой группой «Baader-Meinhof», американскими «Синоптиками»). В Европе и за ее пределами, начиная с Французской революции, массовые убийства христианских священнослужителей и верующих происходили ровно так же, как и антисемитские погромы.

Политический террор обычно возникает во времена социальной и экономической стагнации или кризиса, когда люди видят, что привычный им образ жизни под угрозой, либо их надежды на будущее экономическое улучшение или политический прогресс заблокированы, и в результате они ищут новую социально-политическую систему общих ценностей (Ruggiero 2020). В межвоенные годы (1918–1939) крайние политические движения, которые приняли непосредственное участие в массовом насилии, процветали после ряда впечатляющих антропогенных и стихийных бедствий, включая Первую мировую войну, пандемию испанки и Великую депрессию. Историю крайне левых террористических групп 1970-х гг. можно проследить до студенческих протестных движений 1960-х гг., когда

³³ На момент написания статьи еще не произошли трагические события, первым в череде которых стало убийство С. Пати (*прим. перев.*).

взрослеющие бэби-бумеры промышленно развитых демократий чувствовали себя далекими от консервативных или авторитарных убеждений, институтов и устремлений поколения своих родителей (например, фашизма, нацизма, маккартизма).

Сегодня темная сторона глобализации вынуждает людей почти во всех частях мира рисковать своим будущим в условиях рыночной конкуренции, испытывая непрекращающееся давление с целью изменения и внедрения инноваций или неудач (так называемая творческая деструкция) (Mishra 2017). Без традиционных институтов и общественных структур, обеспечивающих поддержку, социальные и личные издержки могут быть огромными, особенно для обществ в развивающихся странах, у которых почти нет времени на адаптацию и мало шансов реализовать амбиции. Когда духовные ценности традиционных религий и культур затмеваются новыми политическими институтами и социально-экономическими формациями (неустойчивыми, слабыми или хищническими), тогда контркультуры искупительного насилия склонны прорваться через существующие линии политического разрыва.

В «Бегстве от свободы» психолог Эрих Фромм (1941) рассуждал, что личная, а также общественная тревога возникает из-за такого явления, которое теолог-экзистенциалист Сёрен Кьеркегор [1980 (1844), с. 61] считал «головокружением от свободы». «Фашизм и нацизм психологически намного более разумны, чем любая гедонистическая концепция жизни», — утверждал Джордж Оруэлл (1940, стр. 321), анализируя «Майн кампф» Гитлера и ее бешеную популярность, и «то же самое, вероятно, верно и в отношении сталинской военизированной версии социализма». Когда люди внезапно обнаруживают себя отрезанными или неспособными ориентироваться в традиционных или привычных формах социальной и экономической жизни, они склоняются к авторитарным режимам, которые обещают покончить с неопределенностью, как сталинизм и нацизм в 1920-х и 1930-х годах.

Это обещание, наряду с тем, что Круглански и его коллеги (2019) называют «поиском значимости», является мотивацией, обычно обнаруживаемой в исследованиях джихадистов и их сторонников, а также воинствующих сторонников крайне правых популистов и сторонников идеологии превосходства. В исследованиях с участием многих обществ (multisociety studies) Гельфанд и его коллеги обнаружили, что эти мотивы приводят к политическому «ужесточению», то есть к поддержке авторитарных лидеров, снижению терпимости к различиям в социуме и более серьезным карательным мерам за отклонение от социальных норм (Gelfand et al. 2011, Gelfand 2018).

Здоровое состояние демократической системы напрямую зависит от горизонтальных связей между гражданами, которые постепенно ослабевают с 1960-х гг., особенно в Соединенных Штатах (Putnam 2001). По мере завершения эпохи холодной войны неравный доступ к богатству, качественному образованию и здравоохранению, а также чувство относительной депривации³⁴, политической изоляции и социальной несправедливости заметно возросли до таких уровней, которые мы не наблюдали десятилетиями (Piketty 2020). Демократический консенсус в обществе начал дробиться на все большее число групп идентичностей, которые конкурируют между собой и расходятся по полярным позициям (Fukuyama 2018). Каждая группа стремилась к власти, чтобы выместить (часто реальные) обиды через все более громкое отрицание легитимности других групп; все началось, когда белые представители рабочего класса (мужчины), бывшие когда-то типичными носителями левых взглядов, начали сдвигаться вправо, поскольку женщины и представители меньшинств обрели более весомый голос. По мере ослабления социально-политического согласия, озабоченность в первую очередь своими личными интересами становится нормой, оставляя у многих тоску по ощущению интимной общности и высшей цели.

Сегодня неявный союз между ксенофобскими этнонационалистическими движениями и радикальным исламом разрушает демократические общества так же, как фашизм и коммунизм в межвоенный период. Либерально-демократические ценности все больше теряют свои позиции по мере того, как сжимается средний класс, опора либеральных демократий (OECD 2019). Согласно Всемирному исследованию ценностей (5-я и 6-я волны; see <https://www.worldvaluessurvey.org>), большинство европейцев в возрасте до 30 лет не считают, что их жизнь в условиях демократии «безусловно важна». Одно исследование (Foa & Mounk 2017) показало, что почти половина американцев не верят в демократию, а более трети молодых людей с высокими доходами одобряют власть военного правления. Предположительно, это ответ на растущее социальное смятение, связанное с огромным разрывом в уровне доходов (теперь превышающем показатели «позолоченного века» 1877–1895 гг.), политическую поляризацию и неослабно давящие проблемы культурной ассимиляции, расовой интеграции и отсутствия консенсуса в эпоху политики идентичности.

В отличие от исследований, которые мы проводили среди групп боевиков в Ираке (Gómez et al. 2017) и радикализованного населения в Марокко и Испании (Sheikh et al. 2016), наш опрос среди тысяч молодых

³⁴ Это субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (т.е. таких благ, которые, как предполагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (*прим. перев.*).

людей из Западной Европы показал, что немногие из них готовы пойти на дорогостоящие жертвы ради якобы заветных ценностей, таких как демократия. Большинство людей в возрасте от 18 до 24 лет, имеющих право голосовать, даже не будут участвовать в национальных выборах во Франции или США. Кажется, намерение найти консенсус по основным ценностям либеральной демократии отсутствует. Именно это, а не угрозы со стороны насильственного экстремизма или внешних сил, может представлять серьезнейший экзистенциальный вызов для открытого общества.

Как отстоять неотъемлемые права людей в открытой и конкурентной политической системе взаимной терпимости и уважения, способной обеспечить условия разделения всеми людьми общепризнанных ценностей, и в тоже самое время устойчивым к ценностям, которые выдвигают преданные своим убеждениям участники во главе с злонамеренными деятелями — это и есть критическая психополитическая проблема нашего времени.

Итоговые выводы

1. Цель транснационального терроризма состоит в том, чтобы обесценить, а затем заменить политический порядок, разделяя людей по враждующим социополитическим лагерям, не допуская возможности кому-либо оставаться непричастным к этой борьбе.

2. Помимо безжалостного физически ощущаемого вреда от терроризма, от этого явления имеет место опосредованный психологический, социальный и политический ущерб здоровью общества и политическому укладу.

3. Крайние формы терроризма, а также иные варианты революционных и радикальных видов насилия осуществляются преданными действующими лицами, защищающими или продвигающими не подлежащие обсуждению священные ценности, а не рациональными субъектами, которые в первую очередь взвешивают материальные затраты и выгоды для достижения своих целей.

4. Полевые исследования комбатантов на передовой, сопоставляемые с исследованиями поведения и функций мозга участников радикальных групп населения, показывают, что люди больше готовы сражаться и умирать за священные, чем за не священные ценности.

5. В некоторых экстремальных обстоятельствах приверженность священным ценностям может преобладать над чувством сопричастности любой группе, включая семью и близких товарищей.

6. Предотвращение крайнего насилия и разрешение, казалось бы, неразрешимого конфликта может потребовать обращения к священным ценностям противника, а не их игнорирования или очернения, а также

прямой вовлеченности (особенно в случае с молодежью) в социальные объединения, где для этих ценностей находится свое место.

7. Социальные сети сегодня больше поощряют, чем препятствуют радикализации и крайней поляризации, что обусловлено особыми психологическими и структурными возможностями интернет-платформ и каналов передачи информации с точки зрения сетевого взаимодействия.

8. Растущая социально-политическая поляризация по поводу ценностей в открытых обществах создает экзистенциальный вызов: препятствуя принятию совещательных решений и блокируя демократический консенсус, эти разногласия усиливают существующие уязвимости и расширяют перспективы дальнейшей деградации под влиянием терроризма.

Будущие проблемы

1. Поскольку социальная маргинализация индивидов и политическая поляризация групп способствуют также сакрализации не сакральных ценностей и готовности идти на дорогостоящие жертвы, тогда какие основные общие когнитивные и нейропсихологические процессы могут иметь место в обеих случаях?

2. Мы знаем не так много о когнитивных процессах, посредством которых секулярные ценности становятся сакрализованными или десакрализованными (например, превосходство белых было священной ценностью для основной массы американцев и европейцев в начале двадцатого века, но сейчас это наиболее распространено на окраинах) или о том, как эти процессы могут замедляться или ускоряться, чтобы купировать конфликт.

3. Как сохранить социальные связи семьи и сообщества, а также преемственность поколений, особенно во времена конфликтов и невзгод в обществах, которые предпочитают индивидуальное принятие решений и рациональный анализ затрат и выгод – это психологическая проблема, критически важная для либеральных демократий.

4. Как использование Интернета и социальных сетей может помочь, а не препятствовать способности людей примириться с убеждениями и мнениями, противоположными и отличными от их собственных, а также достигать консенсуса и согласовывать способы разрешения конфликтов?

5. Что касается психологии убеждения и того, как идеи становятся заразительными в эпоху так называемых фейковых новостей, какие факторы не способствуют обращению к разуму, доказательствам и истине, а одобряют обращение к психосоциальным предубеждениям (например, укоренившимся субъективным оценкам и предвзятому восприятию, внутригрупповым и распространенным предубеждениям, фокусу на негатив, эффекту

группового давления и т.д.) в пропаганде крайнего насилия? И как эти факторы можно парировать, чтобы убедить людей отказаться от политического насилия?

Заявление о раскрытии информации

Автору неизвестны какие-либо связи, членство, финансирование или финансовые активы, чье влияние на объективность этого обзора можно было бы рассматривать.

Благодарности

Поддержка была предоставлена Министерством обороны США, Исследовательской инициативой Минервы, Управлением научных исследований ВВС США (FA 9550-17-C-0023, FA 9550-18-1-0496), Управлением военно-морских исследований (N00014-13-10054, N00014-16-C-3032), и Национальным научным фондом (BCS- 0827313, SES-1559387). Финансирующие организации не несут ответственности за точку зрения автора.

Цитируемая литература

- Adida C, Laitin D, Valfort M-A.* 2010. Identifying barriers to Muslim integration in France. PNAS 107:384–90.
- Alba D.* 2020. Misinformation about George Floyd protests surges on social media. New York Times, June 1.
- Alcalá H, Sharif M, Samari G.* 2017. Social determinants of health, violent radicalization, and terrorism: a public health perspective. Health Equity 1:87–95.
- Amadae S.* 2003. Rationalizing Capitalist Democracy: The Cold War Origins of Rational Choice Liberalism. Chicago: Univ. Chicago Press.
- Anderson B.* 1983. Imagined Communities. London: Verso.
- Anti-Defamation Leag. 2019. Murder and extremism in the United States in 2018. Rep., Anti-Defamation Leag. Cent. Extrem., New York. <https://www.adl.org/media/12480/download>.
- Arango T, Bogel-Burroughs N, Benner K.* 2019. Minutes before El Paso killing, hate-filled manifesto appears online. New York Times, Aug. 3.
- Arreguin-Toft I.* 2001. How the weak win wars. Int. Secur. 26:93–128.
- ARTIS Int. 2009. Theoretical frames on pathways to violent radicalization in marginalized diaspora. Rep. Off. Naval Res., ARTIS Int., Scottsdale, AZ. <https://artisinternational.org/publications/theoretical-frames-on-pathways-to-violent-radicalization/>.
- Atran S.* 2004. Mishandling suicide terrorism. Wash. Q. 27(3):67–90.
- Atran S.* 2010. Talking to the Enemy: Violent Extremism, Sacred Values, and What It Means to Be Human. London: Penguin.

- Atran S. 2015. Youth's role in countering violent extremism and promoting peace. Address to UN Secur. Council, New York, Apr. 25. https://www.unisa.edu.au/siteassets/epi-server-6-files/global/eass/mnm/publications/address_un_security_council_scott_atran.pdf.
- Atran S. 2016a. On the frontline against ISIS: who fights, who doesn't, and why. *Daily Beast*, Apr. 19. www.thedailybeast.com/articles/2016/04/19/on-the-front-line-against-isis-who-fights-who-doesn-t-and-why.html.
- Atran S. 2016b. The devoted actor: unconditional cooperation and intractable conflict across cultures. *Curr. Anthropol.* 57(S13):192–203.
- Atran S. 2017. Alt-Right or jihad? *Aeon*, Nov. 6. <https://aeon.co/essays/radical-islam-and-the-alt-right-are-not-so-different>.
- Atran S, Axelrod R. 2008. Reframing sacred values. *Negot. J.* 24:221–46.
- Atran S, Axelrod R, Davis R. 2007. Sacred barriers to conflict resolution. *Science* 317:1039–40.
- Atran S, Axelrod R, Davis R, Fischhoff B. 2017. Challenges in researching terrorism from the field. *Science* 355:352–54.
- Atran S, Ginges J. 2012. Religious and sacred imperatives in human conflict. *Science* 336:855–57.
- Atran S, Gómez Á. 2019. *La démocratie à l'épreuve de sa contestation: extrémismes, radicalités et institutions*. Paper presented to the Parquet Général de Paris, 1ère Chambre Civile, Palais de Justice, Paris, Nov. 22.
- Atran S, Hamid N. 2015. Paris: the war ISIS wants. *New York Review of Books*, Nov. 16. <https://www.nybooks.com/daily/2015/11/16/paris-attacks-isis-strategy-chaos>.
- Atran S, Henrich J. 2010. The evolution of religion. *Biol. Theory* 5:18–30.
- Atran S, Norenzayan A. 2004. Religion's evolutionary landscape. *Behav. Brain Sci.* 27:713–70.
- Atran S, Waxiri H, Gómez Á, Sheikh H, López-Rodríguez L, et al. 2018. The Islamic State's lingering legacy among young men from the Mosul area. *CTC Sentinel* 11(4):5–22.
- Azgam JP. 2005. Suicide bombing as inter-generational investment. *Public Choice* 122:177–98.
- Baron J, Spranca M. 1997. Protected values. *Organ. Behav. Decis. Process.* 70:1–16.
- Basra R, Neumann P. 2017. Crime as jihad: developments in the crime-terror nexus in Europe. *CTC Sentinel* 10(9):1–6.
- Baumard N, André J, Sperber D. 2013. A mutualistic theory of morality. *Behav. Brain Sci.* 36:59–122.
- Beam L. 1992. Leaderless resistance. *Seditionist* 12. <http://www.louisbeam.com/leaderless.htm>.
- Bergen P, Lind M. 2007. A matter of pride: why we can't buy off the next Osama Bin Laden. *Democr. J.* 3. <https://democracyjournal.org/magazine/3/a-matter-of-pride/>.
- Berns G, Bell E, Capra CM, Prietula M, Moore S, et al. 2012. The price of your soul: neural evidence for the non-utilitarian representation of sacred values. *Philos. Trans. R. Soc. B* 367:754–62.
- Berwick A. [Anders Breivik]. 2011. 2083: a European declaration of independence. Pamphlet, London. <https://info.publicintelligence.net/AndersBehringBreivikManifesto.pdf>.

- Bloom M. 2011. *Bombshell: Women and Terrorism*. Philadelphia: Univ. Pa. Press.
- Bond R, Bushman B. 2017. The contagious spread of violence through social networks in U.S. adolescents. *Am. J. Public Health* 107:288–94.
- Boyd J, ed. 1950. *The Papers of Thomas Jefferson*, Vol. 1: 1760–1776. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Brandt M, Evans A, Crawford J. 2015. The unthinking or confident extremist? Political extremists are more likely than moderates to reject experimenter-generated anchors. *Psychol. Sci.* 26:189–202.
- Bump P. 2020. The Justice Department’s rhetoric focuses on antifa. Its indictments don’t. *Washington Post*, June 4.
- Cai W, Landon S. 2019. Attacks by white extremists are growing. *New York Times*, Apr. 3.
- Camus R. 2011. *Le grand remplacement*. Neuilly-sur-Seine, Fr.: Ed. David Reinharc.
- Cent. Strateg. Int. Stud. 2018. *The rise of far-right extremism in the United States*. Brief, Cent. Strateg. Int. Stud., Washington, DC. <https://www.csis.org/analysis/rise-far-right-extremism-united-states>.
- Choi J-K, Bowles S. 2007. The coevolution of parochial altruism and war. *Science* 318:636–40.
- Clark R. 1970. *Crime in America*. New York: Simon & Schuster.
- Collins B, Zadrozny B, Salina E. 2020. White nationalist group posing as antifa called for violence on Twitter. *NBC News*, June 2. <https://www.nbcnews.com/tech/security/twitter-takes-down-ashingtonprotest-disinformation-bot-behavior-n1221456>.
- Crockett M. 2017. Moral outrage in the digital age. *Nat. Hum. Behav.* 1:769–71.
- Daily Stormer. 2017. Daily Stormer Sunday edition: week two. *Daily Stormer*, Sept. 3. <https://dailystormer.name/daily-stormer-sunday-edition-week-two/>.
- Darwin C. 1871. *The Descent of Man*. London: John Murray.
- Davis R. 2016. *Hamas, Popular Support and War in the Middle East*. New York: Routledge.
- Davulcu H. 2017. (September 26). *Artis looking glass: new analytics for measuring and countering social influence and persuasion of extremist groups*. Paper presented at the Annual Conference of the Centre for the Resolution of Intractable Conflict, Univ. Oxford, Oxford, UK, Sept. 26.
- de Quervain D, Fischbacher U, Treyer V, Schellhammer M, Schnyder U, et al. 2004. The neural basis of altruistic punishment. *Science* 305:1254–58.
- Dehghani M, Atran S, Iliev R, Sachdeva S, Ginges J, Medin D. 2010. Sacred values and conflict over Iran’s nuclear program. *Judgm. Decis. Mak.* 5: 540–46.
- Dickey C. 2017. Inside the head of Dylann Roof, jihadists of white hate. *Daily Beast*, May 22. <https://www.thedailybeast.com/inside-the-head-of-dylann-roof-a-terrorist-paradigm>.
- Dollard J. 1944. *Fear in Battle*. Washington, DC: Infantry Assoc.
- Durkheim E. 1912. *Les formes élémentaires de la vie religieuse* [The elementary forms of religious life]. Paris: F. Alcan.
- Fearon J. 1995. Rationalist explanations for war. *Int. Organ.* 49: 379–414.
- Feinberg M, Willer R. 2015. From gulf to bridge: When do moral arguments facilitate political influence? *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 41: 1665–81.

- Flynn DJ, Nyhan B, Reifler J. 2017. The nature and origins of misperceptions: understanding false and unsupported beliefs about politics. *Political Psychol.* 38 (S1):127–50.
- Foa R, Mounk Y. 2017. The danger of deconsolidation. *J. Democr.* 27: 5–17.
- Freilich J, LaFree G. 2016. Measurement issues in the study of terrorism. *Stud. Confl. Terror.* 39:569–79
- Fromm E. 1941. *Escape from Freedom*. New York: Farrar & Rinehart.
- Fukuyama F. 2012. *The Origins of Political Order*. New York: Farrar, Strauss & Giroux.
- Fukuyama F. 2018. Against identity politics: the new tribalism and the crisis of democracy. *Foreign Affairs*, Sept./Oct. <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama>.
- Gambetta D, Hertog S. 2016. *Engineers of Jihad*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Gelfand M. 2018. *Rule Makers, Rule Breakers: How Tight and Loose Cultures Wire Our World*. New York: Scribner.
- Gelfand M, Raver JL, Nishii LH, Leslie LM, Lun J, et al. 2011. Differences between tight and loose cultures: a 33-nation study. *Science* 332:1100–4.
- Gezari V. 2015. The quiet demise of the army's plan to understand Afghanistan and Iraq. *New York Times Magazine*, Aug. 18. <https://www.nytimes.com/2015/08/18/magazine/the-quiet-demise-of-the-armysplan-to-understand-afghanistan-and-iraq.html>.
- Gill P, Horgan J, Deckert P. 2014. Bombing alone: tracing the motivations and antecedent behaviors of lone actor terrorists. *J. Forensic Sci.* 59:425–35.
- Giménez Barbat T. 2019. Las calles han vuelto a ser suyas. *Okdiario*, Oct. 16. <https://okdiario.com/opinion/calles-han-vuelto-ser-suyas-4700279>.
- Ginges J, Atran S, Medin D, Shikaki K. 2007. Sacred bounds on rational resolution of violent political conflict. *PNAS* 104:7357–60.
- Ginges J, Atran S, Sachdeva S, Medin D. 2011. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism. *Am. Psychol.* 66:507–19.
- Gómez Á, Chinchilla J, Vázquez A, López-Rodríguez L, Paredes S, Martínez M. 2020. Recent advances, misconceptions, untested assumptions, and future research for identity fusion theory. *Soc. Personal. Psychol. Compass* 14(6):e12531.
- Gómez Á, López-Rodríguez L, Sheikh H, Ginges J, Wilson L, et al. 2017. The devoted actor's will to fight and the spiritual dimension of human conflict. *Nat. Hum. Behav.* 1:673–79.
- Gómez Á, Morales J, Hart S, Vázquez A, Swann W. 2011. Rejected and excluded forevermore, but even more devoted. *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 37:1574–86.
- Graham J, Haidt J. 2012. Sacred values and evil adversaries. In *The Social Psychology of Morality*, ed. M Mikulincer, P Shaver, pp. 11–31. New York: Am. Psychol. Assoc.
- Hamid N. 2017. What makes a terrorist? *New York Review of Books*, Aug. 23. <https://www.nybooks.com/daily/2017/08/23/what-makes-a-terrorist/>.
- Hamid N. 2018. *The road to Paris November 2015 and Brussels March 2016 attacks*. Rep., ARTIS Int., Scottsdale, AZ. <https://artisinternational.org/road-to-paris-and-brussels/>.
- Hamid N. 2020. The ecology of extremists' communications: messaging effectiveness, social environments and individual attributes. *RUSIJ.* 165(1):54–63.

- Hamid N, Pretus C, Atran S, Crockett M, Ginges J, et al. 2019. Neuroimaging “will to fight” for sacred values: an empirical case study with supporters of an Al Qaeda associate. *R. Soc. Open Sci.* 6(6):181585.
- Hansler J, Atwood K. 2020. In a first, State Department designates Russian white supremacists as global terrorists. *CNN*, Apr. 6. <https://edition.cnn.com/2020/04/06/politics/state-department-rimdesignation/>.
- Harris S. 2005. *The End of Faith*. New York: W.W. Norton.
- Hasen R. 2018. Cheap speech and what it has done (to American democracy). *First Amend. Law Rev.* 16:200–31.
- Hill C. 2020. White supremacist propaganda produced by U.S. hate groups is spreading—and working. *NBC News*, Feb. 24. <https://www.nbcnews.com/think/opinion/white-supremacist-propagandaproduced-u-s-hate-groups-spreading-working-ncna1140726>.
- Hoffer E. 1951. *The True Believer*. New York: Harper & Brothers.
- Hoffman B, McCormick G. 2004. Terrorism, signaling, and suicide attack. *Stud. Confl. Terror.* 27:243–81.
- HOPE not hate. 2017. *The international alternative right*. Rep., Hope not hate, London. <https://www.hopenothate.org.uk/wp-content/uploads/2019/07/Alt-Right-report-SHORT-2019-v1.pdf>.
- Horgan J. 2012. Interviewing the terrorists: reflections on fieldwork and implications for psychological research. *Behav. Sci. Terror. Political Aggress.* 4: 195–211.
- Hornby L. 2017. Isis Uighurs threaten “rivers of blood” in China. *Financial Times*, March 2.
- Horwitz J, Seetharaman D. 2020. Facebook executives shut down efforts to make the site less divisive. *Wall Street Journal*, May 26.
- Hunt L. 2008. *Inventing Human Rights*. New York: W.W. Norton.
- Inst. Strateg. Dialogue. 2020. COVID–19 disinformation briefing no. 1. *ISD Global*, March 27. <https://www.isdglobal.org/isd-publications/covid-19-disinformation-briefing-no-1/>.
- Jasko K, LaFree G, Kruglanski A. 2016. Quest for significance and violent extremism. *Political Psychol.* 38:815– 31.
- Johnson N, et al. 2019. Hidden resilience and adaptive dynamics of the global online hate ecology. *Nature* 573:261–65.
- Junger-Tas J, Marshall I, Enzmann D, Killias M, Stekete M, Gruszczynska B. 2012. *The Many Faces of Youth Crime*. New York: Springer.
- Kacou A. 2013. Five arguments on the rationality of suicide terrorists. *Aggress. Violent Behav.* 18: 539–47.
- Kahneman D. 2011. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Kantor Cent. 2019. *Antisemitism worldwide 2018*. Rep., Kantor Cent., Tel Aviv Univ., Tel Aviv, Isr.
- Kearns E, Betus A, Lemieux A. 2019. Why do some terrorist attacks receive more media attention than others? *Justice Q.* 36(6):985–1022.
- Kennedy D. 2012. *Don’t Shoot: One Man, a Street Fellowship, and the End of Violence in Inner-City America*. New York: Bloomsbury.

- Khalil L. 2020. COVID-19 and America's counter-terrorism response. *War on the Rocks*, May 1. [https:// warontherocks.com/2020/05/covid-19-and-americas-counter-terrorism-response/](https://warontherocks.com/2020/05/covid-19-and-americas-counter-terrorism-response/).
- Khosrokhavar F. 2016. *Radicalization*. New York: New Press.
- Kierkegaard S. 1980 (1844). *The Concept of Anxiety*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Kim A, Lee S, Marguleas O, Beyer J. 2016. ISIS cybersecurity report: Do counter-narrative programs slow terrorist recruiting? *The Henry M. Jackson School of International Studies*, Oct. 3. <https://jsis.washington.edu/news/jsis-cybersecurity-report-counter-narrative-programs-stop-terrorist-recruiting-efforts/>.
- Koehler D. 2015. Family counseling, de-radicalization and counter-terrorism: the Danish and German programs in context. In *Countering Violent Extremism: Developing an Evidence-Base for Policy and Practice*, ed. S. Zeiger, A. Aly, pp. 129–38. Perth, Aust.: Curtin Univ.
- Krause P, Van Evera S. 2009. Public diplomacy: ideas for a war of ideas. *Middle East Policy* 16. <https://mepc.org/journal/public-diplomacy-ideas-war-ideas>.
- Kruglanski AW, Bélanger J, Gunaratna R. 2019. *Three Pillars of Radicalization: Needs, Narratives, and Networks*. New York: Oxford Univ. Press.
- Kruglanski AW, Pierro A, Mannetti L, De Grada E. 2006. Groups as epistemic providers: need for closure and the unfolding of group-centrism. *Psychol. Rev.* 113:84–100.
- Kunda Z. 1990. The case for motivated reasoning. *Psychol. Bull.* 108: 480–98.
- Lagos-Rojas. 2018. Chile criminalizes Mapuche defenders of land and water. *Open Democracy*, June 6. <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/chile-criminalizes-ma/>.
- Lang J. 2014. Lettre de Jack Lang à Monsieur le Premier Ministre. *Facebook*, Nov. 18. <https://fr-fr.facebook.com/institutdumondearabe/posts/1074560619237567/>.
- Lankford A. 2013. *The Myth of Martyrdom*. New York: Palgrave Macmillan.
- Lee FE. 2015. How party polarization affects governance. *Annu. Rev. Political Sci.* 18:261–82.
- Leuprecht C, Hataley T, Moskaleno S, McCauley C. 2010. Containing the narrative: strategy and tactics in countering the storyline of global jihad. *J. Polic. Intell. Counter Terror.* 5: 42–57.
- Lichtblau E. 2016. Hate crimes against American Muslims most since post-9/11 era. *New York Times*, Sept. 17.
- Lyons-Padilla S, Gelfand M, Mirahmadi H. 2015. Belonging nowhere: marginalization and radicalization risk among Muslim immigrants. *Behav. Sci. Policy* 1:1–12.
- Magouirk J, Atran S, Sageman M. 2008. Connecting terrorist networks. *Stud. Confl. Terror.* 31:1–16.
- Margolin J. 2020. White supremacists encourage members to infect Jews and police. *ABC News*, March 22. <https://abcnews.go.com/US/white-supremacists-encouraging-members-spread-coronaviruscops-jews/story?id=69737522>.
- Marsden S, Schmid A. 2011. *Typologies of Terrorism and Political Violence*. New York: Routledge.
- McCauley C. 2006. Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism. In *Psychology of Terrorism*, ed. B Bongar, L Brown, L Beutler, J Breckenridge, P Zimbardo, pp. 13–31. New York: Oxford Univ. Press.

- Merari A. 2010. *Driven to Death: Psychological and Social Aspects of Suicide Terrorism*. Oxford, UK: Oxford Univ. Press.
- Merzier H, Sperber D. 2017. *The Enigma of Reason*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Mishra P. 2017. *Age of Anger: A History of the Present*. London: Allen Lane.
- Moghaddam A, Weiss M. 2020. The political power of proxies: why nonstate actors use local surrogates. *Int. Secur.* 44:119–57.
- Mooijman M, Hoover J, Lin Y, Ji H, Dehghani M. 2018. Moralization in social networks and the emergence of violence during protests. *Nat. Hum. Behav.* 6:389–96.
- Moskos C. 1975. The American combat soldier in Vietnam. *J. Soc. Issues* 3:25–37.
- Murphy G, Loftus E, Hostein Grady R, Levine L, Greene C. 2019. False memories for fake news during Ireland's abortion referendum. *Psychol. Sci.* 30(10):1449–59.
- Naji AB. 2006. *Idarat at-Tawaboush* [The management of savagery], transl. W. McCants. Manif., John Olin Inst. Strateg. Stud., Harvard Univ., Cambridge, MA. https://pdfs.semanticscholar.org/b0a2/b5b6788283f25035b895d8b7a662bc774388.pdf?_ga=2.111347268.1963108543.1596396615-381638971.1596396615.
- Natl. Comm. Terror. Attacks. 2004. *The 9/11 Commission Report*. Washington, DC: US Gov. Print. Off.
- Norenzayan A, Shariff A, Gervais W, Willard A, McNamara R, et al. 2016. The cultural evolution of prosocial religions. *Behav. Brain Sci.* 39:1–43.
- Norris J, Grol-Prokopczyk H. 2015. Estimating the prevalence of entrapment in post-9/11 terrorism cases. *J. Crim. Law Criminol.* 105: 101–70.
- Nowrasteh A. 2016. *Terrorism and immigration: a risk analysis*. Policy Anal. Rep. No. 798, Cato Inst., Washington, DC. https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa798_1_1.pdf.
- OECD (Organ. Econ. Coop. Dev.). 2019. *Under Pressure: The Squeezed Middle Class*. Paris: OECD. <https://read.oecd.org/10.1787/689afed1-en?format=pdf>.
- Orwell G. 1940. Review of *Mein Kampf* by Adolf Hitler. *New English Weekly*, March 21.
- Pape R. 2003. The strategic logic of suicide terrorism. *Am. Political Sci. Rev.* 97:343–61.
- Payne S. 2014. Obama: U.S. misjudged the rise of the Islamic State, ability of Iraqi army. *Washington Post*, Sept. 28.
- Perliger A, Milton D. 2016. *From Cradle to Grave: The Lifecycle of the Foreign Fighters in Iraq and Syria*. West Point, NY: Combating Terror. Cent. <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2016/11/Cradleto-Grave2.pdf>.
- Pew Res. Cent. 2020. Democrats on platform more liberal, less focused on compromise than those not on platform. *Pew Research Center*, Feb. 3. <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/03/democrats-on-twitter-more-liberal-less-focused-on-compromise-than-those-not-on-the-platform/>.
- Piketty T. 2020. *Capital and Ideology*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Pincus M, La Viers L, Prietula M, Berns G. 2014. The conforming brain and deontological resolve. *PLOS ONE* 9(8):e106061.
- Pretus C, Hamid N, Sheikh H, Ginges J, Tobeña DR, et al. 2018. Neural and behavioral correlates of sacred values and vulnerability to violent extremism. *Front. Psychol.* 9:2462.

- Putnam R. 2001. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Rappaport R. 1971. The sacred in human evolution. *Annu. Rev. Ecol. Syst.* 2:23–44.
- Rappaport R. 1999. *Ritual and Religion in the Making of Humanity*. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press.
- Reynolds L, Tuck H. 2016. The Counter-Narrative Monitoring and Evaluation Handbook. London: *Inst. Strateg. Dialogue*. <http://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2017/06/CN-Monitoring-and-Evaluation-Handbook.pdf>.
- Richardson L. 2007. *What Terrorists Want*. London: John Murray.
- Robespierre M. 1794. *Sur les principes de la morale politique* [On the principles of political morality]. Address to the National Convention, Paris, Feb. 5. <https://www.legrandsoir.info/robespierre-sur-les-principes-de-morale-politique.html>.
- Romero L. 2018. Terrorism is surging in the US, fueled by right-wing ideologies. *Quartz*, Aug. 17. <https://qz.com/1355874/terrorism-is-surging-in-the-us-fueled-by-right-wing-extremists/>.
- Roosevelt T. 1904. *Fourth annual message to the United States Congress*. Presidential Address to the US Congress, Washington, DC, Dec. 6. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-15>.
- Rosand E, Winterbotham E. 2019. *Do Counternarratives Actually Reduce Violent Extremism?* Washington, DC: Brookings Inst. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/03/20/do-counter-narratives-actually-reduce-violent-extremism/>.
- Rosner Y. 2018. *The populist radical right in Europe*. Memo. No. 175, Inst. Natl. Secur. Stud., Tel Aviv Univ., Tel Aviv, Isr. <https://www.inss.org.il/publication/populist-radical-right-europe/>.
- Rubin GJ, Brewin C, Greenberg N, Simpson J, Wessely S. 2005. Psychological and behavioural reactions to the bombings in London on 7 July 2005. *BMJ* 331:606.
- Rubin J, Taylor J, Pollitt A, Krapels J, Pardal M. 2014. *Intolerance in Western Europe: analysis of trends and associated factors*. Res. Rep., RAND Inst., Santa Monica, CA. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR334z1/RAND_RR334z1.pdf.
- Ruggiero V. 2020. *Visions of Political Violence*. New York: Routledge.
- RX. 2007. Aryan Jihad? New directions for the Aryan nations. *threewayfight*, Jan. 27. <http://threewayfight.blogspot.com.es/2007/01/aryan-jihad-new-directions-for-aryan.html>.
- Sageman M. 2004. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: Univ. Pa. Press.
- Sageman M. 2008. *Leaderless Jihad*. Philadelphia: Univ. Pa. Press.
- Sales NA. 2020. Designation of the Russian Imperial Movement: remarks. *U.S. Department of State*, Apr. 6. <https://www.state.gov/designation-of-the-russian-imperial-movement/>.
- Schelling T. 1960. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

- Schumpe B, Bélanger J, Moyano M, Nisa C. 2018. The role of sensation seeking in political violence: an extension of the Significance Quest Theory. *J. Personal. Soc. Psychol.* 118(4):743–61.
- Schuurman B, Lindekilde L, Malthaner S, O'Connor F, Gill P, Boubana N. 2019. End of the lone wolf. *Stud. Confl. Terror.* 42:771–78.
- Sears D, Henry P. 2003. The origins of symbolic racism. *J. Personal. Soc. Psychol.* 85:259–75.
- Sheikh H, Ginges J, Atran S. 2013. Sacred values in the Israeli-Palestinian conflict: resistance to social influence, temporal discounting, and exit strategies. *Ann. N.Y. Acad. Sci.* 1299:11–24.
- Sheikh H, Gómez A, Atran S. 2016. Empirical evidence for the devoted actor model. *Curr. Anthropol.* 57(S13):204–9.
- Silke A. 2003. Deindividuation, anonymity, and violence: findings from Northern Ireland. *J. Soc. Psychol.* 143:493–99.
- Silva J, Duran C, Freilich J, Chermak C. 2020. Addressing the myths of terrorism in America. *Int. Crim. Justice Rev.* 30(3):302–24.
- Simon H. 1997. *Models of Bounded Rationality*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Skitka L. 2010. The psychology of moral conviction. *Soc. Personal. Psychol. Compass* 4:267–81.
- Smaldino P. 2014. The cultural evolution of emergent group-level traits. *Behav. Brain Sci.* 37:243–54.
- Smith R. 1983. Why soldiers fight. Part I: leadership, cohesion and fighter spirit. *Qual. Quant.* 18:1–32.
- Sommers M. 2019. *Trust-Based Qualitative Field Methods: A Manual for Researchers of Violent Extremism*. Washington, DC: Intergov. Auth. Dev.
- Soufan Group. 2014. *Foreign fighters in Syria*. Rep., Soufan Cent., New York. <https://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/05/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria-Final-with-cover-rebrand-031317.pdf>.
- Sperber D. 1985. Anthropology and psychology: towards an epidemiology of representations. *Man* 20:73–89.
- START. 2020. *Global terrorism database*. Database, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, Univ. Md., College Park. <https://www.start.umd.edu/research-projects/global-terrorism-database-gtd>.
- Sterling JE Jr. 2010. *Findings and recommendations, AR 15–6 investigation concerning human terrain system (HTS) project inspector general complaints*. Memorandum for Deputy Commanding General/Chief of Staff, United States Army Training and Doctrine Command, Fort Monroe, VA. <https://openanthropology.files.wordpress.com/2013/02/army-2010-15-6-report-on-hts.pdf>.
- Stern J. 2020. *My War Criminal: Personal Encounters with an Architect of Genocide*. New York: HarperCollins.
- Stimson Cent. 2018. *Counterterrorism spending: protecting America while promoting efficiencies and account ability*. Rep., Stimson Cent., Washington, DC. https://www.stimson.org/sites/default/files/fileattachments/CT_Spending_Report_0.pdf.

- Stouffer S, Suchman EA, De Vinney LC, Star SA, Williams RM. 1949. *Studies in Social Psychology in World War II*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
- Swann W, Gómez A, Huici C, Morales F, Hixon J. 2010. Identity fusion and self-sacrifice. *J. Personal. Soc. Psychol.* 99:824–41.
- Swann W, Jetten J, Gómez A, Whitehouse H, Bastian B. 2012. When group membership gets personal: a theory of identity fusion. *Psychol. Rev.* 119:441–56.
- Tajfel H, Turner J. 1979. An integrative theory of inter-group conflict. In *The Social Psychology of Intergroup Relations*, ed. WG Austin, S Worchel, pp. 33–47. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Tarrant B. 2019. *The great replacement: towards a new society*. Pamphlet, March 15. <http://www.freepdf.info/index.php?post/Tarrant-Brenton-The-Great-Replacement>.
- Taylor G. 2018. State Department Global Engagement Center targets Russian propaganda, “deep fakes.” *Washington Times*, Dec. 12. <https://apnews.com/9f7892a163582b5fd0297e2a81124c35>.
- Tetlock P. 2003. Thinking the unthinkable: sacred values and taboo cognitions. *Trends Cogn. Sci.* 7:320–24.
- US Army Intell. Cent. Excell. 2011. Human terrain system. *Mil. Intell. Prof. Bull.* 37(4). https://fas.org/irp/agency/army/mipb/2011_04.pdf.
- US Dep. Def. 2006. *Quadrennial defense review report*. Rep., US Dep. Def., Washington, DC. <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/qdr20060203.pdf>.
- US Dep. Homel. Secur. 2019. *Strategic framework for countering terrorism and targeted violence*. Draft, Exec. Summ., US Dep. Homel. Secur., Washington, DC. <https://games-cdn.washingtonpost.com/notes/prod/default/documents/56c099f1-5905-42deb542-69f790f02939/note/bebd1e86-e32a-40a2-892c-4a7dd4f84b25.pdf#page=1>.
- US Dep. Justice. 2020a. *Audit of the Federal Bureau of Investigation’s efforts to identify homegrown violent extremists through counterterrorism assessments*. Rep., Off. Insp. Gen., US Dep. Justice, Washington, DC. <https://www.oversight.gov/report/doj/audit-federal-bureau-investigation%E2%80%99sefforts-identify-homegrown-violent-extremists>.
- US Dep. Justice. 2020b. *Department of Justice enforcement actions related to COVID–19*. Memo., Off. Deputy Atty. Gen., US Dep. Justice, Washington, DC. <https://www.justice.gov/file/1262771/download>.
- US Gov. Account. Off. 2017. *Countering violent extremism: actions needed to define strategy and assess progress of federal efforts*. Rep., US Gov. Account. Off., Washington, DC. <https://www.gao.gov/assets/690/683984.pdf>.
- US Senate. 2009. *Confronting al-Qaeda: understanding the threat in Afghanistan and beyond*. Hearing 111-363, 111th Congr., 1st sess., Oct. 7, testimony of Marc Sageman. <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/SagemanTestimony091007p1.pdf>.
- US Senate. 2010. *U.S. government efforts to counter violent extremism*. Hearing 111-822, 111th Congr., 2nd sess., March 9, testimony of Scott Atran. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-111shrg63687/html/CHRG-111shrg63687.htm>.
- Van den Bos K. 2018. *Why People Radicalize*. New York: Oxford Univ. Press.
- Van Prooijen J-W, Krouwel A. 2019. Psychological features of extreme political ideologies. *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 28(2):159–63.

- Van Prooijen J-W, Kuijper S.* 2020. A comparison of extreme religious and political ideologies: similar worldviews but different grievances. *Personal. Individ. Differ.* 159:109888.
- Van Slyke J.* 2014. Moral psychology, neuroscience, and virtue. In *Virtues and Their Vices*, ed. K Timpe, C Boyd, pp. 459–80. New York: Oxford Univ. Press.
- Van Vugt M, De Cremer D, Janssen D.* 2007. Gender differences in cooperation and competition. *Psychol. Sci.* 18:19–23.
- Von Clausewitz C.* 1832. *Vom Kriege* [On war.] Berlin: Ferdinand Dümmler.
- Watson Inst. 2019. Estimate of U.S. War on Terror spending in \$ billions FY2001–2020. *Costs of War*, Nov. 13. <https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2019/budgetary-costs-post-911-wars-through-fy2020-64-trillion>.
- White House. 2002. *Report to Congress on combating terrorism*. Rep., White House, Washington, DC. https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/omb/assets/omb/legislative/combating_terrorism06-2002.pdf.
- Whitehouse H. 2018. Dying for the group. *Behav. Brain Sci.* 41:1–64.
- Whitehouse H, McQuinn B, Buhrmester M, Swann W. 2014. Brothers in arms: Libyan revolutionaries bond like family. *PNAS* 111:17783–85.
- Wilson DS. 2002. *Darwin's Cathedral*. Chicago: Univ. Chicago Press.
- Wright J, Khoo Y.* 2019. Empirical perspectives on religion and violence. *Contemp. Voices* 1(3):75–100.
- Yasir S.* 2020. Gandhi's killer evokes admiration as never before. *New York Times*, Feb. 4.

РИСКИ РАДИКАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

О.В. Кульбачевская

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/5>

Введение. К изучению молодежного радикализма

В отечественной науке создана определенная база для изучения причин и различных форм проявления молодежного радикализма и экстремизма. Л.М. Дробичева, Г.У. Солдатова, В.А. Тишков, В.А. Шнирельман посвятили целый ряд научных работ исследованию идеологии и практики национализма, динамике межнациональных и межконфессиональных конфликтов¹. В.А. Тишков и В.В. Степанов исследовали уровень толерантности, социальные ориентиры, настроения и ожидания российской молодежи (в том числе студенчества) с точки зрения роли социального, этнического, религиозного факторов. Результаты данных исследований стали монографии и экспертные доклады². Многие научные работы о молодежном радикализме посвящены деятельности молодежных группировок девиантной направленности³. Выделяются такие неформальные мо-

¹ См., напр.: Демократизация и образы национализма в РФ 90-х годов / Ред. Л.М. Дробичева М., 1996; Конфликтная этничность и этнические конфликты: Сб. статей / Ред. Г.У. Солдатова. М., 1994; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997; Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.

² Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2014; Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / ред. Тишков В.А., Аствацатурова М.А., Степанов В.В. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014; Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87; Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа / Под ред. Тишкова В.А., Степанова В.В. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013.

³ Круглов А.Е. Молодежный радикализм: формирование угрозы безопасности в период трансформации российского общества. Автореферат дисс... на соискание уч. степени доктора полит. наук. Саратов, 2006. С. 6. (01003308296.pdf (new-dissert.ru) См., напр.: Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Второе изд., испр. и доп. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2010; Громов Д.В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 3–7; Громов Д.В. Подростково-молодежные уличные группировки как объект этнографического исследования // Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8–72.

лодежные объединения радикального толка, как футбольные фанаты, националисты, антифашисты, экоглобалисты и др.

Молодежный радикализм обусловлен особенностями, присущими молодежи. Среди них исследователи отмечают отсутствие у данной социальной группы стабильных социальных позиций и интересов, экономических и ценностных ориентиров. Молодежи свойственно проявление максимализма и крайностей в поведении, как на групповом, так и индивидуальном уровнях⁴. Сюда же можно добавить такие черты молодых, как эмоциональность, впечатлительность, психическая возбудимость.

Процесс социализации молодежи и выполнение ею своих социальных функций сопряжены с преодолением как внутренних, так и внешних противоречий. Внешние противоречия могут быть вызваны социальным и экономическим неблагополучием, слабостью институтов гражданского общества и неэффективным воспитательным воздействием со стороны государства. Интенсификации радикальных настроений способствуют кризисные явления в вопросах правовой и социальной защиты семьи и детства, рост социального сиротства, напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях⁵. За последние десятилетия изменилась ценностная ориентация российской молодежи, ее социализация стала характеризоваться стихийными процессами, что послужило причиной усиления протестной активности. Возрастающая неудовлетворенность молодых существующим социально-экономическим положением и неопределенность в отношении своего будущего также влияют на протестный потенциал в молодежной среде⁶.

К внешним факторам радикализации также относятся вооруженные конфликты, растущая роль средств массовой информации и расширение каналов коммуникации⁷.

Помимо причин радикализации сознания молодежи российскими исследователями изучался характер радикальных проявлений в молодежной среде. В первую очередь отмечаются радикальные проявления националистического характера (ксенофобия и разжигание национальной

⁴ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Унльям К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

⁵ А.В. Опалев. Причины радикализма в молодежной среде современного российского общества // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. С. 31–34.

⁶ Круглов А.Е. Указ. соч. С. 8–9.

⁷ Трофимова И.Н. Молодежный радикализм: причины распространения и меры предупреждения. М.: Институт социологии РАН, 2013.

розни), ведущие к росту экстремистских настроений⁸. Правонарушения экстремистского характера, совершаемые молодежью, в большинстве своем относятся именно к сфере межнационального взаимодействия⁹. Специфика политического молодежного радикализма выражается в том, что молодежь не столько хочет войти во власть, сколько противостоять ей путем протестов и требований изменений политического курса¹⁰.

В целом радикализм характеризуется негативным отношением к существующей социально-политической действительности, поэтому в нашем этносоциологическом исследовании, проведенном летом-осенью 2022 г., мы поставили задачу изучить самочувствие российской молодежи в таких сферах, как межэтническое взаимодействие, общественно-политическое участие в жизни страны, ценностные и патриотические установки. Также изучались отношение молодежи к экстремизму, проявления ксенофобии и протестный потенциал. По результатам исследования были выявлены признаки и индикаторы формирования в молодежной среде тех настроений, которые представляют потенциальную угрозу социальной безопасности, общественно-политической стабильности страны и имеют признаки радикализма.

Возрастные группы молодежи

Согласно ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь – это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно. В научной среде существует множество дефиниций понятия «молодежь». Данная категория рассматривается с социологической, психологической, антропологической позиций. Определение возрастных границ молодежного возраста также характеризуется большим разнообразием (от 14 лет (нижняя граница) до 35 лет (верхняя граница)). В научном сообществе

⁸ Быков Р.А. Проблемные зоны и механизмы профилактики радикализации молодежи в образовательной среде // Профилактика радикализации молодежи в России: возможности цифровых образовательных сред: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (12 марта 2021 г., г. Томск) / ред. К.А. Смышляев. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2021. С. 29; «Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию»: методическое пособие / Санкт-Петербургское ГБУ «Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб.: Амирит, 2016. С. 4.

⁹ Профилактика экстремизма в молодежной среде: информационно-методический сб. Иркутск, 2020.

¹⁰ Столяренко Е.В., Столяренко Л.Д. Тенденции молодежного радикализма в современной России. Москва: «КноРус», 2017.

молодежь принято делить на несколько подгрупп ввиду того, что молодежный возраст имеет большие хронологические рамки и существуют физиологические, психологические и социальные отличия у молодых людей, находящихся в стадии юношества или на том или ином этапе взросления. Многочисленные определения возрастных границ молодежного возраста, а также подгрупп внутри него давали отечественные и зарубежные исследователи, определяя по-разному хронологические границы отдельных этапов молодости. Нет единогласия и в терминологии этапов взросления. Одни исследователи полагают, что начало зрелости – это юность, другие называют зрелость ранней зрелостью или молодостью; иногда юность выделяется как отдельная фаза развития личности, в других случаях юность рассматривают как часть молодости. Наиболее часто ученые выделяют юность (раннюю (15–18 лет) и позднюю (18–23 лет)) и молодость (раннюю и среднюю зрелость). Нижняя возрастная граница ранней зрелости у разных исследователей варьируется от 16 до 21 года. Начало средней зрелости – от 20 до 25 лет¹¹.

Юность в российской психологии определяется как возраст психической, идейной и даже гражданской зрелости. В этот период, с одной стороны, создаются нравственные, социальные, семейные идеалы, с другой стороны, появляется способность оценивать возможность реализации этих идеалов в условиях окружающей действительности. Юности свойственны противоречивые переживания, тревожность, категоричность в оценках окружающего мира. В этот период происходит формирование нравственных установок, ценностных ориентаций, гражданских качеств. Неблагоприятные социальные условия могут стать причиной психологических конфликтов и привести к девиантному поведению юного человека.

С.Н. Иконникова предложила выделить внутри молодежного периода три стадии – ранняя, средняя и поздняя молодость¹². Позднее Б.А. Ручкин разделил молодежь на три возрастные группы: подростки – до 18 лет, молодежь – 18–24 лет и «молодые взрослые» – 25–29 лет¹³. Необходимость деления общего возрастного интервала молодежи на группы очевидна, как уже отмечалось, ввиду физиологических и психологических этапов развития личности, а также смены социального статуса, интересов и потребностей. Рассмотрим эти этапы.

¹¹ Возрастная психология (Психология развития). Электронный учебник. Сост.: Кагермазова Л.Ц.

¹² Иконникова С.Н. Молодежь: социальный и социально-психологический анализ. Л., 1974.

¹³ Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. № 5. 1998. С. 90–98.

Юноши и девушки до 18 лет получают общее и специальное образование, находятся на иждивении родителей и не имеют полноценных гражданских прав. Молодежь в возрасте 18–24 лет – это студенты, получающие профессиональную подготовку, или молодые работники. В этом возрасте начинается отделение от родителей, обретение самостоятельности, формируются семьи, рождаются первые дети. Молодежь в возрасте 25–29 лет – это работающие люди, имеющие профессиональную квалификацию и определенный жизненный опыт, у них продолжается социальная адаптация¹⁴. В этот период происходит осознание своих прав и обязанностей.

К 30 годам происходит включение во все сферы человеческой деятельности, завершается социальная и профессиональная адаптация, человек достигает определенного уровня социальной зрелости. Однако с этого возраста начинается личностно-смысловая перестройка, корректируются жизненные планы и встает вопрос об удовлетворении потребности в достижениях и социальном признании. В этот период изменяются социальные ожидания: «Пришло время оправдать надежды общества и создать какой-то социально значимый продукт, материальный или духовный, иначе общество переносит свои ожидания на представителей более молодого поколения»¹⁵.

Перечисленные этапы соотносятся с разными стадиями социального развития, представители этих групп сфокусированы на определенных социальных и общественно-политических практиках, а значит, настроения и модели поведения у возрастных групп могут отличаться. Исходя из задач по раскрытию темы радикальных настроений в молодежной среде, при выборе объекта этносоциологического исследования мы опирались на классификацию возрастных групп молодежи Б.А. Ручкина. В качестве нижней границы был выбран возраст 18 лет, поскольку именно с этого возраста гражданин России становится полноценным участником политической жизни страны, получая право участвовать в выборах. Верхняя возрастная граница была определена как 35 лет. Во-первых, с 2020 г. верхняя граница молодежного возраста законодательно продлена с 30 до 35 лет, а значит, люди в этом возрасте являются объектом государственной молодежной политики. Во-вторых, как было отмечено выше, для людей в возрасте 30–35 лет характерна личностно-смысловая перестройка и смена социальных ожиданий, что может оказы-

¹⁴ Е.Ю. Шеховцова. Культурно-досуговая деятельность учащейся молодежи: уровни, стадии, модели // Вестник ТГУ. Вып. 9 (53). 2007. С. 236.

¹⁵ Возрастная психология (Психология развития). Электронный учебник. Сост. Кагермазова Л.Ц. С. 178.

вать влияние на радикализацию сознания. Таким образом объектом этносоциологического исследования стали три группы молодежи: 18–24 лет, 25–29 лет и 30–35 лет.

Этносоциологическое исследование российской молодежи¹⁶

В августе–сентябре 2022 г. в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (рук. академик В.А. Тишков) было проведено этносоциологическое исследование молодежи в четырех субъектах Российской Федерации. Цель исследования – выявление рисков формирования радикальных настроений в молодежной среде и оценка потенциала радикализации сознания молодежи. В задачи исследования входило определение актуальности вопросов патриотизма в системе ценностных ориентаций молодых граждан, выявление характера их общественно-политической активности, протестного потенциала, уровня ксенофобии, отношение к экстремизму.

Исследование проводилось в форме анонимного онлайн-опроса в Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском федеральных округах и городе федерального значения Москве. Анкета для опроса была разработана с использованием материалов анкеты Григорьева Д.В. «Отечество мое», анкеты обучающегося по профилактике экстремизма и терроризма Стабровской М.Е., методических материалов по выявлению экстремистских настроений среди молодежи ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи», методических материалов по выявлению конфликтного потенциала в сфере межнационального взаимодействия, уровня ксенофобии и протестной активности, разработанных Центром этнополитических исследований ИЭА РАН (В.В. Степанов, В.А. Тишков). Обработка и интерпретация результатов проводились по методу контент-анализа (по частоте встречаемости ответов).

В Центральном федеральном округе в исследовании приняли участие молодые жители Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Тульской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областей. В Приволжском федеральном округе – жители Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областей, Пермского края,

¹⁶ Автор выражает признательность за содействие в проведении исследования экспертам Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов Аккиевой С.И., Бойко И.И., Шилову Н.В., а также Савоскул М.С. и Ярлыкапову А.А.

Республики Башкортостан, Республики Марий Эл, Республики Мордовия, Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Чувашской Республики. В Северо-Кавказском федеральном округе – молодежь Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Республики Северная Осетия–Алания, Ставропольского края, Чеченской Республики.

Совокупная выборка составила 800 человек (по 200 человек в каждом регионе), из них 49% мужчин и 51% женщин в возрасте от 18 до 35 лет. В региональном разрезе отметим, что в Москве и ПФО было опрошено по 50% молодых мужчин и женщин, в ЦФО и СКФО женщины проявляли бóльшую активность, и потому в выборках данных регионов наблюдается чуть больший перевес в сторону женщин (на несколько процентов). Суммарное распределение респондентов по полу практически соответствует соотношению молодых мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет в целом по стране¹⁷.

Половина принявших участие в исследовании молодых людей – это респонденты в возрасте от 18 до 24 лет. Чуть более трети составляют мужчины и женщины от 25 до 29 лет. Представители более зрелого возраста – от 30 до 35 лет – 13%. Респонденты с высшим образованием составили 40%, с неоконченным высшим – 22%, со средним и средним специальным – 37%, с начальным уровнем образования либо без него – 2%. Работающая молодежь составила 43%, учащаяся – 28%, те, кто совмещает работу и учебу – 15%, безработные – 6%, занимающиеся домашним хозяйством – 5%, остальные (молодые женщины в декрете, проходящие службу в армии и др.) – 3%.

Подавляющее большинство опрошенных молодых людей (86%) проживает в больших, крупных, крупнейших городах и городах-миллионниках (более 100 тысяч населения) (далее – большие города), 8% – в малых и средних городах (до 100 тысяч населения) (далее – небольшие города) и 6% – жители сел, поселков, станиц (далее – сельские поселения). Данная градация населенных пунктов была выбрана в силу их различий, оказывающих влияние на процессы социализации молодежи и характер коммуникативных моделей. Так, для больших городов характерны концентрация большого количества жителей, высокая плотность населения; разнообразие человеческой жизнедеятельности (в трудовой, культурной, общественно-политической сферах); более сложная этническая структура населения; значительные финансовые средства, высокие,

¹⁷ По данным Росстата, по состоянию на 2021 г. в России на 1000 молодых мужчин (в возрасте от 18 до 35 лет) приходилось почти столько же молодых женщин того же возраста.

по сравнению со среднестатистическими данными по России, доходы; большая социальная мобильность, разнообразие и многовекторность социальных связей, стилей жизни, культурных стереотипов, ценностных ориентаций, анонимность. Отличительной чертой такого типа поселений является быстрый темп жизни, сопряженный с большими психологическими нагрузками. Большие города являются мощным фактором социализации, т.к. предоставляют молодежи большие возможности.

В малых и средних городах жизнь протекает спокойнее и однообразнее. Они, как правило, выполняют роль связующего звена между сельским районом и крупным городом (прежде всего областным центром) и потому характеризуются обоюдным влиянием как сельского типа образа жизни, так и городского. Это сказывается на процессе социализации. Население продолжает поддерживать связь с деревней, но получает городские профессии, адаптируется к городской жизни. Уровень доходов населения ниже, чем в больших городах. Для средних и малых городов России характерен ряд проблем: недостаточное поддержание социальной сферы и городского хозяйства, недостаточная развитость культурно-образовательной инфраструктуры, проблема востребованности и ценности образования; значительный уровень асоциальных проявлений (алкоголизация, наркотизация, криминализация)¹⁸.

В сельских поселениях, в отличие от городов, низкая территориальная концентрация; меньшее разнообразие рабочих мест и профессий (в основном сельскохозяйственный труд), более тяжелые условия труда. В сельской местности преобладают социально и этнически однородные семьи, большую роль играют традиции, сильно влияние общественного мнения. Отсутствует анонимность общения. Ритм жизни ниже, формы общения простые, меньше психологических нагрузок. В целом для сельской местности характерен более низкий уровень социально-экономического развития и доходов населения, однако на современном этапе в этом отношении существует дифференциация. Так, индустриально-развивающиеся национальные, урбанизированные аграрно-индустриальные и благополучные южные аграрные деревни более развиты технологически и характеризуются более высокими доходами населения, в отличие от средне-русских (нечерноземная область России, промышленно освоенные области Центрального Черноземья) и традиционно-патриархальных этнонациональных деревень (в регионах Северного Кавказа, некоторых районах Поволжья, Сибири и Алтая).

¹⁸ Н.А. Кутищева. Социальная жизнь средних и малых городов: общегосударственный или региональный интерес? 2012. URL: scienceforum.ru.

Патриотические и ценностные установки молодежи

Молодость – это период формирования системы ценностей, становления самосознания. Усвоение социально-культурных и патриотических ценностей общества тесно связано с процессом социализации молодого поколения. Успешная социализация через выработку личностью ценностно-нормативной базы и восприятия ее в качестве собственных жизненных установок обуславливают осознание необходимости соблюдения социальных норм. Это обеспечивает нормативное поведение, предупреждает девиантные и асоциальные проявления¹⁹. Исследователи отмечают обесценивание понятия патриотизма у российской молодежи, что связано с радикальными изменениями в социально-экономической и политической жизни российского общества. Интернет и средства массовой информации, имеющие большое влияние на сознание и поведение молодежи, сыграли свою отрицательную роль в формировании и укреплении чувства патриотизма, вследствие наполненности негативным контентом в отношении России²⁰.

В течение постсоветского периода вектор переориентации молодежи был направлен на индивидуализм, приоритет достижения личных целей. Все меньшее значение стали иметь такие ценности, как самопожертвование и преданность Отечеству. Для значительной части российских молодых граждан стал характерен «моральный релятивизм» и равнодушие к идеалам,²¹ исторический и правовой нигилизм. Трансформация российского общества за последние десятилетия привела к конфликту поколений, разрыву преемственности социального опыта и, как следствие, к проявлениям социальной депривации²², что оказывает влияние на формирование радикализма в молодежной среде. Для части российской молодежи ценности предшествующих поколений становятся чуждыми, и эти молодые люди выбирают другие системы нравственных ценностей и социально-политические ориентации²³.

¹⁹ Социология молодежи: Учебник / Под ред. д-ра социол. наук, проф., чл.-корр. РАН В.Н. Кузнецова. — М.: Гардарики, 2005. С. 50–57.

²⁰ Е.И. Милаевская. Профилактика экстремизма в контексте гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения // Профилактика радикализации молодежи в России: возможности цифровых образовательных сред: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (12 марта 2021 г., г. Томск) / ред. К.А. Смышляев. Томск: Изда-во Томского гос. пед. университета, 2021. С. 33.

²¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦРАН, 2020. С. 175.

²² Карпенский К.В. Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности / Под ред. Комаровой Т.К. Гродно 2002. С. 4–5.

²³ «Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию»... С. 92.

С 24 февраля 2022 г., после начала Россией специальной военной операции на Украине (далее – СВО) и последующих событий на внешнеполитической арене, несущих глобальную угрозу национальной безопасности нашей страны, понятие «патриотизм» становится ключевым в общественно-политическом пространстве. Именно патриотизм в настоящее время является движущей силой и ресурсом для укрепления, устойчивости и успешного развития российского государства.

В свете вышесказанного нам было важно изучить патриотические настроения молодежи на современном этапе, поскольку отсутствие патриотизма сегодня как никогда является одним из условий радикализации сознания молодежи. По результатам опроса, почти две трети молодых граждан считают себя патриотами России. Еще более четверти (28%) также являются патриотами, но не в полной мере. Тех, кто не испытывает никаких патриотических чувств немного – 6%. Еще 4% затрудняются с ответом.

На первом месте по количеству «частичных патриотов» и «непатриотов» стоит возрастная группа от 18 до 24 лет (в этой возрастной группе 31% являются частичными патриотами, 7% – не патриоты), с очень небольшой разницей за ними следуют молодые люди в возрасте от 25 до 29 лет (распределение в возрастной группе – 28% и 6% соответственно), среди респондентов более старшего возраста, от 30 до 35 лет, доля не разделяющих патриотические чувства частично или совсем – меньше (21% и 3%).

По «частичной удовлетворенности родиной» лидируют молодые люди со средним и средним специальным образованием. Самая большая частота встречаемости *непатриотов* среди людей с начальным образованием либо без него, наряду с тем, что частичный патриотизм им не свойственен, т.е. молодежь с минимальным уровнем образования занимает полярные позиции – либо патриот, либо нет.

С позиции этнической принадлежности не обладающих безусловным чувством патриотизма (*патриот частично*) больше всего среди молодых людей со смешанной этнической идентичностью и нерусских национальностей, среди них также наибольшее количество непатриотов. Следует отметить, что частичные патриоты и непатриоты чаще встречаются среди учащейся молодежи и среди тех, кто совмещает учебу с работой.

Распределение ответов на вопрос о патриотичности в гендерном разрезе показывает, что для молодых женщин характерно чувство патриотизма чуть в большей степени по сравнению с молодыми мужчинами. Существует небольшое различие и в отношении места проживания:

жители сельской местности и небольших городов чуть более патриотичны, по сравнению с жителями больших городов. Лидером среди четырех регионов по количеству патриотичных молодых жителей оказался Северо-Кавказский федеральный округ (68%). Москва занимает последнее место (60%).

Обобщая, можно говорить о недостаточно высоком уровне патриотизма у российской молодежи. *Наличие существенной доли тех молодых людей, кто не может заявить о безусловной любви к родине, свидетельствует о том, что ряд факторов социальной и общественно-политической ситуации в стране не позволяет части молодых граждан полностью принять нормы и ценности российского общества, а также успешно реализовать свои жизненные планы.* Такая молодежь, наряду с непатриотами, находится в зоне риска формирования радикальных настроений.

Здесь уместно подробнее рассмотреть группу респондентов, давших отрицательный ответ на вопрос о том, являются ли они патриотами России. Как уже было отмечено, наибольшее количество непатриотов встречается в возрастных группах 18–24 и 25–29 лет. В наибольшей степени непатриотическим настроениям подвержены респонденты с затруднительным и тяжелым материальным положением и с низким уровнем образования.

Основная часть непатриотов – это те, кто не поддерживает СВО на Украине: «Россия развязала войну. Какой тут патриотизм?» (ж, 30–35 лет, русская, Москва), «Спецоперация, она убила последние капли патриотизма» (м, 18–24 лет, смешанная этническая идентичность, Северная Осетия), «Патриотизм – это когда твою страну разваливают изнутри, ты не молчишь и не миришься с этим как баран. Мы напали на другую страну и не признаем этого» (м, 18–24 лет, без указания национальности, Северная Осетия), «<стыдно> за то, что называют спецоперацией» (ж, 24–29 лет, без указания национальности, Нижегородская область). Это молодые люди, ориентированные на западные либеральные ценности, не поддерживающие внешнеполитический курс России и представляющие свою страну определенным образом: диктаторский, по их мнению, режим, культ личности, коррупция, воровство, власть олигархов, несоблюдение международного права, политические убийства и заключения в тюрьму, «поддержка сепаратистов и террористов по всему миру», нарушение прав человека, отсутствие свободы слова, обман со стороны властей, фейковые новости в СМИ.

К другой категории непатриотов относятся молодые люди, для которых достижение социальной справедливости видится возможным только в оппозиции государству. Ряд негативных социально-экономических факторов обуславливают отсутствие патриотизма у таких людей: кор-

рупция, социальное неравенство, где большинство находится в бедственной ситуации на фоне высоких зарплат депутатов, футболистов и др., положение ветеранов Великой отечественной войны, повышение пенсионного возраста, отсутствие перспектив.

Единичны случаи, когда непатриотические настроения вызваны образом «униженной России» и «угнетенного русского народа»: «Русский народ стал опущенным, нас гнобили веками, загнобили до того, что у народа опустились руки и ему стало на все плевать, будь что будет, у нас нет воли, нет свободы, мы ничего не можем, русские в основном стали ленивыми трусами, а те, кто показывают, что это не так, платят за это оставшейся мизерной свободой, жизнями» (м, 25–29 лет, русский, Москва); «Да мы постоянно по уши в параше, и весь мир над нами насмеяется и ноги вытирает, а мы только мычим и окулярами хлопаем» (м, 25–29 лет, русский, Владимирская область).

Один из респондентов полагает, что патриотизм – понятие идеологически конструируемое: «Это очковтирательство и промывание мозгов» (м, 18–24 лет, цыган, Самарская область).

В ходе исследования мы выясняли, каково содержательное наполнение понятия «патриотизм». Для почти двух третей молодых респондентов патриотизм означает в первую очередь национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации (что можно назвать как любовь к большой Родине), а также любовь к родному дому, городу, верность национальной культуре и традициям (любовь к малой Родине). На втором месте по частоте ответов стоят: готовность к самопожертвованию, готовность терпеть трудности, стремление трудиться ради блага и процветания своей страны, сохранение исторической памяти, а также активная гражданская позиция (так считает более трети респондентов). На третьем месте интернационализм. Четверть опрошенных к признакам патриотизма относит интернационализм и готовность к сотрудничеству с представителями других национальностей в интересах своей Родины. Четвертое место по частоте ответов на вопрос о том, по каким признакам респондент определяет для себя понятие «патриотизм», занимают интерес к событиям в стране и поддержка отечественного производителя (пятая часть респондентов). Еще меньше мнений (менее пятой части) было о том, что патриоту должно быть свойственно следующее (в порядке убывания количества ответов): нежелание уезжать из России, служба в армии и готовность защищать Родину, поддержка руководства страны.

По мнению некоторых опрошенных, настоящий патриот ответственен за память, которую он оставит после себя: «Желание сделать все,

чтобы будущие поколения гордились предками» (ж, 18–24 лет, Московская область). Был отмечен и духовный аспект патриотизма: «Молитва за Родину, правителей, за мир в родной земле» (ж, 30–35 лет, Московская область). То, что патриот должен быть политически активен, разделяет небольшая часть опрошенных. Лишь 16% считают, что патриот должен участвовать в выборах и отстаивать свои интересы на митингах.

Молодых жителей СКФО характеризует большая готовность к самопожертвованию и готовность терпеть трудности ради любви к большой родине, а у жителей ПФО в чуть большей степени выражена любовь к малой родине и верность этнической культуре и традициям. Жители Москвы в меньшей степени, чем жители других регионов, наделяют понятие «патриотизм» такими характеристиками как поддержка руководства страны, служба в армии, поддержка отечественного производителя. В ЦФО наблюдается наименьшая доля тех, кто считает, что патриотизм должен выражаться в интересе к событиям в стране.

В этническом срезе русские респонденты по частоте ответов лидируют по следующим признакам патриотизма: нежелание уезжать из России и поддержка руководства страны. В меньшей степени на это ориентированы молодые люди нерусских национальностей, но при этом они больше других выступают за интернационализм и ожидают, что патриот будет готов к сотрудничеству с представителями других национальностей.

В отношении возрастных групповых отличий наблюдается следующая специфика: по мере взросления ослабевает готовность жертвовать и терпеть трудности во благо родины, в то время как самые молодые (18–24 лет) еще полны энтузиазма и сил для преодоления сложных жизненных задач, в большей мере настроены на межнациональное общение, но в то же время в этой возрастной категории существенно больше тех, кто полагает, что родину можно любить и вне ее пределов и не обязательно поддерживать руководство страны.

Женщины более настроены на сохранение исторической памяти, но менее интернациональны, по сравнению с мужчинами. В сельской местности и небольших городах молодежь имеет большую готовность к преодолению трудностей ради страны и менее политически активна (полагающих, что настоящий патриот должен участвовать в выборах и митингах, в этой категории в два раза меньше, чем в категории жителей больших городов).

В целом патриотизм у молодых граждан России формируется в первую очередь на базе общенациональной и этнической идентичностей. В ценностном наполнении чувства патриотизма наблюдается недостаточность духовно-нравственной компоненты, которая отвечает за готовность служить родине, защищать ее, претерпевать трудности во благо своей страны. Налицо также дефицит интернационализ-

ма, гордости за историю своей страны, творящейся прямо сейчас, поддержки руководства государства.

Наибольшее влияние на формирование патриотических чувств у молодежи оказывают родители. На втором месте по степени воздействия стоят окружающие люди и друзья, на третьем – школа. СМИ, согласно результатам опроса, оказывают не столь значительное влияние на формирования патриотизма (пятая часть всех опрошенных). На последнем месте по степени влияния стоят органы власти. Стоит отметить, что структуры, занимающиеся патриотическим воспитанием молодежи, имеют значение в первую очередь для молодых мужчин. По всей видимости это связано с тем, что в большинстве своем именно мужчины занимаются в клубах и центрах военно-патриотического воспитания и иных государственных организациях подобного рода. Для молодых женщин большее значение имеют родители.

Региональные отличия практически отсутствуют, за исключением того, что для молодых москвичей, по сравнению с другими регионами, характерно чуть меньшее влияние школы в этом вопросе (такая же ситуация и в других больших городах), а в СКФО наблюдается чуть большее влияние органов власти. Для русских характерна большая роль родителей в воспитании любви к родине, в то время как у представителей нерусских национальностей на это влияют не только родители, но и заметно влияние патриотического воспитания в школе, а вот СМИ играют меньшую роль. Только 2% опрошенных отмечают влияние культуры на формирование у них патриотизма. Это литература (проза и поэзия, изобразительное искусство, музыка, кино (в том числе советские фильмы, а также мультфильмы), песни, деятели культуры. У чувства патриотизма может быть духовная, метафизическая природа: «Моя вера, воцерковление, духовная жизнь в православной Церкви (в широком понимании этого явления)» (ж, 30–35 лет, первая национальность русская, вторая – приднепровка, Московская область); «Душой люблю свою родину» (м, 18–24, русский, Самарская область). Природа также имеет влияние на небольшую часть опрошенных. Несколько молодых людей отметили, что на формирование у них чувства патриотизма повлиял президент страны.

Около одного процента молодых респондентов отрицают чье бы то ни было влияние и дают ответ «Я сам». Отметим, что большинство из них не считают себя патриотами России. Один респондент, считающий себя патриотом частично, отметил, что на формирование у него чувства патриотизма повлияли оппозиционные политики (м, 18–24 лет, русский, Москва). По всей видимости, именно это не позволяет ему в полной мере

испытывать патриотические чувства. Некоторыми был указан еще один инструмент влияния – это Интернет: социальные сети (ВКонтакте, Телеграм) и видеохостинг YouTube.

Для респондентов 30–35 лет наряду с родителями существенную роль в формировании чувства патриотизма играли не только школа, но и окружающие люди и друзья. В случае самой молодой группы (18–24 лет) мы наблюдаем ослабевание роли окружающих и друзей и усиление роли СМИ. Представитель группы 25–29 лет занимают промежуточное положение.

Выводом в отношении влияния различных институтов на формирование у молодежи патриотизма может служить признание незначительной в этом процессе роли СМИ (за исключением самых молодых – 18–24 лет) и органов власти. Следует отметить также, что для такого мощного инструмента влияния, каким призвана быть школа, наблюдается недостаточное ее воздействие.

Образ России: гордость и стыд

У более двух третей молодых россиян гордость за страну вызывают, в первую очередь, победа в Великой отечественной войне (69%), культурное наследие страны (65%), а также ее история (62%). Предметом для гордости более половины опрошенных считают природные богатства России. Затем в рейтинге частоты ответов идут гордость в связи с принадлежностью к своей национальности (39%) и современные достижения российской науки (35%). На последнем месте стоят современная культура России (26%) и ее современное политическое влияние в мире (23%). Небольшая часть опрошенных (6%) полагает, что гордиться, родившись и проживая в России, нечем. Распределение ответов показывает, что наибольшее влияние на чувство гордости за страну у молодежи оказывает общее историческое, культурное и военное прошлое, что позволяет им ощущать себя гражданами единой страны с великим наследием. При этом новейшая история их родины вызывает у них меньше положительных чувств, о чем некоторые сожалеют: «Хотелось бы гордиться настоящим, а не прошлым» (ж, 18–24 лет, гражданка мира, Москва).

Вызывают гордость, но в меньшей степени, также российский спорт, интеллектуальный потенциал российского народа (изобретения, качество IT продуктов, сайтов, приложений). Молодежь гордится своим народом, который при необходимости сплочивается и «становится одним фронтом, друг за друга», его образом жизни. У некоторых есть осознание величия родины: «Я горжусь, что мы живем в такой великой стране и под предводительством такого великого президента (м, 18–24 лет, первая национальность русский, вторая – чеченец, Кабардино-Балкарская Рес-

публика). Отмечаются и социальные достижения: уровень урбанизации крупных городов, эффективная работа государственных сервисов (МФЦ, Госуслуги) и др.

При сравнительном региональном анализе можно отметить чуть меньшую, по сравнению с другими регионами, долю ответов о победе в Великой отечественной войне в Москве; СКФО отличается меньшее влияние на чувство гордости общей российской истории и культуры, в то время как победа в Великой отечественной войне очень значима. Кроме того, в этом федеральном округе наименьшее число тех респондентов, у которых нет оснований гордиться Россией.

Молодые женщины более чувствительны, в отличие от мужчин, к природным богатствам своей страны. Для жителей небольших городов и сельской местности принадлежность к своей национальности является меньшим основанием для гордости, чем у жителей больших городов, и здесь больше ценится современная культура России и внешнеполитическое влияние страны. Для русских молодых людей победа в Великой отечественной войне, историческое и культурное наследие имеют большее значение, чем для молодых представителей нерусских национальностей либо молодых со смешанной этнической идентичностью.

С точки зрения возрастных различий следует отметить, что респонденты в возрасте 30–35 лет чаще расценивают современное влияние России в мире как предмет для гордости за свою страну. По остальным позициям ответы распределились с незначительной межгрупповой разницей. *Очевидно, что молодое поколение еще не до конца осознает общемировую значимость инициированных Россией глобальных перемен. Ведущая, трансформирующая роль нашей страны еще не подверглась глубокому осмыслению со стороны молодого поколения. Мы наблюдаем, как для большинства молодых важно наше великое и богатое прошлое, однако, они не ценят достижения России (социальные, культурные, технологические и др.) на этапе новейшей истории.* Или они их не видят, поскольку этому уделялось не так много внимания в общественно-политическом пространстве и СМИ?

Более половины молодых граждан (58%) никогда не испытывали чувства стыда за свою страну. У почти четверти респондентов (23%) те или иные общественно-политические и социальные стороны российской жизни вызывают стыд. Довольно высока доля затруднившихся с ответом (19%). Можно предположить, что часть молодежи побоялась дать честные ответы.

СКФО демонстрирует минимальную долю респондентов, испытывающих стыд за страну. В Москве же, наоборот, наибольшее число недо-

вольных молодых граждан. В целом чуть больше недовольных и затруднившихся с ответом наблюдается у мужчин. Такая же ситуация в отношении жителей больших городов, а на селе и в небольших городах число молодых жителей, испытывающих чувство стыда за Россию, меньше. В этническом аспекте разницы не наблюдается: распределение ответов у русских, нерусских и молодых людей со смешанной этнической идентичностью практически повторяет картину совокупной выборки.

Количество испытывающих стыд за страну растет от самой молодой возрастной группы к более зрелой. Однако, несмотря на наименьшее количество недовольных в группе респондентов 18–24 лет, основные причины стыда за Россию у самых молодых лежат в политической области, а комментарии свидетельствуют о радикальных настроениях. В то время как молодежь более старшего возраста выражает в значительной степени претензии социально-экономического характера.

Недовольная часть молодежи из группы 18–24 лет в большинстве своем осуждает специальную военную операцию на Украине, расценивая ее как развязанную Россией войну; обвиняет свое государство в оккупации соседних стран, аннексии чужих территорий; репрессиях, незаконных арестах, политических убийствах, большом количестве политзаключенных, нарушениях прав человека, несоблюдении международного права, недружественном и агрессивном поведении в отношении стран Запада, лживой пропаганде, коррупции; не принимает конституционные изменения 2020 года и продление президентских сроков. Выступает против мобилизации. Для самых молодых также свойственно противопоставлять «неразвитую» в экономическом и социальном плане Россию процветающим, по их мнению, странам и стыдиться поведения русских за границей.

В двух других возрастных группах также есть недовольные внешне- и внутриполитическим курсом России, но их доля меньше, а недовольство, как уже отмечалось, связано с социально-экономическими проблемами. Это бедственное положение пенсионеров, ветеранов Великой Отечественной войны, большая дифференциация населения по доходам (особо отмечаются низкий уровень жизни в российских регионах, низкие зарплаты учителей и врачей), падение качества образования и медицины, угнетенная производственная сфера (разрушение заводов и фабрик), «имитация импортозамещения», технологическая отсталость, производство товаров не лучшего качества (автопром, бытовая техника и др.). И все это, подчеркивают некоторые респонденты, при наличии богатейших ресурсов в стране.

В двух «старших группах» встречаются молодые люди (единичные случаи), которых расстраивает слишком мягкое поведение России в отношении

ее «врагов» и которые добрым словом вспоминают Сталина. Последнее, на мой взгляд, следует отнести к разряду радикальных мнений.

Для части молодежи 30–35 лет также характерно сожаление о развале СССР, переходе на рыночную экономику, заигрывание перед Западом.

Нужно добавить еще следующее: в начальный период СВО на Украине часть молодежи, и, как можно предположить, часть взрослых граждан страны, испытывала, скорее, не стыд, а стресс в связи с обрушившимися на Россию санкциями, обвинениями на международной арене, унижениями наших спортсменов и др. Молодые респонденты выражали большое сожаление в связи с тем, что интересы России не отстаивались должным образом, в связи с невозможностью защитить наших спортсменов. Стыд у некоторых молодых людей вызывает также тот факт, что Россия проигрывает информационную войну. Но после всплеска негативных эмоций патриотические настроения молодых стабилизируются: «Было немного стыда, из-за того, что на Россию были наложены санкции. Но Россия справляется! Так что на данный момент мне не стыдно за свою страну» (м, 18–24 лет, без указания национальности, Республика Татарстан).

Отношение к «другому»

Для того, чтобы оценить потенциал и характер ксенофобии в молодежной среде, в ходе опроса мы выясняли, к представителям каких групп респонденты испытывают неприязнь и какова реакция молодых людей на тех, кто отличается от них внешностью, национальной или религиозной принадлежностью.

Результаты исследования показывают не очень высокий уровень терпимости среди молодежи – лишь для немногим более трети молодых людей (37%) не существует групп, к представителям которых они бы испытывали неприязнь. Однако стоит отметить, что основная доля неприязни приходится на разного рода девиантные группы населения – 44% опрошенных относятся с неприязнью к наркоманам, алкоголикам, проституткам, гомосексуалистам, бомжам, нищим. Эти группы всегда являются частью любого общества и не приводят к радикализации взглядов по отношению к ним. Исключение при определенных общественно-политических условиях могут составлять гомосексуалисты. В то же время довольно большая доля не приемлющих отклонения от общепринятых норм молодых людей может являться своего рода индикатором устойчивости к радикализации сознания.

Неприязненное отношение к иноэтническим и представителям определенных конфессий является почвой для проявления радикальных настроений, то же самое можно сказать и в отношении нетерпимости к определенным социальным группам – богатым, представителям властных и силовых структур. По результатам опроса второе место в «рейтинге нетерпимости», после девиантных групп, занимают представители определенных национальностей (14%). На третьем месте находятся люди с высоким материальным положением (9%) и представители определенных религий (8%). На последнем – представители определенных профессий (6%).

Уточняющие и дополняющие комментарии к рассматриваемому вопросу дало небольшое число респондентов (4%), однако обращает на себя внимание тот факт, что основная доля комментариев приходится на указание неприязни к органам власти, полиции, политическим деятелям, чиновникам. На втором месте – «социальный» блок комментариев, свидетельствующий о нетерпимости к богатым и коррупционерам.

Один процент комментариев затрагивает тему ЛГБТ. Есть как защитники сексуальных меньшинств, так и противники. Интересно то, что защитниками являются исключительно девушки в возрасте 18–24 лет, протестующие против того, чтобы представителей сообщества ЛГБТ относить к группам с девиантным поведением, а противниками являются мужчины из разных возрастных категорий (от 18 до 35 лет). Причем один молодой человек так же, как и девушки, возмущен тем, что гомосексуалистов поставили в один ряд с бомжами, проститутками, нищими и др., но по противоположной причине. Для перечисленных выше групп, по мнению этого респондента, есть оправдания, и потому к ним нужно относиться с пониманием, в то время как «...гомосексуализм ведет только к вымиранию народов, наций, стран! Так что если говорить о неприязни, то только к ним!» (м, 30–35 лет, первая национальность русский, вторая – белорус, Липецкая область). Как видим, для части молодежи, хотя и очень незначительной, стоит вопрос об отстаивании прав гомосексуалистов.

Радикальные настроения социального характера также имеют место быть, но, рассматривая российскую молодежь, большее внимание следует уделять изучению радикальных настроений в политической плоскости. Если учесть, что среди непатриотов (6% от опрошенных) большинство составляют молодые люди, не поддерживающие политический курс России, а также несколько процентов тех, кто заявляет о неприязни к власти (которые входят в число непатриотов), можно предположительно оценить потенциал радикальных настроений в молодежной среде в 3–4%. Возможно этот потенциал больше, поскольку, несмотря на анонимность опроса, часть недоверчивых респондентов могла побояться дать честные

ответы в силу законодательных изменений 2022 г. в отношении дискредитации вооруженных сил РФ.

По результатам исследования, без учета неприязни к девиантным группам населения, основной вектор неприятия молодежью «других» направлен на сферу межэтнического взаимодействия. Как уже отмечалось, 14% молодых людей негативно относятся к представителям других национальностей. При этом 12% респондентов поддержат акции и пикеты против мигрантов в случае их проведения. Также следует учесть, что часть молодых людей из тех, кто затруднился с ответом на вопрос об акциях, а таких много – 18%, в зависимости от обстоятельств перейдет к активным действиям против мигрантов. По данным исследований Института этнологии и антропологии РАН, проводимых совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в восприятии принимающего населения мигранты в первую очередь связываются с определенными национальностями. Конечно же, недовольство приезжими имеет и социальные корни, но «спусковым крючком» к активным действиям, как правило, является этнический признак.

Для какой части молодежи существует вероятность перехода от негативного отношения к иным в этнокультурном отношении людям к радикальным действиям против них? На вопрос о том, каким образом ведет себя молодежь, сталкиваясь с людьми, отличающимися от них внешнею, национальной или религиозной принадлежностью, ни один респондент не ответил, что реагирует на таких людей агрессивно. Но 7% молодых людей не показывают свои чувства, хотя «другие» им не нравятся, и еще один процент негативно высказывается в их адрес. Два процента опасаются и стараются держаться подальше. *В итоге десятая часть опрошенных молодых граждан признается в неприятии отличных от них людей, в первую очередь по этническому и религиозному признаку. В случае намеренного, манипулятивного воздействия на молодежь можно предположить, что около 10% молодежи можно будет спровоцировать на радикальное поведение (включая тех, кто опасается «чужаков», поскольку эффект толты нейтрализует страх и дает ощущение солидарности и силы).*

Рассмотрим региональную, возрастную и гендерную специфику негативных проявлений по отношению к «другим». Молодые жители столицы, по сравнению с другими регионами, наиболее лояльны к представителям девиантных групп населения, в Москве самая высокая доля толерантных молодых людей, но заметна бóльшая нетерпимость к представителям определенных религий. В ЦФО наименьший уровень терпимости, особенно к иноэтничным, при этом наиболее выражено сочувствие к бедным слоям населения. В СКФО наблюдается наименьшая среди реги-

онов неприязнь к иноэтничным и в меньшей степени осуждаются люди с высоким материальным положением.

Между большими и небольшими городами разницы в распределении ответов нет.

Для русских респондентов и молодых людей со смешанной этнической идентичностью, в отличие от представителей нерусских национальностей, характерен чуть больший уровень нетерпимости к иноэтничным.

Женщины более терпимы и сострадательны к различным социальным группам, но идут наравне с мужчинами по уровню неприязни к представителям определенных национальностей и религий.

Распределение ответов по возрастным группам молодежи показывает, что по мере взросления увеличивается уровень неприязни к иноэтничным и представителям других конфессий, также усиливается нетерпимость по отношению к богатым, а вот сочувствия к бедным и представителям девиантных групп становится больше.

Разницы в реакциях на этноконфессиональные различия в исследуемых федеральных округах нет. В каждом из них большинство молодежи (в среднем 90%) либо не обращают внимания на отличающихся от них внешностью, национальной или религиозной принадлежностью людей, либо относятся к ним спокойно. Десятая часть молодежи в каждом из округов испытывает негативные чувства (не показывают свои чувства, хотя «другие» им не нравятся, негативно высказываются в их адрес, опасаются и стараются держаться подальше).

Молодые женщины не позволяют себе высказываться негативно в адрес отличающихся от них людей и держатся от них подальше, в то время как молодые мужчины (особенно в больших городах) могут позволить себе негативные высказывания. На селе и в небольших городах выбирают стратегию дистанцироваться от не нравящихся им людей.

С точки зрения возрастных отличий следует отметить, что агрессивное поведение (негативные высказывания в адрес «других») характерно для возрастной группы 18–24 лет (все респонденты, давшие такой ответ, принадлежат этой группе). Зрелая молодежь в возрасте 30–35 лет предпочитает держаться подальше от тех, кто им не нравится. Удивительно, но в то же время в этой возрастной группе, по сравнению с самыми молодыми, в два раза больше тех, кто поддержит антимигрантские протесты. Вероятно, это можно объяснить тем, что «горячая» молодость выплескивает негатив ситуационно на словах, тем самым разряжая напряжение, а более зрелые представители, с одной стороны, ведут себя более осторожно, так как уже в большей степени обременены заботами и обязательствами, но в то же время, имея опыт социальной конкурен-

ции и столкнувшись с социальными проблемами (и, возможно, часть вины за это возложив на мигрантов), настроены их решать, выбирая протестные способы. Молодежь в возрасте 25–29 лет занимает промежуточное положение.

Наименьший протестный потенциал в отношении мигрантов выявлен в СКФО. Несмотря на то, что доля респондентов этого федерального округа, указавших, что они поддержат антимигрантские пикеты или акции, такая же, как и в других федеральных округах (12%), в СКФО значительно меньше тех, кто допускает участие в протестных мероприятиях в зависимости от ситуации, а также меньшая доля затруднившихся с ответом.

Протестная активность в большей степени характерна для мужчин, гораздо меньшее число молодых женщин заявили о готовности участвовать в пикетах и акциях против мигрантов. У молодежи со смешанной этнической идентичностью меньший протестный потенциал по сравнению с русскими и представителями других национальностей. В отношении проживания в различных типах поселений различия не выявлены.

Исходя из рассмотренного выше, можно сказать, что *этноконфликтный (с учетом профессионального фактора) потенциал в молодежной среде составляет десятую и более часть. Это часть молодежи является носителем ксенофобских настроений и при определенном стечении обстоятельств способна перейти к радикальным действиям.* В этой связи важно рассмотреть, в какой мере эти действия проявляются в настоящее время. В ходе опроса мы выясняли, сколько респондентов испытывали негативное к себе отношение за последний год из-за языка, национальности и религии. Подавляющее большинство (80%) респондентов ответили, что никакого негативного отношения не было. Десятая часть опрошенных сталкивалась с негативным к себе отношением из-за национальности. В меньшей степени встречаются дискриминационные действия в адрес молодых людей по языковому (6%) и религиозному (6%) признаку. Небольшая часть (2%) затрудняются с ответом. Как видим, потенциал ксенофобии практически полностью имеет проявление в сфере межнационального взаимодействия.

Примечательно, что Москве и ЦФО доля молодежи, сталкивающаяся с дискриминацией из-за своей национальности чуть больше, чем в ПФО и СКФО (14 и 12% против 9 и 8% соответственно). Кроме того, соответствующая доля русских респондентов (10%) также немного превышает долю нерусских (7%). По всей видимости, эту ситуацию можно объяснить зашкаливающим уровнем русофобии в западных странах и на Украине, с которой русские сталкиваются через СМИ, социальные сети и

личные контакты. Отметим также, что вдвое больше русских указали на негативное к себе отношение из-за религии по сравнению с представителями нерусских национальностей (8% против 4%).

Источники информации о жизни людей других национальностей

Одним из каналов профилактики ксенофобии являются средства массовой информации и Интернет. Профилактические меры будут эффективными, если будут достигать своего адресата, в данном случае молодежь. В этой связи важно знать, через какие источники у молодых людей формируются представления о представителях других национальностей и религий. Основным источником, как показывают результаты опроса, являются социальные сети. Две трети молодежи черпают информацию оттуда (в блогах о путешествиях, новостных каналах и др.). С большим отрывом на первом месте стоит социальная сеть ВКонтакте. В два раза меньше молодежи, но тем не менее значительное количество, получает информацию о других народах и культурах в Instagram и Телеграме. На третьем месте по популярности у молодежи находится видеохостинг YouTube. Очень незначительная часть респондентов отметила, что пользуется такими социальными сетями как TikTok, Facebook и Одноклассники.

Телевидение как источник информации о жизни разных народов актуален для половины опрошенных. Молодежь смотрит новости, документальные фильмы и познавательные передачи, такие как «Вокруг света», «Мир наизнанку», «Жизнь других». Наибольшей популярностью пользуется Первый канал, с большим отставанием по частоте упоминаний идут другие телевизионные каналы: Россия 1, НТВ, Рен ТВ, Россия 24, Пятница, РБК, Культура, ОТР, Спас, Известия (перечислены по убыванию частоты упоминаний). Почти вровень с телевидением идут новостные порталы в сети Интернет (43%): Яндекс Новости, РИА Новости, РБК, Лента.ру, новости на Mail.ru и др.

Треть молодых людей узнает о жизни людей других национальностей, культур и религий из фильмов, как художественных, так и документальных. Респондентам предлагалось при желании назвать конкретные фильмы. Немногочисленный список перечисленных фильмов можно условно разделить на несколько категорий. 1. Удивительно, но на вопрос о фильмах, в которых отражается жизнь разных национальностей, неоднократно упоминались военно-патриотические фильмы («В бой идут одни старики», «Подольские курсанты», «Т-34», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия»). Вполне вероятно, что в данном случае молодые люди

обращали внимание на интернациональный дух во время Великой отечественной войны. 2. Фильмы про мигрантов в России (например, «Продукты 24» – основан на реальных событиях и рассказывает о мигрантах из Казахстана и Узбекистана, работавших в местном продуктовом магазине Москвы в рабских условиях). 3. Фильмы разных стран (например, бразильский сериал «Клон», в котором подробно показан уклад жизни мусульман). 4. Есть «исследователи» американского образа жизни. Респондентами отмечались американские сериалы и фильмы (например, «Зеленая книга», «Зеленая миля»).

Менее трети респондентов узнают о жизни людей других национальностей, культур и религий от друзей и знакомых и непосредственно общаясь с иноэтничными и инокультурными людьми. Столько же молодых людей черпают такого рода информацию из тематических сайтов, форумов, видеороликов (на YouTube и Rutube), блогов, т.е. ищут информацию целенаправленно. Некоторые читают исторические книги, слушают рассказы экскурсоводов в музеях, но таких молодых людей очень мало.

Подытоживая, можно сказать, Интернет (социальные сети) является для молодежи основным источником информации о жизни людей других национальностей, традиций и религиозных верований. Однако нельзя сбрасывать со счетов влияние на молодежь этнокультурного контента, представленного на российском телевидении.

Участие молодежи в общественно-политической жизни

Участие в общественно-политической жизни – это возможность повлиять на свое настоящее и будущее. Вовлеченность в нее молодежи свидетельствует об активной гражданской позиции. В то же время неудовлетворенность молодых людей степенью и формами политического участия или механизмом политического функционирования государства может привести к поиску альтернативных путей и радикализации. Отсутствие желания участвовать в жизни страны может свидетельствовать о равнодушии, нигилизме, отсутствии веры в то, что что-то можно изменить общепринятыми, легитимными способами. Нигилизм является одной из форм радикализма. Радикальную природу, как правило, имеет политическая деятельность протестного характера. Одной из задач нашего исследования было изучение общественно-политической активности российской молодежи и форм ее политического участия. Результаты опроса показали следующее.

В качестве избирателей на выборах участвует чуть больше половины опрошенных молодых граждан. Заявляют себя кандидатами на выборах

3% молодежи. Привлекается к участию в проведении избирательных кампаний незначительная часть (5%). Политическую активность в качестве членов политических партий и движений проявляет также незначительная часть опрошенной нами молодежи (5%). Самая низкая доля молодых избирателей фиксируется в СКФО, в то же время в этом регионе молодежь активнее, чем в других федеральных округах, привлекается к проведению избирательных кампаний. Такая же ситуация выявляется и при сравнении русских и респондентов других национальностей. Последние менее активно участвуют в выборах, но в отличие от русских чаще задействуются в проведении выборов. Самые активные избиратели – это граждане 25–29 и 30–35 лет. Самые молодые существенно реже участвуют в выборах.

Результаты опроса показывают, что различия в уровне избирательной активности между мужчинами и женщинами и между жителями городской и сельской местности нет.

Участие молодежи в деятельности политических партий и движений в гораздо большей степени характерно для молодых жителей ЦФО. Также более активны в этом направлении женщины и жители больших городов. Состоят в политических партиях и движениях в основном молодые люди в возрасте 25–29 и 30–35 лет. В группе самых молодых, доля участвующих в деятельности партий, в два раза меньше, чем в двух других возрастных группах. Среди респондентов нерусских национальностей также реже можно встретить молодых людей, состоящих в политических организациях.

С общественно-полезной деятельностью молодежи дело обстоит следующим образом. В работе общественных организаций задействовано 15% молодежи. Около пятой части респондентов занимаются благотворительностью и собирают средства нуждающимся. Столько же задействовано в коллективном обустройстве мест жительства: подъездов, дворов, районов. Лидерами по доле участвующих в деятельности общественных организаций является молодежь из ПФО и СКФО. Лидерами по сбору средств для нуждающихся – Москва и СКФО.

Для русских характерен меньший уровень общественной активности через деятельность НПО, в отличие от представителей других национальностей. В общественных организациях работает больше женщин, они же активнее делают сборы для нуждающихся. В общественных организациях большую активность проявляют самые молодые. Молодежь более зрелая (25–29 и 30–35 лет) ориентирована на коллективное обустройство своих подъездов, дворов, районов. *В целом молодые жители сельской*

местности и небольших городов в меньшей степени вовлечены в общественно-полезную деятельность.

Очень невысока доля тех, кто принимает участие в деятельности религиозных организаций (2%). В основном, это молодежь из Москвы и СКФО, респонденты в возрасте 25–29 лет, как мужчины, так и женщины. Различий в вовлеченности молодежи в религиозную деятельность на селе и в городской местности не выявлено.

Тех, кто никаким образом не участвует в общественно-политической жизни своей страны, довольно много – 27%. Самая высокая доля равнодушных к общественно-политической жизни приходится на молодых жителей СКФО, то же касается и молодых людей нерусских национальностей. Мужчины менее активны в общественно-политическом плане, чем женщины.

Что касается образа действий при желании повлиять на решение тех или иных проблем в политической или социальной сфере, то здесь ситуация следующая. Основным способом той части молодежи, которая стремится заявить о своих требованиях и обратить внимание на проблемы, является подписание петиций и обращений (пятая часть опрошенных). Наиболее активна в этом отношении молодежь в ПФО, Москве и ЦФО. Доля молодых из СКФО, занимающихся этим, в два раза меньше, чем в названных регионах. Респонденты нерусских национальностей реже подписывают петиции, чем русская молодежь. Чем старше становятся молодые люди, тем большее число их заявляет о проблемах через подписание обращений.

Десятая часть участвует в организации сбора подписей в поддержку инициатив и обращений, в одинаковой степени как жители в каждом из федеральных округов, как русские, так и нерусские, как мужчины, так и женщины. Чуть более активна в организационном плане молодежь 30–35 лет. В сельской местности и небольших городах молодые в два раза реже организуют сборы подписей.

Более решительные меры при выдвижении своих мнений и требований – участие в митингах, демонстрациях, пикетах – выбирает 5% молодежи. Особых различий по территориальному и возрастному признаку не наблюдается. Можно только отметить меньшую вовлеченность в протестные мероприятия молодых женщин. На крайние формы – участие в забастовках или голодовках – идут 3% молодых граждан. К таким формам выражения недовольства склонны в первую очередь молодые жители ЦФО и СКФО, жители из сельской местности и небольших городов, в любом молодежном возрасте.

Агитационной деятельностью через Интернет (написание постов, распространение петиций, призывов к решению той или иной проблемы) занимается 8% опрошенных. Наибольшую активность проявляют молодые жители из Москвы и ЦФО, наиболее часто такие люди встречаются в группе 30–35 лет.

Очевидно, что российская молодежь характеризуется большой степенью аполитичности и недоверия к политическим партиям и движениям, слабо вовлечена в политические процессы и общественную жизнь страны. Основным способом для части молодежи заявить о своих проблемах и инициативах является подписание петиций и обращений. В форме протестных и агитационных действий отстаивает свои интересы небольшая часть молодых людей.

Отношение молодежи к экстремизму

Экстремизм – крайняя форма радикализма, характеризующаяся переходом от идей к противоправным, насильственным действиям. Российские исследователи отмечают, что у части современной молодежи наблюдается достаточно терпимое отношение к организациям радикального толка²⁴ наряду с правовой инфантильностью и правовым nihilismом²⁵.

При разработке профилактических мер необходимо знать, как молодежь определяет для себя понятие «экстремизм», в какой степени она лояльна экстремисткой деятельности как допустимой форме реализации своих идей и решения проблем. Какова степень информированности молодежи о правовых определениях экстремизма и осознания ими юридической ответственности за свершение экстремистских деяний? Как ведут себя молодые люди в случае обнаружения радикального контента? Все это выяснялось в ходе исследования.

Самым распространенным ответом на вопрос «Что, по Вашему мнению, является экстремизмом?» был следующий: «Насильственные и (или) противоправные деяния, совершаемые по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также призывы к таковым деяниям» (59%). Причем доля давших такой ответ респондентов возрастает от самой младшей к самой старшей группе. На втором месте стоит ответ «Какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти, насильственное изменение конституционного строя государства, насиль-

²⁴ «Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию»... 2016. С. 4–5.

²⁵ Круглов А.Е. Указ соч. С. 34.

ственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» (36%).

Результаты опроса свидетельствуют о том, что в большей степени молодежь воспринимает экстремизм как возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни и дискриминационные действия в этом отношении. Однако показатель информированности по этому параметру – чуть более половины опрошенных – нельзя назвать высоким. Еще хуже обстоит дело со степенью осознания молодежью экстремисткой детерминированности действий, направленных на свержение правительства, изменение государственного строя, несущих угрозу государственной безопасности. Две трети молодых людей не понимают этого.

Менее трети ответов свидетельствуют о понимании частью молодых граждан радикальной природы экстремизма как крайней формы проявления радикализма: экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам (31%) и стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов (30%).

Достаточно высока доля респондентов, полагающих, что экстремизм является виртуальным понятием, а термин используется властями для борьбы с инакомыслящими (14%). Доля ответов, свидетельствующих о непризнании экстремизма противоправным явлением, когда он расценивается как течение, сформировавшееся как оппозиционное к действующей власти, в основе которого лежит борьба с коррупцией и против тоталитаризма, составляет 7%. Есть мнение, что экстремистская деятельность свойственна гражданским активистам (6%). Такое мнение, по сути, придает экстремизму положительную коннотацию. Тех, кто считает, что экстремизм является направлением молодежной контркультуры, немного – 3%. Затруднились с ответом 2% опрошенных. В целом, *можно сделать вывод о недостаточной информированности молодежи о правовых определениях экстремистской деяний, слабом понимании юридической ответственности за них, а существенная доля тех, кто расценивает экстремизм как виртуальное либо оппозиционное действующей власти понятие, свидетельствует о лояльности части молодежи экстремистским проявлениям в политической сфере.*

По региональному признаку следует отметить, что у жителей ПФО, по сравнению с другими регионами, наблюдается несколько бóльшая уверенность о том, что экстремистские действия совершаются по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, в то

время как молодые жители ЦФО чуть более других респондентов лояльны насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя.

Самые молодые (18–24 лет) склонны реже расценивать как дискриминационные действия по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, в отличие от двух старших возрастных групп. По признакам пола, типа поселения, и этнической принадлежности существенных различий не выявлено.

Теперь рассмотрим, каким образом ведет себя молодежь, столкнувшись с информацией экстремистского толка. Две трети опрошенных не станут знакомиться с такого рода информацией, поскольку ею не интересуются. Пятая часть, полагая, что там может быть что-то интересное для них, прочитает материалы, содержащие призывы к свержению действующей власти или направленные на возбуждение расовой, национальной или религиозной вражды. Обсудят эту информацию с друзьями 15% респондентов. Немногие (6%) подключатся к ее обсуждению в Интернете (в комментариях под постами, статьями и пр.). Еще меньше тех, кто делает репост, чтобы посетители его страниц в социальных сетях знали, что существуют альтернативные точки зрения (3%). Для этих молодых людей характерно непонимание меры ответственности за распространение экстремистской информации в Интернете.

Обратятся в компетентные органы по поводу обнаружения информации экстремистской направленности лишь 11% опрошенных.

Различий по регионам, типу поселения, полу и этнической принадлежности не выявлено. По возрастному признаку обнаружена следующая закономерность: доля тех, кто будет знакомиться с экстремистским контентом и обсуждать его с друзьями и знакомыми, растет от самой молодой группы респондентов к самой старшей. Соответственно, у респондентов в возрасте 18–24 лет самая высокая доля тех, кто не интересуется подобной информацией. По остальным позициям (комментарии и репосты в сети Интернет, обращение в компетентные органы) различий между возрастными группами молодежи нет.

Подводя итог, можно говорить о том, что треть молодых людей тем или иным образом готова иметь дело с экстремистским контентом, вплоть до его распространения (3%). И лишь десятая часть предпримет меры по противодействию экстремизму, обратившись в компетентные органы. Все это еще раз подтверждает вывод, сделанный выше, о проблеме недостаточной информированности молодежи в отношении экстремистских проявлений и о довольно слабой гражданской ответственности молодых жителей страны. В потенциале такая ситуация может способ-

ствовать усилению и укоренению радикальных настроений в молодежной среде и проявлению их крайней формы – экстремизма. Речь идет о потенциале, поскольку подавляющее большинство респондентов (94%) с деятельностью молодежных экстремистских организаций в своем регионе не знакомы. В большей степени знают о них молодые жители Москвы и СКФО, представители нерусских национальностей и молодые люди в возрасте 18–24 лет.

Далее представлена специфика ситуации с молодежью по региональному, возрастному, гендерному, этническому признаку, а также по типу поселений.

Региональная и возрастная специфика

Москва занимает последнее место среди четырех регионов по количеству патриотично настроенных молодых жителей. В Москве в меньшей степени, чем в других регионах, наделяют понятие «патриотизм» такими характеристиками как поддержка руководства страны, отечественного производителя, служба в армии. Здесь наибольшее число молодых граждан, испытывающих стыд за Россию. Для молодых москвичей характерно чуть меньшее влияние школы в формировании чувства патриотизма, они более лояльны к представителям девиантных групп населения, но заметна большая нетерпимость к представителям определенных религий.

СКФО является лидером среди четырех регионов по количеству патриотов. Молодых жителей этого федерального округа характеризует большая готовность к самопожертвованию и готовность терпеть трудности ради любви к родине. В СКФО наименьшее число тех респондентов, у которых нет оснований гордиться Россией, и меньше всего тех, кто испытывает стыд за страну. Влияние органов власти на формирование чувства патриотизма чуть более заметно, по сравнению с другими регионами. Для молодых жителей округа победа в Великой отечественной войне более значима, чем общенациональное историческое и культурное наследие. В округе наименьшая среди регионов неприязнь к иноэтническим и наименьший протестный потенциал в отношении мигрантов. Здесь в меньшей степени осуждаются люди с высоким материальным положением. В СКФО фиксируется самая низкая избирательная активность молодых людей, в то же время молодежь активнее, чем в других федеральных округах, привлекается к проведению избирательных кампаний. Молодые жители редко подписывают петиции и обращения.

ЦФО отличается от других регионов тем, что здесь наименьший уровень терпимости, особенно к иноэтничным, при этом наиболее выражено сочувствие к бедным слоям населения. Для молодых жителей округа в гораздо большей степени, по сравнению с другими регионами, характерно участие молодежи в деятельности политических партий и движений. В ПФО в чуть большей степени выражена любовь к малой родине и верность национальной культуре и традициям. У жителей этого округа, по сравнению с другими регионами, наблюдается несколько бóльшая уверенность о том, что экстремистские действия совершаются по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни. Участие в деятельности религиозных организаций характерно в основном для жителей Москвы и СКФО. Жители этих же округов в большей степени знакомы с деятельностью экстремистских организаций. К крайним формам выражения недовольства склонны в первую очередь молодые жители ЦФО и СКФО. Молодежь из Москвы и ЦФО проявляют наибольшую агитационную активность через Интернет (написание постов, распространение петиций, призывов к решению той или иной проблемы).

С точки зрения различий возрастных групп можно обозначить следующее. Группа 18–24 лет стоит на первом месте по количеству частичных патриотов и непатриотов. Самые молодые в большей мере настроены на межнациональное общение, чаще, чем представители других молодежных возрастов полагают, что родину можно любить и вне ее пределов и что патриот не обязательно должен поддерживать руководство страны. У самых молодых наблюдается ослабевание роли окружающих и друзей и усиление роли СМИ в формировании чувства патриотизма. В этой группе реже расценивают современное влияние России в мире как предмет для гордости за страну.

По мере взросления ослабевает готовность жертвовать и терпеть трудности во благо родины. Количество испытывающих стыд за Россию также растет от самой молодой возрастной группы к более зрелой. Однако, несмотря на наименьшее количество «стыдящихся» в группе респондентов 18–24 лет, основные причины стыда за Россию у них лежат в политической области, а комментарии свидетельствуют о радикальных настроениях, в то время как молодежь более старшего возраста выражает в большей степени недовольство социального и экономического характера.

В случае неприятия «других» агрессивное поведение (негативные высказывания) проявляют молодые люди 18–24 лет. Они в наименьшей степени задействованы в таких формах политического участия как выборы и деятельность политических партий и движений. Склонны реже расценивать как дискриминационные действия по мотивам религиоз-

ной, расовой, половой и иной социальной неприязни, в отличие от двух старших возрастных групп. Несмотря на то, что среди молодых людей 18–24 лет самая высокая доля тех, кто не интересуется информацией экстремистского толка, они в большей степени осведомлены о деятельности молодежных организаций экстремистского толка. А доля тех, кто будет знакомиться с экстремистским контентом и обсуждать его с друзьями и знакомыми, растет от самой молодой группы респондентов к самой старшей.

По мере взросления увеличивается уровень неприязни к иноэтничным и представителям других конфессий, также усиливается нетерпимость к богатым, а сочувствия к бедным и представителям девиантных групп становится больше. Молодежь в возрасте 25–29 лет, в целом, занимает промежуточное положение между самыми молодыми и зрелыми. Для группы 30–35 лет характерны следующие особенности. Для них наряду с родителями существенную роль в формировании чувства патриотизма играли не только школа, но и окружающие люди и друзья. Старшая молодежь чаще гордится современным влиянием России в мире. Среди них самая высокая доля тех, кто поддержит антимигрантские протесты. Зрелым в большей степени присуща такая форма политического участия, как агитационная политическая деятельность в Интернете.

Гендерная, этническая и поселенческая специфика

Обобщая результаты исследования по признаку пола можно выделить следующие особенности. Для молодых женщин чувство патриотизма характерно чуть в большей степени по сравнению с молодыми мужчинами. Женщины более настроены на сохранение исторической памяти, но менее интернациональны.

Девушки и молодые женщины более терпимы и сострадательны к различным социальным группам, но идут наравне с мужчинами по уровню неприязни к представителям определенных национальностей и религий. Они не позволяют себе негативно высказываться в адрес отличающихся от них людей, а предпочитают держаться от них подальше. Среди молодых женщин большая доля, по сравнению с мужчинами, тех, кто принимает участие в деятельности политических партий и движений.

Среди молодых мужчин больше тех, кто испытывал стыд за свою страну. Могут позволить себе негативные высказывания в адрес иноэтничных и инокультурных людей, проявляют большую протестную активность в отношении мигрантов.

В этническом срезе русские респонденты по частоте ответов лидируют по следующим признакам патриотизма: нежелание уезжать из России и поддержка руководства страны. В меньшей степени на это ориентированы молодые люди нерусских национальностей, но при этом они чаще других выступают за интернационализм и ожидают, что патриот будет готов к сотрудничеству с представителями других национальностей.

Для русских характерна большая роль родителей в воспитании любви к родине, в то время как у представителей нерусских национальностей на это влияют не только родители, но и заметно влияние патриотического воспитания в школе, а вот СМИ играют меньшую роль. Для русских молодых людей победа в Великой отечественной войне, историческое и культурное наследие имеют большее значение, чем для молодых представителей нерусских национальностей либо молодых со смешанной этнической идентичностью.

Русские и молодые люди со смешанной этнической идентичностью чаще проявляют нетерпимость по отношению к иноэтничным, чем представители нерусских национальностей. У молодежи со смешанной этнической идентичностью меньший протестный потенциал по сравнению с русскими и представителями других национальностей.

Респонденты нерусских национальностей реже подписывают петиции и обращения, чем русская молодежь и в большей степени знакомы с деятельностью молодежных экстремистских организаций.

Жители сельской местности и небольших городов чуть более патриотичны, по сравнению с жителями крупных городов. Они больше ценят современную культуру России и внешнеполитическое влияние страны, реже испытывают стыд за Россию.

На селе и в небольших городах чаще выбирают стратегию дистанцироваться от не нравящихся им людей, в большей степени склонны к крайним формам протеста (участие в забастовках и голодовках).

Жители больших городов чаще позволяют себе выражение негативных чувств к людям, отличающимся от них национальностью, верованиями, традициями. Больше участвуют в деятельности политических партий и движений.

Итоговая оценка потенциала радикальных настроений в молодежной среде

Мы составили список характеристик респондентов, которые отражают мнения респондентов, отличные от мнений большинства, также неко-

торые из этих характеристик свидетельствуют о склонности респондента к протестной активности и ксенофобским проявлениям:

1. Респондент является патриотом России частично либо не является им вовсе.

2. Непримируемость к представителям других наций и народов считает признаком патриотизма.

3. Считает, что как гражданину России ему гордиться нечем.

4. Приходилось испытывать чувство стыда за Россию.

5. Испытывает неприязнь к представителям определенных религий, национальностей.

6. Испытывает неприязнь к представителям определенных профессий.

7. Испытывает неприязнь к богатым и бедным.

8. Испытывает негативные чувства к людям, отличающимся от него внешностью, этнической или религиозной принадлежностью.

9. В случае возникновения акций и пикетов против мигрантов поддерживает их.

10. Определяет для себя экстремизм как оппозиционное к действующей власти течение, в основе которого лежит борьба с коррупцией и против тоталитаризма, как виртуальное понятие для борьбы властей с инакомыслящими, как направление молодежной контркультуры.

11. Знакомится с экстремистским контентом в поиске интересной для себя информации, репостит его в сети Интернет, обсуждает такого рода информацию с друзьями (обсуждение возможно и с позиции осуждения, но часть молодых людей может разделять идеи, заложенные в экстремистский контент).

12. Участвует в митингах, демонстрациях, пикетах, забастовках, голодовках; подписывает петиции и обращения, собирает подписи в их поддержку; распространяет петиции и призывы к решению той или иной проблемы, пишет посты.

Характеристики являются индикаторами тенденции формирования радикальных настроений в политической, социальной и этнорелигиозной сферах.

Представленная ниже таблица с количественными показателями может дать представление о потенциале радикальных настроений в молодежной среде. В случае, когда индикатор относится сразу к нескольким сферам, количественный показатель следует рассматривать как совокупный, поскольку оценить распределение долей по сферам с достоверной точностью не представляется возможным.

188 | Теории и практики радикализма и экстремизма

Характеристика респондента	Доля от всех опрошенных, в %	6	Непатриоты чаще встречаются среди мужчин; молодых людей, имеющих среднее и среднее специальное образование; тех, кто работает либо учится. Непатриотические настроения в большей степени выражены среди молодежи с затруднительным и тяжелым материальным положением, а также среди проживающих в малых и средних городах.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	7	
	25–29 лет	6	
Непатриот (политическая сфера)	30–35 лет	3	
	Доля от всех опрошенных, в %		Наибольшее число частичных патриотов наблюдается среди молодых людей со средним и средним специальным образованием; среди студентов и тех, кто совмещает учебу с работой. Чем ниже статус материального достатка, тем у большего числа молодых людей ослабевает чувство патриотизма.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	31	
25–29 лет	28		
Частичный патриот (политическая, социальная сфера)	30–35 лет	21	
	Доля от всех опрошенных, в %		Данная характеристика применима в существенно большей степени к безработным и людям с тяжелым материальным положением.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	3	
25–29 лет	3		
Непримиримость к представителям других наций и народов – признак патриотизма (этнорелигиозная сфера)	30–35 лет	2	
	Доля от всех опрошенных, в %		Наибольшая доля молодых людей с такой характеристикой встречается среди тех, у кого затруднительное и тяжелое материальное положение.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	4	
25–29 лет	8		
Как гражданину России ему гордиться нечем (политическая сфера)	30–35 лет	7	
	Доля от всех опрошенных, в %		Чаще чувство стыда за свою страну испытывают мужчины; молодые люди, находящиеся в затруднительном и тяжелом материальном положении; имеющие неоконченное высшее или высшее образование; жители больших и крупных городов.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	20	
25–29 лет	22		
Приходилось испытывать чувство стыда за Россию (политическая, социальная сфера)	30–35 лет	39	
	Доля от всех опрошенных, в %		Характерно в первую очередь для людей с высоким уровнем образования; работающих и безработных; находящихся в неблагоприятной материальной ситуации.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	7	
25–29 лет	9		
Испытывает неприязнь к представителям определенных религий (этнорелигиозная сфера)	30–35 лет	10	

Испытывает неприязнь к представителям определенных национальностей (этнорелигиозная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	14	В большей степени данная характеристика присуща молодым мужчинам; работающим либо не имеющим работы; людям как с высоким, так и крайне низким материальным положением; реже проявляется в сельской местности, чем в городах любого типа.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	10	
	25–29 лет	16	
Испытывает неприязнь к представителям определенных профессий (политическая, социальная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	6	Существенно чаще встречается среди молодых мужчин; людей со средним и средним специальным образованием; безработных; находящихся в тяжелом материальном положении.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	6	
	25–29 лет	7	
Испытывает неприязнь к богатым (политическая, социальная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	9	Недовольство социальным неравенством ярко выражено у молодых людей со средним и средним специальным образованием; безработных; людей с затруднительным и тяжелым материальным положением.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	8	
	25–29 лет	9	
Испытывает неприязнь к бедным (социальная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	3	Характерно в большей степени для мужчин и безработных. По мере взросления неприязнь к богатым растет (см. предыдущий пункт), в то время как сочувствие к бедным усиливается.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	4	
	25–29 лет	3	
Испытывает негативные чувства к людям, отличающимся от него внешностью, этнической или религиозной принадлежностью (этнорелигиозная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	10	Наименьшая нетерпимость по отношению к иноэтничным и представителям других религий наблюдается в студенческой среде. Более нетерпимы молодые люди с тяжелым материальным положением и жители городской местности.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	8	
	25–29 лет	9	
В случае возникновения акций и пикетов против мигрантов поддерживает их (этнорелигиозная, социальная сфера)	Доля от всех опрошенных, в %	12	Значительно бóльшая доля молодых с такой характеристикой встречается среди мужчин; людей со средним и средним специальным образованием; безработных и находящихся в затруднительном материальном положении.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	9	
	25–29 лет	13	
	30–35 лет	20	

190 | Теории и практики радикализма и экстремизма

<p>Определяет для себя экстремизм как течение, оппозиционное к действующей власти, в основе которого лежит борьба с коррупцией и против тоталитаризма (политическая сфера)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	7	<p>В наименьшей степени характерно для учащейся молодежи и жителей малых и средних городов.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	7	
	25–29 лет	8	
<p>Определяет для себя экстремизм как виртуальное понятие для борьбы властей с инакомыслящими (политическая сфера)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	14	<p>В наименьшей степени характерно для учащейся молодежи и жителей сельской местности.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	12	
	25–29 лет	17	
<p>Определяет для себя экстремизм как направление молодежной контркультуры (социальная, политическая сфера)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	3	<p>В первую очередь характерно для молодых людей со средним и средним специальным образованием; находящихся в тяжелом материальном положении; безработных.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	3	
	25–29 лет	4	
<p>Знакомится с экстремистским контентом в поиске интересной для себя информации (все сферы)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	20	<p>В большей степени свойственно мужчинам; молодым людям с высоким уровнем образования; находящимся в тяжелом материальном положении; жителям малых и средних городов.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	17	
	25–29 лет	20	
<p>Репостит экстремистский контент в сети Интернет (все сферы)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	3	<p>В целом не выявлено существенных различий в распределении ответов по разным социально-демографическим группам.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	2	
	25–29 лет	3	
<p>Обсуждает информацию экстремистской направленности с друзьями (все сферы)</p>	Доля от всех опрошенных, в %	15	<p>В большей степени характерно для жителей больших и крупных городов.</p>
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	15	
	25–29 лет	13	
	30–35 лет	21	

Участвует в митингах, демонстрациях, пикетах (все сферы)	Доля от всех опрошенных, в %	5	Наиболее активное участие в протестных акциях принимают мужчины и молодые люди со средним и средним специальным образованием.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	4	
	25–29 лет	5	
	30–35 лет	7	
Участвует в забастовках, голодовках (все сферы)	Доля от всех опрошенных, в %	3	Участие в забастовках и голодовках в наибольшей степени характерно для работающих студентов и жителей малых и средних городов.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	3	
	25–29 лет	4	
	30–35 лет	2	
Подписывает петиции и обращения (все сферы)	Доля от всех опрошенных, в %	20	Гораздо чаще подписывают петиции и обращения молодые люди с высоким уровнем образования и жители больших и крупных городов.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	15	
	25–29 лет	23	
	30–35 лет	33	
Собирает подписи в поддержку петиций и обращений (все сферы)	Доля от всех опрошенных, в %	9	Распределение ответов аналогично предыдущей характеристике: в основном собирают подписи молодые люди с высоким уровнем образования и жители больших и крупных городов.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	8	
	25–29 лет	10	
	30–35 лет	13	
Распространяет петиции и призывы к решению той или иной проблемы, пишет посты (все сферы)	Доля от всех опрошенных, в %	8	Активная деятельность такого рода в большей степени характерна для молодых людей с высоким уровнем образования; молодежи с неблагоприятной материальной ситуацией и жителей городов всех типов.
	Частота встречаемости в возрастной группе, в %		
	18–24 лет	7	
	25–29 лет	8	
	30–35 лет	14	

По представленным в таблице результатам можно сказать, что основную группу риска для активных протестных действий радикального характера составляют молодые люди (в большей степени мужчины), имеющие среднее и среднее специальное образование и находящиеся в неблагоприятном материальном положении. Для молодых людей с высоким уровнем образования характерна деятельность по выражению своего недовольства и радикальных идей через петиции, обращения, призывы, а также их распространение.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В чрезвычайной ситуации специальной военной операции России на Украине в общественно-политическом пространстве нашей страны произошли глубокие изменения. Основными проблемами стали обеспечение гражданской солидарности и ответственности за успешные результаты военных, внутриполитических и внешнеполитических усилий государства и российского общества в целом. Сложную задачу представляет противодействие террористических угрозам на территории страны, противодействие масштабной антироссийской кампании в информационно-идеологической сферах, нейтрализация рисков радикализации и раскола общества вокруг проводимого страной курса. Естественно, что СВО вызвала значительные сдвиги в настроениях, взглядах и конкретных поступках россиян. Одним из этих сдвигов стало усиление патриотических настроений, готовности граждан страны защищать Отечество, ставить общественные интересы выше личностных озабоченностей²⁶. На этой волне набирает силу и такое явление, как ультра-патриотизм, который в социальных сетях также называют *турбопатриотизм*.

В рамках последнего явления находит место зачастую нетерпимая идеология, исповедующая крайние меры. Радикальная активность ультра-патриотов, среди которых есть молодежь, в социальных сетях и телеграм-каналах заключается не только в крайне негативных оценках, но и в призывах к жестким мерам и насильственным расправам над инакомыслящими (покинувшими Россию деятелями культуры, несогласными с внешне- и внутриполитическим курсом руководства страны, уклоняющимися от частичной мобилизации молодыми людьми и др.). Также среди части турбопатриотов наблюдается разжигание ненависти, в первую очередь по отношению к украинцам. Это выражается в негативных высказываниях в адрес представителей украинского народа, а также других национальностей (например, казахов и грузин после сообщений о случаях проявления русофобии в Казахстане и Грузии), производстве и тиражировании негативных этнических стереотипов. Условия фактически военного времени только частично оправдывают все эти проявления крайностей и требуют их внимательного мониторинга, чтобы ненависть к неофашизму и неприятие русофобии не нанесли ущерб отношениям между культурно близкими и соседствующими народами.

²⁶ См.: Информационно-аналитический доклад: Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики). Под ред. М.К. Горшкова. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2022.

Второй вызов нового времени имеет отношение к давно существующим проявлениям политического радикализма, о котором уже говорилось ранее в данной работе. Речь идет о противниках внутриполитического режима в России. Новым здесь является появление непримиримых противников внешнеполитического вектора страны, выступающих против СВО на Украине и, соответственно, против частичной мобилизации. Если говорить в этом контексте о молодежи, то причинами таких проявлений среди молодого населения страны являются влияние западных либеральных ценностей, оппозиционных сил внутри России. Максимализм, свойственный молодежи, идеалистичность их представлений и отсутствие жизненного опыта не позволяют им понять и принять дуальность мироздания и в то же время неоднозначность и сложность трактования нравственных категорий, молодежи трудно принять тезис о том, что добро может быть с кулаками. Когда ценностные установки «все мы братья», «не убий» входят в разлад с реальностью, усиливаются либо фрустрация, либо гнев. И то, и другое является питательной почвой для радикализации сознания.

Как уже было отмечено, непатриотически настроенные молодые люди чаще всего встречаются среди студентов и молодых людей, совмещающих учебу с работой. Проявления радикальных настроений в студенческой среде нашли свое отражение в сентябре 2022 г., когда студент МГУ им. М.В. Ломоносова С. Антропов пришел в здание факультета журналистики с флагом России и буквой Z на груди, таким образом выражая поддержку референдуму за воссоединение ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Россией. В соцсетях и чатах факультета студента начали осуждать другие учащиеся, а также некоторые преподаватели. Были даже угрозы в его адрес, пожелания смерти и нападение.

Для тех представителей молодежи, кто не поддерживает СВО на Украине и частичную мобилизацию, характерны ненависть к России, стыд за нее, стыд за русских, ненависть к власти. Такие настроения молодежи как сознательный отказ от мобилизации, выступления против военных действий могут быть использованы и используются как внешним врагом, распространяющим через фейковые аккаунты в соцсетях антироссийские настроения в комментариях и постах, так и внутренними оппозиционными силами для раскачки ситуации в стране, подрыва авторитета власти и попыток ее свержения. Попытка раскачать страну с использованием молодежного ресурса была предпринята в конце сентября 2022 г. после объявления частичной мобилизации в стране – антивоенные митинги, участниками которых в подавляющем большинстве была молодежь. Митинги были в ряде российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нальчике, Новосибирск,

Омск, Томск, Хабаровск, а также в Республике Дагестан). Протестные акции проходили в течение периода после начала СВО на Украине. Митинги были немногочисленными, попытки раскачать ситуацию в стране не увенчались успехом.

В многочисленных комментариях к новостям о митингах в социальных сетях и мессенджерах встречаются радикальные мнения ультрапатриотов: «Это враги. Под расстрел публично», «А так-то всех протестующих на рудники, и без лопат. Зубами грызть землю». Довольно много комментариев простых граждан о том, что ситуация, когда именно молодежный ресурс используется для дестабилизации ситуации в стране, возникла не случайно. Люди отмечают, что такое стало возможным вследствие ошибок в работе с молодежью со стороны нашего государства:

«Вот она, молодежь, воспитанная на западных ценностях. А нас воспитывали в патриотическом ключе. И как бы нам тяжело не жилось, мы любим свою Родину и защищать ее будем».

«Они ни истории не знают, ни в ситуации не разбираются. Соглашусь с теми, кто говорит, что их надо волонтерами на Донбасс».

«Пиндосы им на уши присели, денег дали, вот они и вышли. С молодежью надо беседы патриотические проводить. Кто может представить, чтобы советские пионеры вышли так с плакатами. Если им даже кучу денег бы давали, они не пошли. Воспитание у нас гнилое стало».

«Это результат воспитания и образования. Надо этих министров приглашать участвовать в процессе задержания. Это их рук дело. Целое поколение в унитаз спустили», «Боже, какое поколение дебилов мы воспитали. Которые не умеют анализировать, думать, а умеют только потреблять».

В ходе частичной мобилизации после случаев ненадлежащего размещения, обеспечения, укомплектования, неудовлетворительных методов обучения мобилизованных, ошибочной мобилизации сами мобилизованные молодые люди стали снимать видео о своем положении и направлять обращения в различные государственные инстанции. Эти видео и обращения публиковали телеграм-каналы, освещающие ход СВО на Украине, а также другие коммуникационные каналы. В ответ на это со стороны общественности звучали многочисленные призывы радикально менять ситуацию – перестроить систему военкоматов, увольнять военкомов, ввести уголовную ответственность, вплоть до расстрела – по законам военного времени расценивая это как предательство родины. Конечно же, призывы к расстрелу – это экстремистские проявления, но в связи с тем, что военная прокуратура и руководители регионов начали быстро реагировать на претензии мобилизованных и оперативно решать возникающие проблемы, данная ситуация говорит о положительной, рефор-

мирующей роли радикальных настроений и действий. Очевидно, что в новых условиях наблюдается консолидация граждан и гражданское общество начинает работать. И что немаловажно, озабоченности гражданско-го общества получают отклик сверху.

И последнее. В том случае, если государство не будет выполнять социальные обязательства, взятые на себя перед мобилизованными, а это молодые люди до 35 лет, то мы можем получить дополнительную группу риска для радикализации сознания – это ветераны СВО. Как отмечает А.Е. Круглов, прошедшие войну молодые люди, в силу определенных условий разочаровавшись в государстве и подпав под пропаганду радикалов, могут совершить «переход от пассивной враждебности к существующему порядку вещей в обществе, к необходимости его изменения насильственным путем»²⁷.

Выводы и рекомендации

Исследование выявило ряд факторов, способствующих формированию радикальных настроений в молодежной среде. В ситуации внешне-политической напряженности, социальной неопределенности, в эпоху глобальных перемен общемирового масштаба радикализация сознания молодежи может представлять особую общественную опасность. Это происходит в силу группового характера, спонтанности и непредсказуемости молодежной активности, а также использования молодых людей как основного ресурса для протестных действий определенными политическими и общественными силами. Следует подчеркнуть, что мы исследовали в первую очередь условия для возникновения молодежного радикализма, а также оценивали его потенциал. Радикальные настроения могут существовать на бытовом уровне и не выноситься в общественно-политическое пространство. Но при определенных условиях эти настроения начинают выражаться в действиях, в том числе экстремистского характера, поэтому важно направлять усилия на предотвращение развития провоцирующих факторов.

Можно определить факторы, оказывающие влияние на радикализацию молодежи:

1. Недостаточный уровень патриотизма российской молодежи. Наличие существенной доли тех молодых людей, кто не может заявить о безусловном чувстве патриотизма, свидетельствует о том, что ряд факто-

²⁷ Круглов А.Е. Молодежный радикализм – причины и факторы. URL: <https://www.km.ru/referats/F9A9407F47EF443A9C174981C0799B5F>.

ров социальной и общественно-политической ситуации в стране не позволяет части молодых граждан полностью принять нормы и ценности российского общества, а также успешно реализовать свои жизненные планы. Такая молодежь, наряду с *непатриотами* (составляющими 6%), находится в зоне риска формирования радикальных настроений.

В ценностном наполнении патриотизма у молодежи наблюдается недостаточность духовно-нравственной компоненты, которая отвечает за готовность служить родине, защищать ее, претерпевать трудности во благо своей страны. Налицо дефицит интернационализма, гордости в связи с достижениями новейшей истории России (социальными, культурными, технологическими и др.), признания их значимости.

Средства массовой информации не играют существенной роли в формировании патриотизма у молодежи в целом, но в то же время для возрастной группы 18–24 лет влияние СМИ возрастает. Исследование выявило, что с точки зрения молодых граждан, работа органов власти по воспитанию патриотизма оказывает незначительное воздействие.

По мере взросления у молодежи ослабевает готовность жертвовать и терпеть трудности во благо родины. Самые молодые (18–24 лет) в большей мере настроены на межнациональное общение. В этой возрастной категории существенно больше тех, кто допускает для себя возможность уехать из России. Патриотизм для них не означает поддержку руководства страны.

2. Основной причиной частичного патриотизма либо отсутствия патриотических чувств являются настроения радикальной направленности в политической сфере. Это касается части молодежи (в первую очередь самых молодых – 18–24 лет), ориентированной на западные либеральные ценности, не поддерживающей внутри- и внешнеполитический курс России и представляющей свою страну в негативном свете. Очевидно, что молодое поколение еще не до конца осознает общемировую значимость инициированных Россией глобальных перемен. Ведущая, трансформирующая роль нашей страны еще не подверглась глубокому осмыслению со стороны молодежи.

3. Зоной риска радикализации сознания молодежи является сфера этноконфессионального взаимодействия, поскольку основной вектор неприятия молодежью «других» с признаками радикальных проявлений направлен именно на эту сферу. Конфликтный потенциал этноконфессионального взаимодействия составляет более десятой части молодых людей, которые являются носителями ксенофобских настроений и при определенном стечении обстоятельств (в т.ч. и манипулятивного воздействия) способны перейти к радикальным действиям, направленным против представителей других национальностей и религий.

Уровень неприязни к иноэтничным и представителям других конфессий увеличивается по мере взросления, однако агрессивное поведение (негативные высказывания) характерно для возрастной группы 18–24 лет, зрелая молодежь в возрасте 30–35 лет предпочитает дистанцироваться от тех, кто им не нравится. В то же время зрелая молодежь в большей степени склонна к акциям и протестам против мигрантов. Антимигрантский протестный потенциал превышает десятую долю молодежи.

4. Фактором риска формирования радикальных настроений является также недовольство молодых граждан в связи с целым рядом социальных проблем, что ослабляет чувство патриотизма. Около десятой части молодых людей относятся с неприязнью к богатым людям. Осуждают коррупцию, социальное расслоение, бедственное положение пожилых людей, в т.ч. ветеранов Великой отечественной войны. Также у части молодежи выражена неприязнь к представителям органов власти, полиции, чиновникам, политическим деятелям. Как правило, социальное недовольство зачастую переходит в политическую сферу.

5. Интернет является для молодежи основным источником информации о жизни людей других национальностей, традиций и религиозных верований. Однако для половины молодых граждан телевидение (в первую очередь главные федеральные каналы) остается также важным источником информации.

6. Несмотря на то, что одной из основных зон риска радикализации молодежного сознания является политическая сфера, российская молодежь характеризуется большой степенью аполитичности, слабо вовлечена в политическую и общественную жизнь страны. Лишь немногим более половины молодых граждан участвуют в избирательных процессах, самые молодые (18–24) существенно реже участвуют в выборах по сравнению с более старшими возрастными группами. Очевидно, что российской молодежи на современном этапе свойственен политический и общественный индифферентизм, недоверие к политическим партиям и движениям, очень низка степень вовлеченности в деятельность религиозных институтов. В поиске своей ниши в общественно-политическом пространстве часть молодых может выражать свою позицию радикальными взглядами и политической активностью в виде эффективных протестных акций.

Основной формой политического участия молодежи является подписание петиций и обращений (пятая часть молодых граждан). В форме протестных и агитационных действий отстаивает свои интересы небольшая часть молодых людей. Из них 5% принимают участие в митингах, демонстрациях, пикетах. К крайним формам (участие в забастовках, голодовках) готовы прибегать 3% молодых граждан. Агитаци-

онной деятельностью в сети Интернет (написание постов, распространение петиций, призывов к решению той или иной проблемы) занимается 8% опрошенных (наибольшую активность проявляют молодые люди в возрасте 30–35 лет).

5. Результаты исследования свидетельствуют о недостаточной информированности молодежи о правовых определениях экстремисткой деятельности, слабом понимании юридической ответственности за нее. Две трети молодых людей не понимают экстремисткой детерминированности действий, направленных на свержение правительства, изменение государственного строя, несущих угрозу государственной безопасности.

Существенная доля тех молодых граждан, кто расценивает экстремизм как виртуальное либо оппозиционное действующей власти понятие, свидетельствует о лояльности этой части молодежи к экстремистским проявлениям в политической сфере. Самые молодые (18–24 лет) реже других возрастных групп склонны расценивать насильственные, противоправные действия по мотивам религиозной, расовой и иной социальной неприязни как экстремизм.

Треть молодых людей тем или иным образом готова иметь дело с экстремистским контентом, вплоть до его распространения, не понимая меру ответственности за размещение экстремистской информации у себя на страницах в социальных сетях (на это готовы 3%). Лишь десятая часть предпримет меры по противодействию проявлениям экстремизма, обратившись в компетентные органы. Это еще раз подтверждает существование проблемы недостаточной информированности молодежи в отношении юридической ответственности за экстремистские действия и свидетельствует о довольно слабой гражданской ответственности молодых жителей страны. В потенциале такая ситуация может способствовать усилению и укоренению радикальных настроений в молодежной среде и проявлению их крайней формы – экстремизма.

6. В настоящее время в общественно-политическом пространстве нашей страны набирает силу такое явление, как ультра-патриотизм (*турбопатриотизм*), в атмосфере которого молодежь выражает крайне негативные оценки и призывы к жестким мерам и насильственным расправам над инакомыслящими, к разжиганию межнациональной розни, в т.ч. продуцировании и распространении негативных стереотипов в отношении украинцев и представителей других национальностей.

В целях нейтрализации негативных факторов, влияющих на формирование радикальных настроений в молодежной среде можно рекомендовать следующее:

✓ С учетом того, что отдельные политические силы и общественные структуры стремятся использовать в своих целях именно молодежь, подстрекая ее на радикальные проявления экстремистского характера, государственная молодежная политика должна основываться в первую очередь не на политической блокаде и правовом принуждении, а на поиске путей для диалога с массовыми участниками молодежного радикализма и создании условий для роста активности и влияния молодежных гражданских ассоциаций, выражающих интересы молодежи как самостоятельной социально-возрастной и социокультурной группы. Молодежь должна быть услышана, ей должны быть предложены пути решения проблем и возможности для самореализации (социальные и политические проекты, консолидирующие большинство).

✓ Необходимо усилить меры по воспитанию патриотизма у молодежи. Особое внимание следует уделять духовно-нравственному компоненту, а также воспитывать молодое поколение не только на образцах великих свершений прошлого, но, что очень важно, и на образцах достижений страны на этапе новейшей истории (социальных, культурных, технологических, научных, спортивных и др.). Усилить роль органов власти в формировании патриотизма у молодых граждан.

✓ В образовательные программы в школах и вузах ввести курс, освещающий историю государствообразования Украины, политические процессы на ее территории в течение последних 30 лет, трагедию Донбасских регионов.

✓ На телевизионных каналах, включая федеральные, увеличить контент этнокультурного и интернационального содержания (документальные, художественные фильмы, программы о культурах и традициях народов России и пр.). Необходим морально-этический контроль за репертуаром телевизионных каналов.

✓ Усилить контроль новостных и информационных каналов в сети Интернет, освещающих проведение СВО на Украине. Во избежание разжигания межнациональной розни не допускать размещение контента о локальных случаях русофобии на территориях сопредельных государств, обязать администраторов каналов доводить до сведения своих подписчиков правила, запрещающие оскорбления по национальному признаку.

✓ Разработать меры по вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь страны, мотивировать ее на такие формы политического участия граждан, как участие в выборах, вхождение в политические партии и движения. В ходе предвыборных кампаний особое внимание уделять молодой части электората. Государству нужно налаживать диалог с молодежью, формировать и усиливать влияние молодежных

гражданских, общественно значимых организаций, предлагать молодым интересные социальные практики и проекты. Консолидирующим фактором может стать создание общенационального молодежного движения.

✓ Основной задачей профилактической работы должно стать формирование негативных установок к радикальным и экстремистским идеям в молодежной среде. В школах и вузах необходимо правовое просвещение на тему противодействия экстремизму. Молодые граждане должны в обязательном порядке знать правовые определения экстремизма, а также меры уголовной ответственности за действия экстремистской направленности. Необходимо воспитывать чувство гражданской ответственности в этом вопросе.

✓ С учетом того, что молодежи свойственны стремление к яркой форме самовыражения, яркие жизненные впечатления, смелость, необходимо говорить с молодыми на их языке. Например, с помощью сетевых лидеров общественного мнения через интернет-ресурсы предлагать молодежи массовые акции общегражданской, культурной направленности, использовать видео- и игровой контент, создающий атмосферу единения и общей цели.

О том, что с молодежью надо говорить на ее же языке, велась речь на встрече президента России В.В. Путина с историками и представителями традиционных российских религий по случаю 10-летия воссоздания Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества 4 ноября 2022 г. Это обсуждалось в контексте важности преподавания российской истории молодому поколению и необходимости популяризации академического знания. Было отмечено, что молодежным форматом изучения российской истории должно стать использование квизов, игр, видеороликов, новых электронных платформ, было предложено сочетать преподавание истории с произведениями искусства (музыкой, песнями, фильмами). Президент страны поддержал эту идею и пообещал дать распоряжение правительству заняться этим вопросом. Также на встрече Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркнул, что пришло время задуматься о духовной составляющей единства российского народа.

Как показала встреча президента России с историками и религиозными деятелями, на самом высоком уровне есть понимание необходимости менять подходы и содержательное наполнение работы с российской молодежью. Есть не только понимание, но и практические шаги. 9 ноября 2022 г. В. Путин подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», что обещает позитивные перемены в ценностно-содержательном подходе к патриотическому воспитанию молодежи.

АНАЛИЗ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЙ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Н.С. Захарова, И.С. Савин, А.Н. Старостин

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/6>

Введение

Приступая к исследованию идейных основ и практик радикализации и экстремизма в Российской Федерации авторам исследования хотелось учесть в своем анализе чрезвычайное социально-культурное и религиозное многообразие страны, наличие в ее составе регионов, заметно отличающихся друг от друга по многим условиям, но, в то же время, объединенных как общей идеологией и едиными принципами государственного устройства, так и унифицированными практиками предупреждения и купирования этих процессов правоохранительными органами. С этой целью были выбраны три региона, которые, несмотря на несхожесть политико-экономического и культурного облика, географическую удаленность друг от друга в равной степени представляют интерес в контексте условий, способствующих радикализации части населения.

Это Дагестан с традиционно сильными традициями религиозности населения, усилившимися в постсоветский период. Подмосковье как центр притяжения новых жителей с их настроениями и идеологиями не только со всех регионов страны, но и из стран ближнего зарубежья. Субъекты Уральского федерального округа, которые, будучи периферией страны и имея некоторый уровень традиционной религиозности местного населения, стали за последние 30 лет центром притяжения трудовых мигрантов из регионов доминирования ислама как внутри страны, так и из стран Центральной Азии.

Эти три региона демонстрируют три разных модели практик радикализации и путей индоктринации экстремизмом. Но их объединяет то, что и Дагестан, и Московский регион, и отдельные субъекты из Уральского федерального округа входят в число первых 10–15 регионов-лидеров в рейтинге субъектов федерации, где совершено наибольшее количество преступлений экстремистского и террористического характе-

¹ В статье использованы материалы, собранные в ходе полевого исследования рамках Программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности.

ра в 2020–2022 годах². Кроме того, по данным на август 2022 г., во всех этих регионах, кроме Дагестана, наблюдается негативная динамика увеличения количества таких преступлений. В Дагестане же, хотя за последние три года таких преступлений и стало меньше, но число их, по-прежнему, сильно превышает число совершенных в других регионах страны. Это обстоятельство подтверждает оправданность нашего выбора и актуальность изучения условий, способствующих радикализации в этих субъектах федерации. Исходя из специфики регионов, в каждом из них была избрана исследовательская стратегия, в наибольшей степени учитывающая особенности местной ситуации.

В районах Республики Дагестан изучались особенности психологического климата в семьях людей, обвиняемых в деятельности экстремистского характера, а также специфика социализации молодежи в условиях конкурирования гражданской и религиозной идентичностей и экономических изменений в регионе на протяжении последних лет. Говоря более предметно, нас интересовала специфика путей проникновения в молодежное сознание элементов религиозной доктрины, а также условий, облегчающих ее радикальную интерпретацию в последние несколько лет. Среди них – механизмы взаимовлияния религиозной и светской идентичностей, а также внерелигиозные факторы (экономические, социальные, психологические и т.д.), влияющие на настроения и стратегии поведения людей.

В Московской области в фокусе нашего внимания находится влияние на уровень радикализации мигрантских сообществ, характера их расселения и степени доверия к официальным и неофициальным религиозным лидерам.

В субъектах федерации Уральского федерального округа (Свердловская, Челябинская, Тюменская области) рассмотрены закономерности и степень влияния религиозных и общественных авторитетов на «новых» для региона мусульман (преимущественно из Центральной Азии и Северного Кавказа) и воздействие на уровень радикализации среди заключенных действий силовых органов и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). Кроме того, проанализированы практики индоктринации жителей и вовлечения их в экстремистскую и террористическую деятельность посредством новых форм предоставления различных услуг в онлайн формате.

Несмотря на региональную специфику, общей целью исследований во всех регионах стало выявление факторов радикализации разных кате-

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

горий потенциально уязвимого населения: группы слабо социально интегрированной и негативно социализированной молодежи, сообщества мигрантов, люди, разочаровавшиеся в возможностях самореализации посредством существующих государственных и общественных институтов.

Для обеспечения сопоставительного анализа методы исследования в разных регионах в целом совпадали, но использовались с различной интенсивностью и в различных сочетаниях. Так, в Дагестане были проведены анкетирование, индивидуальные, групповые интервью и экспертные интервью, включенное наблюдение. В Московском регионе больше использовалось включенное наблюдение в местах проживания и работы мигрантов, экспертные интервью с лидерами сообществ, а также индивидуальные интервью. В УрФО экспертные интервью со священнослужителями дополнялись анализом уголовных дел, осужденных по экстремистским и террористическим статьям, а также мониторингом социальных сетей.

Такое методическое многообразие было обеспечено дисциплинарной принадлежностью членов исследовательской группы. Так, полевые исследования в Дагестане проводила и координировала Н. Захарова, сотрудница пресс-службы Дагестанского государственного университета, что позволило ей иметь доступ как к студенческой аудитории, так и к экспертам разного уровня и к семьям осужденных за экстремистскую деятельность. В Подмосковье опыт И.С. Савина, на протяжении многих лет исследующего вопросы интеграции иностранных мигрантов, помог в деле организации встреч в мигрантской среде. Предшествующая работа А. Старостина, занимавшегося изучением исламских организаций Урала и Сибири, обеспечила ему возможность получать и анализировать материалы, как экспертных интервью, так и уголовных дел и сетевых дискуссий.

К глубочайшему сожалению, в начале ноября 2021 г. Н. Захарова трагически погибла, попав в автомобильную катастрофу по пути из Махачкалы в Москву. Вместе с ней погибли многие первичные полевые материалы и часть подготовленных аналитических обзоров. Это обстоятельство затруднило подготовку статьи, но, благодаря заблаговременной обработке полученных данных, не повлияло на качество итоговых выводов.

Республика Дагестан

Краткая характеристика общей ситуации

Период 2020-2022 гг. стал очень важным для Дагестана. К сентябрю 2020 года, когда состоялась смена руководства республики, стало понятно, что период «очищения от мздоимцев» завершается и начинается время социально-экономического развития в условиях преодолённой кор-

рупции. Именно на протяжении трех последних лет сократились возможности прежних схем распределения ресурсов государственных и общественных институтов и появились альтернативные схемы социальных лифтов и самореализации молодежи республики. Влияние этих перемен на распространение экстремистской идеологии и на развитие практик вовлечения в экстремистские действия вряд ли можно оценить однозначно. Именно поэтому возрастает актуальность исследования факторов, определяющих эти процессы в последние годы.

По поводу того, насколько успешно было выполнена эта задача: покончить с всевластием региональных криминально–коррупционных схем и кланов или хотя бы серьезно ограничить их влияние, существуют разные мнения, поскольку некоторые заметные в республике фигуры были убраны, тогда как другие остались на своих местах. Тем не менее, «присутствие Центра» в регионе стало ощущаться гораздо более рельефно, поскольку были нарушены связи и неформальные альянсы, формировавшие на протяжении десятилетий криминальную обстановку – как в части коррупции, так и в части диверсионного подполья.

В то же время, в 2020 г. и позже можно отметить видимые плоды преобразований, начатых еще при прежнем руководстве. Так в 2020 г. было образовано два индустриальных парка – «Промпарк «Дагдизель» и муниципальный индустриальный парк «Ногайпром»³. Отличием этих промпарков стала полная прозрачность на протяжении всей процедуры их организации, привлечение частного капитала льготной схемой уплаты налогов, получением субсидий и кредитов и т.д. Так создавались условия для формирования новой схемы предпринимательства в республике, основанной на выгодных условиях ведения своего дела в общероссийском правовом поле. Уже к августу 2021 года, по словам опрошенных экспертов, были районы, где зарегистрировалось по несколько тысяч субъектов малого и среднего бизнеса, которые ранее предпочитали находиться в тени.

Разумеется, изменения произошли не только в экономической сфере. С приходом Владимира Васильева к руководству Дагестаном в 2017 г. в республике стали проводиться открытые конкурсы по трудоустройству профессионалов, ставшие важной ступенькой в карьере многих специалистов, зависимых прежде от коррупционных связей, которые стали рутью. Конкурс «Мой Дагестан» проводила та же кампания, что и конкурс «Лидеры России», что символизировало о новом уровне включения Дагестана в общероссийские процессы. О качестве проводимых конкур-

³ ТОП–10 главных экономических событий в Дагестане – обзор Минэкономразвития 11. 01. 2021. URL: <http://minec-rd.e-dag.ru/news/item/5958>.

сов можно говорить разное, но в победители выходили и те, у кого прежде не было шансов, не было денег или связей подняться по карьерной лестнице, обрести новые возможности в рамках социального лифта.

Поскольку расширились каналы самореализации, снизилась привлекательность религиозной сферы в качестве перспективной карьеры, которая ранее, наряду со службой в правоохранительных органах, играла исключительную роль в профессиональной ориентации молодежи.росло количество публичных мероприятий, не связанных с обсуждением религиозных вопросов. Как выражались некоторые из наших собеседников в ходе исследования, «светскость стала поднимать голову». В целом, в настоящее время в Дагестане гражданская идентичность на личностном уровне вполне явно конкурирует с религиозной. Это не новая тенденция, доминирование религиозной идентичности у молодежи региона, при том, что общероссийская, располагалась также «в первой тройке предпочтений», сосуществуя с этнической, отмечалось уже давно⁴. Есть и свидетельства взаимовлияния общегражданской и религиозной идентичностей, причем характер этого взаимодействия неоднозначен⁵. Так, показатели гражданской идентификации у неверующих немного выше, чем у верующих: о значительной близости с гражданами России заявили 48% не верующих и 39% верующих. При этом 79% респондентов христиан чувствуют значительную близость с гражданами России, а среди респондентов, исповедующих ислам, таких оказалось 39%⁶.

Ситуация постепенно меняется, возрастает роль светских тенденций в общественной жизни, но они не стали доминирующими. В Дагестане уже нет прежней «моды» на ислам, но религия все также вызывает значительный интерес. Для тех, кто не может найти себя, ислам остается одним из первых по значимости и доступности путей для поиска своей идентичности. По данным исследования, проведенного в 2020 году, 94% респондентов из числа студенческой молодежи в Дагестане назвали ислам основой своего мировоззрения⁷.

⁴ Абдулагатов З.М. Шахбанова М.М. Проблема формирования межэтнического согласия в Республике Дагестан (по результатам социологического исследования) Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Махачкала. 2014. С. 87–88.

⁵ Джабраилов Ю.Д. Религиозность и гражданская идентификация молодежи в Республике Дагестан: современное состояние. Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Том. 12. № 4–5. С. 90–102.

⁶ Там же, с. 95.

⁷ Черничкин Д.А., Топчиев М.С., Рогов А.В. Влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. № 1. <https://cyberleninka>.

Кроме того, дискурс республиканских СМИ, направленный прежде всего на поддержку и репрезентацию внутрирегиональных социальных институтов, не способствует формированию гражданской, общероссийской идентичности. Нет качественной работы с социальной сферой, работа с молодежью ведется только в рамках федеральных программ, разрабатываемых и спускаемых «сверху», некоторые специфические вопросы, интересные местной молодежи, никак не затрагиваются. Остро чувствуется необходимость разработки программы социальной и молодежной политики, направленной на формирование гражданской, общероссийской идентичности с учетом регионального своеобразия.

Постановка проблемы

В работах коллег, ранее работавших в Дагестане, представлено мнение, что именно в Дагестане по сравнению с другими регионами исследования (Астрахань, Калмыкия) роль семьи в формировании религиозной идентичности оказалась наименьшей, а роль друзей наибольшей. Также в Дагестане молодежь чаще всего считает религию важным фактором при формировании дружеских отношений между людьми (31% опрошенных) и наибольшее значение для формирования религиозного сознания играют виртуальные сети⁸.

Таким образом, по мнению исследователей, именно в Дагестане понижена роль семьи как среды, формирующей религиозные представления молодежи, и повышено значение друзей как круга людей, объединенных близкими религиозными ценностями, и виртуальных сетей, где молодые люди получают ответы на многие вопросы, которые не могут найти у тех, кто находится рядом с ними. Можно предположить, что это объясняется спецификой доминирующих в Дагестане моделей внутрисемейного межпоколенного общения, которые в ряде случаев не создают психологически комфортной для молодежи среды, в которой усваивались бы принятые старшими членами семьи религиозные представления и ценности.

К близким по смыслу выводам по поводу основных источников информации религиозного характера приходит Р. Мамараев, по материалам

ru/article/n/vliyanie-urovnya-religioznoy-identichnosti-na-konfessionalnuyu-bezopasnost-studentcheskoy-molodezhi-rossiyskogo-prikaspiya. С. 111.

⁸ Черничкин Д.А., Топчиев М.С., Рогов А.В. Влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. № 1. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-religioznoy-identichnosti-na-konfessionalnuyu-bezopasnost-studentcheskoy-molodezhi-rossiyskogo-prikaspiya](https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-religioznoy-identichnosti-na-konfessionalnuyu-bezopasnost-studentcheskoy-molodezhi-rossiyskogo-prikaspiya). С. 112–114.

исследования которого наиболее важным является «общение с родными, друзьями, знакомыми», далее по важности следуют «проповеди религиозных лидеров (муфтий, мулла, преподаватель исламского учебного заведения)», «религиозные книги» и «интернет-источники (ВКонтакте, Facebook, Youtube)», в то время остальные информационные источники набрали менее 10%⁹.

Соответственно, исследовательские задачи были сфокусированы следующим образом:

1. Установить причины сокращения роли семьи и традиционного круга общения родственников, соседей как среды социализации и канала поступления информации, важной для формирования социальной идентичности молодежи. Изучить модели семейного воспитания и внутрисемейного общения и их роль в создании предпосылок радикализации молодых людей в Дагестане.

2. Выявить механизмы, через которые структурные факторы (характер развития экономики, параметры рынка труда, ресурсы для самозанятости) влияют на мировоззрение и стратегии поведения молодых людей и на восприимчивость их к радикальным версиям осмысления окружающего.

3. Изучить возможности и ограничения воздействия существующих социальных институтов (органы власти, общественные и образовательные организации) на пути и практики индоктринации экстремистской идеологией и разработать рекомендации по оптимизации этого воздействия.

Анкетный опрос

На первоначальном этапе общее представление об основных гранях коллективной идентичности жителей Дагестана было получено с помощью ответов анкеты, распространяемой согласно квотной выборке по различным районам республики. Анкеты заполнялись как в крупных городах, так и селах, как в равнинных районах, так и горных, что делало результаты опроса вполне репрезентативным.

По итогам обзора ответов на вопрос «Кто Я?» (Тест М. Куна и Т. Макпартленда), который был включен в анкету, можно заключить, что в целом для жителей Дагестана наиболее актуальны несколько вариантов определения идентичности: на первом месте – этническая, на втором – религиозная (в основном мусульманин\–ка), на третьем – региональная

⁹ Мамараев Р.М. Религиозно–политические установки в массовом сознании дагестанской молодежи // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskie-ustanovki-v-massovom-soznanii-dagestanskoy-molodezhi>. С. 165.

(дагестанец\–ка) и, с небольшим отставанием, общегражданская (гражданин\–ка России, вариант россиянин\–ка встречается существенно реже). Так же очень важна для многих, иногда важнее, чем общегражданская и религиозная, принадлежность к полу (в форме «я мужчина») и к семье (отец, мать, дед, бабушка и т.д.). Все остальные формы самоопределения (профессия, житель того или иного района, города, села, «горец», «студент», «охотник», «домохозяйка» и т.д.) встречались реже.

Некоторые опрошенные подчеркивали, что эта иерархия идентичностей условна, и они в равной степени чувствуют себя и дагестанцами, и аварцами, и мусульманами, и россиянами, но, все же, в большинстве ответов были представлены вышеупомянутые предпочтения. Примерно у 20% опрошенных среди старших родственников были представители других национальностей, что говорит о заметном распространении смешанной (сложной) идентичности. Именно эти респонденты чаще отмечали для себя важность религиозной идентичности.

Около 30% опрошенных бывали в других регионах России, но чаще, чем два раза в год – в два раза меньше. Остальные бывали за пределами Дагестана гораздо реже, более пяти лет назад, особенно распространено это среди старшего поколения.

Большинство участников исследования, особенно в сельской местности, предпочли бы соседствовать с людьми своей национальности (70%). Остальные не имели ничего против совместного проживания в смешанной этнической среде. Если говорить о наиболее заметных предпочтениях вне пределов Дагестана, то наиболее часто отмечалось «с любимыми людьми» и «с русскими». Из наименее предпочтительных соседей можно отметить (в некоторых районах) чеченцев. Среди качеств, в наибольшей степени разобщающих дагестанцев, были названы «чрезмерная национальная гордость» и «неумение договариваться», а среди объединяющих качеств – единая вера большинства населения.

Говоря о категориях, разобщающих россиян в целом, респонденты отметили, высокомерное отношение в центральной России к приезжим, настороженное восприятие ислама и несдержанность некоторых приезжих. А то, что объединяет всех граждан России, – это возможность ездить и работать по всей стране, использование единого пространства и языка, дружелюбие людей.

Больше половины опрошенных считает неизбежным сохранение (формальное или неформальное) системы этнического квотирования при замещении государственных должностей в республике. Сами респонденты объясняют это несовершенством всех других механизмов и отсутствием единого авторитета, значимого для всех в республике, за исключением почтенного отношения к религии. Конфессиональное и ген-

дерное квотирование в этой же ситуации большинство опрошенных считают излишним, так как редко кто оспаривает доминирование мусульман в регионе и сохранение главенствующей роли мужчин в публичной деятельности, при признании повышенной роли женщин внутри семьи. Респонденты-женщины были менее единодушны в этом вопросе.

Отвечая на вопрос, «какая семья была бы для Вас более предпочтительна именно сейчас», большинство (46%) с небольшим перевесом выбрало традиционную семью, где вместе с детьми и внуками живут родители одного из супругов. При этом треть опрошенных, особенно в городах, предпочли нуклеарную семью, где в отдельном доме живут только родители с детьми, а с родителями родителей и другими родственниками видятся часто и регулярно, но не на ежедневной основе. Более разнообразными оказались версии ответов на вопрос «В какой модели семьи Вы живете сейчас?» Оказалось, что около 30% живут в традиционной трехпоколенной семье, чуть меньше распространена модель, когда в одной семье живет «бабушка и\или дедушка, один родитель и ребенок» и еще чуть меньше живут более распространенными в городе двухпоколенными семьями, где живут вместе только дети и родители. Мнения по поводу того, кто в семье должен принимать решения разделились. Большинство опрошенных (58%) считают, что это должен делать муж, но 36%, особенно в городах, выступают за совместное принятие важных решений. Как представляется, это является свидетельством постепенной трансформации традиционных моделей взаимоотношения в семье.

Во многих семьях (64%), учитывая семьи бабушек\дедушек, хранятся письма, дневники, фотографии, другие свидетельства прошлого. Но большинство опрошенных не смогли привести примеров этих семейных реликвий. Точно также, большинство опрошенных отметило, что у них в семьях существуют семейные традиции, но затруднилось указать какие именно (за исключением общерелигиозных) и каково распределение обязанностей в семье. Особенно часто затруднялись ответить на эти вопросы молодые люди. Трудно сказать, что лежит в основе такой позиции молодых: незнание, невовлеченность в семейные праздники или нежелание высказываться на эту тему пусть даже анонимно. Но определенно можно отметить, что роль семьи и ее значение для молодых людей явно находится в процессе переосмысления. Это видно и по нежеланию\неумению молодых респондентов описать формы связи поколений в их семье. Только некоторые отметили регулярные рассказы «о прежней жизни» или свое участие в помощи пожилым родственникам и усвоение от них ранее распространенных трудовых и житейских навыков. Более молодые предпочитали «затрудниться с ответом» или вспомнили тради-

ционные пожелания уважаемых людей на праздниках. Точно также респонденты молодого возраста только в редких случаях захотели продолжить предложение «Семья это...», тогда как более старшие участники опроса без труда отвечали, что «Семья это – основа всего» или «...самые близкие люди» и т.д.

Гораздо более уверенными оказались молодые люди в ответах, проясняющих их отношение к вопросам правового и этико-нормативного характера. К примеру, продолжая предложение «Когда нарушают законы, я...» они часто писали «я возмущен», «готов противодействовать», «люди теряют веру в Бога и справедливость». При этом не было предложено вариантов «я обращаюсь в правоохранительные органы». То есть их позиция по предложенным вопросам вполне определена и ее озвучивание не является проблемой, так как, по-видимому, регулярно обсуждается в молодежной среде.

Так же показательны ответы молодых респондентов, которым было предложено продолжить предложение «Если бы я мог изменить мир, то...» Чаще всего звучал вариант «сделал бы его более справедливым\честным» и очень редко «добрым», «свободным». Важность для молодых тезиса о справедливости в окружающем мире проявляется и в предложении «Главными ценностями для любого человека должны быть...», которое чаще всего продолжалось версиями «справедливость», «честность», «твердость», «благородство». За пределами личных человеческих качеств главными ценностями молодые респонденты называли «веру» и «уважение окружающих».

В ответах на вопрос «Как Вы считаете, в решении своих проблем общество должно, прежде всего, опираться на...», где участникам опроса давалась возможность выбрать несколько категорий, вариант «справедливость» в разных сочетаниях абсолютно доминировал. Больше всего респондентов выбрало сочетания «справедливость» и «светский закон» (около 40%), чуть меньше «справедливость и «религиозные законы» (32%), и еще меньше «справедливость» и «законы шариата». Запрос на справедливость как важная тенденция общественных настроений в обществе Дагестана уже отмечался исследователями¹⁰, и в рамках нашего опроса подтвердилось сохранение этой ситуации.

Влияние представлений о недостатке справедливости окружающего мироустройства отчетливо проявляется и в ответе на следующий вопрос «Как Вы считаете, должен ли верующий соблюдать все законы государ-

¹⁰ Варшавер Е., Стародубровская И. Кто и почему в Дагестане оправдывает насилие? Сравнительный анализ ценностных профилей дагестанских исламских религиозных групп // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 231–232.

ства». Ожидаемо лидируют варианты «да, если они справедливые» и «да, если их соблюдают все» (совокупно более 60% ответов), ответы «да, если они не противоречат религиозным законам» и «нет, законы земные не могут быть выше закона Бога» были менее популярны (совокупно около 32% опрошенных) и ответ «да обязательно» набрал 6%. Как видим, для ответивших более важен тот факт, что законы, регулирующие повседневную жизнь мусульманина, должны быть более зависимы от взаимоотношений людей между собой, чем от взаимоотношений человека и религиозных предписаний.

В то же время меньшинство опрошенных, во всех возрастных группах отметили, что им очень интересна политическая жизнь Дагестана и России, а относительно форм собственной политической активности выбрали следующие варианты (можно было выбирать несколько): «Обсуждение политических событий, лиц и явлений в соцсетях» (больше характерно для молодежи – 15% опрошенных), «обсуждение политических событий, лиц, явлений в кругу родственников и близких людей» (10%), «обращение во властные структуры или к их представителям» (15%), «участие в митингах и собраниях» (15%), «участие в неразрешенных демонстрациях» (10%), «отказ от уплаты налогов, ведение незарегистрированной предпринимательской деятельности по идеологическим причинам» (8%).

Как видим, степень вовлеченности в политическую активность невелика. А сама активность мало сопряжена с классическими формами политического участия: варианты «участие в партии, публичная поддержка политических активистов», «убеждение окружающих голосовать определенным образом», «подписание петиций» набрали совсем мало сторонников. Можно предположить, что это свидетельство того, что люди разуварились в способности легальных политических инструментов выражать их потребности и отвечать на актуальные для них вызовы.

Говоря о принципах доброжелательных взаимоотношений с людьми других культур, приехавших в Дагестан, и с согражданами за пределами республики, большинство опрошенных отметили в качестве наиболее предпочтительных для себя следующие: «в другом регионе ты должен соблюдать местные традиции, если они не противоречат нормам ислама», «в нашем регионе люди других культур могут придерживаться своих традиций, если они не противоречат нашим национальным традициям» и «в нашем регионе люди других культур могут придерживаться своих традиций, если они не противоречат нормам ислама». Как видим, большинство участников опроса предпочло руководствоваться в своих взаимодействиях с другими наиболее комфортными для себя нормами, поставив их в

зависимость от ислама, как наиболее привычной для себя нормативно-этической системы и ожидая, что гости региона будут так же под них подстраиваться.

Есть возрастные отличия в ответах участников исследования на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является залогом успеха?» (можно было отметить несколько вариантов). На первом месте для молодежи оказались отмеченными «Финансовое благополучие» и «Высокое социальное положение». Затем, по мере снижения популярности, «религиозное благонаравие», «семейное благополучие» и «социальное признание». Такой фактор как «качественное образование», «отличные профессиональные навыки» оказался наименее востребованным. Тогда как среди людей более старшего возраста более значимы «семейное благополучие» и «социальное признание».

Какие можно сделать выводы по итогам анкетного опроса?

Основные черты коллективной идентичности дагестанцев по итогам анкетного опроса характеризуются следующим:

– сохраняющееся доминирование этнических категорий выглядит не очень убедительным на фоне растущего распространения исламского самосознания. Все еще сохраняется убеждение в необходимости этнического квотирования, но во многих ситуациях люди предпочитают опираться на авторитет религии;

– религиозные по форме формулировки востребованных обществом этических ценностей часто отражают запрос на справедливое мироустройство. Причем, люди не видят решения светских по своей природе задач на путях политических преобразований. Все чаще звучат апелляции к религиозным принципам, хотя отчетливо видна социальная природа ощущаемой неудовлетворенности существующим положением;

– декларируется в качестве желаемой традиционная модель семьи с главенствующей ролью мужчин, но ее доминирование не абсолютно. Для молодежи уже не очевидна основополагающая роль семьи и привычного соседского окружения в формировании жизненных стратегий, отвечающих ожиданиям молодых;

– отчетливо фиксируется ориентация молодежи на ожидаемый конечный результат собственных устремлений в виде финансового успеха и социального статуса, но остаются совершенно не проясненными пути достижения этого результата. Очевидно, что ни образование, ни профессиональные навыки, ни использование их в ходе постепенного достижения социального признания не рассматриваются в качестве таковых.

Резюмируя, можно отметить, что в ходе анкетного опроса не выявилось ярко выраженной склонности респондентов к высказываниям, которые могли бы быть

идентифицированы как экстремистские. В то же время, распространение религиозных формулировок в осмыслении несовершенства мира вокруг и путей его переустройства повышает востребованность стратегий, которые не предусматривают использование существующих государственных или общественных институтов, что облегчает проникновение экстремистских версий жизненных преобразований.

Это происходит за счет того, что неэффективность (реальную или мнимую) существующих инструментов политических изменений люди могут наблюдать, а гипотетические картины будущего идеального мироустройства на основе религиозных установлений не могут быть ни удостоверены, ни опровергнуты, что дает простор пристрастному, эмоционально нагруженному восприятию обещаемых проповедниками иллюзорных версий. К тому же, пошатнувшийся авторитет семьи и традиционного общинного окружения не сможет естественным образом формировать у молодежи критического отношения к поступающим извне идеологическим концептам. А выраженное стремление к быстрому финансовому успеху без понимания путей его достижения облегчает использование возможностей за пределами правового поля, в том числе и в рамках террористической деятельности.

Глубинные интервью

Материалы глубинных интервью позволяют наделить предварительные выводы чертами конкретных историй реальных людей в Дагестане. В рамках исследования состоялись 15 анонимных интервью с членами семей (матери, сестры), выходцы из которых отправились в Сирию и погибли там, либо были обвинены в экстремистской и террористической деятельности и пособничестве ей на территории республики. Тот факт, что в большинстве из них все собеседники (и члены семей и интервьюеры) были женщины, открыл возможность увидеть ситуации формирования особенностей личности людей, традиции внутрисемейного поведения людей, позже обвиненных в терроризме и экстремизме, глазами близких людей, а не следователей во время допросов. Несмотря на то, что сами следственные действия, по словам собеседников, также иногда становятся факторами, способствующими выталкиванию человека из обычной жизни и привычного социума, полученная по итогам интервью картина, позволяет предполагать наличие некоторых общих черт в семейных взаимоотношениях, которые при определенных внешних ситуациях могут стать предпосылками к восприимчивости экстремистской идеологии.

В одной семье переплелись истории мужской и женской радикализации, общечеловеческие психологические и идеологические религиозные

мотивы. Муж, который, по словам матери «всегда был лидером. Его в школе очень уважали. Он не то, что всех в страхе держал, просто он был с такими качествами, что все видели в нем лидера. Он от школы участвовал в соревнованиях по борьбе, отстаивал честь города». За эти успехи ему мэром был подарен участок земли, который потом отобрали бандиты и даже мэр не смог помочь. Работал риэлтором с разным успехом, собирался строить свой дом. Был очень самостоятельным: «Что бы я ни сказала, у него на все был готов ответ... Все свои проблемы решал сам, всегда мог обратиться к нам с отцом, но не обращался. Только когда стал работать, все переживал, что нет для него здесь нормального дела». Никогда не спорил с родителями: «все говорят, что взрослые дети своих родителей не слушались, пытались им объяснить, как правильно надо молиться, жить. Не было такого с моим сыном. Он меня уважал, отца уважал. Сказала: “Сбрей бороду”, сбрил».

Жену себе выбрал сам. В 2015 году сказал родителям, что они с женой и внуками поедут в Турцию на заработки, пробыли там несколько месяцев и вернулись, что-то не пошло. Потом уехали снова, только со слов жены и друзей мать узнала, что он был убит в Сирии. Жена вернулась с внуками и живет у своей сестры. Мать в происходящем винит власти, коррупцию, отсутствие правильных и авторитетных алимов на тот момент. Одну из мечетей, где велась вербовка, позже сожгли.

Жена была младшей в семье, где рано умер отец. По словам сестры, «мы со старшей сестрой еще немного помним папу, А. в сознательном возрасте его совсем не застала. И я понимаю, что в своем муже она нашла эту опору и стену. Она была всегда очень добрая, мягкая... Она просто пошла за своим мужем. А куда уж он ее завел. Да, он был идейным. Она просто боялась его послушаться. Сейчас я понимаю, что он иногда просто жестоким с ней был. Все запрещал, все контролировал. Мне потом жена его младшего брата сказала, что он даже руку на нее поднимал». Но А. никого не хотела расстраивать и никому об этом не говорила.

Также старшая сестра вспоминала, что в последнюю встречу А. плакала, как будто прощалась, не хотела уезжать, но не могла послушаться мужа. Сестра не смогла остановить ее и объясняет это так: «У нас, конечно, нет такой традиции, как у Вас, русских, так доверительно спросить, что не так. Я же видела, что она волнуется. Но я не спросила ее, все свела в шутку». Сестра вспоминает, что вопросы религии или справедливости вообще с А. не обсуждали: «Ее совсем не интересовали эти вопросы. Даже потом, когда она покрывалась, не обсуждали».

То есть, в данном случае все выглядит так, что самостоятельный сын с лидерскими качествами и амбициями, который не мог реализоваться и искал пути заработка, в том числе в Сирии, и самостоятельно найденная

им жена, которая искала опору в жизни, не имея ее с раннего детства в лице отца, оказались в «исламском государстве», будучи не очень религиозно мотивированными.

В другой истории, со слов свекрови, невестка после смерти мужа (в результате криминальных разборок), уехала с двумя внуками в Сирию, вышла там второй раз замуж, родила еще двух детей от другого человека, который обещал отправить ее домой со всеми детьми, но только взял деньги и исчез. Сама невестка плакала по телефону, просила забрать ее оттуда (из Сирии). Но ее никто больше не видел. Пытаясь понять ее поступок, свекровь недоумевает: «Закрытая она к нам приехала уже из села. Но я не видела, чтобы она была уж слишком религиозна. Сейчас все такие. Она не говорила со мной о Сирии. Она просто пару раз упомянула ее. Я не отнеслась к этому вообще никак. Какая Сирия? Она одна, всего боится, с двумя детьми».

По мнению свекрови, в основе поступка невестки были не религиозные мотивы: «Скромненькая, маленькая, она за сыном была, как за каменной стеной. А рухнула стена – и она тоже не знала, как в жизни держаться». При этом, она подчеркивает, что не была осведомлена о внутреннем состоянии невестки и о роли в ее жизни религии: «Нет, ничего она со мной не обсуждала. Я ей сразу сказала: “Носи что хочешь, как хочешь, со мной это (религию) не надо обсуждать”». Так что вряд ли она может понимать, как формировалось то или иное решение невестки. Более очевидно то, что она никак не могла повлиять на них.

Еще одна история случилась по вине, как полагает безутешная мать погибшего в Сирии сына, «людей, которым поверили наши сыновья и это привело их к гибели». «Если бы я знала», продолжает она, «что он серьезно собирается уехать за границу, я бы ни за что его не отпустила. Я же не знала, что он туда собирается. Он говорил, что хочет учиться, изучать ислам, но я не думала, что все так обернется». Она считает, что у нее всегда были хорошие отношения с сыном, он всегда мог к ней обратиться по всем вопросам. Религию он с ней не обсуждал. Он посещал какое-то время местную мечеть, но позже она узнала, что потом он стал посещать мечеть в Семендере, откуда много молодежи уехало в Сирию.

Ничто в то время не насторожило маму: «Он общался с такими же мальчишками, как он. Все тогда хотели учиться, изучать Коран, арабский язык». Теперь она понимает, что «раньше наши мальчишки не знали, к кому обратиться, чтобы учиться, чтобы изучать Коран» и обвиняет во всем «не тех» учителей. Но о том, что она могла бы дать ответы на те вопросы, которые он потом искал вне семьи, речь даже не идет: «Я его учила быть честным, добрым мальчиком. Он таким и был. Никто его не обижал, все его любили. Его просто обманом заманили туда».

Вообще, тема роли женщин в обществе – еще один показатель состояния социума и линий напряженности внутри него. В Дагестане часто слышны лозунги об особом уважении к женщинам и старикам, но по факту: «Пройдитесь по рынкам, там на 90% женский труд и в мясных отделах, и там, где «бытовая химия», труд женщин тяжел и малооплачиваем». При этом, мужчины отрицают проблемы гендерных отношений, несовершенства мужчин они объясняют особенностями женщин: «Их (мужчин) такими делают сварливые женщины, которым любой ценой подавай материальные ценности. Если бы жена смиренно говорила мужу, что с любимым рай в шалаше, то и мужики были бы такими же суровыми как горцы. А так им тоже приходится уже менять характер. Ради ворчуньи. Зайдите на любые кладбища. В любом селе. Все кладбища заполнены мужчинами. Средний возраст смерти 60–65 лет. А у женщин – 80–90 лет. Загоняют в могилу мужей. А сами еще лет 20 с добрым утром припеваючи живут. Это реальность» (М. 46 лет, ПМА).

Отсутствие в обществе консенсуса по поводу роли женщины в различных сферах жизни при внешнем благополучии и невозможности публичных дискуссий приводит к тому, что границы, в которых могут самореализовываться женщины вне контекста семьи, довольно узки и не определяются ими самими. Порой религиозная тема – единственно доступная интеллектуальная форма досуга для женщин. Принято осуждать женщин за неподобающий вид. Светские виды досуга женщин (посещение каких-то кружков и студий, кино, встречи с подругами и т.д.) осуждаются, тогда как изучение арабского или богословия (где и происходит часто радикализация женщин в ходе общения со вдовами экстремистов и женщинами, осужденными за экстремизм) считается признаком добропорядочности. Так было с Р. из Тарумовки, небольшого поселения за Кизляром, численностью порядка 6 тысяч человек. Сегодня в Тарумовке одна церковь и две мечети. Занимаются жители населенного пункта животноводством и растениеводством. Р. работала продавцом, была в разводе, с двумя детьми. Вечером ей заняться было не чем, она стала интересоваться религией. Стала общаться с подругой, через какое-то время их образовалась целая группа обсуждающих религию. Р. стала носить по-арабски закрытые одежды. Сейчас она вновь носит платок на дагестанский манер, работает в пекарне. У нее судимость. Оказалось, что группа, в которой она обсуждает ислам, – радикальная. Ее подруга – жена боевика-религиозного экстремиста. Жизнь женщины в настоящее время не сильно отличается от того, что было. Кроме того, что она меньше погружена в религию.

Сама, она, по ее словам, не отделяла религиозные вопросы от личностей женщин, которые входили в их группу. Эти люди были близки и важны для нее, поэтому она некритически воспринимала все, что они го-

ворили. Она и теперь не разочаровалась в религии, но в силу осведомленности более избирательно подходит к беседам на религиозные темы. Дома в семье обсуждались и обсуждаются лишь обрядовые стороны религиозной жизни. Этические и социальные аспекты считались уделом специально образованных людей. Поэтому она с таким энтузиазмом углубилась в дискуссии внутри их женской группы, ведь там она могла высказывать свое мнение и усваивать важные для себя вопросы. Сейчас она признает, что все обсуждения их группы были односторонними и обсуждались лишь те вопросы, которые были важны для руководителя, которая была позже осуждена за экстремизм.

По итогам глубинных интервью можно констатировать, что *всплеск интереса к религии, пришедшей на место советской системе светских ценностей, совпал со сломом традиционного для позднесоветского периода социально-экономического уклада и с изменениями традиционной модели семьи и условий социализации молодежи. Называемое привычно «религиозное возрождение» является по сути не восстановлением чего-то утраченного ранее, а формированием нового посттрадиционного и постиндустриального сознания, несмотря на использование привычных религиозных формулировок.*

Неудивительно, что старшие поколения, не имеющие опыта жизни в новых условиях, зачастую не могут стать носителями нужных современной молодежи умений и навыков, где социальный опыт и традиции передаются не вертикально (от старшего к младшему), а горизонтально (в социальных сетях и сообществах сверстников). Невозможность эффективного влияния на молодежь маскируется доминированием моделей внешнего непререкаемого авторитета старших, невозможностью доверительных разговоров их с подростками детьми, откровенных дискуссий о важных для младшего поколения мировоззренческих вопросах. По мнению одного из экспертов, «от мальчиков ждали успеха, правильного поведения, при этом в семьях не практиковались разговоры по душам, когда младшее поколение могло бы в режиме диалога что-то обсуждать со старшими. Мнение старших не могло обсуждаться».

Мужчины искали возможность реализации семейных установок на успех. Все родители хвалили своих сыновей за успехи в спорте (в Дагестане это борьба, боевые виды спорта), за поступки, которые демонстрируют маскулинность, за персональный успех в зарабатывании денег, в карьере. Речи об общественных ценностях, благе для общества в семьях не было. Уточняющие вопросы родителям о характере общения с ребенком выявляют директивный характер поведения родителей. Недаром в Дагестане большой процент насилия в семьях, высокий уровень латентной, невыраженной агрессии. К этому приучены с детства. «У нас в Дагестане,

к сожалению, культ силы: кто сильнее, тот и прав. Наше общество заслуживает своих правителей, так как правители – это показатель общества. Местные силачи, так сказать, могут “мочить” только тех людей, которые заведомо слабее их, а вот тем, кто сильнее их, они слова сказать не могут» (Г., Махачкала, 30 лет.).

Среди женщин было немало тех, которые уходили за мужьями, но были и те, кто пытался искать свое счастье, свою удачу, те условия жизни, в которых им будет комфортно. Не случайно эти условия искали преимущественно в странах, где доминирует ислам, поскольку распространение представлений о главенстве религиозной идентичности сделало столицей дагестанских мусульман прежде всего Мекку, а уже потом Махачкалу и Москву. Понятно, что в таких условиях семья и соседское сообщество не могли стать главными каналами социализации молодежи и уступили эту роль профессиональным проповедникам из числа сверстников, получивших религиозное образование за пределами региона.

Экспертные интервью

Экспертные интервью были призваны выявить закономерности влияния на формирование представлений (в том числе и экстремистских), формирующих мировоззрение молодежи условий внешней среды: особенностей экономики, рынка труда, функционирования государственных и общественных социальных и идеологических институтов. Нашими собеседниками стали научные сотрудники и журналисты, работники районных и городских администраций, религиозных и общественных учреждений. Для представителей органов власти главной тенденцией последних трех лет стало развитие локальной экономики на фоне расширения налоговой базы. После сокращения влияния коррумпированных схем, созданных местными кланами, произошло «обеление» предпринимательской среды: государственные субсидии и меры поддержки становятся доступными не для «своих» людей, а для тех, кто зарегистрировался в налоговой базе.

В результате только на протяжении нескольких месяцев 2021 г. число самозанятых, вставших на учет в налоговой инспекции, увеличилось на 16 тысяч человек, что в четыре раза больше, чем за предшествующий год. Происходит проникновение общероссийских практик предпринимательства и кредитования малого бизнеса, рост лояльности государству, а не конкретным людям «сверху» т.д. Эти положительные изменения лишили экстремистов и террористов части финансовой базы, что сказалось на статистике снижения числа террористических преступлений. Об этом с удовлетворением говорили представители администраций Лакского, Ку-

линского, Унцукульского, Хунзахского районов. Но это видно и по статистике в целом по Дагестану. Если в 2020 г. было зарегистрировано 723 преступления террористического характера, то в 2021 г. – 493, а за период январь–сентябрь 2022 г. только 332. Сходная динамика и с показателями преступлений экстремистской направленности: в 2020 г. было зарегистрировано 69 подобных преступлений, в 2021 г. – 58, за период январь–сентябрь 2022 г. – 45¹¹.

Еще более важен тот факт, что за последние годы отмечено возвращение в села и города молодых людей, которые в предыдущий период устремлялись только в Махачкалу, где «решались» самые важные вопросы. Возможно, на эти оценки локальных администраторов повлияло желание показать ситуацию именно в своем районе как результат собственной деятельности, но показатели повышения числа зарегистрированных налоговых резидентов и снижение преступлений террористического характера и экстремистской направленности вполне объективны и привлекают внимание исследователей.

Можно сделать вывод, что произошедшие изменения экономики привели к следующим социальным сдвигам:

– возрос уровень вовлечения в занятие мелким предпринимательством в легальном поле. Поскольку рынки и инфраструктура, связанная с развитием традиционных для региона сфер (сельхозпродукция и т.д.), давным-давно поделены, то наибольший рост отмечается в тех областях предпринимательства, которые ранее не были характерны для отдаленных районов – прежде всего в сфере туризма: гостевые дома, индивидуальные и групповые туры с сопутствующими услугами;

– увеличилось число молодых людей, вернувшихся в город из Махачкалы и пытающихся найти свое место в новой экономической реальности. Часть из них трудоустроилась, став самозанятыми, в том числе в туризме, часть пока не нашла себе дела, выражая недовольство «нарушением» традиционной системы;

– благодаря туризму произошло в гораздо более значительных масштабах непосредственное общение людей из других регионов России с теми местами, где традиционно мало было новых приезжих людей. Последствия этого двоякие: С одной стороны, местные люди ощущают свою включенность в число единого общероссийского социума, хотя и в специфическом контексте. Снизилась привлекательность лозунгов, подчеркивающих локальную уникальность и особость, так как более экономически выгодным оказалось умение договариваться с приезжими тури-

¹¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

стами и находить с ними то общее, что объединяет. С другой стороны, возросла тревожность, связанная с угрозой размывания «наших традиционных» основ, начиная с опасений по поводу появления «у нас» неподобающе одетых людей и заканчивая страхом за неизбежность традиционных, во многом поддерживаемых религией устоев.

Чтобы не раствориться в «большой России», местные активисты предлагают, с одной стороны, более строгие правила для приезжих (дресс-код, запретные темы для публичных обсуждений), а, с другой, уповают на еще более сильное внедрение религии в повседневные практики. Все это усиливает противостояние по линии «мы – они», но теперь, в отличие от ситуации, когда с другими правилами и нормами жизни сталкивались лишь в основном молодые люди, уезжавшие за пределы республики, оно охватывает целые семьи, включая старших родственников.

Мнения экспертов из числа духовенства так же свидетельствуют о противоречивой ситуации. На взгляд одного из них, сейчас для молодежи «больше важно наличие хорошего образования и способности к профессиональному труду. И когда стоит выбор джума-намаза или урока, молодежь выбирает урок». С его слов, в муфтияте Республики Дагестан «более чем демократично стали подходить к этой дилемме, несмотря на давление консервативной части дагестанского сообщества мусульман». А позиция этой религиозной части выглядит следующим образом: «Некоторые преподаватели на просьбу отпустить студентов сделать намаз, отвечают, что это светское учебное заведение. Но намаз совершать надо своевременно, надо все дела переносить, а не намаз... Все дела должны двигаться вокруг намазов, а не наоборот».

В 2021 г. на площадке Дагестанского госуниверситета состоялось молодежное мероприятие, где говорили, в том числе, и о феминизме. В социальных сетях группа молодых людей выступила с призывами «противостоять индоктринации студентов Кавказа либеральными взглядами», в противовес этому развивать молодежные исламские объединения и площадки. По словам экспертов, такие взгляды больше распространены среди студентов и преподавателей богословских и востоковедческих факультетов и институтов, которые имеют невысокую популярность среди образовательных учреждений республики, и таким образом стараются поднять свой рейтинг, выступая защитниками традиционных религиозных ценностей. При этом многие сторонники такого подхода не скрывают, что удручены тем, что идеи равенства полов распространяются в республике и разрабатывают стратегии противодействия этому.

Таким образом, *в обществе сосуществуют и конкурируют как минимум две модели распространения религиозных взглядов среди молодежи. Одна допускает взаимодействие и сотрудничество разных типов ценностей (как религиозных, так и свет-*

ских) в рамках мировоззрения сообществ и отдельных граждан. Другая – предпочитает противопоставлять носителей светских и религиозных ценностей и норм как антагонистов. В этих условиях повышается соблазн для молодежи встать на крайнюю точку зрения не только из-за внутренней эволюции взглядов, но и из-за свойственного молодым стремления видеть все в контрастном свете противопоставления «нас и их» и желания обрести себя среди сообщества носителей единственно правильных взглядов.

Эксперты, связанные по роду деятельности с противодействием экстремизму и терроризму, работают в рамках «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы в Республике Дагестан» как в столице, так и на уровне муниципальных районов, где созданы антитеррористические комиссии. По их мнению, одной из главных проблем является «включенность» экстремистских воззрений в повседневную религиозную практику обычных граждан. Зачастую «экстремистами» становятся не потому, что вдруг стали приверженцами каких-то радикальных воззрений, а потому что хотят дистанцироваться от действий и мнений тех людей, которые олицетворяют светскую и религиозную власть в конкретном селе или микрорайоне. То есть, *противостояние религиозных формулировок лишь отражает противостояние вполне светских общесоциальных мотивов и устремлений, но поскольку наиболее распространенной и общественно одобряемой формой коммуникации и осмысления окружающего мира являются исламская этика и риторика, то и любые конфронтации осмысляются в качестве религиозных конфликтов.*

У многих экспертов на местах есть понимание, что главный инструмент противодействия экстремизму и терроризму это взаимное доверие граждан и представителей власти на местах, сохранение «справедливого», по мнению местных жителей, порядка получения ресурсов государства и общества, распределения возможностей для самореализации, в том числе на ниве предпринимательства молодых людей в рамках существующих институтов. Это убережет молодежь от поисков альтернативных путей достижения справедливости через переустройство мира по рецептам радикальных проповедников.

При этом сохраняется важность идеологической работы, демонстрации несостоятельности экстремистских тезисов с точки зрения исламского богословия, обоснования созидательного труда на благо своей семьи и общества как богоугодного дела. Это важно, так как интернет–пропаганда строится на внушении молодым дагестанцам их превосходства над носителями других религиозных или светских представлений, неприятия таких людей как соседей и сограждан, борьбы с ними. Немало места, по словам экспертов, в пропаганде экстремизма уделяется невозможности

справедливого мироустройства на основе существующих государственных институтов, призывам к борьбе против них и работающих там людей. Для такой критики органов власти есть основания, но *задача состоит в том, чтобы расширять примеры позитивного реагирования властей на запросы людей, укреплять уверенность населения в возможности развития и усовершенствования практик взаимодействия обычных граждан и сотрудников местных органов власти.*

Стратегия сотрудничества с сотрудниками прокуратуры, МВД и ФСИН с целью обеспечения взаимного доверия выстраивается на основе потребности всех структур в разработке и реализации программ противодействия антитеррору. В Республике Дагестан есть Антитеррористическая комиссия (АТК), которая проводит мониторинг и анализ ситуации. В настоящее время эта организация испытывает нехватку работ по данной тематике, такая же ситуация в силовых и других государственных структурах. Например, сотрудники МВД должны проводить мероприятия в госучреждениях по тематике противодействия терроризму, но они не представляют механизмов работы за пределами привычной им сферы оперативной работы.

Выводы

Изучение социально-экономических факторов, влияющих на состояние сознания молодежи показало, что за последние два года резко сократилось число террористических преступлений при одновременном росте числа субъектов легального предпринимательства не только в столице, но и на уровне отдельных районов. Можно сделать вывод, что *создание условий для самореализации людей в предпринимательской сфере сокращает их вовлеченность в обсуждение и включенность в реализацию радикальных путей переустройства мира путем террористических акций против существующих государственных институтов.* Имея возможности для реального улучшения мира вокруг себя за счет повышения уровня благосостояния, люди меньше откликаются на предложения по включению в разного рода радикальные стратегии действий с иллюзорными перспективами.

Возможности контртеррористической и антиэкстремистской активности пока ограничены, поскольку они ориентированы на использование опыта и представлений прежде всего силовых структур и ориентированы на школьников и студентов. Тогда как молодые люди более старшего возраста предоставлены самим себе. *Контрпропаганда сейчас ориентирована на подчеркивание негативных последствий включения в террористическую деятельность тех, кто уже вовлечен, тогда как более эффективным было бы создание привлекательной и осязаемой перспективы достойной жизни без использования радикальных вариантов переустройства мира.*

Наши рекомендации, направленные в районные администрации, Министерство по делам национальностей республики Дагестан, Анти-террористическую комиссию, основаны на том, что в основе профилактической деятельности по предотвращению распространения экстремистской идеологии должен лежать дифференцированный подход. Несмотря на то, что во всех случаях вербовки или индоктринирования используются ссылки на одни и те же религиозные источники, контрпропаганда должна учитывать, что человек восприимчивый к такому воздействию, интерпретирует каждое посланное ему высказывание религиозного характера в зависимости от обстоятельств, складывающихся именно вокруг него. *Поэтому противодействие распространению экстремизма должно быть основано не только на анализе религиозных текстов, но и социально-экономической ситуации конкретного микрорегиона. Информационные материалы контрпропаганды должны быть адресованы не просто жителям или молодежи вообще, а включать в себя отсылки к событиям или явлениям, характерным для данной местности.* Точки кипения, триггеры, после срабатывания которых происходит отказ человека от привычной жизни и самореализации в рамках общегражданских институтов, имеют совершенно определенные черты, иногда имена людей. Успешной дерадикализация может быть только в том случае, если будут затронуты и нейтрализованы те негативные эмоциональные связи, которые вытолкнули человека из «обычной» жизни на «особый» путь экстремизма.

Эта закономерность, выявленная на материале Дагестана, может быть использована в самых разных социальных контекстах и регионах, поскольку учитывает комплексный характер взаимодействия внешней информации и внутренних состояний, упрощающих ее восприятие.

Московская область

Демография и миграции

Население Московской области по данным переписи 2020 (2021) года составило 8 524 665 человек¹², что на 758 746 человек превышает оценки численности населения региона (7 765 918 человек) на 1 января 2022 года без учета результатов переписи¹³. По итогам переписи в Московской об-

¹² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Таблица 4. URL: https://rosstat.gov.ru/vprn_popul.

¹³ Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области Мосстат – Население (gks.ru). URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fmosstat.gks.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F%25D0%259F%25D1%2580%25D0%25B5>.

ласти постоянно проживают 4 052 693 мужчин (47,5%) и 4 471 972 женщин (52,4%). Городское население области (6 692 573 человек) составляет 78,5% всего населения. На основе наблюдения за динамикой демографических процессов эксперты выделяют те же тенденции, что и в целом по стране: сокращается сельское население, растет число жителей ближайших к Москве крупных городов: Балашиха, Подольск, Королев и т.д., уменьшается число жителей окраинных районов: Шаховского, Лотошинского, Волоколамского и т.д.

Молодое население области до 14 лет составляет 12,9% всего населения и насчитывает 1 104 322 человек¹⁴. Жители региона в возрасте 15–34 лет составляют 25,2% населения области и включают 2 149 707 человек. Тех, жителей, кому исполнилось от 35 до 64 лет в области 3 967 027 человек (46,6%), а тех, кому более 65 лет – 1 303 610 (15,3%). На 1000 жителей трудоспособного возраста в регионе приходится 588 лиц нетрудоспособного возраста (219 – детей до 15 лет и 369 – старших возрастов)¹⁵.

По этому показателю Московская область входит в число регионов страны с наименьшей нагрузкой на 1000 жителей трудоспособного возраста, так как в большинстве субъектов федерации эта нагрузка за счет старших возрастов намного более заметная, а в других более значителен вклад в эту нагрузку нетрудоспособного молодого поколения. Всего в Московской области количество официально занятого населения составляет 4 583 754 человека (59,6%), пенсионеров 2 230 350 человек (29%), а официально оформленных и состоящих на учете безработных 446 070 человек (5,8%).

Миграция, как внутренняя, так и внешняя, играет значительную роль в формировании населения региона, так как Подмосковье является одним из лидеров (уступая только Москве) среди регионов страны по миграционной привлекательности. Наибольшее количество новых жителей прибывает в Московскую область из столицы преимущественно из-за возможности приобретения более дешевого жилья. Но по прогнозам также высоким будет прибытие сюда людей из регионов ЦФО и ЮФО, особенно из регионов с низким уровнем доходов.

Согласно данным МВД, за январь-июнь 2022 г. в Московской области было поставлено на миграционный учет 954 090 человек¹⁶. Больше за этот период было зарегистрировано мигрантов только в Москве

¹⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 2. Таблица 2. URL: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul.

¹⁵ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 2. Таблица 4. URL: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul.

¹⁶ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации в январе-июне 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/31387860/>.

(1 949 590 человек) и в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области (совокупно 969 147 человек), что свидетельствует о значительном миграционном потенциале региона и об основных тенденциях формирования его наличного населения. Если учесть, что 92% всех поставленных на миграционный учет в стране в целом (значит, и в Московской области, в частности) это граждане стран СНГ и тот факт, что 80% из всех иностранных граждан, вставших на учет за полгода в Подмосковье в качестве причины своего приезда указали работу, то становится понятным, какие категории новых жителей будут формировать этническое разнообразие в регионе. А если еще учесть, что 80% иностранных граждан, зарегистрировавшихся в РФ за полгода, приехали из стран, где доминирующей религией является ислам, то это приобретает определенное значение для нашего исследования.

Факторы радикализации в Московском регионе

По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, за январь–сентябрь 2022 г. и в Москве и в Московской области наблюдается рост преступлений террористического и экстремистского характера и лиц, совершивших эти преступления: В Москве зарегистрировано 110 преступлений террористического характера (в 2020 г. – 105, в 2021 г. – 132) и выявлено 44 лиц, совершивших эти преступления (в 2020 г. – 60, в 2021 г. – 68), зарегистрировано 79 преступлений экстремистского характера (36 в 2020 г. и 59 в 2021 г.) и выявлено 62 лица, совершивших эти преступления (53 в 2020 г. и 71 в 2021 г.). По Московской области цифры тоже достаточно тревожные: зарегистрировано 34 преступления террористического характера (33 в 2020 г., 35 в 2021 г.), выявлено 10 лиц, совершивших эти преступления (13 в 2020 г., 33 в 2021 г.), зарегистрировано 27 преступлений экстремистского характера (21 в 2020 г., 26 в 2021 г.), выявлено 19 лиц, совершивших эти преступления (15 в 2020 г., 26 в 2021 г.)¹⁷.

Как видим, продолжается рост числа преступлений и вовлеченных в их совершение лиц. Это заставляет искать факторы, способствующие расширению среды, благоприятной для распространения экстремистских идей и каналов взаимодействия террористических групп. Тот факт, что регион является одним из лидеров по преступлениям экстремистского и террористического характера и при этом абсолютным лидером по привлекательности для трудовых мигрантов, в том числе из регионов традиционного доминирования ислама, заставляет специально изучить вопрос

¹⁷ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://crimestat.ru/regions_table_total.

о влиянии «миграционного» фактора на пути и практики распространения экстремизма и терроризма. С этой целью было проведено исследование, в рамках которого были сделаны экспертные интервью с учеными и служащими культа в Московской области и добавлено наблюдение с элементами экспресс-бесед в местах традиционной концентрации трудовых мигрантов. Нашими собеседниками стали сотрудники муфтията Москвы и Московской области, автор книг о мусульманах Подмоскovie М. Сафаров, академические исследователи ислама в России, действующие имамы исламских обществ в Подольске, Балашихе, Химках, Южном Бутово. Объектом наблюдения стали строительные рынки и прилегающие к ним территории в Химках, Котельниках, Филино.

Чтобы не вызывать подозрений, исследователи регулярно появлялись на этих рынках на протяжении нескольких месяцев 2020–2022 гг. под предлогом мелких покупок для якобы ведущегося строительства. Кроме того, регулярно посещались продуктовые рынки в Химках и оптовая овощная база в Хлебниково. Так же были проверены потенциальные места концентрированного проживания трудовых мигрантов в местах своего проживания, там, где складывается этнически маркированная инфраструктура. Для этого исследователи звонили и приезжали в эти общежития, hostелы под предлогом поиска жилья для друзей из Центральной Азии.

По итогам исследовательских мероприятий следует отметить, что мечети и священнослужители ДУМ России ответственно относятся к деятельности направленной на профилактику экстремизма и терроризма. Они сотрудничают с правоохранительными органами и другими общественными институтами в деле распространения информации, в том числе направленной на предотвращение распространения экстремистских идей. Религиозные общины, например, в Подольске, активно участвуют в различных семинарах на базе УФСИН России по Московской области по теме «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы и традиционного ислама в духовно-нравственном воспитании осужденных. Профилактика распространения идей религиозного экстремизма среди работников УИС». В работе с осужденными мусульманами в местах лишения свободы, например, Мусульманский центр «Рахман» (Подольск) имеет также партнерские отношения с Общественной наблюдательной комиссией Московской области. Примерно такая же ситуация и в мусульманской общине г. Химки, где имам уделяет время для организации профилактических мероприятий и создания вокруг мечети группы прихожан из числа авторитетных лиц, через которых транслирует свои проповеди для людей, не очень хорошо знающих русский язык.

Другое дело, что не все мигранты регулярно посещают мечеть и прислушиваются к тому, что говорят имамы. Из бесед с мигрантами из Цен-

тральной Азии на рынках в Котельниках и Химках стало ясно, что большинство из них знает о мечетях (молитвенных залах), находящихся недалеко от мест их работы и проживания, но не все регулярно бывают там. Многие из них считают официальные мечети частью официальной системы, которая не совсем «их». К тому же в большинстве мечетей имамы – это татары, которые далеки от повседневных проблем мигрантов и вынуждены привлекать для общения с новыми прихожанами из Центральной Азии их более возрастных и давно живущих в России соплеменников в качестве посредников.

Рядовые трудовые мигранты очень ценят мечети как место исполнения важных культурных событий, организации публичных мероприятий, визуальная символика которых (обрамление мечетей, коллективные моления, раздача благотворительной пищи и т.д.) позволяют им почувствовать себя «как дома». Официальные мечети стали центрами распределения гуманитарной помощи и местом проведения бесплатных обрядов для умерших в период эпидемии, что также подняло их авторитет среди мигрантов. Но не мечети являются местом, где мигранты облегчают и раскрывают душу в ходе своей повседневной жизни. Помимо праздников, на которые они могут пойти в большую официальную мечеть, каждую неделю, по пятницам, мигранты, которые практикуют ежедневные обряды, собираются вокруг тех своих земляков и знакомых, которые хорошо знают необходимые религиозные формулы, но при этом говорят с мигрантами «на их языке», смотрят на мир «их глазами», разделяют их тревоги и чаяния.

Иногда о таких локальных неформальных «мулах» знают только его сородичи и земляки. Но некоторые из них становятся известными среди больших групп мигрантов из Центральной Азии, невзирая на этническую принадлежность. Их проповеди распространяются среди тысяч людей, они становятся очень авторитетными, их слова влияют на настроения большого числа их последователей, но они совершенно не заметны и неизвестны в официальной умме. Не всегда их высказывания или комментарии текущих событий носят радикальный характер, но именно через них экстремизм может некритически восприниматься теми, кто их слушает. Имена и контакты таких людей скрываются «от чужих», но многие собеседники косвенно говорили, что именно они являются реальными авторитетами. Тогда как официальные мечети становятся лишь внешним атрибутом религиозных практик. Таким образом, *упор на сотрудничество только с зарегистрированными структурами ДУМ России в московском регионе не может гарантировать надежной профилактики экстремистской идеологии.*

Попытка проверить информацию о существовании на территории Москвы или Подмосковья крупных компактных поселений мигрантов

дала следующие результаты: на территории региона, помимо арендуемых частным образом квартир, существуют сотни хостелов, дешевых гостиниц, где проживают трудовые мигранты из разных регионов России и стран зарубежья. Там мигранты проживают и собираются для совместных трапез по праздникам или для общения. Молитвы, если иногда и происходят, то при небольшом числе участников и обычно они незаметны для окружающих. Отдельно существуют ведомственные общежития прямо на территории тех объектов, где работают мигранты, там они живут совместно и довольно скученно в количестве до нескольких десятков или даже сотен человек. Доступ на эти объекты запрещен, что там происходит можно представлять только по отрывочным сведениям самих мигрантов, когда они выходят за пределы предприятий. Насколько можно судить, атмосфера там не очень дружественная к мигрантам, они постоянно находятся под наблюдением и могут уединяться только у себя в комнатах с соседями на непродолжительное время. В таких условиях они могут в принципе обсуждать информацию экстремистского характера, но это маловероятно. Поскольку вся жизнь в таких общежитиях подчинена распорядку рабочих часов и у людей нет сил и времени, чтобы отвлекаться на сторонние беседы.

Возникает парадокс: совместное с коллегами (отдельно от семьи) скученное в не очень комфортных условиях проживание людей, с одной стороны, толкает людей к поискам выхода из ситуации, в том числе в виде экстремистских планов переустройства мира, но, с другой стороны, не позволяет многим из них серьезно обсуждать эти темы, так как они отвлекают от работы и навлекают подозрение окружающих, которые заинтересованы в продолжении работы и боятся ее потерять, в случае если к кому-то из работающих рядом будет привлекаться внимание правоохранительных органов. Эта заинтересованность окружающих служит своеобразным барьером против активной индоктринации экстремизмом проживающих вместе мигрантов.

В то же время не обнаружены подобные места массового совместного проживания мигрантов, которые находились бы вне внимания правоохранителей и работодателей и где распространение экстремизма могло бы быть быстротечным и массовым. Так что, *главным инструментом предотвращения распространения экстремизма в мигрантской среде следует признать более активное включение их в социальные практики, характерные для местного населения. Это повышает взаимодоверие между мигрантами и постоянными жителями и позволяет заинтересованным людям без особого труда находиться в курсе забот и чаяний мигрантов.*

В ходе исследования было выявлено, что регулярное нейтральное общение на рынке в ходе покупок у одних и тех же продавцов позволяет

исследователю чувствовать себя среди мигрантов до некоторой степени «своим». Не стоит преувеличивать степень этого доверия, но постоянные, ни к чему не обязывающие разговоры позволяют быть в курсе обсуждаемых тем и оценивать характер религиозных тем среди обыденных разговоров мигрантов.

Эксперты отмечают, что внешних проявлений (в виде специфических форм поведения внутри мечети) присутствия приверженцев радикальных версий ислама за последнее время стало заметно меньше. Эксперты из числа священнослужителей говорят, что это свидетельствует о сокращении распространения экстремизма в целом (разгром ИГИЛ, сокращение финансирования от стран Залива, где правительства некоторые из которых стали более модернизированы и толерантны). Академические эксперты и часть региональных муфтиев согласны с этим, но говорят, что пока покончено с территориальным исламским государством, но никуда не делись радикализированные люди и причины для радикализации. По их мнению, «пока нет финансирования (от стран Залива сократилось и от местных спонсоров), поэтому нет и всплеска активности. Но как только деньги появятся, сразу все вспыхнет. Некоторые муфтии говорят, что не верят в возможность дерадикализации части осужденных, которые «никогда не раскаются».

Влияние пандемии на *умму* в целом, по наблюдениям некоторых активистов общин при мечетях, заметно в части усиления взаимопомощи, сокращения числа приходящих в мечеть, необходимости погребения тел умерших здесь, не отправляя на Родину. Это новая практика влияет на мировоззрение живущих в России мигрантов. Но вряд ли это привело к всплеску радикализации или порождающих ее факторов (количество отчаянных заявлений по поводу невозможности дальнейшей работы в России, неприязнь к российским законам и к властям, роста преступлений из числа мигрантов).

Выводы

Продолжающийся рост числа преступлений террористической и экстремистской направленности в Московском регионе на фоне отсутствия видимых экстремистских сообществ и неподконтрольных властям замкнутых анклавных поселений трудовых мигрантов требует объяснений. Как представляется, в основе их могут лежать несколько факторов.

Во-первых, время открытого проповедничества экстремистских взглядов и террористических призывов действительно прошло, что не исключает его возвращения на фоне новых вызовов общественному согласию в виде частичной мобилизации, когда обостряется вопрос гражданской ло-

яльности мигрантов стране пребывания. В условиях скрытого функционирования экстремистских сообществ шанс зафиксировать открытые призывы радикального характера невелик. Поэтому результаты исследования ведут к выводу *о необходимости анализа ситуаций повседневной жизни мигрантов силами не внешних исследователей, а самих мигрантов, включенных во взаимодействие с коллегами по вопросам работы или жилья.*

Интерес этих мигрантов к общению с исследователями может иметь как личный характер, так и подразумевать включение их в состав неформальных сообществ местных жителей (жильцов одного или нескольких домов), обменивающихся важной для них практической информацией. В противном случае нерегулярные погружения исследователей в жизнь мигрантских сообществ будут носить поверхностный характер и не давать представлений о происходящих внутри сообществ процессах.

Во-вторых, характер устройства мест временного проживания больших групп мигрантов предполагает лишь внешний контроль своего рода манифестных действий, тогда как радикализация может происходить и в время спокойных бесед двух-трех человек, не привлекающих внешнего влияния. В таком случае *главным инструментом дерадикализации становится заинтересованное отношение со стороны других мигрантов, которые стараются избежать любого внимания к себе со стороны правоохранительных органов и не заинтересованы в создании в местах своего проживания очага такого внимания в виде «ячейки экстремистов».* К тому же все более распространенным становится проживание небольших групп мигрантов на съемных квартирах, где какой-либо контроль за происходящими разговорами невозможен.

Нужно отметить, что регистрация нескольких десятков преступлений террористической и экстремистской направленности в год в регионе, где даже с учетом временного оттока иностранных работников в 2020 г. постоянно находится, как минимум, несколько сотен тысяч трудовых мигрантов, свидетельствует о том, что подавляющая их часть не подвержена экстремистским идеям и включению в террористическую деятельность. Основной причиной этого является неформальный контроль со стороны соседей-земляков и организаторов миграции, для которых каждый радикал становится источником проблем и финансовых потерь. Как правило, человек, принявший экстремистскую идеологию как руководство для жизни, не может продолжать деятельность, жить и работать как прежде. Его неизбежно отторгает сообщество тех, кто приехал сюда для реализации своих экономических и социальных задач, не связанных с противостоянием государству.

Беседы с прихожанами и активистами сообществ вокруг мечети показали, что каждая попытка нового человека привлечь к себе внимание, найти слушателей для своих радикальных идей неизбежно привлекает

внимание членов уммы и ведет к пристрастному разговору с этим человеком, чтобы избежать распространения чуждых большинству веяний и т.д. Другое дело, когда радикализация происходит в ходе общения с глубоко законспирированным авторитетом, где собираются только приверженцы радикальной идеологии. Но чтобы попасть туда, человек должен осознавать свое исключение из обычной мигрантской среды, не заинтересованной в противостоянии с властью. В тоже время, для того чтобы распространять свои взгляды, он должен выходить на большие группы мигрантов, где чаще всего не встретит понимания.

Таким образом, *главным средством профилактики экстремизма и терроризма в мигрантской среде (помимо точечного воздействия методами правоохранительных органов) является максимальное включение их в использование общегражданских практик потребления социальных ресурсов государственных и общественных институтов для удовлетворения своих запросов.* Чем больше мигрант будет уверен в том, что он сможет спокойно зарабатывать свои деньги и вкладывать их в благополучие семьи на родине или в России, тем меньше ему будут интересны альтернативные пути достижения сходных целей путем вооруженного противостояния с обществом. Для повышения действенности подобной стратегии следует шире распространять в мигрантской среде образы успешных людей из числа мигрантов, создавших свое благополучие путем работы в России. И наоборот, показывать во всей неприглядности жизнь, полную тревог и преследований, без семьи и стабильности, на пути экстремизма и терроризма.

Уральский федеральный округ

Общая ситуация

Уральский федеральный округ находится рядом с традиционными центрами поволжского ислама – Татарстаном и Башкортостаном, исторически испытывает их воздействие, но в силу того, что мусульмане составляют здесь 9,2% от всего населения, ислам на современном Урале развивается по иной траектории. Религиозная обстановка в мусульманском сообществе Уральского федерального округа в настоящее время претерпевает серьезные изменения, связанные с несколькими факторами:

1) организационная разобщенность официально зарегистрированных мусульманских структур, их конкуренция за обладание мечетями, за влияние на прихожан и властные структуры, взаимная критика, идеологические и личностные противоречия. В каждом регионе УрФО представлены местные религиозные организации мусульман (МРОМ) и религиозные группы (РГ), входящие в региональные и федеральные централизованные религиозные организации (ЦРО), число которых варьируется от 2

до 6 в зависимости от субъекта федерации. Это существенно снижает авторитет мусульманского духовенства в глазах верующих, и прежде всего молодежи, что побуждает последнюю искать духовные альтернативы.

2) мощные миграционные потоки внутренних и внешних мигрантов из мусульманских регионов на юге бывшего СССР (Центральная Азия, Северный Кавказ и Закавказье), устремившихся в экономически развитые нефтегазовые регионы Тюменского севера и промышленно развитые регионы Среднего и Южного Урала. В связи с тем, что в татаро-башкирской среде исламские традиции сохранились в советский период значительно хуже, нежели чем в регионах Центральной Азии и Кавказа, именно мигранты начали составлять в последние годы большинство прихожан в мечетях крупных и средних городов УрФО. Monoэтническими (татарскими или башкирскими) остаются только мечети в сельской местности Челябинской, Курганской, Свердловской и Тюменской областей.

3) межэтнические противоречия, которые имеют несколько уровней:

а) местные (россияне) vs приезжие (мигранты) – рост мигрантофобии коренного населения в связи с осязаемым возрастанием количества мигрантов переносится на всех мусульман и приобретает черты исламофобии.

б) коренные мусульмане vs приезжие мусульмане – в последние годы наблюдается рост недовольства татар и башкир в связи со значительным количеством мигрантов в мечетях уральских городов, а также не очень высокий авторитет у мусульман-мигрантов имамов-татар в качестве духовных наставников.

в) взаимные противоречия между различными этническими группами. Несмотря на декларируемое классическим исламом догматическое утверждение о том, что все мусульмане вне зависимости от национальности являются братьями, различные проживающие на Урале этнические группы имеют взаимные претензии и конфликты, в частности, для Среднего Урала характерны исторические противоречия между татарами и башкирами, для тюменского севера – между азербайджанцами и дагестанцами, а для Среднего и Южного Урала – между киргизами и узбеками, и другие конфликты. Они оказывают влияние на текущую ситуацию в мусульманском сообществе.

4) активная деятельность приверженцев радикального ислама, для которых столь многоуровневая разобщенность является благодатной средой для распространения своих взглядов и вербовки сторонников. В Уральском федеральном округе в течение последних десяти лет активно действуют сторонники умеренного и радикального салафизма, а также таких террористических и экстремистских организаций, как «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «Нурджулар» и «Исламское государство Ирака и Леванта» (деятельность организации запрещена в РФ).

По экспертным оценкам пресс-релизов правоохранительных органов и опубликованной в СМИ информации, с территории УрФО в ряды международной террористической организации «Исламское государство» (деятельность организации запрещена в РФ) в период 2013–2017 гг. уехало порядка 150 человек. Также на территории УрФО были зафиксированы преступления террористического характера, совершенные сторонниками «Исламского государства», самым громким из которых стал террористический акт в г. Сургуте в 2017 г., совершенный в центре города 19-летним выходцем из Дагестана по имени Артур Гаджиев. Несколько групп сторонников ИГИЛ были обезврежены правоохранительными органами в Тюмени, Нижневартовске, Екатеринбурге, Челябинске и других городах округа. После разгрома организации «Исламское государство» в Сирии и арестов сторонников организации, террористическая активность пошла на спад, однако это не значит, что приверженцев исламистской идеологии на Урале не осталось.

В 2020–2022 гг. в регионах УрФО проводилось исследование по выявлению рисков, исходящих от сторонников радикальных исламистских движений, изучалась их тактика агитационно-вербовочной деятельности, оценивались риски экстремистских и террористических проявлений. Анализ основывался на материалах, записанных автором экспертных и глубинных интервью, анализе статистической информации, мониторинге социальных сетей, анализе уголовных дел, возбуждаемых по экстремистским и террористическим преступлениям и другой информации.

Мусульманское сообщество в регионе и миграции

По данным всероссийской переписи населения (далее ВПН) 2010 г., общая численность «этнических мусульман» достигает 1 117 904 человек (9,2% от общей численности населения УрФО). Среди этих групп лидерство удерживают татары – 52% общего числа, на втором месте – башкиры (22,5%). Им уступают казахи (6,3%), азербайджанцы (6%), таджики (3%) и узбеки (2,8%). В 1990–2000-е гг. число татар и башкир заметно сократилось (на 9%), но удельный вес мусульман практически не изменился за счет роста численности выходцев из Средней Азии, Азербайджана и выходцев с Северного Кавказа: на 70% возросло количество выходцев из Средней Азии; в 2,4 раза увеличилось количество выходцев с Северного Кавказа; в 2 раза увеличилось число азербайджанцев. Наиболее сильный прирост мусульман произошел в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО.

За три десятилетия в округе сформировались стабильные миграционные потоки и устойчивые миграционные сети. В 2018 г. одним из авторов данного исследования был проведен социологический опрос ми-

грантов из Центральной Азии и Азербайджана в Екатеринбурге, который показал, что до 80% иностранных граждан приезжают в один и тот же регион на протяжении нескольких лет подряд. При этом их степень доверия официальным институтам крайне низкая: лишь 20% предпочитают обращаться для решения своих проблем в официальные органы.

Как воспринимают ислам и миграционные процессы жители УрФО? Данные социологических опросов в конце 2020 г. что подтверждают, за год доля людей, допускающих возможность межнациональные конфликты в ЯНАО, увеличилась с 45% до 50% среди всех жителей региона. Наблюдали реальные конфликты 24% опрошенных. В самом крупном муниципалитете региона Новом Уренгое чаще говорят о массовом присутствии мигрантов (85%), чаще фиксируются негативные оценки по большинству показателей, отражающих восприятие межнациональных отношений. В ХМАО–Югре 67% опрошенных полагают, что мигрантов в округе очень много; 46,5% опрошенных полагают, что мигранты усиливают межнациональную напряженность; 36% респондентов указали на сильное влияние мигрантов на ситуацию в сфере экстремизма и терроризма в регионе. 75,7% участников аналогичного опроса в Челябинской области оценивают межнациональные отношения как нормальные и бесконфликтные, при этом, отвечая на вопрос о проблемах в области межнациональных отношений, 89% опрошенных отметили, что в том или ином виде такие проблемы в области есть. 62% опрошенных полагают, что мигрантов в Челябинской области очень много. 57% опрошенных полагают, что мигранты усиливают межнациональную напряженность. В Тюменской области проезд иностранных мигрантов беспокоит 67% опрошенных жителей региона. В Свердловской области 90% опрошенных жителей региона соглашались с тем, что приток мигрантов в регион нуждается в ограничении. Таким образом, присутствие мигрантов рассматривается значительной частью жителей как угроза стабильности межнациональных отношений. На такое отношение влияют многочисленные случаи конфликтных ситуаций с участием приезжих. При этом результаты соцопросов свидетельствуют, что отмечается значительное влияние мигрантов на местные мусульманские сообщества.

Например, г. Радужный ХМАО–Югры по праву считается одним из самых «исламизированных» населенных пунктов УрФО, четверть населения которого составляют представители мусульманских народов, преимущественно из регионов Северного Кавказа. В данном населенном пункте визуально отмечается значительное количество женщин, носящих платки, а также большое количество браков русских девушек с представителями народов, традиционно исповедующих ислам. По данным местных

экспертов, за последние 10 лет доля «этнических мусульман» населения г. Радужный возросла с 24% до 50%. Причем, уроженцев Северного Кавказа значительно потеснили таджики, образовав в двух микрорайонах города район своего компактного проживания. Какие процессы протекают внутри данного сообщества, неизвестно ни властям, ни местным правоохранительным органам.

Мигрантская среда на Урале заметно исламизирована. От 20 до 30% опрошенных иностранных граждан стараются придерживаться религиозных обрядов, предписываемых исламом. По нашим подсчетам, в Свердловской области за 5 лет количество мигрантов, посещающих мечети, выросло в 2,5 раза – с 9% до 24%.

Насколько сильно влияние официальных мусульманских религиозных организаций (далее – МРО) в УрФО? В регионах Урала ислам занимает второе место по количеству зарегистрированных религиозных организаций: 352 местных и централизованных (19% от общего числа религиозных организаций). Местные и централизованные МРО присутствуют во всех регионах округа. Лидерами являются Челябинская область – 105 МРО и Тюменская область – 90 МРО. Чуть менее половины мусульманских организаций входят в юрисдикцию Центрального Духовного управления мусульман России (ЦДУМ) – 129 МРО. Духовное управление мусульман Тюменской области (ДУМТО) контролирует 68, Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР) – 42; Духовное собрание мусульман России (ДСМР) – 39, Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМРФ) – 11. 42 МРО входят в состав независимых муфтиятов, являются независимыми или их юрисдикция не известна.

За исключением ЯНАО и ХМАО–Югры, где все МРО входят в состав единых региональных Духовных управлений мусульман, во всех остальных регионах УрФО присутствуют ЦРО и МРО нескольких юрисдикций. Отметим, что административное единство мусульманских общин на Ямале было достигнуто благодаря усилиям правоохранительных органов и региональных властей, устранивших конкурентов ЦДУМ. В Челябинской области региональные власти поддерживают самый крупный муфтият – РДУМ Челябинской области (ЦДУМ), игнорируя общины других юрисдикций. В Тюменской области власти сумели объединить общины трех юрисдикций (ДУМ Тюменской области, ДУМАЧР, ЦДУМ) в Координационный совет, чью деятельность поддерживают административно и финансово.

Наиболее сложная ситуация сложилась в Курганской области (действуют общины трех юрисдикций) и в Свердловской области из-за нали-

чия шести конкурирующих друг с другом духовных управлений. До середины 2010-х гг. между муфтиями уральских регионов, входивших в соответствующие структуры, было регулярное взаимодействие, но сейчас межрегиональное взаимодействие существенно ослабло. Периодические контакты осуществляют между собой только муфтии ЦДУМ (ЯНАО, Свердловская область, Челябинская область) под эгидой главного муфтия УрФО Рината Раева, но они довольно редки. Взаимодействуют между собой муфтии Свердловской области А. Ашарин и ХМАО–Югры Т. Саматов, входящие в ДСМР. Екатеринбург является центром по отношению к челябинским и курганским организациям ДУМРФ. То есть межрегиональные связи между мусульманскими структурами в последние годы деградировали.

Ощутимо также воздействие муфтията Дагестана, чьи имамы и представители газеты «ас-Салам» сумели взять под контроль ряд мечетей в ЯНАО и в ХМАО–Югре. Номинально действуя в составе местных муфтиятов, они проводят духовную линию Махачкалы, координируя между собой свою деятельность. Также следует указать на наличие шиитских общин из числа азербайджанцев, имеющих собственные молитвенные дома и имамов в Новом Уренгое, Екатеринбурге и Тюмени.

Уроженцы Центральной Азии составляют большинство прихожан мечетей в крупных и средних городах УрФО (при присутствии на джума-намазе лишь нескольких татар), заметным их присутствие становится и в корпусе мусульманского духовенства. В ряде мечетей они занимают посты имамов или помощников имамов (Свердловская область, ЯНАО, Челябинская область, Курганская область). Из-за нехватки кадров татарского духовенства муфтии вынуждены привлекать их, кроме того, они более эффективно работают со своими земляками-прихожанами.

Система исламского образования в УрФО представлена примечательными курсами, которые действуют практически при всех мечетях ЯНАО, ХМАО–Югры, Челябинской области, а в Свердловской, Тюменской и Курганской областях лишь при трети мечетей. В Троицке имеется единственное в УрФО медресе «Расулия». При этом есть проблемы финансирования образовательной работы: в Свердловской, Челябинской и Курганской областях муфтияты вынуждены проводить курсы повышения квалификации имамов за счет собственных или спонсорских средств, в отличие от Тюменской области, ХМАО–Югры и ЯНАО, где такие курсы оплачивает правительство. В Екатеринбурге, в Уральском государственном горном университете, ведется подготовка исламских теологов на бакалавриате и магистратуре с выдачей дипломов государственного образца.

Пути индоктринации экстремизмом

Случаи проявления радикального исламизма, к сожалению, не редки. Здесь в разные годы отмечалась активная деятельность представителей «Исламской партии Туркестана», «Нурджалар», «Хизбут-Тахрир», «Джамаат Таблиг». При этом в УрФО свыше четверти иностранных граждан находятся с нарушениями миграционного законодательства. Правоохранительные органы ежегодно выявляют как отдельных сторонников экстремистских и террористических организаций исламистского толка, так и целые группы, имеющие взрывчатку и оружие. Ряд таких групп при задержании оказывали вооруженное сопротивление и были уничтожены, например, в Тюмени в 2019 г. и в Екатеринбурге в 2020 г. Группы исламистов со взрывчаткой задерживали в Лянторе в 2020 г. и в Екатеринбурге в 2021 г. (сторонники «Талибана»).

Заместитель начальника отдела Центра противодействия экстремизму УМВД РФ по ХМАО–Югре А.В. Тартынский 22 декабря 2020 г. в своем выступлении отметил: «В текущем (2020) году выявлено уже 24 преступления террористического характера. Всего на территории округа за все годы, выявлено 114 преступлений террористического характера. В 2019 г. у нас были предотвращены на территории округа 3 террористических акта, планируемых жителями, проживающими на территории округа. То есть это говорит об очень серьезной ситуации. Официально у нас объявлено в розыск как скрывшиеся от следствия и суда, соответственно убывшие на территорию Сирийской Арабской Республики, более 50 человек».

Присутствие эмиссаров исламистских организаций и вовлечение в ряды таких организаций новых adeptов является следствием слабой религиозной грамотности основной массы мусульман и не очень активной просветительской и профилактической деятельности представителей официального мусульманского духовенства.

Анализ возбуждаемых уголовных дел в отношении сторонников экстремистских и террористических организаций исламистского толка свидетельствует о том, что большая часть преступлений связана с пропагандой исламистской идеологии в сети Интернет, а именно публикация видеороликов, текстов, иных материалов, оправдывающих деятельность террористических организаций, прежде всего, «Исламского государства», вербовка людей в данную организацию. Мониторинг социальных сетей и мессенджеров, прежде всего, «Вконтакте» и «Telegram», позволили выявить следующие особенности исламистской пропаганды на современном этапе.

На сегодняшний день в сети Интернет существует большое количество групп, которые пропагандируют радикализм и экстремизм в различных его проявлениях. Одно из направлений – это салафитское течение

ислама. Салафитские группы в социальных сетях в основном не блокируются, поскольку салафизм не запрещен в Российской Федерации, вследствие чего радикальные взгляды салафитских ученых эффективно распространяются их последователями в сети Интернет. Общение осуществляется на обучающих каналах, которые цитируют труды «классиков» салафитского богословия.

Последователи салафизма различаются по степени своей радикальности от тех, кто просто не признает традицию мазхабов, до тех, кто готов присоединиться к «джихаду» против «неверных». В любом случае, попадание мусульман в такие террористические группы, как запрещенное в России «Исламское государство», начиналось с того, что они являлись последователями салафитского направления в исламе. Под казалось бы безобидными картинками, содержащими вроде бы философские и общечеловеческие мысли салафитских богословов (которые в других своих трудах оправдывали убийства немусульман и проповедовали джихад в качестве религиозной обязанности каждого мусульманина), оставляют свои лайки и комментарии жители крупных уральских городов.

В ходе анализа подобных сообществ была выявлена следующая тенденция. Администраторы редко публикуют откровенно экстремистский или террористический контент, поскольку знают о мониторинге сетевого пространства, осуществляемого органами государственной власти и правоохранительными органами с целью выявления противоправного контента. Своеобразной приманкой служат демотиваторы с вполне невинными цитатами из трудов салафитских ученых, являющихся идеологами ряда радикальных исламистских групп, чьи труды зачастую входят в федеральный список экстремистских материалов. Подобные демотиваторы должны ориентировать пользователей в том, труды каких авторов лучше всего читать, чтобы «познать истинный ислам».

Также необходимо отметить, что для продвижения радикальных идей зачастую служат обычные, внешней невинные, группы исламской направленности. Например, если до 2020 г. в «ВКонтакте» было 387 групп, предлагающих услугу хиджама¹⁸, то на декабрь 2021 г. их было уже 528. Многие мигранты из-за отсутствия каких-либо документов, осуществляют свое лечение и, возможно, лечение своих родных, прибегая к помощи народных средств. К сожалению, в таких процедурных комнатах могут не только лечить, но и профессионально вербовать (обрабатывать) психологически больных людей, ссылаясь на болезни не только тела, но и души. Экстремисты умело используют различные методы вербовки в

¹⁸ Хиджама – метод оздоровления организма, используемый мусульманами и связанный с пусканием крови с целью очищения организма от «грязной» крови.

социальных сетях, в том числе при продаже мусульманской одежды, посуды, других атрибутов, создавая страницы в социальных сетях, привлекают на свою страницу все большую аудиторию. Анализ ряда исламских групп, ориентированных на жителей Урала, показывает, что только 1% участников данных сообществ придерживаются откровенно салафитских взглядов, а 11% могут быть подвержены воздействию радикальной пропаганды, поскольку нахождение в трудной жизненной ситуации является одним из значимых факторов, которые учитывают вербовщики при выборе объекта своего воздействия.

В мессенджере «Telegram» нами было обнаружено сообщество Образовательный Исламский Центр – Академия Корана «Алиф», расположенный в канале Телеграмм, которое мы подвергли исследованию¹⁹. Общее количество участников – 4237. Сообщество зарегистрировано в ноябре 2017 года. В сообществе выкладывается просветительская информация, содержащая отрывки из лекций, книг, видеоуроков салафитских и радикальных современных ученых, таких как Аль Усеймин, Мухаммад АбдульВаххаб, Ибн Баз и другие. Данные шейхи придерживаются радикальных методов решения задач, одобряющих и открыто призывающих осуществлять религиозный «джихад».

Академия имеет 20 предметов на платном отделении обучения. Приглашают на курсы по таким предметам, как арабский язык, шариат, Халифат, Три основы, история Пророка, и другие. Файлы, представленные на общедоступном для обозрения канале, содержат такие темы лекций, как «Посмотри, с кем ты дружишь», «Знания – приближение к Аллаху», «Лицемерие в религии», «Три основы» автора Абдуль Ваххаба. Также в рассылке имеются баннеры, содержащие запрещенную символику ИГИЛ и другие материалы радикальной направленности. В данной Академии происходит адресная индивидуальная работа, которая проводится со слушателями онлайн учебного заведения, по своей эффективности значительно превосходящая другие виды обучения.

В условиях острой нехватки на Урале исламских учебных заведений и невысокой активности женщин–мусульманок, по традиции в основном находящихся дома и занимающихся воспитанием детей, онлайн–медресе становятся прекрасной альтернативой для получения знаний по основам ислама и идеальной площадкой для продвижения экстремистских и террористических взглядов под видом традиционного ислама, поскольку женщины, поступающие в подобные учебные заведения, как правило, слабо ориентируются в исламской теологии.

¹⁹ Новости Академии Корана Алиф. URL: <https://t.me/AlifAkademyNovosti>.

Факторы радикализации по материалам уголовных дел

Наиболее уязвимыми категориями для вовлечения в деятельность экстремистских и террористических организаций остаются женщины–мусульманки, трудовые мигранты, подростки и люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Об этом свидетельствуют материалы проанализированных уголовных дел. На основании исследования материалов, хранящихся в следственном отделе УФСБ России по Свердловской области²⁰, выявлено, что за период с 2011 по 2018 гг. правоохранительными органами Свердловской области было возбуждено 32 (первичных, без учета последующих выделений в отдельное производство) уголовных дела с террористической окраской в отношении 52 лиц, двое из которых – не установлены. Объекты в возрасте от 19 до 54 лет (по расчету на 2018 г.), 51 лицо мужского пола, 1 лицо – женского. Средний возраст осужденного за преступления террористического характера составил 32 года.

Попытаемся составить коллективный портрет тех, кто был привлечен к уголовной ответственности за преступления террористической направленности на территории Свердловской области. Тридцать осужденных являются гражданами Российской Федерации, 5 – Республики Таджикистан, 4 – Республики Кыргызстан, 1 – Республики Узбекистан, по 12 данные в материалах уголовных дел отсутствуют. Статистические данные по национальности лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершения преступлений террористического характера, распределились следующим образом: 13 – русские, 9 – таджики, 8 азербайджанцы, 5 – кыргызы, 4 – узбеки, 2 – татары, 1 – чеченец, 1 – ингуш. По 9 осужденным данные не представлены.

В преобладающем большинстве случаев (17) – это люди со средним полным или неполным образованием (5 классов – 1, 8 классов – 1, 9 классов – 2); средне–специальное образование имеется у 7 человек, высшее – также у 7 (1 – окончил Институт МВД России). В основном люди с низким материальным достатком (13). Доминирующими являются рабочие специальности: разнорабочий (2), грузчик (2), водитель (3), сборщик мебели, охранник (1), комплектовщик (1), дворник, маляр (1), плотник (1), прокладчик кабеля (1), машинист (1), обслуживающий персонал в школе (1). 1 осужденный являлся индивидуальным предпринимателем в сфере организации быстрого питания с высоким материальным достатком, 1 – директором кафе. 10 осужденных не работали. Двое – ранее судимы и приобщились к радикальному исламу в местах лишения свободы. 16 человек находятся в зарегистрированном браке, у тринадцати имеются дети.

²⁰ Преступления террористической направленности находятся в зоне ответственности органов государственной безопасности.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что для подавляющего большинства лиц, привлеченных к уголовной ответственности, доминантными идеологическими установками являлись:

– строгое следование канонам ислама вплоть до фанатизма, совершенные пятикратного намаза (обязательной молитвы мусульман), включая прекращение любой деятельности для его осуществления в любом месте и в любое время;

– идея ведения вооруженного «джихада» как священной войны против светского правительства как обязанность каждого истинного мусульманина для установления законов шариата;

– в связи с пониманием того, что Российская Федерация является для указанной категории лиц страной куфра (неверия) – идея совершения «Хиджры» (переселения) в страну, где главенствуют законы шариата.

В 88% случаев – регулярное посещение мечети, в 86% – презрение по отношению к представителям иных конфессий, в том числе последователям шиизма, необходимость ведения войны против светского правительства в местах проживания мусульман, а также осуждения светской жизни, в том числе запрещение прослушивания музыкальных композиций, просмотра кинофильмов, отрицание праздников, не имеющих основания в исламе. В 84% случаев выявлено осуждение мусульман, не разделяющих данных взглядов, а также принуждение их к этому, вплоть до полного разрыва отношений, в том числе и с родственниками. Идеология постройки Всемирного Халифата присутствует в 79% случаев, 51% – указали на необходимость проведения религиозных обрядов по подобию арабских стран (Королевство Саудовская Аравия), в 47% случаев объекты при ведении пропаганды использовали высказывания средневекового арабского богослова Ибн Таймии (1263–1328), в 19% случаев происходила «романтизация» образа боевика.

Проведенное исследование показало, что индоктринация радикальной идеологии происходит следующим образом. Человек, являясь мусульманином по рождению, либо представителем иной конфессии, изначально не придерживался религиозных канонов. Под влиянием трудных жизненных обстоятельств он начинал искать утешение в религии и в результате принимал ислам. Не имея прочных фундаментальных знаний и располагая поверхностным представлением об исламе, потенциальный террорист пытался найти ответы на свои вопросы в Интернете и попадал под влияние проповедников, формирующих искаженное понимание ислама. Как результат этого, возникает фанатичное, строгое следование таким внешним канонам ислама, как регулярное посещение мечети, общение с единоверцами, доказывание превосходства мусульманства как рели-

гии и образа жизни. При этом, светские праздники, прослушивание музыки воспринимаются как запретные, относящиеся к категории «бид'а», то есть к нововведениям в исламе.

Со временем преобладающими установками становятся ведение «священной войны истинных мусульман» (джихада) для очищения ислама, свержения светского правительства и построения Всемирного Халифата, с установленными законами шариата. Страны со светским правлением объявляются зонами неверия (так называемого куфра), из которых необходимо совершить переселение (хиджру) на территорию Ближневосточного региона, при осуществлении которой мусульманину будет дано освобождение от имеющихся грехов. Лица иных конфессий, христиане, буддисты, евреи, последователи шиитского течения в исламе, а также мусульмане–сунниты, не разделяющие указанные выше взгляды, объявляются «кяфирами», то есть неверными, которые подлежат уничтожению.

В общении с окружающими эти люди стремятся навязать свое мировоззрение, представляя свои взгляды как единственно верные. Религиозные обряды проводятся по образу арабских стран, в частности, как в Королевстве Саудовская Аравия. Исповедание этих ценностных установок, как правило, сочетается с религиозной безграмотностью, отсутствием фундаментальных знаний исламской истории, Корана, Сунны, незнанием арабского языка. Правомерность своих взглядов они доказывают при помощи вырванных из контекста аятов Корана, приведения сомнительных хадисов, без знания цепочки передатчиков (иснада), обращения к пропагандистским лозунгам, озвучиваемым представителями экстремистских террористических организаций.

Посещая ряд колоний, одному из авторов доводилось общаться с лицами, осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности. Также его несколько раз привлекали в качестве эксперта – религиоведа для написания экспертных заключений по материалам из колоний, в которых осужденные призывали своих сокамерников к поддержке экстремистских и террористических организаций. Это были люди с разным прошлым, осужденные за различные преступления к различным срокам отбывания наказания. Но в психологическом плане их объединяло одно: будь это террорист, осужденный еще в 2000-е гг. за преступления, совершенные во время второй чеченской кампании, будь это молодой человек, получивший свой первый срок в конце 2010-х гг., будь это кто-либо иной, они, как правило, являются идейными сторонниками той или иной исламистской экстремистской или террористической организации. Они, несмотря на угрозу получения нового срока, будут упорно доказывать окружающим – сокамерникам и даже офицерам ФСИН правоту сво-

ей идеологии, убеждать их в правильности данных идей, а, видя заинтересованность, вербовать и вовлекать в деятельность экстремистской или террористической организации.

Очень серьезной проблемой является то, что, даже отсидев десять, пятнадцать лет, эти люди выходят на свободу, так и не отказавшись от своих убеждений, и продолжают оставаться опасными для общества. Все это ставит серьезные вопросы в области профилактики идеологии экстремизма и терроризма среди родственников осужденных лиц и усиления надзора за теми, кто вышел из мест лишения свободы.

Выводы

Обобщая ситуацию по региону, можно сделать вывод, что откровенно экстремистский и террористический контент исламистской направленности все реже встречается в социальных сетях, прежде всего, конечно, в силу мониторинга интернет-пространства, осуществляемого Роскомнадзором, правоохранительными органами и другими структурами. Тем не менее, обнаружено значительное количество салафитских групп, в которых состоят в том числе и жители регионов Уральского федерального округа, распространяющих богословские взгляды, в значительной степени отличающиеся от «традиционного ислама» ханафитского и шафиитского мазхабов, распространенных в Российской Федерации. Администраторами таких сообществ создается информационный контент, не противоречащий законодательству Российской Федерации, но адресующих читателей к первоисточникам, содержащим деструктивную информацию. Более предметная агитация ведется через мессенджер Telegram, закрытые сообщества, маскирующиеся, например, под онлайн-школы по изучению основ ислама. Наиболее уязвимыми группами для воздействия радикальной пропаганды остаются молодые женщины, трудовые мигранты и «русские мусульмане».

В качестве метода противодействия распространению подобного контента можно *рекомендовать органам государственной власти стимулировать Духовные управления мусульман к ведению более активной разъяснительной работы в виртуальном пространстве. Также можно рекомендовать органам государственной власти оказывать содействие повышению качества религиозного образования.*

– востребована организация среднего медресе по типу «Расулия» и в других регионах Урала, например, в Тюменской области, поскольку курсы повышения квалификации имамов не могут заменить систематического образования.

– Совет по исламскому образованию может предложить муфтиятам УрФО типовые программы для примечетских курсов, чтобы привести

систему начального исламского образования в регионах Урала к единому образю, а также использовать позитивный опыт РДУМ ЯНАО по созданию онлайн-медресе.

– необходимо системно и на регулярной основе проводить курсов повышения квалификации для имамов УрФО.

Необходимо уделять внимание созданию качественного информационного контента богословского содержания для социальных сетей, активизации работы ДУМов в данном направлении при поддержке региональных органов власти. Также важен вопрос поддержки собственных активных проповедников с точки зрения развития у них компетенций не только богословских, но и информационных, психологических для продвижения ценностей традиционного ислама в доступной для молодежи форме.

Необходимо преодолевать ситуацию организационной раздробленности мусульманских организаций в ряде регионов УрФО, поскольку разобщенность мусульманских структур и их конкуренция друг с другом не позволяют консолидировать усилия в области просветительской деятельности и контрэкстремистской пропаганды.

В регионах УрФО фактически отсутствует духовно–нравственная и просветительская работа с мигрантскими сообществами. Представляется эффективным создание в регионах УрФО команд, включающих в свой состав квалифицированного имама, юриста, специализирующегося на вопросах миграционного законодательства, теолога, других специалистов, которые проводили бы разъяснительную работу в местах компактного проживания или работы иностранных граждан о необходимости соблюдения действующего российского законодательства, ответственности за его нарушения, оказывали бы правовую и духовную поддержку мигрантам. Такие же консультации можно проводить и в стенах мечетей.

Общие выводы

Несмотря на социально-демографические и культурные отличия трех изучаемых регионов, практики индоктринации в них имеют сходные проявления.

1. Наиболее подвержены влиянию экстремистских идей люди, по разным причинам исключенные из сообществ и практик, ориентированных на развитие, достижение своих целей в рамках существующих государственных и общественных институтов, созданных ими условий для самореализации и соответствующих идеологических тезисов и этических норм.

В Дагестане это чаще всего молодые люди, которые не смогли реализовать свои устремления в рамках непрозрачной системы, созданной «для своих» и не получившие в семьях навыков критического осмысления поступающих извне рецептов изменения ситуации к лучшему. Поэтому они

с готовностью воспринимают радикальные версии социальных трансформаций, предлагающих простые картины того, что нужно сделать «здесь и сейчас».

В Подмосковье это те трудовые мигранты, которые, с одной стороны, не интегрированы в структуры принимающего общества и не считают его своим, а с другой, не нашли понимания со стороны неформальных структур, созданных мигрантами для взаимоподдержки и социального контроля внутри сообществ.

В Уральском федеральном округе в условиях конкуренции религиозных организаций, созданных традиционным для региона мусульманским тюркским населением и теми, что возникли благодаря интенсивной миграции новых мусульман из разных областей Кавказа и Центральной Азии, человеку, ищущему социальной стабильности и идеологической устойчивости, трудно сделать правильный выбор и не оказаться в орбите влияния агентов индоктринации экстремистскими идеями.

2) Поиски альтернативных существующим условий самореализации имеют, как правило, социальную природу, но в силу распространенности адаптированных к современным условиям версий ислама и активности его неформальных проповедников, которые достигают своей аудитории повсюду, они обретают характер религиозных устремлений. К тому же, ислам, в силу своей социальной вписываемости в любые дискуссии социально-этического характера. Нужно добавить, что подавляющая часть жителей Дагестана и значительная часть мигрантов в Подмосковье и на Урале выросла в условиях повседневного распространения исламских представлений и формулировок и поэтому воспринимает радикальные идеи, изложенные с использованием риторики исламских положений, как не вызывающие подозрений, знакомые с детства, успокаивающие и т.д.

3) Не всегда очевидная действенность борьбы с распространением экстремизма объясняется не достигнутым пока симбиозом методов религиозоведения, психологии и социологии. Редко можно встретить, чтобы человек, склонный к экстремизму, рассматривался одновременно как носитель определенных религиозных воззрений, социальных ожиданий и психологических установок. Игнорирование любого из этих аспектов делает усилия по противодействию экстремизмом не полными и не эффективными. Для более успешной работы необходима дискредитация религиозных тезисов экстремизма, демонстрация иллюзорности обещанных радикалами картин «идеального халифата» и учет свойственных конкретному человеку особенностей восприятия идущей извне информации.

Но самым важным средством, препятствующим распространению экстремистской идеологии и делающим ненужными практики вовлечения в террористическую деятельность, является создание условий для удовлетворения естественных устремлений людей (семейное благополучие, социальное признание, творческое самовыражение) силами существующих государственных и общественных институтов. Имея перспективу достигнуть исполнения своих желаний в ходе социально одобряемой деятельности на благо себя и своих близких, человек не будет отвлекаться на поиски альтернативных путей, предлагаемых радикалами и экстремистами.

Часть 2

**Экстремистские практики
и механизмы противодействия**

РУССКИЙ МАРШ – КСЕНОФОБСКИЙ ЛИК «НАРОДНОГО ПРАЗДНИКА»

В.А. Шнирельман

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/7>

В ноябре 2014 г. один из организаторов «Русского марша» Д. Демущин заявил, что движение разгромлено¹, а в ноябре 2018 г. это подтвердил известный русский националист Егор Холмогоров, посетовавший, что движению не суждено будет отпраздновать свое пятнадцатилетие².

Почему движение, с большим энтузиазмом начатое в 2005 г. в надежде на скорую «русскую весну», потерпело крах? Как оно возникло, чем руководствовалось и какие цели ставило, каким был состав его участников, как они относились к существующей в России власти и какую судьбу готовили России, почему в движении не было единства и его преследовали расколы, чем был вызван его закат после 2013 года?

Все эти вопросы достаточно актуальны, так как, во-первых, напрямую касаются особенностей современного русского национализма и перспектив его дальнейшего развития, а во-вторых, позволяют обсудить оценку марша экспертами – от «респектабельного охранительного движения», с точки зрения правых идеологов, до «коричневого марша», в глазах либералов, левых и правозащитников.

Цель данной статьи состоит в анализе конкретного ультраправого мероприятия в контексте, во-первых, современной праздничной культуры, а во-вторых, ксенофобских интенций и ксенофобской риторики. Обычно народный праздник связывается исследователями с восстановлением общественной солидарности путем ритуальных действий. Некоторые вслед за Э. Дюркгеймом видят в таких праздниках «мощные активаторы сплоченности и связей»³. Однако, как подчеркивают отдельные авторы, «какой-либо праздник может быть интегрирующим для определен-

¹ Набережнов Г. В Люблино начался «Русский марш» // РБК, 4 ноября 2014. URL: <http://top.rbc.ru/politics/04/11/2014/5458a53bcbb20f36710e34e6>.

² Холмогоров Е. Почему умер Русский марш // Четыре пера, 4 ноября 2018. URL: http://www.4pera.ru/news/tribune/egor_kholmogorov_pochemu_umer_russkiy_marsh/. О конспирологической версии заката марша см.: Гревцев И. «Русский марш» должен быть подобен «Бессмертному полку!» // Русский Вестник, 16 ноября 2017. URL: <http://www.rv.ru/content.php?id=12320>.

³ Etzioni A. The Monochrome Society. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2001. P. 113–140; Этциони А. Праздники: забытая колыбель добродетели // Неприкосновенный запас. 2015. № 2. С. 15–30.

ной группы, но не все праздники интегративны для общества в целом»⁴. В данном случае речь и идет о ксенофобском переформатировании⁵ праздника ультранационалистами, что придает ему дезинтегративную функцию.

Для изучения особенностей и динамики «Русского марша» использовался метод включенного наблюдения. Исследования, проводившиеся мною в 2011–2018 гг., позволили оценить состав участников марша и социальную обстановку, в которой он проходил, проанализировать его лозунги, понаблюдать за поведением его участников, послушать их разговоры, уловить смену их настроений, а также познакомиться с литературой, предлагавшейся участникам марша лотошниками, разделявшими их взгляды. Помимо наблюдений, мною использовалась фотофиксация различных сюжетов, и каждый марш давал мне до сотни фотографий, позволявших уточнять отдельные детали. Кроме того, для уточнения информации о марше я пользовался ежегодными отчетами информационно-аналитического Центра «Сова», плодотворно занимающегося многолетним мониторингом праворадикального движения.

Чтобы понять обстановку возникновения «Русского марша», следует понять, чем был 2005 год для России. С одной стороны, к этому времени закончилась вторая чеченская война и, благодаря успешному подъему нефтегазовой отрасли, Россия стала выходить из финансово-экономического кризиса конца 1990-х гг., и уровень благосостояния ее населения начал постепенно расти. Но, с другой стороны, конец чеченской войны был отмечен ужасным терактом в Беслане (Республика Осетия–Алания) 1 сентября 2004 г., а развитие сырьевой экономики сопровождалось агрессивной политикой государства в отношении бизнеса («дело ЮКОСа»). Начало второй каденции президента Путина ознаменовалось укреплением вертикали власти и наступлением на демократические свободы. Ведь, как тогда заявлял сам Путин, власть всерьез опасалась утраты ряда южных территорий и дезорганизации государства⁶. Масла в огонь подливали и события в соседней Украине, где, вопреки надеждам российской власти, на рубеже 2004–2005 гг. развернулась «оранжевая революция», породившая у власти опасения того, что это может повториться и в России.

⁴ Там же.

⁵ О переформатировании официального праздника, превращающем его в выражение протеста см.: Поллетта Ф. Отпразднуем наши разногласия? Праздники и социальный протест // Неприкосновенный запас. 2015. № 2. С. 102–122.

⁶ Интервью Владимира Путина ведущим российским телеканалам // Первый канал, 18 ноября 2004. URL: https://www.1tv.ru/news/2004-11-18/237786-intervyu_v_putina_vedu_schim_rossijskim_telekanalam.

На это власть ответила формированием и поддержкой молодежных движений, обученных видеть Россию в кольце врагов и направленных против любых оппозиционных общественных выступлений вплоть до физических расправ с протестующими⁷. Однако, как отмечал Холмогоров, в этих движениях наблюдалось засилье карьеристов, и у русских националистов они не пользовались большим уважением. Поэтому радикальные русские националисты решили взять на себя задачу охранительства по примеру пресловутой «Черной сотни» предреволюционной эпохи.

2005 год начался с инициированного православным монархистом М. Назаровым скандального письма, подписанного двадцатью депутатами Госдумы, требовавшими запрета всех еврейских организаций вкупе с иудаизмом за «религиозный экстремизм». К весне 2005 г. это письмо набрало 5 тыс. подписей⁸, и в Генпрокуратуре встал вопрос о возбуждении дела против издания средневекового иудейского свода законов «Шулхан Арух», что вызвало международный скандал. Хотя летом эта кампания прекратилась, она показала, что прочный иммунитет от антисемитизма во властных органах отсутствует.

В еще большей мере она выявила готовность власти к поиску врага, чем и занялось созданное в мае 2005 г. прокремлевское движение «Наши»⁹. Летом того же года патриарх Алексей II впервые благословил устраиваемый православными фундаменталистами крестный ход в связи с годовщиной расстрела царской семьи, что означало сдвиг РПЦ МП к радикальному консерватизму в борьбе за десекуляризацию общества¹⁰. Тогда же внутри русского национализма возникло интеллектуальное неоконсервативное течение, деятельность которого нашла отражение в

⁷ Борусяк Л. «Наши»: кого и как учат спасать Россию // Вестник общественного мнения (Левада-Центр), 2005 № 5. URL: <http://polit.ru/research/2005/11/25/borusjak.html>; Беккер В. «Гербалайф» высокого полета. Сетевые партии и «поджог рейхстага» в Москве // Политический журнал, 1 августа 2005/ URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=69&tek=3913&issue=113>; Ихлов Е.В. Самодержавное дежавю. Зачем возвращают черную сотню // За права человека, 20 октября 2005/ URL: <http://zaprava.ru/news2/news.php?id=107>.

⁸ Депутаты призывают Генпрокуратуру запретить в России иудаизм // Портал социально-демократической политики, 24 января 2005/ URL: <http://www.psdp.ru/news/russia/77072925>; Дейч М., Каждая В. Герой вонючего рынка, или «православные патриоты» на тропе войны // Московский комсомолец, 24 июня 2005. URL: <http://www.mk.ru/numbers/1693/article56369.htm>.

⁹ Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под. ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

¹⁰ Солодовник С. Творческий союз с фундаменталистами // Еженедельный журнал, 22 июля 2005. URL: <http://www.ej.ru/comments/entry/1461/>.

пространном тексте «Русской доктрины», обнародованном в 2005 г.¹¹ Кроме того, в 2003–2005 гг. успехов добилась новая политическая партия «Родина», позволившая ряду известных русских радикальных националистов быть избранными в Госдуму – они-то и участвовали в кампании против «Шулхан Аруха». Наконец, в 2003 г. Александр Дугин основал Международное евразийское движение, при котором в 2005 г. был создан Евразийский союз молодежи (ЕСМ).

Не отставали и более мелкие неформальные группы. Так, в 2005 г. было объявлено о возрождении «Союза русского народа» к столетию его черносотенного прототипа, и первым руководителем организации был избран хорошо известный в патриотических кругах скульптор Вячеслав Клыков. В конце 2005 г. возглавляемый им Международный фонд славянской письменности и культуры торжественно отметил 1040-летнюю годовщину победы князя Святослава над Хазарией, в чем русские националисты усматривают важный символ успешной борьбы с «инородцами»¹².

На этом фоне происходила активизация радикальных русских националистов, игравших на охвативших широкие слои общества ксенофобских чувствах, направленных прежде всего против «мигрантов», т.е. людей, массами приезжавших как с Кавказа, в том числе, Северного, так и из новых постсоветских государств Центральной Азии¹³. Здесь надо различать, с одной стороны, возникшее в 2002 г. «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), пытавшееся путем массовых выступлений заставить власть резко ограничить поток мигрантов¹⁴, а с другой, уличную активность скинхедов, полагавшихся на насильственные методы устрашения мигран-

¹¹ Зверева Г. Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // *Верхи и низы русского национализма* / Под. ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 121–144.

¹² Детально см.: Шнирельман В.А. *Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки*. М.: Мосты культуры-Гешарим, 2012.

¹³ Верховский А. Идејная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы // *Верхи и низы русского национализма* / Под. ред. А. Верховского. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32; Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М.: НЛО, 2011. Т. 2.

¹⁴ Кто делает Россию для русских? // *Маркетинг и консалтинг*, 8 августа 2005. URL: <http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=22814>; Макаркин А. Движение против незаконной иммиграции // *Политком.ру*, 9 ноября 2005. URL: <http://www.politcom.ru/2005/analit269.php>; Дейч М. Арийцы, вперед! Правда правого марша // *Московский комсомолец*, 13 апреля 2006; Shlapentokh D. The evolution of Russian nationalists and the perspectives of Russian's relationships with Caucasian minorities // *the CACI Analyst*, 2008, vol. 10, no. 18. URL: <http://www.cacianalyst.org/?q=node/4936>.

тов вплоть до жестоких избиений и убийств¹⁵. В 2005 г. оба движения переживали подъем, и ДПНИ охотно включало скинхедов в свои ряды.

Таким образом, в 2005 г. в России происходили важные политические изменения и наблюдались политические нововведения, удалявшие ее от демократии¹⁶. Одним из таких нововведений стал утвержденный Госдумой в декабре 2004 г. «День народного единства» 4 ноября, который власть попыталась сделать едва ли не главным праздником, с одной стороны, в честь победы над поляками в 1612 году, а с другой – для восстановления дореволюционного православного чествования Казанской иконы Божией матери. Праздник был восстановлен по инициативе митрополита Кирилла, будущего патриарха, который делал акцент на массовом героизме и патриотизме и в то же время видел в событиях 1612 г. аналогию современным событиям¹⁷. Они, на его взгляд, должны были предостеречь против заимствования чужого модернизационного опыта за счет утраты государственного суверенитета и веры. Иными словами, он подчеркивал антизападническое наполнение праздника, демонстрировавшее антизападническую идентичность России.

Вместе с тем, около десяти лет праздник был фактически монополизирован ксенофобским «Русским маршем», не сплывающим, а, напротив, раскалывающим общество¹⁸. Как и почему это произошло? Впервые шествие состоялось по инициативе лидеров ЕСМ, подавших заявку на организацию «Правого марша». Для придания ему массовости они объединились с такими радикальными движениями как ДПНИ, НПФ «Па-

¹⁵ Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Academia, 2010.

¹⁶ Умланд А. Новый «особый путь» России после «оранжевой революции»: радикальное антизападничество и паратоталитарный неавторитаризм 2005–2008 годов // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 251–254.

¹⁷ День народного единства, год 2014-й // Русская православная церковь, 12 ноября 2014. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/296574.html>.

¹⁸ Виноградов М., Коныгина Н., Киселева П., Роткевич Е. Националисты приватизировали праздник // Известия, 7 ноября 2005. URL: <http://izvestia.ru/russia/article3004233>. Также см.: Куда идет «русское движение» // Русский журнал, 2 ноября 2011. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/11/d22920/>; Zuev D. A Visual Dimension of Protest: An Analysis of Interactions during the Russian March // Visual Anthropology. 2010. Vol. 23. No. 3. P. 221–253; idem. The Russian March: Investigating the Symbolic Dimension of Political Performance in Modern Russia // Europe-Asia Studies, 2013, vol. 65, no. 1. P. 102–126; Бушуев М. Немецкие аналитики: Национализм стал инструментом российских властей // dw-world, 3 ноября 2011. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15509060,00.html>; Шнирельман В.А. Народный праздник: консолидация или раскол общества // Неприкосновенный запас, 2018, № 6. С. 262–279.

мять», Русский общенациональный союз (РОНС), Русское общественное движение (РОД), общество «Правда» и Национал-патриоты России, к которым примкнули футбольные фанаты, а также члены Национально-державной партии России (НДПР), национал-социалистического движения «Славянский союз» (СС) во главе с Дм. Демушкиным, шовинистического «Русского национального единства» (РНЕ) и скинхеды¹⁹. В марше участвовал и радикально настроенный депутат Госдумы РФ Николай Курьянович. В итоге марш собрал под свои знамена 2,5–3,0 тысячи агрессивных людей по большей части 20–35-летнего возраста, которые прошли от памятника Грибоедову по бульварному кольцу и улице Солянке до Славянской площади.

Во главе марша шли активисты из Союза православных граждан с иконами в руках, среди которых оказался и публицист Егор Холмогоров. Это стало традицией, и в дальнейшем марш возглавляли люди с православной символикой, иконами и православными лозунгами. Следом за ними шла колонна ЕСМ с черно-желтыми имперскими флагами и лозунгом «Россия против оккупантов». Далее двигалась длинная колонна ДПНИ, к которой присоединились бритоголовые и прочие радикалы. Причем одной из самых агрессивных была колонна «Славянского союза». Марш закончился митингом у памятника Кириллу и Мефодию, где ораторы обличали Запад в агрессии и призывали выступить против нового украинского режима²⁰.

Настроения участников марша изначально содержали зерна раскола: если ЕСМ демонстрировал откровенное антизападничество, особенно, антиамериканизм, и выступал против «оранжевой революции», то ДПНИ делало акцент на «депортации нелегальных иммигрантов»; если для ЕСМ врагами являлись те, «кто готовит тенденции, которые могут привести к распаду государства», то для деятелей ДПНИ врагом виделась «массовая неконтролируемая миграция, люди, которые приезжают на нас наживать-ся»; если ЕСМ стоял за империю, то многие другие хотели «русского

¹⁹ Об истории организации первого «Правого марша» см.: Горский Ю. Русский Правый Марш-2005. Как это было на самом деле // Агентство политических новостей, 30 октября 2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=18236>.

²⁰ Савина Е. День националистического единства. В Москве прошел марш профашистских организаций? // Коммерсант, 7 ноября 2005. С. 6. Об истории марша глазами его участников см.: Александр Белов: «Единая Россия» скоро приватизирует идею «Русского марша» // Новый Регион-2, 22 октября 2008. URL: <http://www.nr2.ru/moscow/202382.html>; Бенедиктов К. Национализм как ответ // Взгляд, 6 ноября 2009. URL: (<http://www.vz.ru/columns/2009/11/6/345959.html>); Холмогоров Е. Почему умер Русский марш // Четыре пера, 4 ноября 2018. URL: http://www.4pera.ru/news/tribune/egor_kholmogorov_pochemu_umer_russkiy_marsh/.

национального государства» и требовали установления «русской власти». Причем православные активисты понимали ее исключительно как православную монархию. Они пытались придерживаться христианской лексики и символики, хотя некоторые из них не могли сдержать своих крайне правых настроений. Неонацисты считали врагами любых «инородцев», но особенно – евреев, и выкрикивали нацистские лозунги. Лишь антипольских взглядов здесь не наблюдалось. В 2013 г. в марше даже принимала участие небольшая группа с лозунгом братства русского и польского народов, но это была дружба не столько «за», сколько «против» – против мигрантов.

Антимигрантские лозунги нашли поддержку и в рядах ЕСМ, откуда также раздавались призывы идти на Киев для свержения «оранжевой власти». Примечательно, что среди прочих лозунгов был и лозунг итальянских фашистов: «A tutti! Avanti! Benito Mussolini!» Перед маршем активисты РНЕ раздавали желающим листовки и нацистскую символику. Звучали также призывы против «воровской власти» и требования отставки правительства. Правда, позднее организаторы марша все это либо отрицали, либо списывали на счет провокаторов²¹. В любом случае марш с самого начала был окрашен духом русского этнонационализма.

Протесты правозащитников, тут же выступивших с осуждением марша, были оставлены Прокуратурой г. Москвы без внимания. Никакого экстремизма в действиях участников марша там не усмотрели²². Оценку марша правозащитниками разделяли в правительстве Москвы и Госдуме, но и это не помогло привлечь радикалов к ответственности. Федеральные каналы ТВ стыдливо марш не показали.

Радикалы сочли первый опыт марша неожиданной удачей, и это помогло им на время сплотиться, причем вокруг ДПНИ, на несколько лет ставшим признанным лидером марша, тогда как евразийцы, шокированные поднятой им волной ксенофобии, перестали в нем участвовать. Зато в 2006 г. в состав оргкомитета вошли несколько депутатов Госдумы, в том числе Дмитрий Rogozin и Андрей Савельев от партии «Родина», Николай Курьянович от ЛДПР (но накануне марша он был оттуда исключен) и некоторые другие. К маршу присоединился и известный националист

²¹ Габриелян М., Барабанов И. «Зига-зага» и черный крест // Gazeta.ru, 9 ноября 2005. URL: http://www.gazeta.ru/2005/11/09/oa_177198.shtml; Александр Дугин: Национализм ненависти – убийственен для России! // Правда, 2 мая 2006. URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/02-05-2006/83168-Dugin-0>.

²² Никольский В. Снова «неведомые нацисты». Московский Антифашистский центр намерен добиться уголовного преследования организаторов «Правого марша» 4.11.2005 года // Портал–Credo.Ru, 5 марта 2006. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=41084>.

Сергей Бабурин со своим «Народным союзом»²³. Алексей Навальный, входивший тогда в московское отделение социал-демократической партии «Яблоко», согласился в 2006 г. стать наблюдателем на заседаниях оргкомитета «Русского марша», найдя его лозунги вполне приемлемыми²⁴. В 2011 г. он даже прошел весь путь в составе марша, разделяя его антимигрантские и антикоррупционные лозунги, а затем выступил на митинге. Тогда марш едва ли не впервые подхватил его лозунг «Долой партию жуликов и воров», ставший с тех пор одним из главных лозунгов марша. Больше Навальный на «Русском марше» не появлялся, хотя регулярно выражал ему свою поддержку²⁵.

Участвовавших в марше федеральных политиков спланировала его этнонационалистическая (русофильская) и антимигрантская повестка дня, и их не смущало сотрудничество с неонацистами. У марша имелся и расистский компонент, особенно ярко представившийся в 2007, 2009 и 2010 гг. личным участием американского расиста и антисемита Престона Уиджинтона²⁶, установившего тесные отношения с лидером ДПНИ Александром Беловым (Поткиным).

Если в 2005 г. костяк марша состоял из мужчин молодого и среднего возраста, то затем произошло его омоложение, и в дальнейшем основную его массу представляли 17–25-летние юноши. Женщины участвовали в марше много реже.

В то же время пестрый состав участников марша с самого начала обрекал его на постоянные расколы, что обнаружилось уже при организа-

²³ Зубченко Е. *Нацизм пройдет? В марше националистов готовы принять участие депутаты Госдумы* // Новые Известия, 19 октября 2006. С. 1–2.

²⁴ Это послужило основой конфликта Навального с партией «Яблоко», и в 2007 г. ему пришлось отсюда уйти. Впрочем, по словам журналистки Е. Альбац, это она уговорила молодого Навального искать альянса с русскими националистами в надежде повернуть их против Путина. Об этом см.: Gessen M. *The evolution of Alexey Navalny's nationalism* // The New Yorker, February 15, 2021. URL: <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/the-evolution-of-alexey-navalnys-nationalism>.

²⁵ Э. Паин характеризует Навального как «социального популиста» и подчеркивает отсутствие у него ксенофобии. См.: Паин Э. *Динамика ксенофобии в эпоху популизма: опыт макросоциального анализа* // Вестник Общественного мнения, 2018, № 3-4. С. 28–30. Детально о Навальном и его настроениях, тяготеющих к крайне правому флангу, см.: Laruelle M. *Russian Nationalism Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*. London: Routledge, 2019. P. 180–188. Но, по словам очевидцев, во второй половине 2010-х гг. взгляды Навального дрейфовали влево. См.: Gessen M. *The evolution of Alexey Navalny's nationalism*.

²⁶ О нем см.: Holthouse D. *From Russia, With Hate. Key Racist Activist Emerges in U.S., Russia* // Intelligence Report, Summer 2008, no. 130. P. 22–25.

ции и в ходе первого «Правого марша»²⁷. При подготовке марша 2006 г. активисты из ДПНИ и православные хоругвеносцы не поладили с ультранационалистами из «Славянского союза» Дмитрия Демушкина. Затем православные хоругвеносцы разошлись и со сторонниками ДПНИ. По сути, речь шла о противоречиях православных монархистов с этнонационалистами, обнаружившими устойчивый тренд к неоязычеству и расовому подходу. Именно тогда по инициативе ДПНИ движение было переименовано в «Русский марш», тогда как православные хоругвеносцы сохранили верность «Правому маршу» и провели отдельный «православный патриотический марш».

К 2009 г. ДПНИ (запрещено в 2011 г.) примирилось со «Славянским союзом» (запрещенный в 2010 г., он тогда преобразовался в «Славянскую силу»), и с тех пор их лидеры Белов и Демушкин, создавшие в 2011 г. общее движение «Русские» (запрещено в 2015 г.), выступали в течение ряда лет главными организаторами марша. Но теперь у них возникло соперничество с национал-демократическим движением РОД Константина Крылова²⁸, также претендовавшим на организацию «Русского марша». Впрочем, им удалось договориться, и с тех пор они совместно устраивали марш, хотя и шли разными колоннами.

Вначале в конкуренции отдельных фракций побеждали этнонационалистические ценности, разделявшиеся большинством участников движения, что не мешало популярности имперских черно-желто-белых знамен. Численность участников марша достигала нескольких тысяч человек (от 1,0–3,0 тыс. в 2006–2009 гг. до 5–7 тыс. в 2010–2013 гг.), тогда как несколькими десяткам православных имперцев долго приходилось довольствоваться митингами на Славянской площади или крестным ходом по Тверской улице. Но расколы не переставали преследовать движение, и вечером 4 ноября 2006 г. «Народный союз» Бабурина устроил свой митинг на Девичьем поле. Зато православные хоругвеносцы разделились: некоторые согласились идти в первых рядах «Русского марша», но большинство примкнули к альтернативным выступлениям.

Противоречия выявились еще на состоявшемся в Славянском центре обсуждении марша 2006 г., где православные эксперты сетовали на отсутствие единства в патриотическом движении, расколовшемся на этнонационалистическое «русское» и имперское «православное». Как подчеркнул лидер православных хоругвеносцев Л. Симонович-Никшич, «пред-

²⁷ Горский Ю. Русский Правый Марш-2005. Как это было на самом деле // Агентство политических новостей, 30 октября 2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=18236>.

²⁸ О нем см.: Laruelle M. Russian Nationalism Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields. London: Routledge, 2019. P. 178–179.

ставьте себе – идут люди с хоругвями, иконами, крестами православными, поют молитвы, и с другой стороны – практически неразличимые от футбольных фанатов молодые националисты... С одной стороны молитва, а с другой – крики, ругань и радикальные лозунги, типа “Зиг, хайль!”²⁹. Некоторые участники совещания отмечали, что «объединить все русское движения на основе какой-то единой идеологии просто невозможно», и призывали к компромиссу на основе общих антизападнических и антилиберальных настроений. В частности, русским активистам, несмотря на несогласие с их радикальными лозунгами, предлагалось совместно участвовать как в марше, так и в крестных ходах. Все же православные деятели не были склонны жертвовать принципами «православной империи», которая у них ассоциировалась с «русской цивилизацией», чуждой расовой повестки дня, навязывавшейся этнонационалистами.

Расколам способствовала и политика властей, не склонных поощрять откровенно ксенофобские массовые выступления. Поэтому едва ли не каждый год власти пытались, хотя и безуспешно, запретить марш, а затем устраивали судебное преследование его организаторов³⁰. Но они преуспели лишь в том, что не позволили националистам маршировать в центре столицы. Поэтому в отдельные годы марш проходил по малолюдным набережным реки Москвы (по набережной Тараса Шевченко в 2007 г. и Якиманской и Крымской набережным в 2012 г.), но там он оказывался в своеобразном гетто, где был лишен зрителей и где участникам оставалось демонстрировать свои ценности лишь друг другу.

²⁹ Итоги «Русского марша» 4 ноября 2006 г. Совещание православных экспертов в Славянском центре // Русская линия, 10 января 2007. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=8758>.

³⁰ Барабанов И. Русским негде походить // Газета, 20 октября 2006. URL: http://www.gazeta.ru/2006/10/19/oa_220848.shtml; Рост национализма неизбежно ударит по власти! // Маркетинг и консалтинг, 31 октября 2006. URL: <http://www.iamik.ru/?op=full&what=content&ident=30774>; Белкин Н. Националистам милицию не провести. В День народного единства экстремистам не позволят собираться ни в метро, ни на улицах // Страна.Ру, 1 ноября 2006. URL: <http://www.strana.ru/stories/06/04/07/3686/296951.html>; В РФ прошел «Русский марш»: сотни людей арестованы // News.ru, 4 ноября 2008. URL: <http://rus.newsru.ua/world/04nov2008/susaniny.html>; Организатору несанкционированного «Русского марша» грозит обвинение в экстремизме // Интерфакс, 5 ноября 2008. URL: <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=43497>; Националистам разрешили провести «Русский марш» в Люблино // newsmask.com, 23 октября 2009. URL: http://www.newsmask.com/article/23Oct2009/rus_marsh.html; Zuev D. The Russian March. P. 115–116; Никулин П. Покричи мне тут // Медиазона, 2 апреля 2015. URL: <http://zona.media/agenda/lyublino-2014/>; Обухов А. Власть запретила националистам называть Русский марш Русским маршем // МК, 2 ноября 2016. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/11/02/vlasti-zapretili-nacionalistam-nazyvat-russkiy-marsh-russkim-marshem.html>.

В 2008 г. радикалы из ДПНИ и СС устроили несанкционированное шествие по Старому Арбату в надежде выйти к Красной площади, но были разогнаны отрядами ОМОНа; до 400–500 чел. были задержаны, но вскоре выпущены на свободу. Одновременно небольшая православная колонна попыталась пройти по ул. Тверской, но также была остановлена омоновцами³¹. А «Народный союз» вместе другой карликовой организацией «Русский образ», собравшие под свои знамена до 1,5 тыс. чел., вновь устроили акцию на набережной Тараса Шевченко.

В конечном итоге организаторам марша пришлось согласиться на его проведение на окраинах Москвы, и с тех пор он проходил в спальном районе Люблино, где этому благоприятствовали настроения местных жителей, недовольных планами перенесения туда торговых площадок закрытого накануне огромного Черкизовского рынка³². Там марш заканчивался митингом с агрессивными выступлениями его лидеров. Но в 2009 г. после этого конкурировавший с ДПНИ «Русский образ» устроил на Болотной площади рок-концерт, изюминкой которого стало выступление известной расистской рок-группы «Коловрат». При этом зрители сопровождали это выступление нацистским приветствием.

Перенесение марша в Люблино не положило конец расколам. В частности, многие русские радикалы были недовольны поездкой Белова и Демущкина в Чечню, где те встречались с Рамзаном Кадыровым. Поэтому в 2011 г. «Имперский союз молодежи», Руссовет, Всероссийский религиозный союз «Русская народная вера», альтернативное «Русское ДПНИ» и НДПР за два часа до «Русского марша» провели там же свой собственный «Имперский марш» под антилиберальными и антизападническими лозунгами, но в этой акции участвовали не более 200 чел.

С целью преодоления расколов в 2010–2011 гг. марш выработал особую структуру, в соответствии с которой участвовавшие в нем националистические партии и движения шли отдельными колоннами со своими лозунгами. Этот марш неизменно возглавляли православные хоругвеносцы со знаменами, где лик Христа и имперские символы сочетались с изображением убитого в 1991 г. певца-националиста Игоря Талькова и лозунгом «Самодержавие, Православие, Русский народ». В центре некоторых имперских флагов красовался лик генерала Ермолова. В первых рядах неизменно можно было встретить женщину с иконой Богородицы, причем в 2015 г. в этом участвовали дети. Все это подчеркивало архетипическую функцию марша, направленную на

³¹ Солодовников М. Москва в День народного единства // Новая газета, 6 ноября 2008. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/82/02.html>.

³² Zuev D. The Russian March. P. 118.

спасение нации, символы этого спасения и закрепление памяти о погибших героях³³.

С 2011–2012 г. в марше стали участвовать казаки, футбольные фанаты и неоязычники со своими флагами и символикой. А, начиная с 2012 г., к маршу снова присоединился «Российский общенародный союз» (РОС) Бабурина. Но нередко отдельные колонны выражали недовольство друг другом, иной раз обмениваясь оскорбительными замечаниями.

Добившись успеха в столице, марш вышел за ее границы и в 2006 г. прошел в 13 городах России, с 2007 г. ультрарадикалы устраивали свои акции более чем в двух десятках различных городов, в 2011 г. – в 35 городах, а в 2013 г. акции охватили около 50 городов. Но там на марш собирались лишь десятки или сотни человек. Иной раз среди них можно было встретить священников, хотя в целом священники не одобряли проведение марша или, во всяком случае, протестовали против использования им религиозной символики³⁴. Причем протоиерея Всеволода Чаплина более всего возмутила языческая символика, а вовсе не ксенофобские настроения марша³⁵. А в 2017–2018 г. он и сам принял участие в «Русском имперском марше». В 2012 г. Демушкин получил у почитаемого в РПЦ оптинского старца Илия благословение на проведение «Русского марша»³⁶. Все это говорит о том, что отношение к маршу раскололо и клириков.

Главными лозунгами «Русского марша» из года в год были «Русская власть», «Русское государство», «Русские идут», «Русские, вперед», «Нация превыше всего», «Россия превыше всего», «Россия – все, остальное – ничто», «Россия, нация, порядок», «Россия – для русских», «Москва – для москвичей», «Москва русский город», «Россия – страна славян», «Вернем Россию русским», «Долой засилье этнической мафии», «Сегодня мигранты – завтра оккупанты», «Смерть чуркам», «Из врагов готовим фарш – это, братцы, Русский Марш!», «Деда прогнали поляков и немцев, Не будем и мы под ярмом иноземцев!», «Мы построим белый рай – зиг-хайль». Ораторы говорили о «национал-предателях» и «неруси», якобы захвативших

³³ Ibid. P. 106–107.

³⁴ Священнослужители о Русском марше и легальном национализме // Новости федерации, 6 октября 2010. URL: <http://www.regions.ru/news/2374780/>; Священнослужители о «Русском марше» // регионы.ру, 6 ноября 2012. URL: <http://regions.ru/news/2432199/>; Представителей Церкви возмутил факт использования православной символики на недавнем «Русском марше» // via-midgard, 9 ноября 2012. URL: <http://via-midgard.info/news/rpc-protiv-nacionalizma.htm>.

³⁵ Протоиерей Всеволод Чаплин: РПЦ недостаточно внимательна к уличной молодежи // newsru.com, 6 ноября 2013. URL: <http://www.newsru.com/religy/06nov2013/chaplin.html>.

³⁶ Соколов С. Духовник патриарха благословил современный Союз Михаила Архангела // Новая газета, 20 октября 2012. URL: <http://www.novayagazeta.ru/blogs/105/55038.html>.

власть в стране. Звучало требование ввести националистов в парламент. Некоторые призывали вооружаться и предсказывали революцию. Примечательно, что шествие проходило на фоне японского ресторана, французской кондитерской и прочих очевидных знаков типичного для Москвы мультикультурализма.

Более всего лозунги движения были направлены против выходцев с Кавказа и из Центральной Азии («Москвбада нам не надо»). Иногда там можно было увидеть антиисламские лозунги («Нет исламизации», «Сегодня мечеть, завтра джихад», «В Москве построят минареты, спасибо Путину за это»). В 2007 г. участники марша выказывали антиазербайджанские настроения и выражали поддержку кавказскому погрому в карельской Кондопоге в сентябре 2006 г. лозунгом «Кондопога – город-герой». В 2011 г. марш прошел под лозунгом «Хватит кормить Кавказ» в сочетании с антииммигрантскими лозунгами («Меньше иммигрантов, выше зарплата»). Наряду с этим, выражалась поддержка Сербии, не желавшей терять Косово, и с тех пор лозунг дружбы между Россией и Сербией вошел в постоянный репертуар «Русского марша». В 2012 г. марш принял откровенно антииммигрантский («Чемодан, кишлак, ишак», «Россия без чурок, кавказцев и турок») и антиисламский характер («Нет мечетям на русской земле»). Звучали там и антисемитские лозунги («Долой жидомасонов!»). Зато в 2014 г. настроение многих участников марша определялось их отношением к событиям на Украине. Участникам марша доброжелатели регулярно предлагали расистскую, антисемитскую и конспирологическую литературу, учившую распознавать «коварных врагов», чьи тайные планы надо было разоблачать и с которыми следовало беспощадно бороться.

В 2010–2011 гг. в движении стали нарастать антиправительственные настроения, достигшие кульминации после 2014–2015 гг. («Мы ненавидим правительство», «Долой, долой чекистский строй», «Долой диктатуру»). Примечательно, что в 2013 г. участники выступали в защиту Российской Академии Наук, и одна из колонн шла с лозунгом «Руки прочь от РАН».

Начиная с 2011 г., появились плакаты за отмену 282 статьи УК, наказывающей за «разжигание национальной ненависти», и с требованием амнистии политическим заключенным, т.е. известным радикалам, осужденным за антигосударственную деятельность («Свободу узникам совести»), включая Белова (Поткина) в 2014–2015 гг. и Демушкина в 2015 г. В последние годы именно это стало определять настроение марша, причем «борьба против политических репрессий» отождествлялась с «борьбой за права русского народа».

В 2012 г. манифест марша следующим образом обозначал его цели: «Наши цели – ликвидация антинародного режима, освобождение от ти-

рании, наведение порядка в миграционной сфере, придание русским государствообразующего статуса, введение визового режима со странами Средней Азии, отмена политических статей и амнистия всем политическим узникам, создание русского национального государства»³⁷.

В 2015 г. призывы выглядели несколько иначе: «Русский Марш — это традиция, Русский Марш — это праздник, это русский протест, это голоса десятков тысяч русских людей, которые должны быть услышаны, это импульс к национальной мобилизации, это путь обретения политической субъектности русскими, это возможность почувствовать себя единым народом»³⁸. Иными словами, формулировка смягчилась и стала более обтекаемой, хотя и сохранила свою этнонационалистическую сущность.

С 2012–2013 гг. в марше стали принимать участие правые сторонники «здорового образа жизни» (ЗОЖ), и его репертуар обогатился протестами против алкоголизма («Русский – это тот, кто не курит и не пьет», «Умрем за Русь, а не за пьянство», «Не кури, не бухай, хачей убивай»). Иногда здесь появлялись и зеленые с лозунгом «Природа, Родина, Народ».

Участники «Русского марша» были настроены не столько антизападнически, чего, казалось бы, следовало ожидать, сколько антилиберально: «Мы изгоним их из власти: демшизу и либерастов» (2012 г.), «Россия – это Европа» (2016 г.). Среди прочих звучали призывы «защитить белую расу», и выражалась солидарность с белыми расистами Запада³⁹. Этому служили лозунги «За белую Европу – за белую Россию» (2011 г.), «Слава Андерсу Брейвику» (2012 г.), «Москва белый город» и в поддержку греческой ультрарадикальной партии «Золотая зря» (2013 г.), «Слава белой расе» (2015 г.).

Правда, движение отличалось пестротой: православные шли под знаменами с православной символикой, национал-демократы – с антимигрантскими растяжками и баннерами, расисты и неонацисты – под черными флагами с кельтским крестом и черепом, неоязычники – со знаком коловрата, казаки – с лозунгами против «этнической преступности», а также с портретами царской семьи и баннером «Слава Христу – смерть Антихристу». Настроение марша было подвержено динамике: в 2005 г. – «Слава империи», а в начале 2010-х гг. за «Русское национальное государ-

³⁷ Манифест Русского марша 2012 // Русский марш, 4 ноября 2012. URL: <http://rmarsh.info/novosti/manifest-russkogo-marsha-2012.html>.

³⁸ Кратко о Русском Марше // Русский марш, 4 ноября 2015. URL: <http://rmarsh.info/news14/kratko-o-russkom-marshе.html>.

³⁹ Многие радикалы видят в Европе регион «белого человека». Об этом см.: Laruelle M. Mirror Games? Ideological Resonances between Russian and US Conservatism // M. Suslov, D. Uzlaner (eds.). Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes and Dangers. Leiden: Brill, 2019. P. 177–203.

ство», «Слава Руси», но не России; «Не трусь, мы за единую Русь!» А в 2012 г. участвовавшее в марше движение «Общее дело» призывало к формированию независимого государства Русь, а не Россия. Некоторые участники носили шарфы имперских цветов с надписями «Русские» и «Слава Руси». В 2013 г. к маршу присоединилась колонна нацболов с антикапиталистическими лозунгами и флагами с изображением лимонки.

Тем не менее, расистские и неонацистские эмоции проявлялись на марше достаточно отчетливо. Со временем он стал сопровождаться нападениями на «инородцев» и антифашистов, которых либо избивали, либо даже убивали⁴⁰. И представители диаспор советовали соотечественникам без нужды не выходить в этот день на улицу и не пользоваться общественным транспортом⁴¹.

После 2013–2014 гг. у участников марша наблюдался заметный сдвиг к имперским настроениям: численность этнонационалистического марша резко падала (с 1,8–2,0 тыс. чел. в 2014 г. до 700–900 чел. в 2015 г.), а имперского марша – росла (с 600–700 чел. в 2013 г. до 1200–1500 чел. в 2014 г.). В итоге в 2013 г. движение окончательно разделилось на две группы – одна проводила «Русский марш» в Люблино, другая – «Русский имперский марш» в районе Октябрьского поля, одни подчеркивали свою верность национальной демократии, другие – имперским ценностям, одни шли под антимигрантскими лозунгами (в 2015–2018 гг. наряду с протестами против мигрантов из Средней Азии, появились лозунги «Китай вон из Сибири» и «Против продажи Сибири Китаю»), другие демонстрировали антисемитизм (хотя откровенные антисемитские плакаты не допускались правоохранителями, разговоры о «жидо-масонах» участниками марша велись⁴²) и откровенный монархизм. В 2019 г. к традиционным лозунгам в Люблино прибавился новый – «Долой Хазарский каганат», говорящий о популярности «антихазарских» (т.е. завуалированных антисемитских) настроений. Впрочем, на имперском марше последние выражались в 2019 г. открыто – «Долой сионизм», «Сионизм не пройдет». Кроме того, участники этого марша высказывались против «оккупации» и требовали смены власти.

⁴⁰ Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц». С. 118; Резунков В. Вдохновленные маршем // Радно Свобода, 5 ноября 2013. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25158195.html>.

⁴¹ Дергачев В., Евстифеев Д., Мазаева Д. Мигранты просят Собянина отменить «Русский марш» // Известия, 2 ноября 2012. URL: <http://izvestia.ru/news/538864#ixzz2B2nlbqhv>.

⁴² В 2019 г. на марше в Люблино некоторые его участники обсуждали «засилье жидомасонов» в РПЦ. См.: Алексей Нарышкин «Путин заменит вас на азиатов и китайцев!» // Эхо Москвы, 4 ноября 2019. URL: https://echo.msk.ru/blog/naryshkin_a/2531551-echo/.

Если участники марша в Люблино раскололись по вопросу об отношении к Украине (ее там поддерживали национал-социалисты, а неоязычники призывали к миру между славянами), то участники имперского марша единодушно выступали за донбасских сепаратистов и демонстрировали их знамена, включая флаг Новороссии⁴³. Они также несли портреты погибших в Донбассе ополченцев. Кроме того, у участников имперского марша были популярны фотографии трагически погибшей царской семьи, а также портреты некоторых царей (особенно, Ивана Грозного, Александра Третьего и Николая Второго), царских чиновников и министров и руководителей Белой армии. В целом этот марш проходил под знаком покаяния перед царской семьей, что в свою очередь вело к бурному обсуждению вопроса о причинах ее гибели и о виновниках этого злодеяния.

В 2016 г. во главе имперского марша казаки несли баннер с ликом Ивана Грозного в сопровождении икон Богородицы и царской семьи. Кроме того, демонстрировалась икона Ивана Грозного, – все это указывало на принадлежность к движению царебожников⁴⁴. А в 2018 г. впереди колонны двигался огромный баннер с голгофским крестом и царскими символами. Имперский марш обычно сопровождался агрессивными шovinистическими песнями Жанны Бичевской на слова Геннадия Пономарева. Здесь встречались и гомофобские настроения (баннер «Москва – не Содом, Петербург – не Гоморра»).

Участвовавшие в марше православные монархисты были охвачены эсхатологическими предчувствиями⁴⁵, и в 2015 г. заместитель главы СПХ Валерий Левченко заявил о наступлении «последних времен» и близящейся битве с антихристом. Откликаясь на проходившие в те годы споры о гибели царской семьи, в 2018 г. один из ораторов заявил, что «царя-

⁴³ О разладе в среде русских ультраправых в связи с событиями на Украине см.: Альперович В. Идеологические баталии русских националистов на украинских фронтах // А. Верховский (ред.). *Россия – не Украина: современные акценты национализма*. М.: Центр «Сова», 2014. С. 292–305; Родионова А. Двое русских — три марша // МК, 1 ноября 2017; Kolsto P, “Russia’s Nationalists Flirt with Democracy,” *Journal of Democracy*. 2014. Vol. 25, no. 3. Pp. 120–134; Laruelle M. *Russian Nationalism Imaginaries*. P. 207–208.

⁴⁴ О движении царебожников см.: Кнорре Б. «Опричный мистицизм» в религиозных практиках «царебожничества» // К. Русселе, А. Агаджанян (ред.). *Религиозные практики в современной России: Сборник статей*. М.: Новое изд-во, 2006. С. 384–397; Фирсов С. *На весах веры: От коммунистической религии к «святым» посткоммунистической России*. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2011; Зыгмонт А.И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // *Вестник РГГУ*. 2012. № 11. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». С. 138–145.

⁴⁵ О популярности этих настроений у русских монархистов см.: Шнирельман В.А. *Колено Даново: эсхатология и антисемитизм в современной России*. М.: ББИ, 2017.

удержителя принесли в жертву Сатане»⁴⁶. В последние годы казаки регулярно развешивали баннер с ликом Христа и надписью «Слава Христу! Смерть Антихристу» (с этим лозунгом казаки выступали тогда и в Люблино). Кстати, идя навстречу этим взглядам, одна из песен Бичевской была посвящена «Русской Голгофе». Если в Люблино господствовали молодежные группы, то в имперском марше участвовали люди среднего и старшего поколения, причем среди них было немало женщин.

Но и в имперском марше поначалу не было единства. В 2013 г. он был представлен двумя акциями: сперва прошла колонна «Русской коалиции действия» (550–600 чел.), а затем состоялся «Царский русский марш» (120–150 чел.). Последний состоял из православных монархистов и противников «универсальной электронной карты» (УЭК). К ним присоединилось и «Русское ДПНИ». В 2014 г. оба шествия объединились под знаменами «Русского марша – Север», выступавшего за Новороссию. Тогда на митинге имперцев выступили представители ультраправых из Бельгии и Дании.

Сперва популярность «Русского марша» росла: если в 2005 г. в нем участвовали 3 тыс. чел., то в 2013 г., когда движение достигло кульминации, – более 7 тыс. Но в 2014 г. наметился его спад (1,8–2,0 тыс. чел.) в связи с разногласиями по поводу украинских событий. А в 2015 г., потеряв своих лидеров (Белова и Демушкина), оказавшихся под арестом, оно стало явно провальным – на марш пришли 700–900 чел. В последующие годы преследованию подвергались и другие лидеры, и число участников, опасавшихся гонений, постепенно уменьшалось. В 2018 г. в Люблино пришли лишь 150–200 участников, в 2019 г. – 120–150 чел., а в 2016–2018 гг. к Октябрьскому полю – чуть больше (300–350 чел.), но в 2019 г. – до 800–1000 человек.

Наконец, в 2020 г. какие-либо массовые выступления были запрещены по эпидемиологическим причинам. Попытка организовать марш в Люблино провалилась как из-за малочисленности участников, так и из-за жестких действий правоохранительных органов. Несколько более успешным было участие около 250 активистов имперского марша в крестном ходе в Коломенском, где они фактически выступали в унисон с антиваксерами. Еще одна небольшая группа националистов (до 50 чел.) попыталась устроить возложение цветов к приемной ФСИН у м. Цветной бульвар под лозунгом «Жизнь русских имеет значение» в защиту арестован-

⁴⁶ Об этом сюжете см.: Шнирельман В.А. Из 1918 в 2018: «ритуальное убийство императора» и «катехон» // И. Альтман, И. Коглер (ред.). Защитим будущее. Сборник материалов Второй Московской международной конференции по противодействию антисемитизму (Москва, 28–30 октября 2018). М.: Калейдоскоп, 2020. С. 445–456; он же. Удерживающий. От Апокалипсиса к конспирологии. М.: Нестор-История, 2022. С. 214–268.

ных и в память погибших в тюрьмах правых радикалов, но и она была остановлена правоохранителями.

Помимо рассмотренных движений, в 2015 г. было проведено еще несколько акций с агрессивными шовинистическими лозунгами. Этим отличились карликовый марш «Русский марш за русский мир», а также колонны «Национально-освободительного движения» (НОД) и «Антимайдана», участвовавшие в официозном митинге «Мы едины», организованном «Общероссийским народным фронтом»⁴⁷.

В начале 2020-х гг. «Русский марш» окончательно пришел в упадок. В 2022 г. оргкомитетом было принято решение проводить вместо марша чаепития и походы в музеи, а также «встречи с единомышленниками» с последующими «культурными мероприятиями»⁴⁸. На местах это принимало самые разные формы. Например, в Екатеринбурге русские радикалы решили присоединиться к крестному ходу, но и тот был в конечном счете отменен⁴⁹. В ряде городов русские националисты ограничились расклеиванием плакатов и листовок. А кое-где проводились акции памяти погибших активистов движения.

Что касается общества в целом, то сперва большинство респондентов не поддерживали лозунги «Русского марша» (в 2005 г. таких было 64%, причем тогда это прямо коррелировало с уровнем благосостояния), но с годами поддержка его идеи росла, хотя в самые последние годы число его энтузиастов несколько уменьшилось: если в 2010 г. таковых было 28%, то в 2013 г. – 40%, но в 2014–2015 гг. – 30–31%. Правда, есть основания полагать, что далеко не все из них знали лозунги «Русского марша» и понимали их суть⁵⁰. Ведь от 59% респондентов в 2010 г. до 65–70% в 2014–2015 гг. слабо представляли себе эти лозунги или вовсе о них ничего не знали.

Как получилось, что праздник стал удобной площадкой для демонстрации ксенофобии? События 1612 г. позволяют нарисовать яркий образ смуты, созданной, во-первых, коррупционным боярством, во-вторых,

⁴⁷ Москва-2015: «Русские» и прочие марши националистов // Центр Сова, 4 ноября 2015. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2015/11/d33174/>.

⁴⁸ Чаепитие вместо шествия: националисты рассказали, как пройдет «Русский марш — 2022» // Рамблер, 31 октября 2022. URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/49612333-chaepitie-vmesto-shestviya-natsionalisty-rasskazali-kak-proydet-russkiy-marsh-2022/>; Антоенков Д. Националисты отказались от «Русских маршей» 4 ноября. Их заменят тайные встречи // 66.ru, 26 октября 2022. URL: <https://66.ru/news/society/257469/>.

⁴⁹ Земляков А. Националисты отменили традиционный «Русский марш» в Екатеринбурге. Вместо него состоится крестный ход // 66.ru, 28 октября 2022. URL: <https://66.ru/news/society/235637/>.

⁵⁰ Панеях Э. Как день народного единства превратился в «день националиста» // РБК, 5 ноября 2014. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/05/11/2014/545a0088cbb20f4b28c2f5ae>.

всевозможными изменниками («пятой колонной»), а в-третьих, внешней военной интервенцией («поляками»). Иными словами, образ врага здесь доминирует и выглядит достаточно отчетливо. А преодолена смута была не усилиями власти, оказавшейся беспомощной, а народным подъемом, исходившим из глубинки (Нижний Новгород), т.е. от «русского люда». В итоге здесь хорошо видно, кто «наши», а кто «не наши», и кто победил. Это дало радикалам повод провозгласить себя голосом «русского народа», т.е. доминирующего большинства, требующего решительно разделаться с коррупцией, установить в стране порядок и восстановить справедливость. При этом социальные требования тесно переплетались с этнонациональными. Поэтому организаторы и участники «Русского марша» нередко представляли себя «народным ополчением», выступавшим против «воровской власти», находившейся либо в руках «иностранцев», либо под их влиянием и в любом случае воспринимавшейся как «нерусская».

Иными словами, для участников марша смысл праздника определялся не какими-то определенными выверенными историческими фактами, а эмоциями, порождавшимися современным прочтением этих фактов и актуализацией истории. При этом собственно исторические факты оказывались ненужными, и националистический миф отрывался от своей исторической основы. Ведь если в своих речах лидеры марша на первых порах вспоминали о Минине и Пожарском⁵¹, то затем эта память оказалась излишней. И если Э. Зерубавель указывал на случаи обнуления «исторического хронометра»⁵², то в данном случае фактически упразднялся и сам «исторический хронометр». Важной оказывалась не столько историческая канва, сколько солидарность, ею порождаемая (по Э. Дюркгейму). Знание истории и адекватное ее прочтение для этого вовсе не требовались. Поэтому об освобождении Москвы от поляков никто на марше даже не вспоминал. Зато там всячески поносили мигрантов («варваров»), якобы желавших захватить Россию и Европу, а также власть, якобы уже захваченную «иностранцами» и не дающую свободу русскому народу. В последние годы там не только не было слышно антизападнической риторики, но даже раздавались призывы защитить Европу от «наплыва варваров».

В результате, вместо интеграции, этот праздник получил ярко выраженную дезинтегративную функцию, но не в силу иного нарратива, отличавшего участников «Русского марша» от остального общества, а из-за реинтерпретации общего нарратива. Действительно, организаторы праздника расходились в его понимании. Если государство трактует

⁵¹ Zuev D. The Russian March. P. 111–112.

⁵² Зерубавель Э. Переломные моменты истории // Неприкосновенный запас. 2015. № 2. С. 31–44.

«День народного единства» как манифестацию единства всего российского общества, то в Московской патриархии добавляют к этому единство Церкви, что тут же ставит православных в привилегированное положение (хотя патриарх Кирилл осуждает радикализм). А «Русский марш» делает акцент на этнонациональной солидарности, пытаясь резервировать праздник за русскими и противопоставить их либо всем «инородцам», либо «некоренным». Но и сами участники «Русского марша» понимают «русскость» по-разному: для одних она ассоциируется с православием, а для других – с язычеством, для одних – с империей, для других – с национальным государством.

Поэтому едва ли не с самого начала разная интерпретация праздника не позволила русским националистам объединиться и разделила их на православных монархистов и русских этнонационалистов, причем у последних отмечался явный языческий крен. Мало того, в контексте праздника именно русским приписывались такие качества как справедливость, честность и стремление к порядку и с этих позиций предъявлялись претензии к власти и раздавались требования ее замены.

В итоге «Русский марш» демонстрирует, что «любить нацию» можно по-разному, в том числе, культивируя не столько добрые чувства к «своим», сколько ненависть к «чужакам». Это превращает праздник в протестную деятельность, имеющую этносоциальное измерение. Иными словами, государственный праздник получает антигосударственное наполнение. При этом он порождает массу агрессивных эмоций, связанных с «ритуалами ненависти» – речевками, лозунгами, призывами оскорбительного характера, подпрыгиваниями («кто не прыгает, тот чурка»), которые исполняются целой колонной, тем самым, тесно связывая ее членов общим нарушением принятых в обществе норм политкорректности.

Но эти агрессивные эмоции обращены не на поляков как исторического врага и даже не на враждебный Запад, а прежде всего на мигрантов и мусульман, представляющихся главной угрозой России. Не меньшей угрозой некоторые участники марша видят и действующую власть, подавляющую демократические свободы. В этом смысле оппозиционный праздник несет определенный революционный заряд, и не случайно некоторые его лидеры прямо призывали участников к революции. Разумеется, эти призывы были обращены не только к непосредственным участникам, но и к воображаемым зрителям. Но на беду организаторов «Русского марша» их шествия мало интересовали общественность – журналистов и полицейских там всегда присутствовало много больше, чем зрителей. Даже жители окрестных домов редко использовали возможность наблюдения за шествием из своих окон и с балконов.

Таким образом, вопреки мнению многих исследователей праздника, начиная с Эмиля Дюркгейма, функция праздника вовсе не ограничивается формированием или поддержанием общественной солидарности и снятием напряжения или релаксацией. Действительно, сегодня многие молодежные оппозиционные движения используют праздничные торжества для своих протестных действий. Причем стержнем такой акции является идеология, воплощенная в реальное действие, нередко противоправное или граничащее с противоправным, что, кстати, свойственно народным карнавальным празднествам (по М. Бахтину).

Выступление правых радикалов носит черты театрализованного представления с определенной бунтарской эстетикой (вызывающий стиль поведения, знамена, транспаранты с вызывающими лозунгами, одежда, нашивки, шарфы, повязки, символика, включая цветовую). Для новичков оно служит обрядом инициации, позволяющим им на общих основаниях влиться в движение и продемонстрировать лояльность его ценностям. А для всех участников такое действие означает и подчеркивает их солидарность и готовность к ощутимым жертвам во имя поставленных целей. Поэтому здесь приветствуется нарочитая агрессивность, которая, впрочем, не чужда и традиционным народным праздникам. В ряде случаев полученный на празднике эмоциональный заряд порождает криминальные деяния – избиения или убийства иммигрантов сразу же по завершении праздника.

Особую роль при этом играет идеология, выражающая ценности движения и обнаруживающая себя в лозунгах, кричалках и плакатах. Причем она настолько важна, что иной раз препятствует сплочению праворадикальных оппозиционеров. Ведь даже колонны, участвующие в одном и том же шествии, нередко не разделяют идеи и ценности соседей и относятся друг к другу с настороженностью, недоверием или даже откровенной издевкой. Что же касается более широких кругов общества, то, несмотря на стремление организаторов «Русских маршей» расширить свою социальную базу, им это плохо удавалось. Если общественность и разделяет ксенофобские чувства в отношении мигрантов, то возлагает свои надежды на решение проблемы массовой миграции на власти, а отнюдь не на правых радикалов.

Почему движение пришло в упадок? Во-первых, неожиданно для русских радикалов в 2010-е гг. государство приняло многие из их пожеланий и воплотило их в политической практике⁵³. Как с удивлением признался вышедший на свободу весной 2018 г. бывший глава ДПНИ и организа-

⁵³ Детальнее см.: Shnirelman V.A. Russian Neo-conservatism and Apocalyptic imperialism // M. Suslov, D. Uzlaner (eds.). Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes and Dangers. Leiden: Brill, 2019. P. 363–368.

тор «Русских маршей» националист А. Белов (Поткин), «современная Российская Федерация в плане национализма ушла так далеко, что мне такое и не снилось. Те вещи, которые в свое время декларировало общество «Память», сейчас являются основой государственной политики. Ни фига себе, а еще нас запрещали! Я в изоляторе смотрел телевизор – и мне становилось страшно»⁵⁴. А еще раньше член РНЕ в унисон ему мог заявить: «Понимаешь, Путин – он же круче чем Баркашов!»⁵⁵ Во-вторых, взяв на себя эту функцию, государство не желало конкуренции с радикалами, и многие из их лидеров оказались за решеткой. Опасаясь повторить их жалкую участь, многие бывшие участники «Русского марша» перестали на него ходить, и сегодня они изливают свои агрессивные чувства в социальных сетях. В-третьих, многие из наиболее активных правых оппозиционеров уехали воевать на Донбасс в 2014 г., и немало их там погибли⁵⁶, а многие из тех, кому удалось выжить, навсегда получили иммунитет от войны.

Сами русские националисты называют следующие причины: 1) разочарование из-за отсутствия какого-либо влияния марша на государственную политику; 2) репрессии против участников маршей; 3) устрашение участников марша со стороны полиции и ОМОНа; 4) открытая оппозиционность марша, вызывающая суровые наказания участников, отпугивала более умеренных националистов; 5) раскол среди радикалов, вызванный различным отношением к войне на Украине в 2014–2015 гг.⁵⁷ В результате колонны «Русского марша» таяли на глазах, пока ему не наступил окончательный конец в 2021–2022 гг.

⁵⁴ Герасименко О. Александр Поткин: «Когда уезжал из лагеря, некоторые плакали» // Русская служба Би-би-си, 26 апреля 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43883799>.

⁵⁵ Соколов М.М. Конец русского радикального национализма // Антропологический форум. 2008. №8. С. 196.

⁵⁶ Об этом упомянул Станислав Белковский на «Эхо Москвы». См.: Особое мнение // Эхо Москвы, 8 февраля 2019. URL: https://echo.msk.ru/programs/personalno/2366723-echo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

⁵⁷ Почему больше никто не ходит на «Русский марш». Пять причин // 66.ru, 4 ноября 2018. URL: <https://66.ru/news/society/216724/>.

ПАМЯТЬ О КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ В ПРОЦЕССАХ РАДИКАЛИЗАЦИИ ЧЕРКЕСОВ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В. А. Тайналова

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/8>

Введение

Начиная это исследование, я ставила перед собой вопросы: происходят ли вообще в данный момент процессы радикализации в черкесском обществе Кабардино-Балкарии? Если происходят, то какие слои общества они затрагивают? Каким образом оказывается включенной в эти процессы историческая память о Кавказской войне и культурная травма, связанная с понятием «геноцид черкесов»? Однако уже при формулировании самого названия этой работы возникает проблема, и связана она с выбором этнонима. Какое название правильно выбрать адыги, черкесы, кабардинцы? Я выбрала этноним «черкесы» и мой выбор обусловлен тем, что это то название, которым пользовались мои респонденты для самоопределения. Некоторые из них замечали, что этноним адыги не кажется им правильным по той причине, что он является русскоязычным искажением слова «адыгэ» и воспринимается местным населением как искусственный и навязанный.

Однако следует учитывать, что выбор этнонима часто зависит от политической и общественной позиции. В чем же, собственно, кроется сложность? Большой энциклопедический словарь содержит следующую статью про адыгов: «Адыги – общее название многочисленных в прошлом родственных племен Северного Кавказа; в европейской и восточной литературе со времен средневековья называются черкесами. К адыгам принадлежат современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы»¹. На новостном ресурсе «Кавказский узел» в культурной справке о народах этнонимы адыги и черкесы уравниваются между собой: «Адыги (или черкесы) – общее название единого народа в России и за рубежом, разделенного на кабардинцев, собственно черкесов, адыгейцев. Самоназвание – адыга (адыгэ). Адыги проживают на территории шести субъектов: Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Краснодарского края, Северной Осетии, Ставропольского края. В трех из них адыгские народы являются одной из «титულных» наций: черкесы в Карачаево-Черкесии, адыгейцы в

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/48650>.

Адыгее, кабардинцы в Кабардино-Балкарии². Амиран Урушадзе по этому поводу пишет следующее: «Адыги – общее название современных адыгейцев, кабардинцев и черкесов. Оно же в форме адыгэ выступает эндоэтнонимом. Адыги и черкесы – синонимичные этнонимы. Но если первый – это самоназвание, то второй – экзоэтноним, фиксируемый в исторических источниках не ранее середины XIII в. Разделение адыгов на три народа и по трем республикам – наследие советской национальной политики»³.

Основными источниками для этой работы послужили неструктурированные глубинные интервью и наблюдения, проводимые мной во время различных коммеморативных и иных общественных мероприятий в процессе полевой работы в Кабардино-Балкарии в 2021 и в 2022 годах. Мои респонденты – это интеллектуалы, общественные деятели и этнические активисты, представляющие черкесское сообщество в Кабардино-Балкарии, т.е. те, кто в большей или меньшей степени имеет доступ к публичному пространству Кабардино-Балкарии и возможности влияния на общественные настроения в республике.

Воспользуюсь определением российского антрополога Дмитрия Верховцева, которое он предложил в одном из своих интервью: «Этноактивисты – это сообщества активистов и отдельные люди, которые организуют свою солидарность по этническому принципу и стараются продвигать интересы той группы, которую, на их взгляд, они представляют. Эти сообщества пытаются представлять некие более широкие группы, которые они видят этническими. Они ставят себя «передовиками» этнических сообществ и, исходя из этого, ведут себя определенным образом. В первую очередь этноактивисты являются «самыми этническими» представителями своей группы, то есть они пытаются воплощать в жизнь те этнические черты, которые, на их взгляд, являются отличительными для их этнической группы. В этом им свойственен радикализм, языковой или религиозный, например... Во всех странах этноактивисты пытаются найти баланс между интеграцией и сохранением этнической общности, чтобы она оставалась особенной»⁴.

² URL: <https://kavkaz101uzel.global.ssl.fastly.net/articles/376380/>.

³ Урушадзе А.Т. *Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе / Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: колл. монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 265.*

⁴ «У многих сейчас возникает конфликт по отношению к этнической идентичности». Интервью об этноактивизме и миграции с социолингвисткой Владой Барановой, правозащитником Семеном Пупкиным и антропологом Дмитрием Верховцевым, НОЖ, 2022. URL: <https://knife.media/ethnoactivism-interview/>.

В России для нахождения того самого баланса необходимо приходиться к некоторому компромиссу с региональными и федеральными властями, однако в ряде случаев достижение этого компромисса невозможно или нежелательно для одной из сторон, в таких ситуациях этноактивизм может принимать крайне радикальные формы. Многие этнические общественные движения возникли в 1980-ые годы, еще во время существования СССР. Они, безусловно, сыграли свою роль в развитии этнонациональных идей в республиках и в процессах обретения независимости некоторыми из них тоже. Движения эти имели между собой определенные различия, в том числе и в плане степени радикальности предлагаемых идей и действий. Но, как говорит Д. Верховцев: «Что было для большинства из них, пожалуй, общим в конце 1980-х – начале 1990-х, так это крайняя невоздержанность на язык: словами «геноцид», «империя», «самоопределение» бросались направо и налево»⁵. В дальнейшем многие из этнических общественных движений сдали свои позиции и значительно потеряли в общественной и политической значимости, перестали играть самостоятельную роль и заняли позицию практически полной лояльности действующей власти.

Что касается черкесского этнического движения, то в мае 1991 г. в Нальчике прошел первый Всемирный адыгский конгресс, результатом которого, помимо всего прочего, было и учреждение Всемирной черкесской ассоциации, которая зарегистрирована в России как Международная черкесская ассоциация. Ее основными целями были провозглашены «этническое самосохранение, самоопределение и развитие»⁶. По словам И.А. Бабич практически сразу же обозначились и основные направления в рамках которых действовало этнонациональное движение черкесов: «противодействие процессам культурно-языковой ассимиляции черкесов в странах их проживания; признание Кавказской войны и геноцида черкесов со стороны Российской империи в качестве главного источника их современных проблем; всемерное содействие репатриации идея «восстановления» исторической Черкесии»⁷.

Во второй половине 1990-ых гг. острота темы страданий и геноцида черкесского народа стала сглаживаться. Люди поверили в то, чтобы государство и общество услышали их, их память понята и принята и пора двигаться дальше. Демократический характер российского государства в

⁵ Ibid.

⁶ Дзамихов К.Ф. МЧА (1991–2011): Сборник документов и материалов. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. С. 16, 22.

⁷ Бабич И.А. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. М., 1993. № 45.

тот период позволил черкесам встать на путь преодоления своей культурной травмы. Тенденция рассмотрения текущих экономических и социальных проблемы в республике как части постоянного притеснения народов Кавказа со стороны российского государства пошла на спад. Прошлое в принципе стало уходить на второй план и люди сосредоточились на настоящем, в котором они видели себя частью нового демократического, федеративного государства. Кроме того, этнические сообщества делали ставку на власти своих республик, они считали, что те декларируют близкие им цели.

С начала 2000-х гг. темы демократизации и федерализма сменяются в политике российского государства темами обеспечения национальной безопасности, единого конституционно-правового порядка и укрепления «вертикали власти». Становится очевидным, что совпадения интересов черкесского сообщества и республиканских властей больше не существует: «Если в начале 1990-х гг. официальные властные структуры и национальные движения в республиках Северного Кавказа, где проживают адыги, имели общую повестку дня и были сопоставимы по степени влияния на внутренние этнополитические процессы, то к началу 2000-х гг. областей пересечения их задач и функций практически не осталось»⁸. По мнению моих респондентов, изменение политического курса федеральных и республиканских властей, соответственно, вернуло применение колониальных практик власти в республиках Северного Кавказа. Их негативное отношение часто раскрывается через осуждение республики, враждебно настроенной по отношению к своему черкесскому населению:

— Республика многое делает, но все, что она делает это направлено на уничтожение языка, идентичности и всего. Республика... ну, республики, как реальной сущности давно нет, а сейчас она превратилась в античеркесскую, колониальную сущность. Некоторое время она была никакая. Вот в начале 90-х пару лет как бы начало перестраиваться, потом вертикаль, она была в несколько непонятной форме.

Помимо всего прочего произошли и социально-демографические изменения в черкесском обществе. Новые поколения стали активными участниками общественной жизни. Среди членов этнических движений появилось много молодежи, которая выросла в совершенно новой среде. Многие из них выросли в городской среде, имеют хорошее образование, они мобильны и имеют свободный доступ к информационным технологиям. Их поле деятельности, как активистов, оказывается практически неограниченным, поскольку существует в Сети, а коммуникационные возможности дают множество преимуществ в вопросах социальной мобили-

⁸ «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН. 2014. С. 8.

защиты. Они часто становятся носителями идей нового национализма, и они видят в нем не маргинальную идеологию, а способ утверждения своей групповой идентичности и отстаивания политических интересов своего сообщества: «Новая «волна» черкесского национализма зародилась в этой среде в 2000-е гг. «Ренессанс черкесского национального движения происходил на фоне относительного снижения значимости других этнополитических проблем на Северном Кавказе. За несколько лет возник целый ряд новых организаций практически во всех странах проживания черкесов. Для их деятельности характерно использование современных «сетевых» способов мобилизации и координации, осуществление публичных «уличных» акций, провозглашение своих целей не в форме обращений и просьб, а в форме требований к властям, настойчивость в привлечении внимания международного сообщества и европейских институтов к проблемам черкесского народа».⁹

В российской науке тема Кавказской войны и «черкесского вопроса», тема сопутствующих процессов радикализации различных сообществ Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкарии, разработаны весьма детально. Об этом писали и продолжают писать такие исследователи как В.А. Тишков, И.А. Бабич, В.В. Степанов, М.А. Аствацатурова, С.И. Аккиева и т.д. Динамика и характер изменений отношения к Кавказской войне в российской науке последовательно описаны в статье Т.А. Невской и А.С. Кондрашевой¹⁰. Мы знаем, что в российской историографии начала XX в. причиной Кавказской войны указывалось так называемое «хищничество» горских народов. В 1920–1930-е гг. Кавказская война с легкой руки Сталина стала рассматриваться как национально-освободительная борьба против царизма, а Шамиль – как народный герой, боровшийся за социальную справедливость и освобождение от колониального гнета. Перед началом Второй мировой войне риторика начинает меняться, движения, выступающие против централизации власти и вхождения в состав российского государства, больше не получают прежнего одобрения. Поиски «врагов народа» и агентов недружественных западных государств приводят к тому, что Шамиль превращается в «ставленника султанской Турции и английских колонизаторов». Когда сталинизм как официальная доктрина советской науки прекратил свое суще-

⁹ Кушхабиев А.В. Проблемы становления и политизации деятельности черкесских общественных организаций в Турции // Известия КБНЦ РАН. 2012. № 2(46).

¹⁰ Невская Т.А., Кондрашева А.С. «Эволюция представлений о Кавказской войне в отечественной исторической науке XX – XXI вв.» / Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021.

ствование, оценки Кавказской войны также изменились. В 1960-ые гг. было издано довольно большое количество обобщающих трудов по истории различных республик, основным акцентом в них стала классовая и антиколониальная борьба народов. При этом особо подчеркивалось, что борьба велась в первую очередь против царизма, а вовсе не против российского государства как такового. В 1970-1980-ых гг. начался новый виток изучения Кавказской войны на основе анализа множества поднятых архивных документов и источников. Исследователи старались подходить комплексно к изучению причин Кавказской войны и ее характера. После распада СССР советские исторические концепции и подходы стали уходить в прошлое. Начался расцвет этнонациональных движений, которые требовали пересмотра прошлых версий истории и искали своих собственных национальных героев. В новых версиях историй многих народов Северного Кавказа Кавказская война стала центральным событием, а ее оценки вступали в противоречие с официальной российской историографией.

Что касается современного взгляда российской науки на последствия Кавказской войны и на тему черкесов в Кавказской войне, то необходимо сказать, что академическое сообщество дает намного более осторожные оценки и общему положению черкесов во время войны, и тому, что представители этнического черкесского движения называют «геноцид черкесов». Так, например, В.А. Тишков и В.Б. Перхавко уже во введении к своей совместной работе «Итоги Кавказской войны и переселение горцев Кавказа» говорят о том, что в долгом процессе изучения Кавказской войны «далеко не все из оценок и положений, высказывавшихся в научной литературе на протяжении последних двух столетий, выдержали проверку временем на объективность. Под идеологическими воздействиями и в результате мощного влияния художественного творчества (литературы и изобразительного искусства) трактовки Кавказской войны обросли целым арсеналом мифопоэтических версий, а также довольно грубых подделок». При этом авторы обращают внимание на то, что «в этой сложной историографической ситуации» они ориентируются в первую очередь на «многомерный, основанный на архивных документах и других свидетельствах подход к анализу сложных проблем истории кавказских народов»¹¹. Что касается понятия «геноцид черкесов», то в академических кругах давно и весьма активно идет дискуссия о том, можно ли вообще в данном случае применять понятие «геноцид», ведь в соответствии с конвенцией ООН 1948 года под геноцидом следует понимать «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-

¹¹ Тишков В.А., Перхавко В.Б. Итоги Кавказской войны и переселение горцев Кавказа / Вестник российской нации, Спецвыпуск 2008–2016 (№ 51). С. 149.

либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Однако, исследователи уверены, что целью российской власти «было не истребление населения, а приведение его к покорности путем организации полупринудительных переселений». К тому же применение, современных юридических норм и дефиниций по отношению к событиям XIX в. считается не вполне правомерным¹².

Процессы радикализации и возможные предпосылки для развития конфликтов в различных российских регионах также давно находятся под пристальным вниманием российских ученых. И Северокавказский регион в целом, и республика Кабардино-Балкария, в частности, не раз становились объектами исследований в данном ключе¹³.

Память о Кавказской войне

Как уже было сказано, мои респонденты называют себя черкесами, а важнейшим событием в Кавказской войне считают геноцид черкесского народа. Под геноцидом черкесского народа понимается целенаправленное уничтожение черкесского населения во время Кавказской войны и последующее насильственное выселение черкесов за пределы Российской империи (в основном в Турцию). Само понятие «геноцида» было принято в Кабардино-Балкарии Верховным Советом в 1992 году¹⁴. В советский период по отношению к процессу массового выселения черкесов после окончания Кавказской войны был принят термин мухаджирство¹⁵. Для черкесов Кавказская война и мухаджирство безусловная культурная травма. Черкесы не стремятся вытеснить или подавить эту травму, наоборот, она является важной частью самопрезентации и способом мобилизации и актуализации черкесского единства. При этом «интеграция адыгов в политико-административное, социальное и культурное простран-

¹² Тишков В.А. Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа. URL: <https://nazaccent.ru/column/26>.

¹³ См. такие работы как: Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2018; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, А.Х. Боров, В.В. Степанов. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014; Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хоперская; Ин-т этнологии и антропологии РАН [и др.]. Москва: ИЭА РАН, 2010 и др.

¹⁴ Постановление Верховного Совета КБССР от 07.02.1992 N 977-XII-B «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны». URL: <https://base.garant.ru/30517874/>.

¹⁵ Бабич И.А. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. М., Т. I, II. 1994.

ство Российской, а затем и советской империй придала памяти о Кавказской войне форму «дискурсивного и эпистемологического паралича», когда травмирующее прошлое осталось невысказанным. В сознании этнического меньшинства это равносильно отторжению памяти травмы со стороны большого общества и его нарративов, а также навязыванию исторического беспамятства»¹⁶. Как говорит один из моих респондентов:

– Память о Кавказской войне, она очень живая. Она неразрывно связана с национальным дискурсом. Я бы даже сказал с идентичностью черкесской... Кавказская война – это такое политическое событие, военно-политическое, которое как бы все вот эти черкесские субэтноты, все территориальные какие-то группы адыгов, черкесов, она объединяет.

Известный специалист по истории и этнографии черкесов Валерий Кажаров, о котором здесь важно упомянуть, поскольку на его работы и идеи ссылаются многие из моих респондентов, также уделял большое внимание теме геноцида и исторической травмы, связанной с событиями Кавказской войны. В своей работе «Адыгская хаса» Кажаров пишет: «Столетняя Кавказская война, массовый геноцид, аннексия территории, изгнание большей части народа в пределы Османской империи, военно-оккупационный режим в зонах, отведенных для проживания его остатков, затем Октябрьский переворот, гражданская война, тотальные репрессии сталинизма, усугубленные местными диктаторами, и, наконец, умерщвление духа в годы брежневщины – все это поставило адыгов на грань полной деэтнизации»¹⁷. Многие мои респонденты с сожалением замечают, что разные периоды истории существования черкесов в рамках российского государства объединяет последовательный процесс распада черкесской общности и размывания соответствующей этнической идентичности.

Черкесы раздвигают временные границы Кавказской войны до 101 года. Для них Кавказская война и Русско-Черкесская – синонимы. В различных сообществах в социальных сетях, посвященных Кавказу в целом и черкесам в частности, довольно много обсуждений, которые посвящены датировке Кавказской войны: «Как называется война: Кавказская, русско-кавказская или русско-черкесская?.. В российской истории Кавказской

¹⁶ Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе / Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 266.

¹⁷ Кажаров В.Х. Адыгская хаса: из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Институт черкесской истории и культуры, 1992. С. 5.

войной называется война, которую Россия вела на Кавказе в 19 веке. Удивительно, что временной интервал этой войны (в официальной историографии) исчисляется с 1817 по 1864 год. Станным образом куда-то исчезли с 1763 по 1817 годы. За это время была в основном покорена восточная часть Черкесии»¹⁸. Вот так описывает ежегодные коммеморативные мероприятия в Нальчике А.Т. Урушадзе: «После траурного митинга звучит музыка старинных адыгских песен, а завершается День памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения – зажжением 101 свечи, каждая из которых символизирует год военного времени с 1763-й по 1864-й. Именно такая датировка Кавказской войны закреплена на постаменте «Древа жизни». Она противоречит хронологии, установившейся в советской науке и зафиксированной в современном историко-культурном стандарте, – 1817–1864 годы»¹⁹.

События, связанные с Кавказской войной XIX в. и геноцидом черкесов, и память об этих событиях являются исторической основой так называемого «черкесского вопроса». В 2014 г. группой исследователей был подготовлен и опубликован экспертный доклад «Черкесский вопрос». Согласно этой работе: «Понятие «черкесский вопрос» может применяться для обозначения исторических ситуаций, в которых наличный политический статус Черкесии и/или черкесов (адыгов) оспаривается становится предметом взаимодействия (дискуссии, конфликта, сотрудничества) по меньшей мере двух политических акторов, независимо от того, используется ли при этом соответствующий термин или нет. Такая ситуация возникла в начале 1990-х годов и сохраняется до настоящего времени»²⁰. Обострение черкесского вопроса и актуализация памяти о Кавказской войне неизбежно оказываются связанными, и эта связь работает как в одну, так и в другую сторону. Между тем, Международная Черкесская ассоциация и другие черкесские организации в России на протяжении 1990-х гг. были достаточно активны в рамках деятельности, направленной на решение различных аспектов черкесского вопроса, однако долгое время эта активность не порождала никакой напряженности в отношениях с государственной властью.

¹⁸ URL: https://vk.com/wall-75535816_136477.

¹⁹ Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе / Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 250.

²⁰ «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН. 2014, С. 6.

Контекст для памяти

Нужно понимать, что память о Кавказской войне (как и любая другая память) существует не в вакууме, а в определенном политическом и социальном контексте. Этот контекст и память оказывают друг на друга взаимное влияние. В рамках важного для памяти контекста последних лет можно выделить такие вещи как перепись населения 2021, во время которой, конечно, актуализировался вопрос об этнической идентичности людей, одной из основ которой является историческая память. Языковую политику Российского государства, в рамках которой существует закон 2018 года, делающий изучение родного нерусского языка необязательным и как бы отодвигающим местные языки в разных регионах России на второй план. Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году, в результате принятия которых русский народ получил статус государствообразующего народа. И конечно, начавшуюся 24 февраля 2022 года специальную военную операцию. Все эти вещи некоторые черкесские интеллектуалы и этноактивисты связывают с колониальными практиками и проявлениями элементов имперской политики Российского государства и все эти вещи, безусловно, влияют на актуализацию травматической памяти и сопутствующие волны социальной мобилизации и радикализации.

О языке

Конечно, на уровне заявлений и на федеральном, и на региональном уровне российские власти никогда не отказывались от того, что в России существует множество разных языков и государство должно их всячески поддерживать и развивать. Однако, в действительности ситуация с языками и языковой политикой складывается довольно непростая. Республики, безусловно, имеют право вводить преподавание своих государственных языков. Однако при этом они не участвуют в формировании базисного учебного плана, а в 2007 г. его так называемый «национально-региональный компонент» был отменен. Для того, чтобы преподавать язык, необходим федеральный стандарт, но он установлен далеко не для всех языков. Каждый ученик имеет право получать образование на своем родном языке и преподавание родного языка является обязательной частью школьной программы. При этом с 2018 г. действует принцип добровольного выбора «родного» языка. Этот принцип регламентируется изменениями, внесенными в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных

языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования».²¹ И как замечают некоторые исследователи: «Если в сельской школе с одним классом все родители выбрали какой-то язык, то он и будет преподаваться. Достаточно даже одной семье написать о нежелании изучать бурятский, чтобы ушло преподавание бурятского. И очень часто русскоязычное население в регионах скорее негативно настроено по отношению к изучению местного языка. Колониальная идея, что никаких языков не надо, кроме русского, очень плохо и медленно уходит»²².

В большинстве республик языки титульных национальностей являются государственными, преподавание этих языков и на этих языках присутствует в местных школах. Однако, часто это оказывается некоторой формальностью. Ни один из региональных языков не приближается по объему использования и своим социальным функциям к русскому языку. И дело не в том, что таков выбор людей, точнее отсутствие выбора в пользу родного нерусского языка: «Люди используют русский, потому что к тому их настоятельно принуждают социальные обстоятельства, на которые они сами не могут повлиять»²³.

Есть и другие, более глубокие и независящие от людей причины. Уже на протяжении нескольких поколений коммуникации и другие процессы в стране проходят на русском языке. Местные языки довольно давно находятся в процессе утрачивания своих общественных функций и социального престижа. Развитие в регионе двуязычия – это сложный комплексный процесс, который требует усилий и от людей, и от властей. В текущей ситуации можно констатировать тот факт, что существует негативная тенденция к изучению и использованию языков, помимо русского. Для того, чтобы язык продолжал полноценно функционировать необходимо его использование в публичном пространстве, а не только, например, внутри семьи. Позитивную роль, конечно, играет Интернет и социальные сети, но этого, очевидно, недостаточно, и государство долж-

²¹ Федеральный закон о внесении изменений в статьи 11 и 14 федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/.

²² «У многих сейчас возникает конфликт по отношению к этнической идентичности». Интервью об этноактивизме и миграции с социолингвисткой Владой Барановой, правозащитником Семеном Пупкиным и антропологом Дмитрием Верховцевым, НОЖ, 2022. URL: <https://knife.media/ethnoactivism-interview/>.

²³ Ibid.

но прилагать больше усилий для изменения языковой ситуации, если оно действительно готово развивать и поддерживать языковое разнообразие в России, как это следует из заявлений представителей власти на разных уровнях.

Языковой вопрос является объектом пристального внимания участников национального черкесского движения. Они выражают обеспокоенность существующей ситуацией и говорят о том, что все больше и больше людей теряют навыки владения родным адыгским языком, а среди молодежи есть те, кто никогда и не приобретал этих навыков. Конечно, внутри черкесского сообщества существуют разные мнения и разные отношения к проблеме сохранения языка. Примером может послужить типичный диалог в одной из социальных сетей:

– Все, кто называет себя адыгэ! Мне вот интересно, почему многие учат своих детей разговаривать на русском в то время, как на адыгэбзэ не понимают даже, не то что разговаривать. Таких детей много раз встречала! Мне жаль, что люди так безответственны к своим потомкам, потому что язык играет важную роль в развитии ребенка духовно и морально. Учите своих детей родному языку так же, как и русскому. Особенно это касается тех, кто уезжает с республики. Адыгэбзэ зымыцц1эр адыгэ1ым!

– Не учат разговаривать на черкесском языке, потому что в нем нет необходимости. Одно дело жить в ауле, где он нужен и необходим, а другое дело в городе, где все говорят по-русски, и знание другого языка не обязательно для нормальной жизни.

– Вот из-за таких как вы, наш язык, наша культура и история пропадает, а вы не задумывались почему так?²⁴

Один из моих респондентов принимал активное участие в создании сообщества в социальных сетях, задачей которого является сохранение и распространение адыгского языка. В нем активно публикуются и обсуждаются исторические, политические и остросоциальные материалы на адыгском языке. Идея состоит в том, что собственную историю, память и текущие общие проблемы нужно обсуждать на собственном же языке. Тогда этот язык становится в полном смысле «языком общества».

О самоопределении и переписи населения

В 2020–2021 году состоялась очередная Всероссийская перепись населения. На момент написания этой статьи стали появляться первые итоги проведенной переписи и первые реакции на эти результаты. Но для меня, в данном случае, важны не столько результаты переписи, сколько то, как готовилось к ней черкесское сообщество в Кабардино-Балкарии. На постсоветском пространстве регулярно возникают дискус-

²⁴ URL: https://vk.com/wall-121812774_105368.

сии о том, что адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов можно было бы «объединить» под общим наименованием черкесы. Актуализировались эти обсуждения и в 2020 г. в преддверии переписи. В 2020 г. в органы федеральной власти в сфере государственной национальной политики и статистики – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) и Федеральную службу государственной статистики (Росстат) было направлено письмо, подписанное руководителями ряда общественных организаций Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии. «В обращении общественников указывалась необходимость «восстановления единого названия черкесы» для адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов, мотивируя ее тем, что именно восстановление названия «поможет сохранить историческое, культурное и духовное наследие черкесского народа, станет залогом его возрождения в будущем». Для «восстановления» предлагалось изменить сам метод переписи населения, а именно: «в методические документы переписи 2021 года внести изменения, на основании которых всех именуемых адыгейцами, кабардинцами, черкесами и шапсугами со всеми возможными вариантами ответов на переписи-2021 учитывать под единым этническим наименованием “черкесы”»²⁵. Мои респонденты рассказывают, что призывы «записываться черкесами», действительно, звучали по всей Кабардино-Балкария. Реакция на них не была однозначной, кое-кто отмечал, что их возмутило требование отказаться от своей локальной идентичности, например, «кабардинец». Эти призывы сопровождались публикациями на различных сайтах и в социальных сетях, в которых активисты черкесского движения зывали к памяти о Кавказской войне и делали упор на то, что черкесы когда-то были практически уничтожены Российской империей, а тех, кто остался, разделили искусственно. По их мнению, если черкесы снова хотят обрести силу как нация, то им прежде всего необходимо вернуться к исходной форме единства.

Подобные вещи происходили в 2020 году не впервые. Примерно тоже самое было и в 2009 году, перед проведением предыдущей переписи населения. В 2009–2010 гг. в Интернете также была развернута компания, которая под лозунгом: «Один народ – одно название – одно будущее». По мнению некоторых исследователей, лидеры национального движения в обоих случаях стремятся прежде всего к формальному увеличению чис-

²⁵ Степанов В.В. Черкесы в переписи и общественно-политическом дискурсе, Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под редакцией В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков М.: ИЭА РАН, 2021, С. 276–277.

ленности черкесского населения через использование общего названия, что могло бы в итоге позволить им выдвигать политические требования, в том числе и требование о создании единой республики. Однако В.В. Степанов в своей статье, посвященной переписи населения среди черкесов, выражает довольно скептическое отношение к успешности призывов об объединении: «Еще перед прошлой переписью населения 2010 г. в зарубежном сегменте Интернета был создан и целенаправленно действовал «черкесский» сайт, призывавший северокавказскую молодежь поддержать акцию «Один народ – одно название». Также был выдвинут лозунг: «Один народ – одно название – одна республика». Но даже среди поборников адыгского культурного единства далеко не все поддержали идею единства «республиканского», но выступили против объединения трех республик»²⁶.

О поправках к конституции и памятных мероприятиях

В 2020 году был принят ряд поправок к Конституции РФ, эти поправки коснулись в том числе и статьи 68, в пункте 1 которой указано следующее: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»²⁷. Эта формулировка о русском народе, как государствообразующем стала настоящим камнем преткновения еще тогда, в 2020 году. Представители различных национальных движений на территории РФ были возмущены тем, что теперь один единственный народ в многонациональной стране получил особый статус, возвышающий его над всеми остальными. Мои респонденты также выражали свое негативное мнение на этот счет. Вот одно из них:

– В Конституции записано – язык государствообразующего народа. То есть, тем самым Россия признала нас в качестве иностранцев, коими мы сами считаем себя по отношению к России. Я не считаю себя россиянином... Ко мне как-то один приходил и говорит: «Ну мы же как патриоты России» ...туда-сюда...кстати, не представился... Я говорю: «Я не патриот России!» И он такими глазами на меня смотрел. Удивительная вещь, они нам сделали все плохое, что выдумал человек, да, со мной, с моим народом и после этого требуют от меня патриотизма. Странно же...

Памятные мероприятия в честь жертв Кавказской войны проводились в Кабардино-Балкарии 21 мая каждый год на протяжении тридцати лет.

²⁶ Ibid. С. 280.

²⁷ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL: https://constitution.garant.ru/main/law_const/73742836/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/.

Эти мероприятия были отменены в 2020 и 2021 году из-за пандемии, но это не вызвало особенного общественного возмущения, поскольку такая причина отмены казалась большинству населения объективной и правомерной. В траурном митинге и других коммеморативных мероприятиях 21 мая всегда принимали участие представители республиканской власти, общественные деятели, активисты и т.д. Т.е. республиканская власть не только не запрещала память о Кавказской войне, но и сама принимала участие в проведении самых значимых коммемораций.

В 2022 году, однако, произошло событие, которое вызвало значительный общественный резонанс – власти Кабардино-Балкарии отказали инициативной группе в проведении 21 мая траурного шествия в память о жертвах Кавказской войны. Активисты раскритиковали власти за отмену шествия в День памяти. Глава Кабардино-Балкарского правозащитного центра Валерий Хатажуков высказался по поводу отмены траурного митинга следующим образом: «Власти Кабардино-Балкарии запретили проведение в этом году традиционного шествия, посвященного Дню окончания русско-кавказской войны 21 мая 1864 года, которая традиционно проходит ежегодно 21 мая по центральной улице г. Нальчика. Эта дата является трагической страницей в истории черкесского народа и отмечается во всех странах их проживания. После столетней войны и геноцида, совершенного против него царской Россией, подавляющее большинство оставшихся в живых было насильственно депортировано в Османскую империю. В республике последние 30 лет 21 мая является нерабочим днем»²⁸.

Хатажуков обращает внимание на эти аргументы, которые приводят чиновники для обоснования причин отказа в проведении шествия. По его словам, они были озвучены во время встречи руководителя администрации главы республики Мухаммеда Кодзокова с представителями национального движения, которые являются одними из основных организаторов и участников шествия. На этой встрече было заявлено следующее: «Проведение этого шествия не желательно в связи с событиями в Украине потому, что мы должны демонстрировать полную солидарность (с федеральной властью)». И дальше было сказано, что власти ни в коем случае не согласуют это мероприятие, и в случае неподчинения закону, со стороны правоохранительных органов будет применено насилие»²⁹.

²⁸ Хатажуков В. Запрет на проведение траурного шествия 21 мая является провокацией органов власти КБР во главе с его руководителем Казбеком Коковым. URL: <http://zapravakbr.com/index.php/30-uncategorised/1812-valerij-khatazhukov-zapret-na-provedenie-traurnogo-shestviya-21-maya-yavlyaetsya-provokatsiej-organov-vlasti-kbr-vo-glave-s-ego-rukovoditelem-kazbekom-kokovym>.

²⁹ Ibid.

Шествие, на которое не было получено разрешение, было проведено, но прошло оно вопреки запрету властей.

Один из моих респондентов, находившихся у истоков гражданского общества Кабардино-Балкарии еще в 90-ые годы, выразил свое мнение о том, что политика памяти в республике является частью колониальной политики в регионе в целом:

– Это же не вчера началось, это не только вот с памятью связано, это отношение такое в целом. Это колониальная политика. Про англосаксов ведь так любят говорить, про геноцид индейцев, например, а про себя-то не хотят помнить. Это имперские дела, совершенно, что тут говорить.

Рассуждая о колониальной политике в рамках Российского государства, члены национального движения обращаются также к понятию империализма. Вообще, позиция «за национальное» подразумевает позицию «против имперского». Конечно, империализм не сводится только к колониализму. Империализм предполагает обилие нелинейных связей и несимметричных отношений. Колониализм – только один аспект империализма и этот аспект лучше всего рассматривать в контексте бинарных субъектных позиций, которые империализм формирует – как для себя, так и для колонизируемого³⁰. Цель в том, чтобы поставить колонизируемого на «место». Но это место нужно создать, в том числе в рамках соответствующего нарратива. Бесконечно воспроизводимый нарратив и практики создают те самые места, которые навязываются колонизируемым культурам и начинают восприниматься ими как единственно возможная позиция для существования в рамках колониальной системы без возможности выйти из нее.

Не только республиканские власти отреагировали на спецоперацию на Украине повышенным стремлением к выражению лояльности и подчинения центральной власти, выражаемым через «отмену» культурной памяти собственного народа. Сами жители Кабардино-Балкарии также отреагировали неоднозначно. По сообщениям моих респондентов, многие люди говорили о том, что отмена локальных коммемораций им понятна, также как и отсутствие при этом запрета на общегосударственные коммеморации, такие как, например, шествия и празднования 9-го мая. Ведь федеральное им кажется более важным, чем республиканское. И такая позиция тоже является примером осознания и принятия своего «назначенного места».

³⁰ Ashcroft B. Post-Colonial Transformation, Routledge, 2001; Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Postcolonial studies. The Key Concepts, Routledge, 2013; Loomba A. Colonialism / Post-colonialism, Routledge, 2005.

Реалии и перспективы радикализации

Классические исследования процесса радикализации обычно проходят на двух уровнях. На макроуровне (исследования терроризма, политология) речь идет о политических процессах, структурных изменениях, культурных особенностях сообществ. На микроуровне (социальная психология) обычно рассматривается индивидуальная уязвимость, личное недовольство, психопатические особенности личности и т.д. Реляционная же перспектива выступает альтернативой традиционным подходам. Этот подход позволяет включить в анализ причин радикализации большее число факторов и условий, что позволяет исследовать проблему глубже. «Радикализация – это эскалация от ненасильственного репертуара действий к все более жестким действиям насильственного характера. Радикализация осуществляется путем сложного набора взаимодействий, которые разворачиваются с течением времени»³¹. То есть, радикализация – это постепенный процесс, являющийся результатом взаимодействия между отдельными лицами, группами и институциональными субъектами. Для осуществления процесса радикализации необходимо задействование различных ресурсов: политических, экономических и, безусловно, символических, к которым, в свою очередь, относится и социальная память³². Гудвин в своих исследованиях обоснованно утверждает, что культурные обиды и травмы сами по себе могут использоваться как толчок для запуска процессов радикализации³³. Актуализованная в контексте текущих экономических и политических проблем, а также общественно значимых событий, травматическая память становится одним из важных компонентов в процессе перехода части общества на путь радикализма, который в свою очередь «связан с идеями и представлениями о необходимости кардинального и решительного переустройства существующих социально-политических отношений в обществе и предполагает отрицание существующей структуры общественных отношений и выдвижение новой – альтернативной, которая рассматривается как единственно воз-

³¹ della Porta D. Radicalization: A Relational Perspective. *Annual Review of Political Science*, 21:461–74, 2018.

³² Hegghammer T. Terrorist recruitment and radicalization in Saudi Arabia. *Middle East Policy* 13(4):39–60, 2006; McCauley C, Moskalenko S. *Friction: How Radicalisation Happens to Them and Us*. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2008; Sageman M. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: Univ. Penn. Press, 2004; Sageman M. *Leaderless Jihad*. Philadelphia: Univ. Penn. Press, 2008; Wiktorowicz Q. Islamic activism and social movement theory. In *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*, ed. QWiktorowicz, pp. 1–33. Bloomington/Indianapolis: Indiana Univ. Press, 2004.

³³ Goodwin J. Review essays: What must we explain to explain terrorism? *Soc. Mov. Stud.* 3:259–65, 2004.

можная и правильная в сложившейся несправедливой и неприемлемой социально-политической действительности»³⁴.

В своей работе «Неравенство, недовольство и гражданская война» Л.-Э. Сидерман пишет о том, что развитие или не развитие конфликта в определенный момент начинает зависеть от того, как правительство будет реагировать на действия недовольных групп. Описывая схему развития культурных обид и мобилизации сообществ, он говорит о том, что коллективные обиды должны быть сформулированы определенными акторами, после чего на их основе выдвигаются политические претензии, которые должны быть поддержаны массами: «Претензии формируются в требования и в ход идет определенный репертуар протестных социальных действий: забастовки, бойкоты, демонстрации и так вплоть до насильственных действий. Далее все зависит от ответных действий правительства. И тут будет, конечно, большая разница между демократическим правительством и тоталитарным. Можно сказать, что реакция государства на протесты является ключевым моментом в плане перехода или не-перехода протеста в насильственную форму»³⁵.

На данный момент в черкесском обществе существуют коллективные обиды и культурные травмы, инструментализация которых позволила бы мобилизовать население и привести к реальным конфликтам или стремлению к сепаратизму. Но дело в том, что, на мой взгляд, в том же черкесском обществе нет политических акторов, которые ставили бы перед собой такую задачу. Их нет ни среди представителей действующей республиканской власти, ни среди членов этнонационального движения. Один из его представителей в своем интервью осенью 2021 г. говорил:

– В любом случае, это неизбежно, черкесы об этом и будут знать, и будут помнить, и будут говорить, и рано или поздно и российскому академическому сообществу, и образованной, сознательной части российского общества придется эту тему тоже вспомнить, отразфлексировать и высказать определенное отношение. Что да, мертвых мы не воскресим, но есть определенные проблемы... Ну, как минимум отказ от сознательной и бессознательной лжи на эту тему. Это уже будет шаг вперед и для российского государства, и для российских академических кругов. Во-вторых, ну прошлое прошлым, но в настоящем есть масса проблем, которые требуют разрешения... Мы не говорим о том, что кто-то требует независимости и будет отделяться. Но когда люди чувствуют, что их проблемы не игнорируются властью, они как-

³⁴ Зинченко Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. 2011. № 2(6). С. 102.

³⁵ Lars-Erik Cederman, Kristian Skrede Gleditsch, Halvard Buhaug. Inequality, grievances, and civil war. Cambridge. 2013, P. 35.

то спокойней относятся к прошлому. Но если настоящее резонирует с прошлым...Ну, как в прошлом нас, нашу субъектность не хотели признавать...Но если в прошлом человек знает черкесский бэкграунд и видит, что и сейчас нет никакого федеализма, нет никакого самоуправления и реально все решается в одном месте, естественно эти старые проблемы, они только «фасчесываются».

Вот еще одно мнение из взятого мною интервью:

– Тогда время было такое, вы, наверное, знаете, вторая война в Чечне. И любое слово поперек вызывало такое: «А вы тоже хотите, как в Чечне?». Но мы никогда не хотели, как в Чечне. Да и в Чечне, наверное, изначально никто не хотел «как в Чечне».

При этом попытки властей запретить коммеморации в честь Дня памяти и скорби выглядят как плохая игра на опережение. В итоге это приводит к прямо противоположному эффекту. Среди молодых представителей гражданского общества и активистов возникает протестная реакция в ответ на действия властей. Это лишь еще больше актуализирует память о культурной травме Кавказской войны. «Мобилизация осуществляется через усиление солидарности в рамках своего сообщества и расширение социальных сетей. Помимо рационального выбора большую роль играют эмоции. В противовес страху в сообществе формируются гнев, ярость, возмущение социальной несправедливостью и т.п. Кроме того, усиливается групповая идентичность и интересы группы становятся не менее важны, чем личные интересы. Происходит то, что можно назвать «деиндивидуализацией». Члены группы не только обижаются на травмы и несправедливость, от которых они лично страдают, но и реагируют на переживания своих соплеменников из чувств товарищества и солидарности. Одна травма «умножается» на сумму сплоченности группы и межличностных связей и превращается в коллективное недовольство»³⁶.

Мои респонденты рассматривают запрет определенной памяти целого народа как вид культурного насилия, которое, кроме того, поддерживается различными формами легитимного прямого насилия со стороны представителей полиции, ОМОНа, военных и т.д. В нашем случае непонятное никому давление на память обострило культурные обиды даже среди тех, кто довольно спокойно относился к своему историческому прошлому и был склонен к лояльному отношению к государству. И хотя некоторые мои респонденты считают, что запрет на память о Кавказской войне никак на самом деле не связан с СВО на Украине, а является продолжением колониальной политики по отношению к разным народам Северного Кавказа, то сама память и обращение к ней со стороны молодежи имеет непосредственную связь со спецоперацией. Ведь СВО и ее

³⁶ Lars-Erik Cederman, Kristian Skrede Gleditsch, Halvard Buhaug. Inequality, grievances, and civil war. Cambridge. 2013. P. 47.

последствия создают совершенно новый контекст для собственной травматической памяти. Среди населения республик возникает тревога, связанная с большим количеством жертв среди военных, среди которых оказываются представителями кавказских народов. В глазах людей это может выглядеть как вариант колониальной практики – использование этнических меньшинств для ведения войны в интересах метрополии. Однако стоит указать, что и добровольцы для участия в СВО в республиках Северного Кавказа, в том числе и в Кабардино-Балкарии тоже, конечно, есть. Еще в конце февраля 2022 г. начался процесс формирования добровольческих батальонов. Первопроходцем в этом вопросе стала Чечня, отряды СОБРа и ОМОНа «Ахмат», батальон «Юг», а также 141-й моторизованный полк имени Ахмата-Хаджи Кадырова были самыми первыми. Чеченская республика вообще проявила наибольшую активность в плане набора добровольцев, как сообщил в своих социальных сетях Рамзан Кадыров, план призыва в Чеченской Республике перевыполнен на 254 процента. Именные добровольческие отряды «Алания» и «Осетия» (сформированные, соответственно в Северной Осетии) находятся в районе боевых действий с марта 2022 года. С началом военной мобилизации Кабардино-Балкария первой на региональном уровне приняла дополнительные меры поддержки мобилизованных и их семей. А первым Героем России в ходе спецоперации стал Нурмагомед Гаджимагомедов из Дагестана.

Заключение

Было бы безосновательно утверждать, что среди всего черкесского общества Кабардино-Балкарии в настоящее время активно протекают процессы радикализации, однако сдвиги в эту сторону присутствуют и вызваны они, в том числе, значимыми социальными и политическим событиями, которые были отмечены в этой работе. Тенденция к радикализации прослеживается среди общественно активной молодежи, которая тем больше утверждается в своих радикальных взглядах, чем больше давления оказывает на нее власть. Еще 2014 году, в уже упоминаемом мною экспертном докладе по черкесскому вопросу авторы пришли к выводу о том, что поддерживать спокойную обстановку внутри республики Кабардино-Балкария не представляется возможным без исторической политики, построенной не на административном диктате, а на диалоге и взаимном уважении и понимании³⁷.

³⁷ «Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич – М.: ИЭА РАН. 2014. С. 80.

Ныне этноактивизм вовсе не является чем-то маргинальным, особенно среди молодежи. Часть общества в поддержке этнонационального движения видит единственный путь сохранения себя, своей культуры и истории. Еще несколько лет назад, возможно, они не задумывались об этом. Текущее положение дел в стране и рост общественного напряжения только способствуют росту радикальных настроений. И предполагать, что ответные меры репрессивного характера со стороны власти затормозят этот процесс, большая ошибка.

Достаточное количество российских исследователей считает черкесский вопрос надуманным и рассматривают его как результат информационных войн и спекуляций. Например, в публикации В.Ф. Патраковой и В.В. Черноус³⁸ перечислен ряд утверждений, к которым прибегают члены черкесского движения, и эти утверждения однозначно рассматриваются как мифы. Среди них, например: «миф о перманентной агрессивной «реакционной» политике России на Кавказе, демонизация ее», а также «миф об исключительной ответственности Российской империи за жертвы в Кавказской войне, выселение горцев в Османскую империю, максимальное завышение числа жертв (комплекс жертвы)». Однако мне не кажется, что такой подход правомерен и продуктивен. Мои полевые исследования в Кабардино-Балкарии заставили меня прийти к выводу о том, что память о Кавказской войне и геноциде черкесов является неотъемлемой частью культуры и идентичности черкесов в Кабардино-Балкарии. И хотя эта травматическая память действительно порой является инструментом политических манипуляций со стороны некоторых членов и организаций внутри черкесского сообщества, утверждение о том, что она полностью ложна, дает основание членам этого сообщества снова обвинять политику российского государства в колониальной направленности и в отрицании права разных народов и культур внутри Российской Федерации на собственное осмысление своей истории.

Одним из основных аргументов тех, кто скептически относится к значимости памяти о Кавказской войне, геноциде и связанному с этим черкесскому вопросу, является утверждение, что лишь небольшая часть черкесского общества всерьез относится к этнонациональному движению и не проявляет никакой активности в этой области. Однако исследования Сидермана показывают, что количество – это не самый главный показатель на начальном этапе мобилизации, а затем и радикализации общества. Необходимо всего лишь ядро – актер, который имеет в руках под-

³⁸ Патракова В., Черноус В. Кавказская война и «черкесский вопрос» в исторической памяти и мифах историографии (II). URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/06/04/kavkazskaja-vojna-i-cherkesskij-vopros-v-istoricheskoy-pamjati-i-mifah-istoriografii-ii.html>.

ходящий символический ресурс в виде культурной обиды или травмы, люди, которые эту травму разделяют и текущий контекст, который способствует обострению чувства общественной тревоги и неудовлетворенности. Если на определенном этапе актор получит доступ к необходимым политическим и экономическим ресурсам, то он может породить настоящую бурю. Значимость «острого» социального и политического контекста для запуска процессов радикализации позволяет говорить о том, что сама радикализация является вовсе не «болезнью» общества, а симптомом долго нерешаемых проблем, существующих в этом обществе.

Кабардино-Балкария, как и весь Северокавказский регион, имеет печальный опыт всплеска радикализации на почве распространения ваххабизм в период чеченской войны. Из-за острой озабоченности вопросом, связанным с этой формой радикализации, радикализация на почве этнонациональных идей ошибочно может показаться не столь значимой. Однако усиление радикализации любой направленности чревато сначала дестабилизацией общества, а потом и возникновением открытых столкновений, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия вплоть до человеческих жертв. Если черкесское этнонациональное движение условно разделить на две части: умеренную и радикальную, то проблема будет состоять в том, что игнорирование разумных требований или даже предложений умеренной части и необоснованная реакция республиканской власти в виде репрессивных мер лишь увеличивают радикально настроенную часть. Важно не идти на поводу у тех членов этнонационального движения, которые стремятся развивать в обществе радикальные настроения, но при этом необходимо помнить, что бороться следует с самими причинами, по которым радикальный путь кажется определенной части общества более привлекательным. В этом контексте особенно важно сказать про дерадикализацию, которая должна быть эффективной, а не шаблонной. А ее эффективность зависит от ориентирования каждой конкретной программы по дерадикализации на культурные и исторические особенности того региона, в котором она проводится. В Кабардино-Балкарии отправной точкой могла бы послужить работа с исторической памятью и культурной травмой Кавказской войны. Так об этом высказался один из моих респондентов:

— То, что мы можем чисто в научном, академическом плане эти темы обсуждать, чтобы это совсем не уходило в сферу каких-то мифов, чтобы это не мифологизировалось, наоборот, нужно выяснять детали, то есть подходить с рациональной точки зрения. Чтобы фактология, то, что мы хорошо знаем по этому вопросу, чтобы это нарастало. Для большого числа простых черкесов там еще много вопросов. И пока мы не сможем говорить об этом в полный голос, пока эти темы не будут в

адаптированной форме включены в школьные учебники, в программу высшей школы, в музейные пространства, рациональное сознание не просветлеет, не очистится. Там много будет каких-то скелетов в шкафу, там много будет каких-то мифов, что тоже не добавляет здоровья в общественное сознание. Умолчание, вытеснение этой памяти, маргинализация ее, это все не оздоравливает общество.

Память о Кавказской войне может служить не только символическим ресурсом для радикализации черкесского общества. В одной из своих публикаций Н. Нефляшева рассматривает такую практику как конные переходы черкесских всадников в качестве профилактической меры, направленной как раз против радикализации черкесской молодежи: «На примере кейса конных переходов, организуемых черкесским «Хасэ всадников», мы покажем, что они обладают серьезным потенциалом (в рамках дерадикализации – В.Т.), поскольку являются привлекательными для современных молодых людей и имеют основание в традиционной культуре. Более того, успешный опыт не только самих конных переходов, но и абсолютно положительные коннотации, которые получила эта практика среди ее участников и зрителей, вовлеченных во встречи всадников в черкесских аулах, показывают, что новое прочтение традиции делает ее актуальной и даже модной. В условиях новых контекстов традиция может работать не только как механизм сохранения, воспроизводства и трансляции устойчивых форм культуры, но и задавать новый вектор, в котором важно конструирование лучшего будущего, а не только осмысление легендарного прошлого»³⁹. При этом конные переходы не раз совершались в память о событиях Кавказской войны. Как замечает Нефляшева, сама форма конного перехода довольна проста, но содержание многогранно: «Конные переходы выполняют все присущие обряду функции – интегрирующую, консолидирующую, воспитательную, функцию трансляции культуры и др.»⁴⁰. Таким образом, практика конных переходов позволяет удовлетворить стремления людей к ощущению своей общности, культурной и исторической уникальности, при этом направляя эти стремления в мирное русло.

³⁹ Нефляшева Н. «Конь и всадник». Мужские союзы против радикализации, Кавказский узел, 2019. <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/335716/>.

⁴⁰ Ibid.

«ДВИЖЕНИЕ АУЕ»: ЧЕГО НУЖНО ОПАСАТЬСЯ?

Д.В. Громов

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/9>

17 августа 2020 г. на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ было объявлено, что «Верховный суд Российской Федерации удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации и признал движение «Арестантское уголовное единство» экстремистским, а также запретил его деятельность. В судебном заседании установлено, что АУЕ является хорошо структурированной и управляемой организацией – молодежным движением экстремистской направленности. В рамках движения и в его интересах участниками АУЕ совершались экстремистские правонарушения, а также массовые беспорядки»¹. Заседание Верховного суда проходило в закрытом режиме, поэтому не было обнаружено никаких обоснований этого решения: никаких конкретных фактов, никаких документов, на основании которых решение принималось².

Тема «движения АУЕ» входила в число моих научных интересов в течение нескольких последних лет³, что обусловлено, в частности, ее мощным медийным резонансом. В данной статье изложены некоторые выводы этого исследования. Более подробно тема была раскрыта в книге «АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника», вышедшей в 2022 году⁴.

Изучение АУЕ как социального явления затруднено следующим. Во-первых, не вполне конкретизирован объект изучения; слово АУЕ относится к широкому кругу понятий: это и обозначение идеологии (следова-

¹ По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 17.08.2020. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1886554>.

² Согласно статье 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями от 24 июля 2007 г.), в средствах массовой информации необходимо упоминать, что «движение «Арестантское уголовное единство», или АУЕ является экстремистским и запрещено на территории Российской Федерации.

³ Громов Д.В. Чей уклад запретили. Суд признал экстремистским «движение АУЕ» – что о нем знают антропологи? И существует ли оно? // N+1. 23.09.2020. https://nplus1.ru/material/2020/08/21/on-ayeban?fbclid=IwAR3_xrMX973UEdHag3z_X0gCDtrvGYcfq37bljNCD9m6oyV9Ttycnr7KcE.

⁴ Громов Д.В. АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника. М.: Новое литературное обозрение. 2022.

ние уголовно-тюремным ценностям и формам поведения), и идентифицирующий признак сообщества людей, разделяющих данные ценности, и стилистика, основанная на эстетизации и романтизации блатного мира (стилистика могут следовать люди, никак не относящиеся к криминалу и не совершающие противоправных действий). Стилистика АУЕ может проявляться как в произведениях искусства (фильмах, музыке, видеоклипах, фотографии, вербальных жанрах и др.), так и в поведении (как офлайн, так и онлайн). Во-вторых, деятельность гипотетических «организаций АУЕ» относится к сфере криминального, и поэтому она закрыта для возможного изучения; насилие и преступная деятельность в специальных учебных заведениях, в подростково-молодежной среде, с одной стороны, закрыты для внешнего наблюдателя, с другой, окружены ореолом домыслов. В-третьих, вызывает затруднение многообразие социальной реальности: Россия – огромная страна, в которой существуют населенные пункты с совершенно разной криминологической обстановкой. В таких условиях любое сколь угодно подробное полевое исследование может оказаться непредставительным.

Исследование предполагало комплексное использование четырех подходов.

1. Анализ документов, находящихся в открытом доступе. Это широкий круг источников от статистических данных, постановлений, решений, инструкций до видеозаписей, обсуждений на форумах, постов в социальных сетях; информация из любых источников верифицировалась, воспринималась критически, она отражала разные точки зрения на неоднозначное и сложное явление.

2. Количественный анализ употребления лексики, связанной с АУЕ, в Интернете. Этот анализ произведен с помощью сервиса Google Trends, фиксирующего количество поисковых запросов в Google.

3. Метод экспертной оценки. Для обсуждения темы были приглашены несколько экспертов – правозащитников, занимающихся делами осужденных, все они имели личный опыт заключения. Эксперты давали собственные (часто не совпадающие) оценки по ключевым вопросам, относящимся к теме.

4. Анкетирование и интервьюирование различных категорий информантов – школьников, студентов, людей с опытом заключения. В частности, было взято несколько интервью с молодыми людьми из Читы, которые позволили понять, насколько высок в этом городе уровень криминальности. Было произведено анкетирование школьников на предмет знания ими темы. Кроме того, были использованы материалы, собранные в ходе многолетнего полевого исследования молодежных уличных сооб-

ществ⁵; в ходе этого исследования было собрано более 150 интервью с участниками уличных сообществ из Советского Союза и постсоветского пространства.

Данная статья будет выстроена по принципу «вопрос – ответ», в ней будут изложены основные выводы исследования.

Способствует ли «движение АУЕ» росту подростковой преступности?

По многочисленным публикациям СМИ может возникнуть впечатление, что волна преступности захлестывает Россию, и «движение АУЕ» этому напрямую способствует: «АУЕ уже называют проклятием современной молодежи, заразной болезнью, эпидемией, которая поражает все больше детей, расползаясь по стране. (...). Угрозу АУЕ, говорят эксперты, можно оценивать как общенациональную. Если не принять меры, то очень скоро может появиться целая армия “ауевших деток”, которыми управлять будут не учителя в школе, а уголовники»⁶.

Никто из алармистски настроенных журналистов не приводит данных о реальном положении с криминалом. Между тем, в настоящее время в России, как и в развитых странах в целом⁷, наблюдается длительное поступательное снижение преступности, в том числе преступности несовершеннолетних⁸. Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁹, в 2010 г. в стране было выявлено 72692 несовершеннолетних, совершивших преступления, а в 2019 г. – 37953 чел.; иначе говоря, произошло снижение в два раза. Можно предположить, что в отдельных регионах, охваченных «движением АУЕ», подростковая преступность растет. Но нет, это не так – преступность снижается везде. Например, в Забайкальском крае, который считается регионом с наибольшей представленностью АУЕ, в 2010 г. совершили преступления 1370 несовершеннолетних, а 2019 г. – 857; то есть, произошло снижение в 1,6 раза;

⁵ См. напр.: Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов; отв. ред. Н.А. Пушкарева. М., 2009.

⁶ «ЧП. Расследование»: «АУЕвские детки» // НТВ. 22.03.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=ZKp6de1AOvc>. 1:55.

⁷ Кнорре А., Кудрявцев В. Великое снижение преступности // Ведомости. 27. 09. 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/28/735650-velikoe-snizhenie>.

⁸ Теунаев А. С., Дубова М.Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 2. С. 44–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34667.

⁹ Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления [2011–2020] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_table.

действительно, преступность здесь примерно в два раза выше, чем в среднем по стране, но тенденция к снижению очевидна¹⁰.

Об общем улучшении ситуации с подростковой преступностью говорят и статистические данные из других ведомств. На сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ сообщается, что за последние десять лет (с 2009 по 2020 год) количество осужденных за совершение преступлений несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет снизилось более чем в 3 раза – с 56 тысяч человек в 2009 г. до 16 858 в 2019 году. При этом количество осужденных в возрасте 14–15 лет за тот же временной отрезок сократилось примерно в 4 раза: с 21,6 тысячи до 5,4 тысячи человек¹¹. Уменьшилось и количество осужденных, содержащихся в колониях для несовершеннолетних: в 2007 г. этот показатель составлял 10750 чел., в 2009 г. – 5970 чел., в 2019 г. – 1155 чел.¹²; то есть, с 2009 г. произошло снижение в 5, а с 2007 г. более чем в 9 раз. Высоки и темпы снижения численности взрослых заключенных¹³.

При обсуждении данной темы с различными вполне образованными и компетентными людьми я постоянно сталкивался с фактом, что они не в курсе такого значительного снижения преступности в России. Интересно, что столь позитивный факт находится на периферии общественного сознания, в то время, как и чиновники, и журналисты, и обычные граждане с увлечением обсуждают воображаемую опасность «движения АУЕ». Рассматривая тревожные сообщения об этом «движении», нужно хотя бы учитывать общее значительное снижение преступности как контекст.

Есть ли основания говорить об АУЕ как о «хорошо структурированной и управляемой организации»?

Как уже говорилось в начале статьи, Верховный Суд и Генеральная Прокуратура, заявляя об организованности «движения АУЕ», не привели никакой конкретной информации, раскрывающей это положение. Между тем, у «хорошо структурированной и управляемой организации» должны

¹⁰ Выявлено несовершеннолетних лиц...

¹¹ За 10 лет количество осужденных подростков снизилось более чем в 3 раза // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. 23.06.2020. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20200623/305953594.html.

¹² Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [2007–2019] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK>.

¹³ Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых [2007–2019] // Федеральная служба исполнения наказаний. <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>; Российский статистический ежегодник. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 273.

быть руководящие органы, система лидеров и координаторов, организационно-штатная структура, налаженная система принятия и исполнения решений, устав, условия членства и проч.; могут быть прослежены финансовые потоки, которые наверняка есть у криминальной организации; могут быть названы основные мероприятия, проводимые «движением АУЕ». Никаких данных об этом обнаружено не было.

Решение 17 августа 2020 г. активно обсуждалось в экспертном сообществе. Представительный обзор мнений по теме можно увидеть, например, в публикации одного из региональных изданий под заголовком «Ребята, вы в своем уме вообще?». Несколько экспертов, представляющих разные группы и имеющих разные взгляды на суть явления («представители криминального мира, правозащитники, силовики и другие эксперты»), высказались по теме, «действительно ли есть некое организованное движение». Многие из них выражали озабоченность состоянием подростковой преступности, влиянием криминального сообщества; они говорили о принципиальной необходимости работы на данном направлении. Но по итогам журналист резюмировал: «Все (...) сходятся во мнении, что никакой централизованной организации с аббревиатурой АУЕ в России не существует»¹⁴.

Новостная повестка, в которой в той или иной мере упоминается АУЕ, это несколько десятков событий, происходивших с 2010 года. В их ряду большей частью преступные действия разной степени тяжести, совершенные подростками и молодыми людьми индивидуально или в составе небольших групп; но ни в одном из этих случаев не прослеживается наличие какой-либо организации – это именно частные случаи криминальной деятельности. Заметную степень самоорганизованности можно обнаружить в случаях коллективных беспорядков, происходивших в колониях для несовершеннолетних (несколько таких эпизодов входит в новостную повестку); но все эти случаи имеют собственный набор причин и собственную логику конфликта, и в них тоже не идет речи о каком-либо руководстве извне.

Организует ли «движение АУЕ» массовые беспорядки?

Как отмечалось в начале статьи, 17 августа 2020 г. на сайте Верховного суда РФ, помимо прочего, заявлялось, что «в рамках движения и в его

¹⁴ «Ребята, вы в своем уме вообще?» Почему «запрет АУЕ» – плохая идея: мнения силовиков, воров, правозащитников // ZNAK. 21.08.2020. https://www.znak.com/2020-08-21/zapret_aue_privedet_k_kriminalizacii_molodezhi_mneniya_ekspertov. Сохраненная копия: <https://www.zaprava.ru/rebyata-vy-v-svoem-ume-voobshhe>.

интересах участниками АУЕ совершались экстремистские правонарушения, а также массовые беспорядки»¹⁵.

Если вынести за рамки упомянутые выше инциденты в исправительных учреждениях, в новостной повестке отсутствуют сообщения о целенаправленно организованных «массовых беспорядках» связанных с АУЕ. Есть незначительное количество инцидентов, в ходе которых действовали достаточно крупные группы людей, но эти инциденты возникали спонтанно, были обусловлены алкогольным опьянением; активность в этих группах проявляли немногие. Так, мощный общественный резонанс получил случай, произошедший в Челябинске 27 мая 2017 года: пьяные подростки, недовольные отменой увеселительного мероприятия, подвергли агрессии две машины полиции – их попинали, обматерили, осыпали краской; что важно, в один из моментов подростки довольно слаженно девять раз проскандировали возглас «АУЕ!», кричали в равной степени и мальчики, и девочки¹⁶. Расследование показало, что подростки, участвовавшие в инциденте, не были включены в криминальную деятельность и происходят в целом из благополучных семей¹⁷; о какой-либо организованности этих «массовых беспорядков» (тем более, со стороны «движения АУЕ») говорить не приходится.

25 августа 2020 г. в ходе круглого стола в Общественной палате РФ при замначальника Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ МВД России Сергей Кравчук заявил об опасности участия «движения АУЕ» в протестных акциях: «Именно такие группы могут стать боевой единицей для проведения протестных акций, массовых беспорядков, преступлений экстремистского проявления»¹⁸. Насколько можно судить по формулировкам («протестные акции», «преступления экстремистского проявления»), речь идет не о конфликтах из-за внутреннего распорядка в колониях, а именно о выступлениях политического плана. Мне кажется, предположение об участии «движения АУЕ» в уличном политическом активизме говорит либо о крайней некомпетентности чиновника МВД, либо о конъюнктурности его заявления.

¹⁵ По иску Генерального прокурора...

¹⁶ Фестиваль красок в Челябинске 2017. Подростки напали на полицейских // YouTube.com. 28.05.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s2_pINqhJaE.

¹⁷ Подростки испорченного поколения // ZNAK. 16.08.2017. URL: https://www.znak.com/2017-08-16/est_li_v_chelyabinske_a_u_e_chno_iz_sebya_predstavlyayet_i_deystvitelno_li_opasno.

¹⁸ МВД считает, что участники АУЕ могут стать «боевой единицей для протестных акций» // ТАСС. 25.08.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9283283>.

Что в многочисленных публикациях СМИ описано под видом «движения АУЕ»?

Действительно, в новостях слово АУЕ на протяжении последних десяти лет употребляется довольно часто. Но о чем же при этом идет речь? Какая этнографическая реальность имеется в виду? Данная реальность очень многообразна и определяется двумя крайними полюсами. С одной стороны, это исправительные учреждения для несовершеннолетних, в которых действительно можно встретить молодых людей, задумывающихся о криминальной карьере. С другой, – обычные школы, в которых законопослушные мальчики и девочки воспринимают «движение АУЕ» как модную тему для обсуждения, наравне с множеством других щекочущих нервы тем; во втором случае интерес к АУЕ носит чисто игровой, эстетический характер, какого-либо криминальной практики не предполагается в принципе.

При анализе новостных сообщений об АУЕ видно, что этим словом называют понятия, которые традиционно были в центре внимания правоохранительных органов и системы образования, просто их теперь называют по-другому.

– Буллинг в учебных заведениях. Так, сообщалось, что в начале 2017 г. один из депутатов Законодательного собрания Иркутской области направил губернатору запрос, заявляя, что «в интернатах региона, в Усольском гвардейском кадетском корпусе культивируются арестантские порядки, в Приангарье просочилась идеология сообщества АУЕ»¹⁹. Более подробное описание ситуации²⁰ позволяет понять, что речь идет о буллинге или (учитывая, что учебное заведение военное) неуставных отношениях.

– Молодежные уличные группировки. Так, в двух публикациях казанские исследователи приводят данные интервью, взятых у подростков и молодых людей, относящихся к «улично-криминальной субкультуре «А.У.Е.»»²¹. Полевое исследование проведено добротнo, однако результаты

¹⁹ Тарасов А. Страна из трех букв. АУЕ: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или Хроники новой пионерии // Новая газета. 16.06.2017. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv>.

²⁰ Усольский кадетский корпус: будущие офицеры живут по воровским законам // Irk.ru. 28.04.2017. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20170428/cadets>.

²¹ Иванов А.В., Козлов В.Е. Феномен улично-криминальной субкультуры «А.У.Е.» среди молодежи в Республике Татарстан // Казанский педагогический журнал № 1, 2019. С. 205–208.

Иванов А. В., Козлов В. Е., Бурмистрова Ю. Ю. Последователи идеологии А.У.Е. в Республике Татарстан: факторы и акторы негативной социализации // Казанский педагогический журнал. 2019. № 6. С. 211–214.

дают вполне узнаваемую этнографическую картину – это уличные группировки, которые и в настоящий момент существуют в городах Среднего Поволжья и исследованы многими авторами.

– Подростковая преступность разных видов. Так, инциденты, соотносимые с АУЕ, представляют собой случаи бандитизма, пьяного вандализма, хулиганства, воровства, конфликтов с полицией, поборов, мелкого рэкета и прочее.

– Преступность и экстремальная деятельность в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. Так, беспорядки в Рефтинском училище закрытого типа (Свердловская область) 31 августа 2017 г. рассматривалось некоторыми СМИ как проявление активности «движения АУЕ»²², но, по более компетентной оценке, были обусловлены комплексом объективных причин²³.

«История» «движения АУЕ» имеет фантомный характер. По публикациям в СМИ часто бывает трудно понять, почему те или иные явления относятся журналистами к тематике АУЕ, а не, скажем, подростковой преступности; авторы публикаций, как правило, не стремятся этого объяснить, просто употребляя имеющийся бренд по умолчанию. Среди аргументов, позволяющих журналистам использовать данный бренд, следующие: присутствие участников событий в интернет-сообществах, посвященных тюремно-уголовной тематике и публикация соответствующих материалов; использование участниками событий аббревиатуры или варианта «АУЕ!»; личное заявление участников событий о принадлежности к АУЕ или их установка на следование тюремно-уголовной карьере; участие в событиях лиц, имеющих опыт пребывания в исправительных учреждениях. Понятно, что при таком подходе довольно многие события оказываются задействованными в обсуждение тематики АУЕ.

Особенно хочется обратить внимание на тенденцию принимать за «активных участников движения АУЕ» тех, кто подключился к группам, посвященным «околокриминальной» тематике – нам известны случаи, когда в регионах списки участников «движения АУЕ» таким образом и составлялись. Согласно такой логике, все, кто подписан на юмористические группы, могут быть расценены как «участники движения юмористов». Между тем, влияние пабликов на подростков не стоит завышать: нужно учитывать, что современный подросток включен в виртуальное пространство необычайно плотно по сравнению даже с молодежью (не говоря уже о людях среднего возраста). И эта включенность предполагает потребление очень многообразной информации. Если подросток вклю-

²² Макаренко в натуре // Lenta.ru. 4.09.2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/09/04/pobeg>.

²³ «Ребята, вы в своем уме вообще?»...

чен в ВК-сообщество с названием АУЕ, он включен еще в десятки таких же сообществ, посвященных юмору, спорту, эротике, музыке, кинематографу, политике и т.д. АУЕ сообщества с картинками про brutальных парней в данном случае окажутся лишь малой частью информационного потока, который подросток потребляет, и потеряются в этом потоке.

Насколько можно доверять публикациям СМИ о «движении АУЕ»?

В первой же крупной работе, посвященной моральным паникам, – книге Стэнли Коэна «Народные дьяволы и моральные паники»²⁴ отмечалась первостепенная роль средств массовой информации и медиа в нагнетании напряженности в обществе. В большинстве случаев СМИ действительно оказывают большое влияние на процессы развития моральной паники. Происходит это и в случае с «движением АУЕ». Можно назвать много публикаций, авторы которых стараются объективно и взвешено разобраться в происходящем; но в целом общим местом стала сознательная и бессознательная манипуляция информацией, связанной с АУЕ. Например, в предыдущем параграфе мы говорили об огульном приписывании бренда АУЕ различным криминальным явлениям. Также можно назвать следующие приемы искажения информации: подгонка фактологического материала под заданную объяснительную конструкцию; манипуляция цифрами (например, численностью участников «движения»); эмоциональное нагнетание тревожности; влияние на читателя и зрителя через броские заголовки; введение потенциальной опасности в повседневное пространство; преподнесение частных событий как типичных, перенос частного на общее; приписывание различным людям и группам логики, для них нетипичной (напр., обыденная логика не критично переносится на логику воровского сообщества); замалчивание невыгодной информации; прямое искажение фактов.

В качестве примера целенаправленной манипуляции можно привести статью с броским названием «Подростки из АУЕ собрались на сходку в Новосибирске после разоблачения банды малолеток»²⁵. В г. Новосибирске произошел вопиющий случай: несколько подростков нападали на сверстников и младших по возрасту, избивали, отнимали деньги, снима-

²⁴ Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers. L., N.Y.: Routledge, 2011.

²⁵ Подростки из АУЕ собрались на сходку в Новосибирске после разоблачения банды малолеток // Комсомольская правда – Новосибирск. 30. 11. 2019. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/27062.7/4130245>.

ли это на видео; иногда хулиганство сопровождалось криком «АУЕ!»²⁶. После того как информация об этом стала общедоступной, около пятидесяти молодых людей, организовавшись через местные интернет-площадки, поехали в район, где действовала банда, чтобы словом и действием выразить свое несогласие с преступниками. Они-то и были представлены журналистом «Комсомольской правды – Новосибирск» как «подростки из АУЕ»; причем журналист не мог не знать о реальном наполнении событий, настолько широко они обсуждались в городских пабликах.

Конечно, активность СМИ является далеко не единственным фактором, обеспечивающим нагнетание тревожности, связанной с «движением АУЕ». Как и в случаях других моральных паник, в раздувании панических страхов активное участие принимают многочисленные заинтересованные акторы – политики, чиновники, представители правоохранительных органов, общественных организации.

Действительно ли все интересующиеся темой АУЕ склонны к совершению преступлений?

Согласно логике алармистских публикаций, все, кто хоть как-нибудь проявляет интерес к слову АУЕ и стоящим за ним явлениям – действующие или потенциальные преступники. В качестве доказательства существования «движения АУЕ» часто приводят использование подростками воровского сленга, рисование «воровских звезд» на партах, наличие «ауешных» граффити на стенах домов, интерес к видеозаписям и другим материалам, связанным с криминалом. При этом игнорируются многие очевидные моменты.

Во-первых, существует множество форм игрового поведения, которыми занимаются подростки и молодежь. Во все времена детство, подростковый возраст, а порой и юность предполагали, особенно для мальчиков, большое количество игр, связанных с экстремальным поведением, регулируемым насилием, созданием атмосферы таинственности. Среди прочего это были и деликventная деятельность (набеги на частные сады, распитие алкоголя, мелкое воровство и драчливость), и подвижные игры (например, в войну или индейцев), и игры настольные (которые в последние годы по большей части заменили компьютерные), и исследование запрещенных пространств (от подвалов и чердаков до Даркнета). У многих был и эстетический интерес к брутальной маскулинности, делик-

²⁶ Банда замороженных подростков терроризирует школьников в Калининском районе // Комсомольская правда – Новосибирск. URL: 26. 11. 2019. <https://www.nsk.kp.ru/online/news/3685361>.

вентному поведению, (проявлявшийся, помимо прочего, в литературных, кинематографических, музыкальных предпочтениях). Эти игры и интересы не превратили детей и подростков в преступников, а напротив, способствовали их социализации и возрастному развитию.

Стоит добавить, что игровое поведение, связанное с деликвентностью, свойственно и взрослым; ярким примером тому является интерес к «блатным» автомобильным номерам ВОР, ХАМ, АУЕ и прочим²⁷. Конечно, мало кто из заказывающих такие номера реально имеет отношение к преступности, это просто статусное игровое поведение, которому взрослые мужчины следуют, несмотря на то что использование таких номеров создает им проблемы на дорогах.

Во-вторых, дети, подростки и молодежь часто проявляют интерес к эстетике таинственного, страшного, деликвентного, асоциального – того, что выходит за рамки допустимого. Эстетический интерес к «запретному» существовал, видимо, всегда, просто он выражался в разных формах, согласно тому, какие возможности предоставляли общество и культура. В настоящее время интерес к эстетике «запретного» обслуживается кинематографом и художественной литературой в жанре триллера, компьютерными играми, документальным и псевдодокументальным видео, размещенным на просторах Интернета, и многими другими источниками информации. Для большинства современных подростков тематика АУЕ – это явление такого же порядка, что фольклорные страшилки и вампирские киносаги. Можно с увлечением смотреть фильмы про вампиров, сопереживая этим романтическим убийцам, но вряд ли это приведет к желанию сосать кровь. Точно так же можно с интересом следить за информацией об АУЕ и даже самому играть в криминал, рисуя на парте «воровские звезды», но вряд ли это подтолкнет к совершению реальных преступлений, если к этому нет личностной склонности и если нет социальных причин, не связанных с гипотетическим «движением АУЕ».

В-третьих, важнейший фактор интереса к тематике АУЕ – зрелищность и эмоциональность новостей, связанных с этой темой. На иллюстрации 1 нами представлены три графика, полученные в программе Google Trends, фиксирующей количество поисковых запросов (то есть, сколько раз пользователи набирают в Google то или иное слово). График А показывает общее количество запросов, В – запросы в разделе «Новости», С – на видеохостинге YouTube. Можно увидеть, какие события вызывают наибольший интерес. Это события, во-первых, зрелищные, во-вторых, происходящие сравнительно недалеко от места проживания. Со-

²⁷ Автомобильные номера «ВОР» и «ХАМ» предлагают запретить // Россия 24 / Вести. 21. 10. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-I725O1gFoQ>.

бытие № 3 – упоминавшийся выше инцидент в Челябинске 29 мая 2017 г., когда подростки зрелищно напали на машину полиции. Событие № 4 – инцидент с хулиганством в центре Санкт-Петербурга 24 августа 2018 года. Событие № 5 – случай в Тюмени 7 февраля 2020 г., когда посторонний человек зашел в ресторан, где отдыхали представители местных правоохранительных органов и негромко произнес на камеру слово АУЕ²⁸; этот незначительный эпизод имел огромный резонанс, поскольку воспринимался как документальный комедийный фильм, представляющий в неприглядном виде силовиков.

Эмоциональность восприятия инцидентов в Челябинске (29. 05. 2017 г.) и Санкт-Петербурге (24. 08. 2018 г.) связано с тем, что они происходили на далеком востоке, а уже в европейской части страны, где живет основная часть (81%) россиян. Пока события, связанные с АУЕ, происходили на Дальнем Востоке, они не вызывали большого интереса, но когда новостная повестка вторглась к потребителям новостей «домой», это вызвало эмоциональную реакцию, взволновало их как угроза личной безопасности.

В целом можно сказать, что информация об АУЕ – это медийный продукт, который вызывает интерес, как и многие другие медийные продукты, описывающие деликвентные явления. В трансляции информации об АУЕ велика игровая составляющая. Если подростки при встрече произносят фразу «Вечер в хату» или интересуются тюремной жизнью – это вовсе не значит, что они готовы совершать преступления или стремятся выбрать для себя тюремно-уголовную карьеру.

Влияет ли Интернет на развитие «движения АУЕ»?

С самых первых публикаций об АУЕ упоминается пагубное влияние этого «движения», оказываемое через Интернет. Еще в 2014 г. начальник отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи прокуратуры Забайкальского края Е. Синельников, сообщая о всплеске подростковой преступности в регионе, настаивал на том, что информация об АУЕ поступает не напрямую от местных уголовников, а из Интернета: «Детей поработают не на улицах и подворотнях, а прямо дома, через Интернет. Ребенок вступает в социальных сетях в группы, принадлежностью “АУЕ”, где ему все подробно объясняют»²⁹. И впо-

²⁸ Следователь в Тюменской области отметил повышение под крики «Жизнь ворами!» и «АУЕ» (ВИДЕО) // NEWSru.com. 12. 02. 2020. URL: https://www.newsru.com/russia/12feb2020/tumen_aue.html.

²⁹ Забайкалье погрязло в криминале // Комсомольская правда. 17.10.2014. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26296/3174316>.

следствии страх перед влиянием Интернета красной нитью проходил через выступления чиновников и журналистов по теме АУЕ. Роскомнадзор закрывал интернет-ресурсы, посвященные криминальной тематике, в огромном количестве³⁰. Несмотря на это, в августе 2020 г. сообщалось, что «в одной из крупнейших российских соцсетей сегодня насчитываются 39 тысяч групп АУЕ, в которых состоит более 6,5 миллиона пользователей»³¹; видимо, речь шла о сети «ВКонтакте».

По нашей оценке, уже во второй половине 2019 г. в «ВКонтакте» не оставалось активно действующих сообществ, имеющих в названии слово «АУЕ» и администрируемых с территории Российской Федерации. Еще оставалось некоторое количество сообществ, действующих в ближнем зарубежье (за пределами досягаемости российских силовиков и Роскомнадзора), а также около восьмидесяти практически пустых малолюдных групп, созданных на волне моды на бренд и позабытых (после 17 августа они большей частью исчезли).

Желающие ознакомиться с теми самыми группами, которые, согласно распространенному мнению, продвигают идеи АУЕ в подростковой среде, могут составить о них представление и сейчас, часто с помощью анонимайзера или VPN. Ряд групп продолжают работать, несмотря на многочисленные репрессии, они не изменились за последнее время и даже не поменяли адрес. Например, даже не пользуясь анонимайзером, можно зайти в ВК-сообщества « Мама ама Криминал » (https://vk.com/criminal_2014, 841 тыс. подписчиков, первая запись 23.07.2013), оно содержит примерно тот же контент, что и прежние сообщества со словом АУЕ в названии. Но зашедший в эти сообщества будет удивлен – вместо ожидаемой пропаганды «арестантского уркаганского единства» он увидит здесь вполне безобидный и не нарушающий законов контент.

Для примера рассмотрим типичный для жанра паблик, который раньше, когда я его изучал, назывался «*АУЕ*». В настоящее время на территории России он заблокирован, но сообщается, что он «переехал», превратившись в паблик «Честь и достоинство» (<https://vk.com/mensfri>) практически без изменения содержания. Паблик полностью состоит из постов, включающих изображение и текст (как правило, некий афоризм, т.н. «пацанские цитаты»³²), обсуждений в комментариях почти нет. Эти

³⁰ Роскомнадзор удалил в интернете материалы о субкультуре АУЕ // Политика сегодня. 22.01.2018. URL: <https://polit.info/383618-roskomnadzor-udalil-v-internete-materialy-o-subkulture-aue>.

³¹ В России запретили движение АУЕ // Lenta.ru. 17.08.2020. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/aue>.

³² Дороговцева И.С. Маргинализация традиции в современной России: Я и Другой в созна-

посты создают условный образ молодого мужчины, жителя города, надежного определенными характеристиками. Это романтический герой, если понимать под романтизмом стилистику одиночества, индивидуализма, противопоставленности миру. Молодой человек действует в одиночку, готов принимать самостоятельные решения и преодолевать препятствия, не подвержен конформизму. Он ценит близких родственников, друзей и любовь, хотя не раз сталкивался с предательством. Активный мужчина-индивидуалист в своей деятельности может вступать в противоречие с законом – некоторые посты сообщают о его склонности к хулиганству и любви к оружию, некоторые – об антипатии к правоохранительным органам, чьи действия противоречат принципу свободы и индивидуализма мужчины; однако в тюрьме он себя в целом не видит, к арестантской карьере и тюремно-воровской символике интереса не проявляет.

Основные темы и образы паблика: одиночество, индивидуализм – 21% постов; готовность преодолевать препятствия; настрой на достижение успеха – 29%; дружба – 18%; любовь к родителям, детям, братьям, сестрам – 3%; сексуальность – 13% (в том числе взаимоотношения с любимой девушкой, женой – 5%); готовность к дракам, хулиганству, экстремальному поведению – 21% (в том числе, неприязнь к правоохранительным органам – 6%, включенность в тюремно-уголовное сообщество – 6%). Таким образом, видно, что деструктивное поведение в темах паблика представлено незначительно, да и то в формах, не более экстремальных, чем, например, в гангстерских фильмах и криминальных комедиях. Интернет-сообщества такого типа представляют собой коммерческие проекты, это паблики для просмотра, а не для общения; большое количество подписчиков позволяет создателям зарабатывать, в том числе на продаже определенных товаров и рекламе.

К числу подобных «романтических» пабликов относятся группы «А.У.Е.» и «*Ш*П*А*Н*А*», создатели которых стали фигурантами «первого уголовного дела об АУЕ» и получили крупные тюремные сроки³³; из примерно 30 тысяч постов, опубликованных в этом сообществе, в вину вменялись только 14 постов (т.е. 0,05%), «содержащие выска-

нии криминальной субкультуры // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 35–44; Дубровская Т.В. «Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: папанская лирика как жанр молодежного интернет-дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 56–65. С. 58.

³³ Швец Д. «*Ш*П*А*Н*А*» в Лефортово. Как отслуживший в Сирии уралец попал в московский СИЗО за картинки и продажу четок в паблике «А.У.Е.» // Медиана. 10.08.2018. URL: <https://zona.media/article/2018/08/10/aye>; В Свердловской области вынесен приговор по уголовному делу в отношении организатора и участников экстремистского сообщества АУЕ // Генеральная прокуратура РФ. 9.09.2020. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1889166>.

зывания, призывающие к насилию по отношению к сотрудникам полиции и сотрудникам ФСБ»³⁴, то есть остальные 99,95% постов имели вполне законопослушный характер. Стоит добавить, что никто из фигурантов дела к криминальной среде не относился.

Говоря о влиянии Интернета на развитие бренда АУЕ, необходимо отметить, что тематике АУЕ посвящено огромное множество вербальной и аудиовизуальной продукции – изображений (рисунков, фотографий); стихов и афоризмов; песен и музыкальных треков; видеороликов (документальных съемок, информационно-познавательных сюжетов, клипов, выступлений блогеров и др.).

Еще раз обратим внимание на графики, приведенные в конце статьи. Видно, что колебания графиков В и С не совпадают, на YouTube пользователи ищут еще какую-то информацию, не связанную с новостями. Это и есть медиапродукция, именно она в определенные моменты вызывала у пользователей основной интерес, определяемый брендом АУЕ. Появление такого рода продукции не является нововведением: и раньше существовало, например, много музыкальных групп, разрабатывавших криминальную тематику, у этих групп было множество поклонников, модный бренд АУЕ встроился в уже существующую индустрию (кстати, после 17 августа 2020 г. слово АУЕ исчезло из музыкального творчества этих групп, хотя общая тематика их песен мало изменилась). Влияет ли прослушивание гангста-рэпа и шансона на желание совершать преступления и выбор уголовно-тюремной карьеры – вопрос открытый. Судя по тому, что борьба с «движением АУЕ» не затронула эти направления никак, они не воспринимаются как опасные. Люди, принимающие решения о борьбе с «движением АУЕ», не видят в шансоне проблемы, поскольку понимают, что «это всего лишь музыка», и на реальную криминализацию общества она не влияет.

Также никаких репрессивных мер не применяется к кинематографу, хотя детективы часто рисуют преступников с симпатией, предлагают схемы преступлений, знакомят с реалиями криминального мира. Так, любимый многими советский фильм «Место встречи изменить нельзя» показывает профессиональных преступников как людей умных, не лишенных стилистичности и определенного благородства; этот фильм вызывает к преступникам больше симпатии, чем паблики с «пацанскими цитатами» в Интернете, однако он оказывается невидим для строгого взгляда борцов с «движением АУЕ».

Видимо, спокойное отношение к шансону и детективам на фоне повышенной тревожности, связанной с Интернетом, обусловлено возрастом алармистски настроенных людей. Они знакомы с шансоном и детекти-

³⁴ В России впервые вынесли приговор за организацию запрещенного сообщества АУЕ // Коммерсантъ. 9.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4484266>.

вами и понимают, что к реальной преступности они не подталкивают, а вот с Интернетом, в отличие от своих детей и внуков, они на «вы» и склонны ждать оттуда неконтролируемого потока опасности. Страх перед влиянием «движения АУЕ» – частный случай страха взрослых перед Интернетом. «Один из (...) парадоксов развития современного общества (...) кратко можно описать через доминирующий в современном российском обществе подход: “Информатизация для всего общества – благо, а для молодого поколения – угроза, вред”. В общественном сознании циркулируют утверждения: “Новые средства массовой коммуникации (СМК), прежде всего компьютер, Интернет, занимают все свободное время подростков. (...) Дети становятся жестокими после Интернета. ИКТ конструируют новые картины мира у детей”. Данные положения могут классифицироваться как своеобразные мифы, или моральные паники, общества в отношении детства»³⁵.

Фобии, связанные с пагубным влиянием Интернета, проявляются не только на политическом, но и на бытовом уровне: «Нестабильная социально-политическая, социально-экономическая и психосоциальная обстановка нашего общества воспроизводит стереотипы опасений восприятия всего нового. Взрослый мир и семья не успевают за социализацией детей. Родителей пугает (...) уход от них в мир, им неведомый. (...) И вместо того, чтобы переструктурировать свои картины мира, картины мира молодого поколения объявляются иными = чуждыми = плохими»³⁶. Политическая тревожность в данном случае строится по тем же схемам, что и тревожность личностная.

Упомянутые выше паблики во «ВКонтакте» не содержат того, что следовало бы ожидать под маркой *пропаганды* уголовно-тюремной среды. Здесь нет или почти нет побудительных призывов к выстраиванию тюремно-криминальной карьеры; инструкций для совершения преступлений; юридических консультаций и советов, столь необходимых тем, кто встает на преступную стезю; рассказов об успешных представителях воровского мира; разбора «воровских понятий»; рекламы тюремной жизни и воровской карьеры в той или иной форме. В подавляющем большинстве АУЕ-сообществ даже отключена функция комментариев, что делает невозможным какой-либо диалог между посетителями; такие сообщества выступают как мужские паблики, предназначенные для развлечения, пролистывания «пацанских цитат» о дружбе и маскулинности, а не для общения и, тем более, пропаганды.

То есть, в таких пабликах не размещается именно того, что нужно, чтобы «в деятельность движения [АУЕ] активно вовлекались подростки

³⁵ Майорова-Щеглова С. Н. Молодое поколение и новые средства массовой коммуникации: мифы и реальность // Вестник РГГУ. 2010. № 3. С. 224.

³⁶ Там же. С. 227.

и молодежь»³⁷. Безусловно, на просторах Интернета при желании и при правильно сформулированных поисковых запросах можно найти и более экстремальные материалы, но они разбросаны по различным интернет-ресурсам (например, в труднодоступном Даркнете), а не концентрируются на специализированных «АУЕ-сообществах», об опасности которых столь много говорится. Что касается прямой рекламы «движения АУЕ» с призывами вступать в его ряды, такой подход уголовно-тюремному сообществу не свойственен по целому ряду причин.

Можно ли утверждать, что за созданием интернет-площадок, посвященных тематике АУЕ, стоят большие деньги?

Многие, говоря о пагубном влиянии Интернета, выражают уверенность, что за большим количеством интернет-площадок и обильным контентом стоят крупные денежные вливания со стороны неких богатых и заинтересованных кукловодов. Так, политик Я.В. Лангратова отмечала: «Самое главное, что мы заметили, делая аналитику, это очень качественные видеоматериалы, это записанные саундтреки, записанные песни и сувенирная продукция, которая производится в этих группах, что дает нам понимание, что за этим стоят очень большие деньги и заинтересованные люди»³⁸.

О том, кто реально стоит за такими ВК-сообществами, можно узнать из материалов упомянутого выше уголовного дела о пабликах «А.У.Е.» и «*Ш*П*А*Н*А*». Несмотря на регулярные обновления пабликов и действительно большое количество посетителей, солидных доходов они не приносили; в лучшие времена их создатели получали около 10 тысяч рублей в месяц, впоследствии доходы упали практически до нуля. То есть, мы имеем дело с мелким бизнесом, не требующим серьезных финансовых затрат (практически всю работу по сообществам делал один человек) и не приносящим значительного дохода. Этот бизнес основан на рекламе товаров через размещение в сети интересных материалов для просмотра (в общем потоке этих материалов иногда размещается реклама).

Руководит ли криминальный мир подростками АУЕ?

С точки зрения алармистски настроенных журналистов и чиновников, уголовно-тюремное сообщество стратегически заинтересовано в работе с молодежью: оно стремится «воспитывать смену»; оно экономически заинтересовано в поступлении денежных пожертвований от подрост-

³⁷ По иску Генерального прокурора...

³⁸ Яна Лангратова рассказала В.В. Путину о проблеме АУЕ // YouTube.com / Союз добровольцев России. 10. 05. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=40M8QQWPXu0>. 4:45.

ков; оно хочет привлечь к криминальной деятельности как много больше молодых людей. Однако наши эксперты в целом не поддерживают такую точку зрения, она уязвима для критики по многим пунктам.

Во-первых, в Уголовном кодексе РФ содержится специальный механизм, затрудняющий вербовку несовершеннолетних в криминал, а именно, статья 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», предусматривающая наказание до пяти, а при наличии отягчающих обстоятельств и до восьми лет лишения свободы. При существовании такой статьи привлекать подростков к криминалу невыгодно – можно получить значительно более серьезные сроки. Примечательно, что ни в одной публикации, связанной с опасностью «движения АУЕ», статья 150 УК РФ не упоминается.

Во-вторых, обыденная логика (необходимость «воспитание смены», экономическая выгода) оказывается трудно применимой к специфической деятельности криминального сообщества. Профессиональная преступность любит тишину и не заинтересована в огласке, поэтому не стремится расширять ряды участников. Успешная криминальная карьера предполагает самостоятельные решения молодых людей, решивших ее избрать; методы агитации и вербовки в таком случае малоприменимы. Успешная криминальная карьера, ведущая к занятию «авторитетных» позиций в преступной иерархии, воспринимается преступниками (и преподносится посторонним) не как образец для подражания, а скорее как следствие вызывающего уважения, но тяжелого выбора, который не стоит советовать молодым.

В-третьих, система сбора денежных и материальных средств через подростков оказывается неэффективной экономически, затруднена организационно и в целом не одобряется воровским сообществом. Воровские понятия не одобряют сбора денег с «детей». Конечно, данный запрет, как и многие другие запреты, при желании может быть обойден и обходится, но с точки зрения декларируемых моральных норм воровского сообщества такая практика не приветствуется.

Эти и другие «тонкие моменты» не исключают индивидуального воздействия на подростков со стороны конкретных уголовников; нам известны случаи, когда уголовники действительно «подходили» к мальчишкам и стремились использовать их в криминальных целях. Но это именно частные случаи, а не системное, стратегическое влияние уголовно-тюремного сообщества.

Влияет ли на развитие АУЕ в регионах территориальная близость исправительных учреждений?

В алармистских публикациях о «движении АУЕ» общим местом является утверждение о значительном влиянии исправительных учреждений на молодежь, проживающую по соседству. Утверждается, что заключенные целенаправленно «подтягивают» подростков из соседних поселков к снабжению «зоны»; освободившиеся из заключения часто оседают неподалеку от мест отбывания срока и занимаются вербовкой в криминал. Безусловно, такое бывает, и наши интервью с экспертами дают тому примеры; но в целом количественный анализ показывает, что территориальная близость «зоны» не является решающим фактором для интереса подростков к тематике АУЕ.

Бросается в глаза очевидное несоответствие двух рейтингов российских регионов – количества запросов об АУЕ в Интернете и удельного количества заключенных. По общему количеству запросов, связанным с АУЕ, согласно Google Trends, лидируют Иркутская область, Забайкальский край, Республика Бурятия, Еврейская АО. Наиболее высокие показатели удельного количества заключенных (количества мест в учреждениях ФСИН на 10 тыс. чел. населения) выше всего в Республике Коми, Республике Мордовии и Еврейской АО³⁹. Иркутская область и Республика Бурятия из первого рейтинга имеют на своей территории очень мало исправительных учреждений; и наоборот, Республика Коми, Мордовия, Магаданская область и многие другие регионы с большим количеством исправительных учреждений совершенно «не интересуются» темой АУЕ в Интернете. Конечно, это сопоставление предполагает учет дополнительных факторов (напр., расположения исправительных учреждений по отношению к населенным пунктам, их режима). Но в целом они указывают на то, что высокий интерес к теме АУЕ в прибайкальском регионе, выражаемый в количестве поисковых запросов, является показателем не реального интереса к криминалу, а медийной «раскрученности» темы.

Почему же тема АУЕ так активно обсуждается в обществе?

Причина активного использования термина АУЕ для описания уже известных ранее социальных проблем – в постепенном раскручивании данного термина по сценарию моральной паники. Моральные паники включают в себя следующие этапы: 1) некая социальная группа, социаль-

³⁹ Аверкиева К.В. Современная география исправительных учреждений // Демоскоп Weekly. 2015. № 651–652. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0651/tema03.php>.

ное явление или индивиды определяются как «народные дьяволы», несущие угрозу социальным нормам и безопасности общества; формируется образ этой угрозы, как правило, сводящийся к простым и понятным символам; 2) к осмыслению данной угрозы подключаются «моральные предприниматели» – институции, социальные группы и индивиды, заинтересованные в поддержании и защите социальных норм; 3) формируется общественное беспокойство, значительно превышающее степень реальной угрозы; 4) действия «моральных предпринимателей» и обеспокоенного общества часто приводят к социальным изменениям; в частности, к принятию репрессивных законов, направленных на «народных дьяволов»⁴⁰.

Реконструируя информационные процессы, связанные с обсуждением темы АУЕ, можно выявить следующую последовательность событий.

– Появление в медийном пространстве слова АУЕ связано со всплеском преступности несовершеннолетних в Забайкальском крае в 2013–2015 гг. (к 2016 г. ситуация здесь стабилизировалась, но информационные процессы уже были запущены). С одной стороны, во многих районах Забайкалья сложилась криминогенная обстановка; с другой, возникла (видимо, у городской молодежи, не имеющей отношения к преступности) мода на игровое поведение, связанное с шутками, интернет-мемами околкриминального характера.

– О росте преступности в регионе 17 октября 2014 г. заявил представитель прокуратуры Забайкалья Е.Л. Синельников, он первым из должностных лиц произнес слово АУЕ, имея в виду пагубное влияние Интернета. Это заявление положило начало обсуждению темы в медиа-среде. Журналистами задним числом была создана фантомная «история» «движения АУЕ», к которой подверстывались криминальные эпизоды последних лет, которые произвольно соотносились с якобы существующим «движением АУЕ».

– Мода на тематику АУЕ, имеющая игровой и юмористический характер, через Интернет распространилась по территории всей России. Если в Забайкалье она фиксировалась в 2012–2015 гг., то в других регионах России с задержкой – в 2016–2018 годах. Мода, помимо прочего, проявилась в появлении большого количества интернет-контента, связанного со словом и понятием АУЕ – «пацанских цитат», песен, видеороликов и т.д. Большинство запросов со словом АУЕ в Интернете предполагает именно поиск развлекательной информации. Мода утасла сама собой; начиная с августа 2020 г. многие создатели контента (музыкальные

⁴⁰ О понятии моральной паники, хорошо разработанном в социальных науках, см., напр.: Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: The Social Construction of Deviance. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

исполнители, блогеры, администраторы пабликов и др.) отказывались в своих публикациях от слова АУЕ, часто не меняя направленности своего творчества.

– Сообщения о криминализации подростков в 2014 г. и позже вызвали озабоченность не только у журналистов, но и у чиновников, представителей правоохранительных органов, работников образования. Градус тревожности поступательно повышался, в частности, всплеск алармистских настроений был связан с переносом сообщений об АУЕ с Дальнего Востока в европейскую часть России. Ввиду актуальности темы (в опасности оказываются дети) обсуждение темы достигло высшего политического уровня. Логическим продолжением стало принятие Верховным Судом РФ решения от 17 августа 2020 года.

Позволит ли решение от 17 августа 2020 года снизить уровень преступности?

Хотя в официальных заявлениях этого ни разу не прозвучало, но решение от 17 августа 2020 года является продолжением более ранних законодательных и силовых действий, направленных против «воровского сообщества» как части профессионального криминала. Было бы странно отрицать наличие преступности и актуальность борьбы с ней. Но при этом сосредоточенность на борьбе с фантомным «движением АУЕ» влечет за собой несколько негативных последствий.

1. Введение в правовое и криминалистическое поле «хорошо структурированной и управляемой организации экстремистской направленности» АУЕ не упростит, а усложнит работу с реальным подростковым криминалом. Раньше борьба велась с вполне конкретными явлениями: уголовными преступлениями, уличными группировками, школьным буллингом и проч.; теперь те же самые явления предлагается рассматривать через призму АУЕ – непонятной категории, движения, само существование которого «под большим вопросом».

2. Борьба с «движением АУЕ» направлена, по высказыванию одного из наших информантов, «не против реальных преступников, а против того, кого легче поймать». Как раз реальные преступники, будучи юридически грамотными людьми, в эту ловушку не попадут: поступали сообщения, что сразу после 17 августа в исправительных учреждениях прошла волна отстранения от тюремной символики (уничтожения альбомов, искажения татуировок) и прочих действий, направленных на повышение

безопасности перед лицом «борьбы с АУЕ». Можно ожидать, что жертвой новой кампании станут люди наивные и безграмотные в правовом отношении, как это и получилось, например, в «первом уголовном деле об АУЕ», о котором речь шла выше.

3. Новое решение будет стимулировать злоупотребления: оно станет очередным инструментом, который можно будет применять произвольно – например, при желании завести дело на конкретного человека. Этому способствует общая неясность определения: непонятно, что понимать под «движением АУЕ», и поэтому под эту марку можно будет подвести очень широкий круг понятий: например, продуктовые посылки на зону, исполнение музыки в стиле шансон, размещение в социальной сети шуток, как-то связанных с тюремной средой. Так, требования прокурорской проверки появились в СМИ перед выходом книги Р. Гараева «Слово пацана», посвященной «казанскому феномену»⁴¹ (к счастью, здравый смысл возобладал, книга вышла и имела большой успех).

Особую озабоченность вызывает возможность использования «борьбы с АУЕ» как инструмента политических репрессий: достаточно вспомнить упомянутое выше заявление высокопоставленного чиновника МВД о связи АУЕ с политическими уличными акциями.

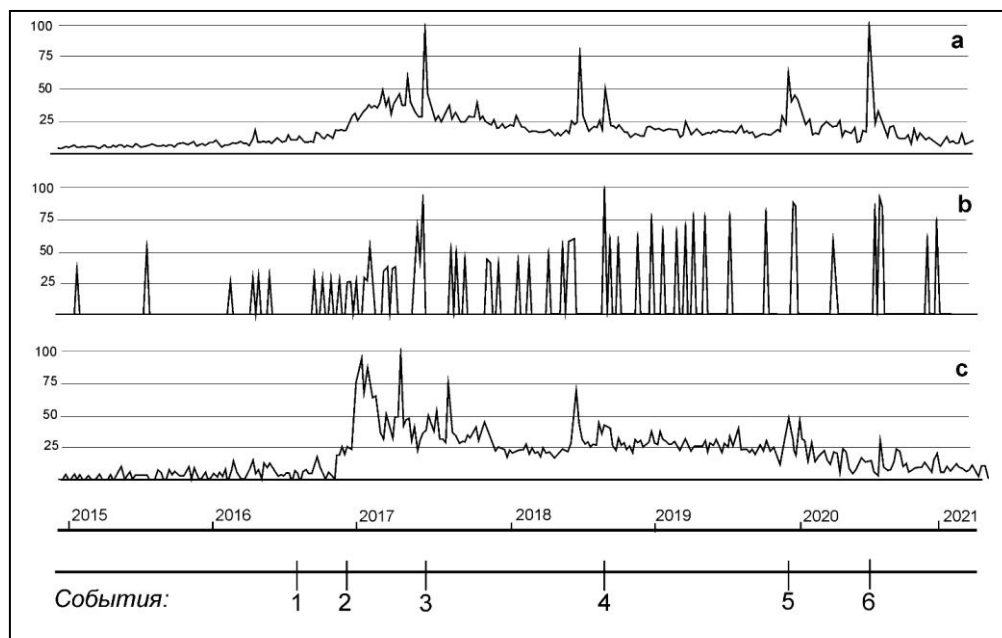
4. Отнесение «движения АУЕ» к числу экстремистских приводит к значительному повышению сроков (до двенадцати лет лишения свободы), которые преступники могут получить за конкретные преступления. Иначе говоря, если раньше совершившему, например, мелкое хулиганство грозили только незначительные наказания, то теперь в случае, если будет хоть как-то доказано участие в «движении АУЕ» (а это может быть, например, членство в интернет-сообществе или ношение татуировки), наказание может оказаться значительно большими. Несоразмерные наказания приведут к утверждению в криминальной карьере молодых преступников, потенциально готовых встать на путь исправления.

В целом признание фантомного и юридически неопределенного «движения АУЕ» экстремистской организацией ведет к потенциальным злоупотреблениям и соразмерным наказаниям. По высказыванию одного из наших информантов, «раз ружье повешено на сцене, оно рано или поздно выстрелит – решение будет применено, и непонятно, к кому».

⁴¹ «Слово пацана»: экс-участник ОПГ написал книгу о казанских бандитах // НТВ. 19.11.2020. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2481670>.

Илл 1. Частота запросов слова «АУЕ» в поисковой программе Google, ноябрь 2014 – апрель 2021 года:

а – общее количество запросов; б – количество запросов с опцией «поиск по новостям»; с – количество запросов с опцией «поиск в YouTube».

На шкале событий обозначены:

1) интервью Я. В. Лантратовой 13 июля 2016 года; 2) заседание СПЧ 8 декабря 2016 года; 3) инцидент в Челябинске 29 мая 2017 года; 4) инцидент в Санкт-Петербурге 24 августа 2018 года; 5) инцидент в Тюмени 7 февраля 2020 года; 6) решение Генеральной прокуратуры РФ о признании «движения АУЕ» экстремистской организацией, 17 августа 2020 года.

ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

И.Л. Бабич

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/10>

Введение

В настоящее время Северный Кавказ сочетает в себе комплекс сложившихся в течение 1990–2010-е гг. проблем, начиная с проблем социально-экономического характера и заканчивая проблемами этнонационализма и религиозного экстремизма. В разное время за последние 30 лет острыми становились то одни проблемы, то другие. Наследие прошлого, геополитические и психологические последствия распада СССР, социально-экономические и политические трудности переходного периода обусловили появление кризисных ситуаций и конфликтов в сфере межэтнических отношений на Северном Кавказе¹. Если в самом начале 1990-х годов сразу после распада СССР на Северном Кавказе безраздельно господствовали лозунги этнического национализма, то в конце 1990-х – начале 2000-х годов им на смену пришли идеи радикального ислама. Считается, что наиболее острой стала проблема исламского радикализма, рост которого обусловлен как социально-экономическими реалиями Северного Кавказа, так и продолжающимся мировоззренческим вакуумом и кризисом идентичности местного населения, а также тем обстоятельством, что именно ислам стал, с одной стороны, основным инструментом консолидации оппозиционных сил и орудием борьбы антироссийского подполья в северокавказском регионе, а с другой, открытым проявлением экстремизма.

Экстремизм, как проявление во взглядах или деятельности агрессивной формы поведения, находится на грани правил, традиций и принятых норм жизни. Он был свойственен в разные исторические периоды в разных странах, в том числе и в прежние века в России. Безусловно, агрессивное поведение опирается на определенную идеологию. Оно может быть связано с самыми разными сторонами жизни населяющих Российскую Федерацию народов. В предлагаемой статье мы рассмотрим, как появился экстремизм на Северном Кавказе, в каких формах и как развивался на протяжении 1990–2020-х годов.

¹ Тетуев А.И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2020. С. 194–196.

Экстремизм и этнонациональная идентичность

В начале 1990-х годов, когда ислам еще только делал свои первые шаги на Северном Кавказе и исламские лидеры не представляли собой крупных политических фигур, имеющих значительную финансовую основу, на первый план выдвинулись национальные движения и их лидеры, для которых вопрос о государственности в их политических программах стал едва ли не ключевым. Так, в Кабардино-Балкарской Республике основным фактором, стимулирующим национальные движения, стал выход Закона Верховного Совета РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», который, помимо предоставления таковым ряда привилегий и льгот для их реабилитации, носил и политический характер. Национальные движения в Кабардино-Балкарии развивались исключительно «в рамках борьбы за “возрождение кабардинской и балкарской государственности”»². По сути дела, проблемы национальных движений КБР были сведены к национально-территориальному принципу государственного устройства. Так называемое «национально-политическое самоопределение» в первой половине 1990-х гг. стало главным инструментом политической борьбы на Северном Кавказе.

Уже в 1991 г. лидеры и сторонники балкарского национального движения приняли Декларацию о провозглашении Республики Балкария и национальном суверенитете балкарского народа и сформулировали «Основные положения концепции национально-государственного переустройства и реформы политической системы Кабардино-Балкарии»³. В ответ на это в 1992 г. лидеры кабардинского национального движения приняли решение «О восстановлении Кабардинской республики», считая, что «государственность кабардинского народа была в новейшее время восстановлена в 1921 г.»⁴ Один из известных юристов КБР Ю. Калмыков жестко увязывал проблемы национальных меньшинств Северного Кавказа и «государственности России»⁵. И хотя среди основных направлений деятельности сторонников кабардинского и балкарского национальных движений все-таки присутствовали (и отчасти реализовывались впоследствии) программы культурного возрождения⁶, тем не менее политическая составляющая этих движений была очевидна.

² Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Составитель и отв. ред. И.Л. Бабич. М., 1994. Т. 1. С. 16.

³ Материалы по деятельности Национального Совета Балкарского народа. 1994–1998 гг. // Архив автора.

⁴ Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. Отв. ред. И.Л. Бабич. М., 1994. Т. 2. С. 13.

⁵ Этнополитическая ситуация... Т. 1. С. 30.

⁶ Там же. Т. 2. С. 55, 91, 104.

На первых этапах их развития республиканские властные структуры, стремясь решить свои политические задачи, связанные с расширением функций и получением от федерального центра разных полномочий, активно использовали национальные движения и их лидеров в своих целях. Именно этим, на наш взгляд, объясняется появление таких документов республиканского уровня как «Постановление об установлении дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж», и «Постановление об установлении дня памяти жертв насильственного выселения балкарского народа». В период политической анархии, характерной для первой половины 1990-х годов, такие постановления, направленные против Российской империи и СССР, вряд ли были бы одобрены нынешними федеральными властями. И лишь позже Верховный Совет КБР предложил политическим партиям и общественным движениям «воздержаться от действий по национально–государственному переустройству республики».

С начала 1990-х годов в Кабардино-Балкарии наряду с национальными движениями появились и политические партии, в частности, «Демократическая партия КБР», «Республиканская партия Кабардино-Балкарии», «Коммунистическая трудовая партия КБР», организованные не по этническому признаку, ставившие во главу угла политическую борьбу, которую тем не менее они не сумели организовать. Поэтому можно отметить, что в первой половине 1990-х годов лидеры и сторонники кабардинского и балкарского национальных движений стали реальной политической силой в республике, способной реформировать социально-экономические и политические порядки. Однако осуществить это им и не удалось: со временем они сошли с политической арены.

Так, ослабление балкарского национального движения началось с того момента, когда на пятом этапе первого съезда балкарского народа в 1996 г. был избран новый председатель Национального Совета балкарского народа – С. Бешпаев. С одной стороны, на этом съезде было принято радикальное постановление «О мерах по реализации Декларации «О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа» (17 ноября), а с другой, уже 28 ноября того же года С. Бешпаев выступил с собственным обращением к жителям Кабардино-Балкарской Республики. Это обращение стало поворотным моментом в истории балкарского национального движения. Прежде всего С. Бешпаев отметил, что к концу 1996 г. правительством КБР были «решены многие вопросы реабилитации балкарского народа» и, по его мнению, к этому времени балкарский народ в достаточной степени был представлен в республиканских органах власти. Наконец, он подчеркнул, что лично встретался с Президентом КБР В.Х. Коковым, который внимательно рас-

смотрел оставшиеся проблемы реабилитации балкарского народа и обещал в ближайшее время принять соответствующие решения. Приводя эти аргументы, С. Бешпаев предложил балкарскому народу ослабить жесткий, радикальный курс на борьбу за суверенитет балкарцев, взятый прежними лидерами балкарского национального движения. Он указывал, что «в связи со сложившейся обстановкой в республике и вокруг нее, убедившись, что есть определенные силы в Кабардино-Балкарии и за ее пределами, в том числе и в Москве, заинтересованные в создании определенного очага напряженности на Северном Кавказе, и с целью недопущения дальнейшей эскалации напряженности как единогласно избранный съездом нашего народа руководитель считаю целесообразным временно приостановить деятельность Национального Совета балкарского народа и его исполкома»⁷.

Практически в это же время Прокуратура КБР завела уголовное дело на ст.79 УК РФ о деятельности Национального Совета балкарского народа⁸. В связи с ослаблением балкарского движения деятельность кабардинских национальных лидеров также стала менее активной, поскольку кабардинское национальное движение во многом было создано и функционировало в противовес балкарскому. Попытки организовать новые общественные организации, например, балкарскую «Малкъар Аузы» («Голос Балкарии»), были неудачными⁹. Кабардинская общественно-политическая организация «Адыгэ Хасэ» (руководитель Валерий Хатажуков) по-прежнему стремилась играть политическую роль в жизни КБР, однако впоследствии она изменила свое название и стала заниматься правами человека в республике¹⁰.

Как нам представляется, главной ошибкой национально-политических движений КБР, повлиявшей на ослабление деятельности их лидеров и сторонников, стало то, что они сосредоточились на борьбе между собой вместо того, чтобы объединившись бороться с консервативной властью и старыми экономическими условиями жизни.

В контексте вышеописанных национальных движений на примере Кабардино-Балкарии мы видим реальное соотношение этнонациональных и политических лидеров. Практически они сливались в единое национально-политическое движение, при этом национальная культура, традиции, язык становились не просто субъектом их защиты, а во многом инструментом ведения в регионе политической борьбы за осуществление более или менее радикальных изменений политической системы, основ и

⁷ Материалы по деятельности Национального...

⁸ Кабардино-Балкарская правда. № 220, 1996.

⁹ Материалы по деятельности «Малкъар Аузы». 1997–1999 гг. // *Архив И.Л. Бабич.*

¹⁰ Материалы по деятельности «Адыгэ Хасэ» 1997–2000 гг. // *Архив И.Л. Бабич.*

структуры власти. Однако в конце 1990 – начале 2000-х годов лишь отдельные их представители пытались безуспешно апеллировать к этническим традициям народов Северного Кавказа. Так, одна из моделей будущего государственного устройства Чечни, как отмечает И.О. Басова, «связана с чеченской древней родовой организацией – тейповой системой, которой в последние годы стали придавать исключительно идеологическое значение. При этом предпринимаются попытки на основе реанимированных тейпов сформировать новые политические институты Чечни, а представление об историческом предназначении республики и ее судьбе заключено в формуле «Будущее Чечни – это ее далекое прошлое»¹¹.

Эта концепция представлялась полезной для отдельных чеченских идеологов, в частности, небезызвестного в России и объявленного в федеральный розыск, Х.-А. Нухаева. Отчасти она была поддержана и некоторыми российскими учеными (в частности, членом-корр. РАН С.А. Арутюновым). С.А. Арутюнов предложил свой план создания в горной части Чечни чеченского государства на основе клановой структуры и адекватной правовой системы, а равнинную часть передать Российской Федерации¹². В целом, можно выделить несколько этапов создания общественно-политических организаций на Северном Кавказе. Первые неформальные общественные организации создавались на Северном Кавказе еще в 1980-е гг. для развития национально-культурных интересов. После распада Советского государства в общественных движениях региона, как и в целом по стране, усилились центробежные тенденции. В этот сложный период были созданы первые политические партии и движения. Второй этап – развитие многопартийности – связан с выборами в Государственную Думу РФ первых трех созывов (1993–2000 гг.). После принятия Федерального закона «О политических партиях» (2001 г.) начинается третий этап развития политических партий¹³. В целях укрепления российской государственности в 2000–2005 гг. во всех регионах страны были проведены преобразования, направленные на усиление вертикали власти. Результатом административно-государственных реформ стало создание системы федеральных округов во главе с полномочными представителями

¹¹ Басова И.О. Государственно-правовая идеология ислама и практика строительства мусульманских государств. Дисс. на соиск. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 102.

¹² Нухаев Х.-А. Чечня и Россия: одно ценностное пространство – две общественные системы // Россия и Чечня. Поиски выхода. С-П., 2003.

¹³ Тегуев А.И. Политические партии как институт взаимодействия гражданского общества и государства в современной России // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 69–76.

Президента Российской Федерации. Они содействовали восстановлению единства¹⁴.

Вместе с тем следует отметить, что этнические проблемы (этническое представительство в органах государственной власти, земельный вопрос, «черкесский вопрос») продолжают сохранять актуальность. Проведение в 2014 г. Олимпиады в Сочи инициировало т.н. «черкесский вопрос»¹⁵. При этом инициаторами требований о предоставлении равных прав тому или иному народу по разным вопросам выступают общественные организации этнической направленности. В рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии реализован комплекс мероприятий по сохранению и развитию культур народов, проживающих в республике, формированию и укреплению мира, межнационального согласия, патриотизма и российской гражданской идентичности¹⁶.

С учетом многочисленных обращений граждан Кабардино-Балкарской Республики и пожеланий адыгских (черкесских) общественных организаций 12 августа 2014 г. был опубликован Указ Главы КБР, в котором 20 сентября объявлен Днем адыгов (черкесов), праздничным (нерабочим) днем для всех народов, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике. Для удовлетворения своих требований по «черкесскому вопросу» черкесские общественные объединения создали свои специальные сайты, которые превратились в политическую трибуну черкесского молодежного движения. В результате «черкесский вопрос» обрел международный характер. В 2010–2011 гг. в Грузии были проведены конференции по теме «Скрытые народы, непрекращающиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим». По резолюции этой конференции было принято обращение в парламент Грузии с просьбой признания геноцида черкесов. Парламент Грузии принял 20 мая 2011 г. акт о признании «геноцида черкесов», рассчитывая тем самым дестабилизировать общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе. Следующий этап активизации «черкесского вопроса» связан с подготовкой и проведением в 2014 г. Олимпиады в г. Сочи. Некоторые лидеры МЧА и черкесских организаций в России «...ограничились требованием проявить уважение к исторической памяти и национальным чувствам черкесов и достойно отразить в информационном сопровождении и культурной программе Олимпиады историю и культуру черкесов как коренного народа Российского Причерноморья». В то же время некоторые черкесские обществен-

¹⁴ Тетуев А.И. Этнополитические процессы... С. 194–196.

¹⁵ Тишков В.А. (отв. ред.). Черкесский вопрос. М., 2014.

¹⁶ Тетуев А.И. Этнополитические процессы... С. 194–196.

ные объединения в России и за рубежом выступили против проведения игр в Сочи, мотивируя тем, что это земля, где происходил геноцид черкесов. Антиолимпийские настроения высказывались и на форумах черкесских сайтов, провоцируя антироссийские настроения среди молодежи.

По мере подготовки к зимней Олимпиаде 2014 г. государственные органы власти продемонстрировали готовность к конструктивному диалогу и компромиссу с адыжскими политическими элитами и общественными деятелями. Были предприняты конкретные шаги в данном направлении. Было учтено пожелание МЧА представить «адыжский этнический компонент» в программе Игр. В экспертном докладе отмечалось, что в Сочи функционировал Дом адыга, открытый в Олимпийском парке. Кроме того, в культурной программе Игр были представлены три адыжские этнографические деревни. На всех обозначенных объектах была представлена этническая культура адыгов, с которой ознакомилась широкая аудитория. В культурной программе игр участвовали творческие коллективы Кабардино-Балкарии и Адыгеи, исполнявшие народную музыку и танцы. Следует отметить, что на церемонии закрытия Параолимпийских игр в Сочи гимн соревнований исполняла, наряду с другими певцами, оперная певица Нафсет Чениб, адыгейка по национальности, что не могло не польстить этническому сознанию адыгов.

В настоящее время на примере институтов гражданского общества Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии мы видим, что такие институты не в полном объеме выполняют свою главную задачу – повышение эффективности взаимодействия государства и общества, содействие гражданам в решении социальных проблем. Одними из структур гражданского общества являются политические партии, которые в условиях полиэтничного региона призваны выступать одним из основных инструментов консолидации общественных интересов. В частности, в настоящее время подавляющее большинство политических партий Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии являются региональными отделениями общероссийских политических партий.

Историческая память и «переписывание» истории. Экстремизм в области истории и образования

Большую исследовательскую работу в области мифотворчества в современных историко-этнографических исследованиях, опираясь на осетинский материал, проделал д.и.н. В.А. Шнирельман¹⁷. Поэтому мы взяли

¹⁷ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

для анализа присутствия элементов экстремизма в области истории и образования на Северном Кавказе проблемы презентации темы этногенеза в современных школьных учебниках Северного Кавказа (главным образом, Северо-Западного Кавказа)¹⁸. Ответим на вопрос о научности этногенетических и исторических реконструкций, связанных с территорией Северо-Западного Кавказа, представленных в школьных учебниках в тех республиках, в которых проживают адыги – адыгейцы, черкесы и кабардинцы – Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. Как известно, адыги являются аборигенами Северо-Западного Кавказа. Тем не менее в археологическом отношении непрерывность развития их материальной культуре прослеживается лишь с эпохи развитого средневековья, т.е. с XIV в. н.э. (т.н. «белореченская культура»). С этого же времени история адыгейских племен достаточно хорошо освещается и письменными данными, прежде всего, сведениями европейских путешественников¹⁹.

Далее на примере четырех учебников (двух выпущенных в Кабардино-Балкарии, одного – в Карачаево-Черкесии и одного – в Адыгее) мы рассмотрим то, как в них рассматриваются древние культуры Северо-Западного Кавказа, а также на таких «цивилизационных» моментах, как существование в древности государственности и письменности у населения Северо-Западного Кавказа.

Итак, учебник М.Д. Бекалдиева *«История Кабардино-Балкарии»* для учащихся 8–9 классов. Издан в Нальчике в 2003 г.²⁰ Археологическая часть истории Кабардино-Балкарии представлена в параграфах 2 и 3. В ее основу положены материалы из академического издания *«История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.»*. И это позволяет предположить, что данные параграфы не должны быть неадекватными. Так, в отношении «майкопской культуры» говорится, что ее носители были предшественниками адыгов, балкарцев и других народов Северного Кавказа, что звучит, на наш взгляд, весьма корректно²¹. «Дольменная культура тесно связана с ранней историей адыгов и абхазов». Тем не менее в параграфах появляется спорное, и пока не подтверждающимися археологическими данными положение об использовании лошади северокавказцами в эпоху ранней и средней бронзы²². Но об этом гово-

¹⁸ Раздел подготовлен по материалам доклада д.и.н. В.Р. Эрлиха, сделанного на семинаре (2015 г.). Руководитель семинара – И.Л. Бабич.

¹⁹ Гарданов В.К. (сост.). Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

²⁰ Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003.

²¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., 1984. С. 11.

²² Бекалдиев М.Д. История... С. 13.

рится и в академическом издании²³. В этих параграфах описывается «прикубанская» культура, которая является определенным археологическим «мифом» и не имеет ни одного бытового и погребального памятника²⁴. Среди народов, населявших Северо-Западный Кавказ в эпоху железа, автор упоминает киммерийцев, скифов, сармат и алан.

Материал в третьем параграфе учебника «Адыги в древности» посвящен непосредственно этногенезу адыгов, и он вступает в противоречие с предыдущим параграфом: в этом разделе учебника майкопцы уже представлены как непосредственные предки адыго-абхазов, говорится о связи адыго-абхазов с малоазийскими касками (кашками) и хатами²⁵. Весьма сомнительными являются утверждения, порожденные представителями адыгейской диаспоры в начале XX в. о сохранившихся в адыгейском фольклоре сведениях о войне хеттов с египтянами, в котором участвовали каски (битва при Кадеши – 1296 г. до н.э.).

В эпоху железа непосредственными предками адыгов М.Д. Бекалдиев считает меотов, синдов, керкетов и ахеев. Здесь же говорится и о первом рабовладельческом государстве у предков адыгов – Синдике, возникшем в V в. до н.э. под влиянием колонизационных процессов в Северном Причерноморье. Следует отметить, что в настоящее время концепция существования синдского государства во главе с местным царем и собственной монетой, столицей которого является Семибратнее городище, оспаривается рядом исследователей после публикации посвяtitельной надписи Левкона I, обнаруженной на Семибратнем городище²⁶. Также существует мнение, что монета с надписью «Синдон» чеканилась союзом греческих полисов Синдики. М.Д. Бекалдиев подчеркивает связи меотских племен с античным миром и в качестве примера приводит ритон из аула Уляп, как «выдающееся творение античного мира».

В раннем средневековье для обозначения адыгов употреблялся термин зихи (джихи). Сложение адыгской народности и адыгского языка М.Д. Бекалдиев относит к X в. Говоря о появлении адыгов-кабардинцев на территории современной Кабардино-Балкарии, автор учебника приводит две точки зрения: одни ученые считают, что это длительный процесс, начавшийся в начале нашей эры и завершившийся к XV в., другие утверждают, что он начался в XII в. и завершился в начале XIV в.²⁷ Тем не менее М.Д. Бекалдиев полагает, что массовое переселение адыгов на

²³ История народов Северного Кавказа... С. 46, 55.

²⁴ Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе (к постановке проблемы) // Российская археология. 2002. № 3. С. 26–38.

²⁵ Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003. С. 19, 20.

²⁶ Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // Древности Боспора. 2004, Т. 7.

²⁷ Бекалдиев М.Д. История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003. С. 28.

восток до бассейна р. Сунжи произошло в XV в., после заката могущества Золотой Орды. Таким образом, можно резюмировать, что данный учебник, за небольшим исключением, написан в рамках старой академической традиции.

Обратимся к другому учебнику «*История Кабарды и Балкарии*» для студентов вузов. Автор – К.Х. Унежев. Издан в Нальчике в 2005²⁸. Как и предыдущий учебник, работа К.Х. Унежева основывается на упоминавшемся выше академическом издании. Однако имеются и авторские вкрапления, например, «...древние «майкопцы», постепенно продвигающиеся к востоку, до современной Кабарды, являются потомками (???) синдо-меотских племен. И хаты, и каски, и синдо-меоты были родственными племенами, находившимися на различных уровнях развития»²⁹. Там же К.Х. Унежев безосновательно утверждает, что носители кобанского культуры, проживавшие к западу от реки Баксан до верховьев Кубани, говорили на одном из наречий, близких к наречиям далеких предков адыго-абхазов. Таким образом, К.Х. Унежев начинает выстраивать концепцию постоянного присутствия предков адыгов в Центральном Предкавказье (то есть на территории современной Кабардино-Балкарской республики), начиная с памятников майкопской культуры. В то же время, он отмечает, что носители кобанской культуры сыграли важную роль в формировании осетинского и балкарского народов.

В разделе 4, посвященном этногенезу адыгов, автор учебника отмечает, что «около 6 тыс. лет назад древние предки адыгов и абхазов занимали обширную территорию от Малой Азии до современной границы Кабарды с Чечней и Ингушетией»³⁰. Подобное утверждение весьма опасно, хотя понятна и его «база» – это ареал майкопской культуры и ее связи с культурами Малой Азии и Анатолии. Вслед за Г.В. Ардзинба автор учебника утверждает, что уже в древних ассирийских письменных источниках адыги-кашки и абшело-абхазы упоминаются как два самостоятельных ответвления одного племени»³¹. Первым государственным образованием у предков адыгов автор видит Синдское царство.

К.Х. Унежев останавливается на проблеме появления письменности у предков адыгов, считая памятниками последней глиняные плитки-таблетки меотской культуры из района Средней Кубани. «Определенное сходство этих плиток с глиняными... плитками ассиро-вавилонской письменности, подтверждает, что они являются памятниками письменности»

²⁸ Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005.

²⁹ Там же. С. 13.

³⁰ Унежев К.Х. История Кабарды... С. 15.

³¹ Там же. С. 17.

сти». Однако сходство это проявляется только в том, что те и другие сделаны из глины. К другим таким памятникам автор относит известную «майкопскую надпись», относя ее вслед за Г.Ф. Турчаниновым ко II тыс. до н.э., в то же время умалчивает о самом содержании перевода этой надписи Г.Ф. Турчанинова, в котором упоминается и «правитель» и прочие признаки государственности у «ашуйцев»^{32, 33}.

Раннесредневековая история адыгов освещена так же, как и в учебнике М.Д. Бекалдиева. Однако в заключительной части раздела, посвященного этногенезу, К.Х. Унежев, опираясь на данные антропологии и языкознания, обосновывает концепцию присутствия предков адыгов в Центральном Предкавказье еще «с эпохи камня». Это наиболее недоказанное утверждение автора учебника. «Таким образом, – заключает К.Х. Унежев, – древнейшие предки адыгов с периода каменного века проживали на нынешней территории Кабардино-Балкарской Республики, до реки Сунжи. Будем надеяться, что науки, особенно археология и антропология, представят нам еще немало фактов, свидетельствующих об этом».

Обратимся к анализу учебника *«Народы Карачаево-Черкесии: история и культура»*³⁴, подготовленному коллективом авторов для учеников 10–11 классов. Его «можно назвать самым «политкорректным» в нашем анализе. Здесь народы, населяющие Карачаево-Черкесию, расставлены по алфавиту: абазины, казаки, карачаевцы, ногайцы и последние – черкесы. В разделе по этногенезу черкесов-адыгов не упомянуты ни хаты, ни каски, не «майкопская» плита. Здесь как реальные предки адыгов выступают только меотские племена. О корнях меотов автор раздела пишет туманно: «Существующие сведения по древней истории адыгов-черкесов позволяют сегодня с уверенностью говорить о том, что формирование древнеадыгского этноса началось еще в бронзовую эпоху». От племен бронзового периода постепенно формируются те племена, которые были в свое время зафиксированы античными источниками VI в. до н.э.³⁵ Автор раздела пишет о собирательности термина меоты, куда он включает близкородственные племена синдов, дандариев, фатеев, керкетов, торетов, дос-

³² Следует заметить, что острая критика дешифровки «псевдоиероглифических надписей» Западного Кавказа Г.Ф. Турчаниновым «напутала» как кавказоведов, так и языковедов. В настоящее время практически не осталось охотников попытаться их дешифровать и объяснить сам факт существования этих петроглифов, за исключением, пожалуй, такого «однознного» исследователя как Н.Г. Ловляче, речь о котором пойдет ниже. Однако продолжают появляться новые надписи подобные плиты с петроглифами из Абинска. Встречаются они и в надежном археологическом контексте – надпись из Н. Эшеры.

³³ Унежев К.Х. История Кабарды... С. 25.

³⁴ Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Отв. ред. В.Ш. Нахушев. Черкесск, 1998.

³⁵ Там же. С. 424.

хов, песов, генихов, зихов и других. В их этнической близости, по мнению автора раздела, сомнений нет. Таким образом, под именем «меоть» скрывалась древнеадыгская этническая группа. Следует отметить, что генихи, упоминаемые Страбоном, никогда и никем не относились к меотам, в научной литературе их чаще локализуют на территории современной Абхазии. Авторами раздела отмечена также и синдская государственность: «В конце V в. до н.э. синдские цари начали даже чеканить монеты. Чеканка синдских монет прекратилась после включения Синдики в состав Боспорского царства»³⁶.

Раннесредневековая история адыгов история зихского и касожского союзов в этом учебнике освещается в рамках представлений известного кавказоведа Л.И. Лаврова. Освоение адыгами-черкесами территории современной Черкесии – верховьев Кубани, Большого и Малого Зеленчука авторы относят к переселению кабардинцев и бесленеевцев в XII–XIII в., отмечая, со ссылкой на не вполне ясные археологические «дольменообразные склепы VIII–XII вв., подземные гробницы с четырехугольными отверстиями в фасадной части», что данная территория уже была населена неизвестными и близкородственными адыгам племенами, как в раннем средневековье, так и древности³⁷. Поэтому данную «миграцию» следует рассматривать как историческое явление, свойственное близкородственным этническим подразделениям на ранних этапах формирования народа.

Достаточно серьезно из этого контекста выбивается учебник «История Адыгей», написанный Н.Г. Ловпаче, А.Д. Панеш, Б.П. Чич для школьников средних классов³⁸. Издан в Майкопе в 2002 году. Три первых главы написаны Н.Г. Ловпаче и в основном построены на взглядах самого автора. Они представляют собой его сокращенную «Историю Западной Черкесии», где адыги как этнос существуют 7000 лет. В то же время еще больше, с эпохи мезолита на Западном Кавказе существует пиктографическое письмо, встреченное на гальках, обнаруженных в карьере на окраине г. Майкопа. Текст учебника достаточно тяжел для того, чтобы «прорваться» сквозь него даже специалисту и уяснить концепцию автора. Она заключается в следующем: носители «прото-майкопской культуры» адыги-хаты переселялись в Анатолию, создали там хатскую цивилизацию и вновь вернулись³⁹. Пробыв в Малой Азии около 500 лет, хаты возвращаются в Западную Черкесию и создают здесь гробницы и храм в районе ст. Новосвободной – «Хашпек» т.е. Клады. Дальнейшая «История Ады-

³⁶ Там же. С. 427.

³⁷ Там же. С. 426.

³⁸ Ловпаче Н.Г., Панеш А.Д., Чич Б. П. История Адыгей. Майкоп, 2002.

³⁹ Там же. С. 31–37.

геи» по Н.Г. Ловпаче так богата «фантастическими» событиями, что легче отослать читателя к их хронологической таблице в конце учебника⁴⁰.

Считая территорию Адыгеи периферией, «переднеазиатской культуры», Н.Г. Ловпаче находит здесь и городскую цивилизацию. Он указывает два города – в районе Майкопа и в урочище Псынако (под Туапсе), очевидно полагая, что возле богатых майкопских погребений обязательно должен быть город⁴¹. Существовала и майкопская письменность. Об этом свидетельствует пять пиктограмм на двух сосудах из Майкопского кургана, прочитанных Г.Ф. Турчаниновым. Н.Г. Ловпаче приходит к выводу, что «наличие городской цивилизации уже доказывает государственную организацию, но не в виде восточных деспотий централизованного типа, а в виде конфедерации племен». Эта страна в Западной Черкесии, по мнению Турчанинова, называлась Апшуй.

Эпоху средней бронзы Н.Г. Ловпаче видит так: северокавказцы – это малоазийские кашки, а строителей дольменов – «атыхи» – остатки майкопской общности. К этому периоду Ловпаче относит и огромный «корпус» петроглифов, обнаруженный им на скалах в верховьях р. Белой, которые и дешифрует якобы «на основании хеттского иероглифического письма»⁴².

История поздней бронзы и раннего железа Западного Кавказа, представленная Ловпаче, настолько фантастична, что невозможно вычленишь хоть один достоверный факт. Приведем часть параграфа «*Киммерийская эпоха в древней истории адыгов*»:

После 1185–1180 гг. до н. э., когда был укреплен и расстроен бывший город Айа-Ах, получивший название Ма-а-Ма-я (т.е. Майкоп в понимании Ловпаче) великим жрецом хеттского бога Хебату для царя Супулы, этот город приобрел очень важное стратегическое значение. Он стал играть роль главного опорного пункта для всех закубанских племен Западной Черкесии. В тот период, названный Санкт-Петербургским археологом Э.С. Шарафутдиновой «прото-меотский» и ограниченный XI–IX вв. до н.э., т.е. 3100–2800 лет тому назад, происходило второе Великое переселение народов, населявших со всех сторон берега Черного моря и т.п.⁴³

Можно привести другие примеры неграмотности или осознанного мифотворчества Н.Г. Ловпаче. Отметим, что данный учебник не прошел никакого рецензирования на уровне Адыгеи, однако был утвержден республиканским Министерством образования и науки.

⁴⁰ Там же. С. 182.

⁴¹ Там же. С. 45.

⁴² Там же С. 74–75.

⁴³ Там же. С. 87.

Подводя итог, можно сказать, что данные этногенетические концепции происхождения адыгов в учебниках республик, где проживают адыги, в большинстве своем находятся в рамках устоявшихся научных представлений об этногенезе этого автохтонного народа Западного Кавказа. Это собственно и должно быть в школьных учебниках. Однако, достаточно слаба и не обоснована аргументация тезиса о проживании «предков адыгов» в Центральном Предкавказье начиная с каменного века (учебник К.Х. Унежева). Учебник же авторского коллектива, возглавляемого Н.Г. Ловпаче (Адыгея), находится за пределами критики, что лишний раз доказывает необходимость системы обсуждения и рецензирования такого важного инструмента воспитания национального самосознания народа как школьный учебник по истории.

Экстремизм и ислам

Примерно с середины 1990-х годов на Северном Кавказе местные лидеры стали искать новые формы политической борьбы и ислам и исламское возрождение стали одной из ключевых форм в первую очередь политической борьбы с местными властными элитами. Появилось понятие «политического ислама». На Северном Кавказе политический ислам как общественное движение в первую очередь сформировался в Дагестане. Стратегической задачей данного движения, как указывает его активный сторонник Д. Халидов, является становление мусульманских общественно-политических движений как «конструктивной оппозиции и сотрудничества с государственными структурами и институтами власти, сотрудничества, подчеркивающего специфичность интересов мусульманской уммы»⁴⁴. Стали появляться исламские общественно-политические партии, такие как Союз мусульман России, возглавляемый Н. Хачилаевым, движение «Нур», Исламская партия Дагестана под руководством С. Асиятилова, Исламская партия России, возглавляемая дагестанцем С. Раджабовым и другие.

Как показывают наши этнографические материалы, первым «шагом» в исламской политической деятельности на Северном Кавказе стало распространение идеи признания ислама государственной религией. Российская Федерация является светским государством, в котором религия отделена от государства. Тем не менее на практике во многом православие сливается с российским государством. Часто православная идеология воспринимается обществом как общероссийская. Учитывая это, ислам-

⁴⁴ Халидов Д. Ответ на два исторических вызова // ИГ – религии. № 11. Ноябрь, 1997; его же. Исламский терроризм в России: мифы и реальность // Мусульмане. № 1. 2000. Февраль-Март. С. 25.

ские лидеры, стремясь к увеличению влияния исламских институтов и норм на государственно-конституционное поле, призывают к признанию в России двух традиционных религий – православия и ислама в качестве государственных. Наиболее радикальные перемены в этом направлении на Северном Кавказе произошли в Чеченской республике, где в 1992 г. было внесено ключевое изменение в Конституцию Республики Чечня, а именно: провозглашение ислама государственной религией внутри республики. В 1997 г. дудаевский режим принимает закон «О внесении изменений в Конституцию Чеченской Республики Ичкерия», в котором ислам провозглашался государственной религией республики. Подобные идеи стали распространяться среди подростков и молодежи в других регионах Кавказа, в частности, на Северо-Западном Кавказе⁴⁵.

Вторым шагом стало «наступление» на кавказскую культуру. «Политическая» поддержка национальных традиций, которая являлась основой национально-общественных движений первой половины – середины 1990-х годов, оказалась не плодотворной, в силу чего исламские идеологи предложили опираться не на этническую, а на исламскую культуру, причем практически полностью отвергая кавказские традиции горцев, вплоть до кавказской одежды и танцев⁴⁶. Исламские лидеры Кабардино-Балкарии, Адыгеи и других северокавказских республик стали стремиться ограничить форму заключения брака с использованием адатного института похищения невесты. Исламские каноны его не признают, допуская лишь устройство брака путем сватовства⁴⁷. Любопытно, что ингушские чиновники, в частности, З. Евлоев, заместитель председателя Народного собрания республики Ингушетии, предлагал ввести в новый Уголовный кодекс РФ статью о наказании за похищение девушки с целью вступления в брак, которая была в УК СССР.

Третьим шагом в исламской политической деятельности стало стремление расширить сферу применения шариата как правовой системы, признать его в качестве альтернативы российскому судопроизводству⁴⁸. Идеологами введения мусульманского права стали дагестанские ис-

⁴⁵ Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Кабардино-Балкария: тенденции развития и проблемы современного исламского движения // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 4. С. 195.

⁴⁶ Бабич И.Л. Исламские организации и религиозная политика властей // Правовой статус ислама на Северном Кавказе. В серии «Ислам и право в России». Вып. 3. 2004. С. 107–108.

⁴⁷ Бабич И.Л. Республика Адыгея: ислам и общество на рубеже веков // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 6. С. 68–69.

⁴⁸ Ханбабаев К.М. «Шариатизация» постсоветского Дагестана: Мифы и реальность // Ислам и право в России. Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединений в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)». М., Составители и редак-

ламские лидеры, такие как родственник зам. муфтия Духовного управления мусульман Республики Дагестан Ахмад-хаджи М. Тагаев и одиозный исламский лидер М. Багауддин⁴⁹. Сам А. Тагаев подчеркивал, что «постепенное интегрирование шариатских норм в законодательную базу Дагестана, прежде всего – в области гражданского права, позволит сделать судебную систему менее бюрократизированной и более эффективной»⁵⁰.

На Северном Кавказе наибольший интерес действительно вызывает гражданское мусульманское право, главным образом, семейное и наследственное право. Ближе всего к его применению подошли республики Северо-Восточного Кавказа: Ингушетия, Чечня и Дагестан. Де-факто, как отмечает Д.В. Макаров, в Дагестане наблюдается использование отдельных шариатских норм в семейной, земельной и хозяйственной сферах жизни мусульман⁵¹. В республиках Северо-Западного Кавказа, в Адыгее, Кабардино-Балкарии, имеет место неофициальное обращение к мусульманскому праву, осуществляемое главным образом молодыми мусульманами, склонными к более радикальным взглядам⁵².

В Чечне процесс формирования исламского государства начался в 1996 г. с издания указа о реорганизации светских (российских) судов и об учреждении шариатской юстиции. Первым кадием шариатского суда стал Ахмад Ахтаев. В 1998 г. было принято решение об образовании нового религиозно-государственного органа – Шуры. В Чечне был учрежден Верховный шариатский суд, который в российских источниках определялся как Верховный шариатский суд чеченских сепаратистов (ваххабитов). В феврале 1999 г. в Чечне было провозглашено «шариатское правление», согласно которому все законодательство в республике должно было быть приведено в соответствии с нормами Корана и шариата. Парламент и республиканский муфтият должны были разработать проект шариатской Конституции⁵³.

Попытки установления исламской власти и господства мусульманского права имели место в отдельных регионах Республики Дагестан, в част-

торы И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. 2004, С. 163; Раджабов А.М. Во имя народа // Истинный путь. Общественно-политическая и духовно-просветительская газета. Июнь, 2003, С. 1.

⁴⁹ Тагаев М. Наша борьба, или повстанческая армия имама. Киев, 1997; Багауддин М. Намаз. М., 1999.

⁵⁰ Газета «Нурул Ислам», № 12, июль 1998.

⁵¹ Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000, С. 14, 74.

⁵² Астемиров А.Э. Современная практика применения мусульманского права в Кабардино-Балкарской Республике // Ислам и право в России. Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. 2. М., Составители и редакторы И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. 2004, С. 183–184.

⁵³ Акаев V. Religious–Political Conflict in the Chechen Republic of Ichkeria // Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Jonson L., Esenov M. (ed.). Stockholm, 1999, P. 48.

ности, в 1998–1999 гг. в Кадарской зоне Буйнакского района (сел. Карамахи, Чанкурба, Чабанмахи, Кадар), когда лидерами салафитских джамаатов этот регион был провозглашен «исламской территорией, управляемой шариатом», а действие российских законов на этой территории отменялось. Мусульманские лидеры Кадарской зоны указывали, что «только установив шариатские законы, можно навести порядок». Были сформированы сельские шариатские суды, которые начали судебную практику. Эти суды проработали до осени 1999 г., когда федеральные войска ликвидировали власть салафитских лидеров⁵⁴. В 1998 г. подобные суды были сформированы и в селении Киров-аул Кизиюртовского района Дагестана, где, как отмечает Д.М. Макаров, «введение шариата обеспечивалось не только силой общественного мнения (социальным давлением) и авторитетом религиозных лидеров, но и наличием специализированного аппарата принуждения в виде шариатской дружины, что было характерно далеко не для всех дагестанских селений». Принятыми межрайонной прокуратурой мерами шариатский суд в с. Кироваул уже к концу 1998 г. был ликвидирован⁵⁵.

Стремление исламских лидеров легализовать отдельные нормы мусульманского права совпало с подобными попытками республиканских парламентариев, в частности, в Республике Ингушетия в 1997 г. был принят закон о мировых судьях, заменивший сельский суд шариатским, в котором должны были соблюдаться следующие судебно-процессуальные нормы: 1) использование в качестве доказательств клятв на Коране, 2) применение мусульманских норм при рассмотрении дел по разделу имущества, наследственных и брако-разводных дел, дел о клевете или нанесении оскорбления, а также дел, связанных с авариями на дорогах.

В мае 1999 г. в республике Ингушетия начал работать шариатский суд, состоявший из кадия (алима А.Ш. Мартазанова), выбираемого пожизненно Советом алимов республики (двумя третями голосов), и пятью алимов, которых выбирал сам кадий из числа лиц, имеющих знания в области мусульманского права. Шариатский суд разбирал брако-разводные дела, дела по разделу имущества, и в первую очередь по разделу земельных участков. По окончании судебных разбирательств суд выдавал письменные решения. С 1999 г. по 2001 г. шариатский суд рассмотрел свыше 1 тыс. дел. С 2001 г. шариатский суд перестал существовать как судебный

⁵⁴ Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: Особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002, С. 216.

⁵⁵ Макаров Д.В. Опыт введения шариата на микро-уровне: пример дагестанского селения Кироваул // Ислам и право в России. Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. 2. М., Составители и редакторы И.А. Бабич, А.Т. Соловьева. 2004, С. 166.

орган, продолжая функционировать как консультативный центр для физических лиц.

В Адыгее и Кабардино-Балкарии исламские лидеры и правоведа практиковали применение семейного мусульманского права, в частности, в мечетях имамы проводили мусульманское бракосочетание и выдавали свидетельство о его совершении. В Адыгее с 2000 г. имам соборной мечети г. Майкопа сделал неких для 200 пар, жителей Адыгеи и Краснодара. Мусульманский брак особенно важен в том случае, когда невеста несовершеннолетняя. Совершение неких позволяло молодоженам жить вместе до совершеннолетия жены, а потом зарегистрировать брак в российском ЗАГСе⁵⁶.

В 1990–е годы не только брак, но и развод и связанные с ним нормы мусульманского права стали привлекать мусульман Северного Кавказа, и особенно мусульманок. В некоторых республиках имамы осуществляют процедуру исламского развода и соответствующего раздела имущества. Это происходит в Дагестане, Ингушетии, отчасти в Кабардино-Балкарии. В Ингушетии составлялись письменные решения о разводах, принятые шариатским судом в период его официальной судебной практики⁵⁷.

Еще в 1994 г. Президент Республики Р. Аушев приостановил применение на территории республики статей действовавшего в то время Уголовного кодекса РФ относительно ответственности за многоженство и предоставление выкупа за невесту, ссылаясь на местные традиции и демографические проблемы. В этом, кстати, смешались адатные (предоставление выкупа за невесту) и шариатские (разрешение мусульманину иметь до 4 жен) нормы. Значительно позже, 9 октября 1998 г. был издан закон о полигамии в Республике Ингушетия. Закон проработал в течение более одного года и был отменен федеральными властями в 2000 году. За время его функционирования в республике было зарегистрировано несколько десятков таких браков.

Наследственное мусульманское право применяется главным образом в Дагестане. В Адыгее его пытаются применять поселившиеся там ныне адыги из Косово, где исламская жизнь проживавших там народов осуществлялась в полном объеме, без ограничений. До сих пор косовские адыги составляют мусульманские духовные завещания⁵⁸. В Кабардино-Балкарии, как отмечал один из молодых исламских лидеров Анзор Асте-

⁵⁶ Бабич И.Л., Ярлыкпапов А.А. Исламское возрождение в Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003. С. 90.

⁵⁷ Архив Кадията Республики Ингушетия, дела 1999–2001 гг.

⁵⁸ Бабич И.Л. Эволюция обычного права адыгов в советское и постсоветское время // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 95–108.

миров, мусульмане также стали интересоваться, а некоторые из них и практиковать отдельные нормы наследственного мусульманского права, в частности, они также начали составлять духовные завещания в соответствии с требованиями шарията⁵⁹.

В связи с тем, что в 1990–е годы практически во всех республиках возникали многочисленные земельные конфликты, связанные с перераспределением пахотных и пастбищных земель, в том числе колхозных и совхозных, для их урегулирования на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, стали применять соответствующие нормы мусульманского права. В начале 1991 г. в Цумандинском районе Дагестана произошел спор за пастбищные угодья между несколькими селениями – Саситли, Кеди и Сильди. Конфликт рассматривался шариятским судом во главе с кадием С.-М. Абубакаровым, возглавлявшего шариятский суд при соборной мечети г. Хасавюрта и его коллег – С.Г. Пирмагомедова (сел. Агвали) и М.-С. Газиева (сел. Хуштада)⁶⁰. Как подчеркивает имам села Галашки Умар Арапханов, ингушский шариятский суд, действовавший в республике официально в 1999–2001 гг., часто разбирал споры, происходившие во время дележа земельных участков на основе шарията⁶¹.

Особенно остро встала проблема восстановления институтов мусульманской собственности – вакфов. В ряде населенных пунктов Цумандинского района Республики Дагестан сельские мечети сумели получить вакфы, существовавшие здесь ранее. По мнению В.О. Бобровникова, «в десятках горных и предгорных колхозов сельские администрации (не всегда гласно) вернули мечетям большую часть приписанных к ним до коллективизации частных пашен и садов (вакфов), управляющих по нормам мусульманского права»⁶². В.О. Бобровников отмечает важную особенность внедрения шариятских норм в общественную и личную жизнь дагестанцев: «Вопреки российским и республиканским законам дореволюционные списки вакфов, сохранившиеся в частных библиотеках, получили юридическую силу. Общественное мнение следит за тем, чтобы новые владельцы мечетских земель вносили в мечетскую кассу положенную часть урожая»⁶³.

⁵⁹ Астемиров А.Э. Современная... С.183–184.

⁶⁰ Бобровников В.О. Шариятские суды на Северном Кавказе // Отечественные Записки. 2003, N 5, С. 426.

⁶¹ Албогачиева М. С.-Г., Бабич И.Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 133–140.

⁶² Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнографическое обозрение, 2000, № 5, С. 137–138.

⁶³ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002, С. 275.

Тем не менее даже в Дагестане в 1990-е годы вакфы не стали играть прежней роли в жизни мусульманских общин. Вакфные отчисления потеряли прежний обязательный характер и силу закона, превратившись в добровольные благочестивые пожертвования. Лишь общественное мнение общины следит за внесением этих средств деньгами в мечетную кассу. Не имея поддержки в российском законодательстве, вакф уже не обладает и силой нормы мусульманского права. Недостаток в постсоветском Дагестане знатоков мусульманского права и отсутствие в регионе образованных юристов-факихов вызывает частые ошибки при учреждении вакфов и управлении ими. Распорядителем вакфного имущества сегодня выступает сельский сход или мусульманская верхушка джамаата, как правило, не имеющая необходимого мусульманского юридического образования и лишённая знания давно уничтоженной правовой традиции. При определении границ и обязанностей, лежащих на вакфных имуществах, горцы нередко прибегают к помощи отдельных дореволюционных списков вакфов и договоров⁶⁴.

На Северо-Западном Кавказе примечетские земли (вакфы) не получили широкого распространения и в прежние века – XVII–XIX вв. Тем не менее в настоящее время и здесь встал вопрос об установлении вакуфной мечетской собственности. В частности, в Адыгее еще в 2003 г. правительство республики предложило выделить местным мусульманским общинам сельхозугодия. Поступившее от правительства предложение обсуждалось на одном из апрельских заседаний Совета Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. Муфтий республики Нурби Емиж обратился к «желающим заняться обработкой сельхозугодий для покрытия расходов на содержание мечетей в своих районах и подать заявки с указанием количества и месторасположения земли». Однако адыгейские мусульмане не изъявили желание начать внедрять систему вакуфного землевладения и мечетской собственности. Объясняется это несколькими причинами: во-первых, как указывалось выше, в Адыгее не было исторического опыта использования вакфов для нужд мечетей, во-вторых, колхозная администрация несмотря на то, что передача земель мечетям была решена на уровне правительства, в ряде населенных пунктов отказывалась предоставлять земельные участки местным мечетям, и наконец, в нынешних социально-экономических условиях сельское хозяйство на Северном Кавказе не является прибыльным делом, поэтому мусульмане предпочитают искать и получать финансирование из-за рубежа. Примечательно, что даже косовские адыги, имевшие в

⁶⁴ Там же.

Косово земли, сдававшиеся в аренду, доходы от которой шли на содержание мечети, в Адыгее также отказались внедрять вакуфы⁶⁵.

Другие нормы мусульманского вещного права внедряются лучше. Так, мечети Северного Кавказа содержатся за счет закята (адыг. – закат, зэкIат). Безусловно, что за годы советской власти среди северокавказских мусульман практика целенаправленного сбора и распределения средств закята среди тех категорий населения, ради которых он собирается, была совершенно утеряна. Многие адыгейские мусульмане, несмотря ни на что, знают о существовании этой своей обязанности и по мере сил и возможностей стараются ее выполнять. Конечно, целенаправленного и организованного сбора закята в Адыгее нет. Мусульмане высчитывают его обычно с урожая, выделяя из него 2,5% именно для закята. Иногда в качестве закята выделяют и раздают часть своего урожая крупные арендаторы, так же поступают и некоторые из тех, кто имеет свои приусадебные участки. При раздаче закята предпочтение отдается нуждающимся родственникам. В городах закят подсчитывать труднее, поскольку он должен выплачиваться со всех денежных единиц, золота и серебра, а также оборотных средств в случае, если человек занимается предпринимательством. Скорее всего, поэтому в городах пока еще люди не очень хорошо ориентируются в отличиях закята от садаки (сэдакьэ). Более широко в республике известна и практикуется добровольная милостыня – садака (сэдакьэ). Для выделения садаки нет определенного времени, ее можно давать и просто по внезапному побуждению. Обычно садака дается малоимущим, инвалидам, сиротам, детям.

Интерес к уголовному мусульманскому праву на Северном Кавказе проявили лишь чеченцы и дагестанцы. В 1996 г. указом бывшего главы республики З. Яндарбиева был введен в действие Уголовный кодекс Чеченской республики – Ичкерии, который полностью базировался на шариате и должен был преследовать цель «укрепления основ государственной независимости и законности на принципах шариата – Закона, данного Великим Аллахом милостивым и милосердным, господином миров»⁶⁶. Чеченские судьи стали осуществлять мусульманское правосудие на основе Уголовного кодекса Чечни, подготовленного на основе Уголовного кодекса исламского государства – Судан⁶⁷. Как отмечает В. Акаев, этот уголовный кодекс призван был регулировать социально-правовые отношения внутри чеченского общества на основе принципов шариата⁶⁸.

⁶⁵ Протокол заседания Совета ДУМ РА и КК от 9.04.2003 // Архив Соборной мечети г. Майкопа.

⁶⁶ Яндарбиев З. Об УК ЧРИ. // газета «Ичкерия». № 25, 1996, С. 2.

⁶⁷ Уголовный кодекс Чеченской республики – Ичкерия // газета «Ичкерия». № 24–26. 1996.

⁶⁸ Акаев В. Суфийские братства и ваххабиты // Религии, верования, культуры. М., 1997, С. 54.

Прежний министр иностранных дел ЧРИ Р. Чимаев объяснял принятие нового УГ ЧРИ на основе мусульманского права следующим образом: «Надо иметь ввиду, что для чеченцев публичное наказание является сильным моральным фактором. Такая мера очень быстро и эффективно приводит к дисциплине, особенно в армии»⁶⁹. А председатель Конституционного суда Чеченской Республики Ичкерия И. Гериханов подчеркивал, что «принятие кодекса – единственный путь справиться с преступностью, сравнивал его введение с расстрелами мародеров и грабителей в послевоенной России»⁷⁰. Даже наиболее лояльные и пророссийски настроенные чеченские юристы готовы применять и отдельные нормы уголовного права, в частности, применение наказания – 40 ударов плетью⁷¹.

В Кадарской зоне Дагестана согласно мусульманскому праву, применявшемуся в регионе в 1998 г., виновные, главным образом, молодежь, в употреблении алкогольных напитков, были подвергнуты наказанию 40 палочными ударами⁷². Р.Г. Гаджиев описывает процедуру данного наказания: «о намерении наказать конкретного человека имамом мечети селения Карамахи объявлялось после утреннего намаза, местом экзекуции избиралась площадь перед зданием сельской администрации. До скопления людей виновников держали под замком в помещении бывшего местного отделения милиции. Непосредственным исполнителем такого рода наказания не раз выступал и Джаруллах Гаджимагомедов, так называемый бригадный генерал с восьмиклассным образованием»⁷³. По мнению карамахинских мусульман, только мусульманское уголовное право может навести гражданский миропорядок в Дагестане.

Практиковалось уголовное мусульманское право и в селении Киров-аул Кизиюртовского района, где в 1998 г. шариатский суд за употребление спиртного или совершение кражи приговорил более 30 человек к лишению свободы и исполнению наказания – ударам палкой.

К.М. Ханбабаев, один из крупных специалистов в области ислама и мусульманского права в регионе, и в то же время крупный чиновник республиканского уровня, отмечает, что шариатские структуры действительно занимались решением проблем общественного порядка и разбором

⁶⁹ Чимаев Р. Об УК ЧРИ // газета «Русская мысль», 10–16 октября 1996, С. 2.

⁷⁰ Независимая газета, 1997, 25 сентября.

⁷¹ Аутаев Сулайман-хаджи. Частичное применение мусульманского права на территории Российской Федерации // Ислам и право в России. Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. 2. М., Составители и редакторы И.Л. Бабич, А.Т. Соловьева. 2004, С. 81.

⁷² Ханбабаев К.М. Возрождение... С. 128.

⁷³ Гаджиев Р.Г. Ваххабизм... С. 215.

мелких семейных конфликтов. По словам жителей Киров-аула, после введения шариата обстановка в селе заметно улучшилась, стало спокойнее и безопаснее, уменьшилось число случаев воровства и краж⁷⁴.

Наконец, решающим в исламской политической деятельности на Северном Кавказе стало распространение идеи исламского государства. В исламской доктрине взаимосвязь развития ислама в рамках исламского государства является одним из ключевых постулатов. Следовательно, деятельность по распространению ислама с точки зрения наиболее радикальных исламских лидеров не может не включать в себя и борьбу за политическое лидерство, которое предоставит возможность установить новое конституционное право и строй, наиболее лояльный к исламу и мусульманскому праву. Идея создания исламского государства на территории отдельных республик региона и на всем Северном Кавказе подогревались в 1990 – начале 2000-х годов распространением идей воссоздания арабского халифата и создания при главенствующей роли Чечни на территории Северного Кавказа исламского государства. Именно данный аспект политической исламской деятельности и вызвал наиболее негативную реакцию со стороны российских властных и силовых структур. В результате этого в целом ряде республик Северного Кавказа были приняты правовые документы, в которых шире, чем это имеет место в Уголовном кодексе РФ, было рассмотрено понятие «свержение основ конституционного строя РФ». В 1998 г. Народным Собранием-Парламентом Республики Ингушетия был принят закон «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в Республике Ингушетия», в котором рассматривается понятие «экстремистской религиозной организации», включающее в себя и такой критерий как «насильственное изменение основ конституционного строя Республики Ингушетия». В 1999 г. власти Дагестана приняли закон «О запрете ваххабистской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», в котором есть пункт о запрете тех исламских организаций, деятельность которых направлена «на насильственное изменение Конституционного строя РФ». Этих же позиций придерживается и Совет муфтиев России, и Духовное управление мусульман Европейской части России, которые они обозначили в принятом в 2001 г. документе – «Основные положения социальной программы российских мусульман», в частности, в двух разделах программы «Мусульмане и государство» и «Мусульмане в российском государстве», где определено правовое положение мусульман в светском российском государстве и выражается официальное мнение о

⁷⁴ Ханбабаев К.М. Возрождение... С. 129.

полной лояльности российских мусульман к российскому государству и его законам⁷⁵.

Важно подчеркнуть, что при обсуждении и продвижении идеи исламского государства «линия невидимого фронта» прошла главным образом не между российской властью и мусульманами, а внутри мусульманского сообщества. С одной стороны, официальное духовенство и в первую очередь руководители исламских организаций, республиканских духовных управлений мусульман, абсолютно лояльны российской Конституции, российской власти и государству и полностью поддерживают курс и деятельность местных властных структур, активно сотрудничая с ними. Наиболее яркий пример позитивного сотрудничества – муфтий Духовного управления мусульман Республики Адыгеи и Краснодарского края Нурби Емиж. Руководители официальных исламских организаций стремятся добиваться главным образом не столько утверждения основ исламской государственности, сколько повышения «политико-правового статуса» ислама путем проведения собственной политической деятельности, т.е. через создание исламской партии⁷⁶. Такая партия была создана в Республике Дагестан под руководством профессора ДГУ С.Х. Асиятилова, который в одном из своих интервью говорил, что «каждый мусульманин мечтает о том дне, когда в его стране будет установлен исламский порядок и его будет судить не двуглавый орел, а шариатский суд»⁷⁷. С другой стороны, молодые мусульманские лидеры республик Северного Кавказа отстаивают идеи исламской государственности и считают, что ее установление – вопрос времени и грамотной подготовки фундамента, основанного на политическом и религиозном факторах. Наиболее активным этот процесс стал, как известно, в Чечне. Профессор М.Н.О. Османов подчеркивает взаимосвязь между распространением идей исламского государства и достижением чисто политических целей на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане⁷⁸ и Кабардино-Балкарии⁷⁹. Начиная со второй половины 1990-х годов на Северо-Западном Кавказе, например, в Кабардино-Балкарской Республике, распространением идеи формирования исламского государства занялись молодежные исламские организации, в частности, Молодежный исламский центр, конечной целью деятельности

⁷⁵ Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001.

⁷⁶ Макаров Д.В. Официальный... С. 15.

⁷⁷ Асиятилов С.Х. Ислам...; *его же*. И один в поле воин, если он – рыцарь совести // Дагестанская правда. № 81–82. 20.04. 2001.

⁷⁸ Османов М.О. Дагестан – глухая провинция в мусульманском мире // Наш Дагестан. №№ 189–191. Сентябрь – декабрь 1999. С. 15.

⁷⁹ Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Кабардино-Балкария... С. 196.

которого стала «исламизация народа и исламизация власти». Руководители молодежного исламского центра в своей деятельности преследовали политические цели, связанные на первом этапе с получением властных полномочий в Духовном управлении мусульман КБР, а на втором этапе – с установлением определенного влияния на политику республиканских властей⁸⁰. Одним из методов стало распространение идей исламского государства и ислама как государственной религии среди горской молодежи во время проведения проповедей (хутб), образовательного процесса на различных молодежных курсах, воскресных школах и т.д. В результате у части молодых горцев сложилось представление о жесткой связи между развитием ислама в КБР и созданием исламского государства. Они практически не имели информации о тех исламских государствах, где ислам как религия отделена от государства (Турция и др.) и были хорошо осведомлены о политической и религиозной ситуации в таких странах как Саудовская Аравия и др.

2001–2005 гг. характеризуются значительным наступлением властных и силовых структур на радикальные исламские движения, которые были в большей степени связаны с распространением идеи исламского государства и соответственно вели политическую борьбу силами сторонников исламских партий и движений. В результате в последние годы их деятельность ослабла и вновь встала проблема новых политических лидеров. В связи с этим Запад и США применительно как к Средней Азии, так и к Северному Кавказу впервые заговорили о демократии, о развитии гражданского общества и о формировании корпуса новых политических «демократических» лидеров, которые будут внедрять и отстаивать эти западные ценности, не опираясь ни на национальную культуру, ни на религию (ислам).

Как известно, существует устойчивое и довольно спорное мнение о невозможности демократических форм правления в горских обществах Северного Кавказа. Исламские лидеры в своем стремлении к установлению исламского государства опираются именно на этот аргумент. Власть в исламском государстве тесно связана с шариатом, поэтому известный переводчик Корана на русский язык, профессор М.-Н.О. Османов предлагает ввести в употребление термин «шариатская государственность». Такая власть не основана на демократии в ее западном понимании, а является, по мнению А.Р. Сюкияйнена, своеобразной формой власти – номократией – власти закона. Многие исламские лидеры считают, что исламские принципы построения государства наиболее близки горским народам Северного Кавказа и только они позволили бы начать новый виток модернизации жизни горцев, в том числе экономики региона, находящейся

⁸⁰ Материалы бесед с директором Исламского центра КБР Мусой Мукожевым, июль 2002 г.

в застойном состоянии. Те экономические преобразования, которые начались и активизировались в конце 1990-х годов в «неисламских регионах» Российской Федерации, на Северном Кавказе явно «пробуксовывают».

По нашему мнению, в республиках Северного Кавказа концепция исламского государства рассматривалась местными политическими лидерами преимущественно не с точки зрения «необходимости» и составной части ислама как такового, а как часть политического процесса, происходящего на современном Северном Кавказе. Политический аспект распространения идей шариата и исламского государства подчеркивает и Л.Р. Сюкияйнен, который указывает, что дагестанские исламские радикалы в отличие от чеченских «рассматривали изменение шариата как практический способ покончить прежде всего не с преступностью, а с коррумпированной властью»⁸¹. К.С. Гаджиев указывает, что «для них (исламских лидеров Дагестана – прим. И.Б.) были характерны практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства с шариатской формой правления»⁸².

История возрождения ислама на Северном Кавказе в 1990–2020-е гг. показывает, как сложно, с одной стороны, ислам проникал и модернизировал жизнь горцев, а с другой, как часто российские властные структуры безуспешно пытались создавать в регионе иные государственно-правовые механизмы, способные устанавливать порядок и развивать горские общества. Многовековое соперничество в этом регионе Российской и Османской империй приводило к тому, что Россия, с одной стороны, все время «препятствовала» османам создавать исламский миропорядок, а с другой, с конца XVIII в. начала формировать свои российские властные и силовые органы, которые с трудом «справлялись» с горским темпераментом и кавказскими традициями. Поэтому очевидно, что даже при частичном разрешении российскими властями и законодателями применения мусульманских норм, не противоречащих российскими законам, процесс инкорпорации норм шариата в горскую жизнь будет длительным и болезненным, особенно для самих горцев Северо-Западного и Центрального Кавказа, которые в целом не готовы к их применению. Справедливо подчеркивает В.О. Бобровников, что «представление о том, что подавляющее большинство коренного населения Северного Кавказа вернулось к строгому соблюдению норм ислама и строит свою жизнь по

⁸¹ Сюкияйнен Л.Р. Найдется ли шариату место в российской правовой системе? // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малащенко и М. Брилла. Олкотт. М., 2001. С. 30.

⁸² Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001, С. 34.

законам шариата... глубоко ложное. В повседневной жизни постсоветского Кавказа, как в целом в Российской Федерации, шариатский суд занимает весьма скромную нишу». Таким образом, с точки зрения «правовых возможностей» применение мусульманского права на Северном Кавказе еще долгое время будет скорее декларативным, нежели реальным.

О местном протестантстве

Процесс религиозного возрождения в России затронул и население в республиках Северного Кавказа: возрождается православие и ислам, а также протестантские христианские течения, большинство из которых также имеют дореволюционные корни в северокавказском регионе⁸³. В 1990–2010-е годы в регионе стали широко распространяться протестантские движения (баптисты, пятидесятники и др.). Христианские церкви в первую очередь охватили русское население республик, тем не менее постепенно туда потянулось и коренное население Северного Кавказа. В настоящее время в Северной Осетии и Адыгее сформировались религиозно-этнические группы, исповедующие различные направления протестантской религии⁸⁴.

В предлагаемом разделе на основе полевых материалов, собранных автором в республиках Северная Осетия–Алания и Адыгее в 2015–2019 гг.⁸⁵, рассматриваются элементы экстремизма в жизни горских обществ в контексте роста протестантизма и распространения протестантской идеологии. Объектами анализа выбраны республики и проживающие в них коренные народы (осетины, адыгейцы) с разным сочетанием религиозных и этнических компонентов: если в Северной Осетии важной частью современной идеологии при наличии православия и ислама является т.н. «этнический традиционализм», то в Адыгее – это процессы исламского возрождения.

В Северной Осетии в 1990–2000-е годы происходит возрождение среди осетинского общества разных религиозных направлений, в том числе и значительный рост протестантских общин. По мнению наших информантов, в городе Алагире около 30% – православных, 30% – т.н. «традиционников», т.е. тех, кто исповедует веру в «осетинских Богов», 5% – мусульман (вместе с турками-месхетинцами), 5% – протестантов (вместе

⁸³ Дункин Р.Н. Роль христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов. Дисс. на соиск. докт. полит. н. М., 2018.

⁸⁴ Бабич И.Л. Протестантское движение в Адыгее // Христианство на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. И.Л. Бабич, А.Т. Соловьевой. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 162–185.

⁸⁵ Полевые материалы Бабич И.Л. Адыгее, 2009–2017; Полевые материалы Бабич И.Л. Северная Осетия, 2019.

с осетинами из Южной Осетии), 30% – неопределившихся. Значительный рост в Осетии в целом и во Владикавказе, в частности, в 1990–2000 гг. имели ныне запрещенные в России общины «Свидетели Иеговы». Причем, 30,4% среди них – осетины⁸⁶.

О.А. Олейникова, проводившая в 2000 г. опросы среди верующих, указывает следующие причины популярности протестантизма и общин «Свидетели Иеговы» в Северной Осетии: 81% опрошенных считают, что эти общины дают ответы на вопросы о жизни, 76% отмечают простое богослужение, 63% указывают, что в этих общинах появляется чувство одной семьи, 42% отмечают моральную и материальную помощь. Баптисты имеют службы социальной помощи (например, в Алагире баптисты оказывают наркологическую помощь). Многие баптисты ранее посещали православную церковь, но остались у баптистов, так как там «другая атмосфера и в церкви работают с людьми». Протестанты вели пропаганду среди «травмированных» людей, например, людей, переживших трагедию в Беслане, южных осетин, осетин из Тбилиси, обосновавшихся в Северной Осетии в 2000-х годах. Кроме того, по мнению О.А. Олейниковой, причинами распространения являются грамотное ведение миссионерства, социально-экономический и духовный кризис общества, поддержка Запада, наличие денежных средств.

Среди баптистских церквей Северной Осетии есть чисто «осетинские», где членами являются только осетины и службы проводятся на осетинском языке, есть смешанные, где ее членами являются русские, осетины и другие (например, армяне) и службы проводятся на русском языке. Ранее все церкви были смешанными и в них проводились отдельно службы для осетин и для русских (в разные дни или в разное время в один день).

Членами старейшей баптистской церкви, здание которой сохранилось еще с дореволюционных времен (Владикавказ, пр. Коста, 51), являются около 150 чел. (все осетины). В июне 2019 г. на воскресной службе в этой церкви присутствовало около 100 человек: 20 мужчин и 80 женщин. Большинство женщин – в возрасте, бабушки, молодых семей с детьми мало. Проповеди, молитвы и песни – шли на осетинском языке с небольшими вкраплениями на русском. Руководители общины – осетины. В баптистской общине «Надежда» (Владикавказ, ул. Николаева, 71) – около 200 человек. Община имеет смешанный состав, и службы проводятся на русском языке, а песни и молитвы – на осетинском. У общины есть радиостанция «Христианское радио», которую слушают большинство протестантов на всем Северном Кавказе. Многие члены современных

⁸⁶ Федосова Е.В. Конфессиональная идентичность и религиозные установки молодежи Северной Осетии // Известия СОИГСИ. 2013. № 2. С. 86–91.

баптистских общин среди осетин – из семей баптистов, чьи родственники посещали церковь еще в советские годы. Всего во Владикавказе примерно 1 тыс. баптистов. Есть баптистские общины в селах Мизур, Гизель, г. Алагир. Там по 30–40 верующих. Часто пасторы баптистских церквей Северной Осетии работают в других регионах Северного Кавказа. Баптисты Северной Осетии контактируют с баптистами в Кабарде, Ставрополе, Краснодаре, Ростове на Дону. В Прохладном (Кабардино-Балкария) функционирует общий для всех баптистов Библейский институт.

Есть во Владикавказе и общины пятидесятников. Среди них много осетинских, например, община пятидесятников под руководством осетина Сосиева. В общине около 80 чел., примерно половина – осетины. Службы проводят на русском языке. Есть пятидесятнические общины, где большинство – осетины из Южной Осетии. Пятидесятническая община «Слово жизни» включает в себя около 100 членов. В настоящее время главный пастор общины – армянин. Другие пасторы – осетины. Община смешанная: ее членами являются осетины (в том числе из Южной Осетии и Грузии), армяне и русские. Службы проводятся на русском языке, но одно время были службы на армянском (с переводом на русский). Осетинская часть общины стремится к тому, чтобы молитвы и песнопения исполнялись на осетинском языке.

Менее популярной в Осетии является церковь «Адвентистов седьмого дня». В этой общине около 70–80 членов. Состав смешанный: осетины и русские. Служба проводится на русском, песни и молитвы – часто на осетинском. Уроки Библии проводятся и на русском, и на осетинском языке отдельно. Слабость адвентистов в Осетии – отсутствие социальной помощи. Десятина собирается с членов общины, но куда идут средства неизвестно. У баптистов средства распределяются советом церкви среди малоимущих. По-прежнему есть в Северной Осетии и члены запрещенной в России общины «Свидетелей Иеговы», но они теперь ведут себя «тихо», службы проводят в своих домах. Среди них тоже много осетин.

В Адыгее в целом численность адыгов – протестантов значительно ниже, чем у осетин (но их и в процентном соотношении с русскими в республике немного), но в течение 2000–2010-х годов адыги из Адыгеев начали появляться во всех протестантских общинах. Среди адыгов, посещающих такие церкви, больше горожан, поскольку у жителей аулов больше страха перед общественным мнением родственников, соседей и друзей. Изначально адыги-протестанты проживали в адыгских аулах, однако в 2000-е годы постепенно они начали переселяться в те населенные пункты, где проживают русские и казаки и где есть христианские общины. Иногда они продолжают жить в своих аулах, но ведут скрытный образ жизни, не общаясь даже со своими соседями – адыгами.

Наиболее крупная община адыгов-баптистов в г. Адыгейске. Опишем службу в этой церкви, на которой мы присутствовали в июне 2016 году. Богослужение в честь Св. Троицы проходило в обычном частном доме на окраине города. На службе присутствовало 15 человек (5 чел. мужчин, остальные – женщины, их них 3 девушки 15–20 лет). Большинство – адыги. Служба проходила на русском языке, но в конце службы все присутствующие вместе произносили молитвы на адыгейском. Службы этой церкви посещают адыгейцы из соседних аулов Габукай, Понежукай, Ас-соколай. Всего баптистскую общину Адыгейска посещают несколько десятков адыгов.

По мнению представителей адыгской интеллигенции, примерно около 100 адыгов – граждан Адыгеи в 2010-е годы посещали и продолжают посещать протестантские общины в Майкопе. Адыги посещают такие церкви, как майкопская церковь «Надежда» Адыгейской епархии евангельских христиан (общая численность прихожан 1000 чел., постоянных – 200 чел., адыгов около 25 чел.), майкопская церковь христиан веры евангельской «Вифания» (5 адыгов-женщин), майкопская церкви христиан адвентистов седьмого дня (одна прихожанка – адыгейка), майкопскую общину Свидетелей Иеговы (запрещена в России в 2017 г.). В аулах Кошехабль, Джерокай, ст. Ханская, г. Адыгейске и др. населенных пунктах проживают члены общины иеговистов, баптистов, пятидесятников. Среди адыгов-протестантов есть настолько глубоко укоренившиеся в этом учении, что сами являются руководителями общин. Например, адыг Н. является руководителем общины пятидесятников, которая располагается на хуторе в Краснодарском крае, и он как пастор уже покрестил 130 человек – русских и адыгов.

Рассмотрим причины перехода адыгов в протестантизм. Прежде всего укажем, что адыги в течение 1990-х годов оказались в большей степени, чем другие народы Северного Кавказа, вовлечены в сферу деятельности зарубежных миссионеров. Так, среди адыгских народов миссионерскую работу проводил Леон Мартенсон. Он, выучив адыгейский язык, перевел для адыгов Библию, которая активно распространялась на Северо-Западном Кавказе. В начале 2000-х годов деятельность Мартенсона была приостановлена силовыми структурами, но последствия миссионерства были налицо: те адыги, которые оказались вне мусульманского влияния и адыгских традиций («Адыгэ Хабзэ»), в своих духовных поисках пришли в различные протестантские общины, а также в запрещенную в 2017 г. в России общину «Свидетели Иеговы». В основе пропаганды христианских (протестантских) идей среди адыгов были положены исторические сведения о том, что адыги в прежние времена (в V–XV вв.) были

христианами, и многие ценности адыгской культуры действительно близки христианской этике.

Опираясь на рассказ адыга-пятидесятника, можно писать о том, что протестантизм в некоторые адыгейские аулы республики пришел даже раньше, чем ислам. Исламское возрождение шло постепенно: приходилось все делать практически с нуля, поскольку советской администрации удалось в значительной степени ослабить и без того не очень крепкий ислам адыгов. Тогда как протестантские миссионеры были готовы активно работать в таких аулах. Исламские миссионеры делали свои первые шаги, которые в силу ряда причин имели различные «перекося», что часто отпугивало людей.

Часть адыгов в силу ряда причин не видит привлекательности в исламе, среди них ключевыми стали следующие: во-первых, у адыгов ислам, как мы указывали выше, и в прежние века, и в советские годы оказался значительно слабее, чем на Северо-Восточном Кавказе; во-вторых, с точки зрения самих адыгов, ислам, который мусульманское общество в Адыгее называет «религией предков», из-за необходимости знания арабского языка оказался достаточно «элитарной» религией. Большинство адыгов не знают арабского языка и отказываются заучивать непонятные для них молитвы на арабском языке, в силу этого считают ислам номинальным. Более того, многие духовные исламские лица – имамы и муллы (особенно в аулах) – люди необразованные, без знания арабского языка. Негативную роль сыграло и появившееся во второй половине 1990-х годов и существующее до сих пор радикальное крыло в исламе. Переход части молодежи в «ваххабитские» движения 1990–2000-х годов и осуществление террористических актов со словами «Аллах Акбар» оттолкнули от ислама многих адыгов.

Несмотря на разные масштабы и отчасти причины распространения протестантизма у осетин и адыгейцев, как нам представляется, в основе увеличения интереса горцев к протестантской идеологии лежит кризис собственно «горской» идеологии, кризис собственной идентичности. В целом для протестантской идеологии и этики характерно отсутствие этнического компонента, двери протестантских церквей открыты для лиц любой национальности. Дезтнизация народов Северного Кавказа является одним из важных последствий роста протестантизма в регионе. Тем не менее рассмотрим, в какой степени этнической компонент сохраняется в современном протестантском осетинском и адыгском обществах.

Как считают сами осетинские протестанты, противоречий между осетинской и христианской этикой нет. И в осетинской морали, и в христианской этике есть такие ценности как уважение к старшим, к женщине, взаимопомощь. Тем не менее они сами признают, что отчасти их образ

жизни меняется, когда они начинают посещать протестантскую общину. Многие из них продолжают посещать свадьбы и похороны родственников, друзей, соседей с одним отличием – не принимают алкоголь. Однако одна фундаментальная проблема все же перед осетинскими протестантами встает – это отношение к т.н. осетинским Богам. В современной Осетии функционирует общественная организация, которая всесторонне поддерживает традиции осетин, основанные на древних верованиях – это Высший Совет осетин («Стыр Ныхас») ⁸⁷. Сторонники этого направления (т.н. «традиционники») не посещают никакие церкви, а ходят в святые места, расположенные, как правило, в горах, где проводят моления в честь Богов. Они считают, что пласт дохристианских Богов – это и есть истинно осетинская культура. При этом они не рассматривают себя в качестве язычников. В республике появилось множество общественных организаций этого направления, зарегистрированных не как общественные организации, а как религиозные. В их основе – вера в осетинских Богов. Хотя данное направление направлено на развитие этнической идентичности осетин, тем не менее регистрация в качестве религиозных организаций позволяет им конкурировать с религиозными общинами Северной Осетии. Идеологами движения (Д. Макеевым, Камбуловым, С. Джанаевым) на основе осетинского Нартского эпоса был разработан Аланский кодекс этики – Ирон Агьдау, по мнению которых, он не совсем совпадает с христианской этикой.

Высший совет осетин открыл школу «Ирон агьдау», в которой преподаватели (историки, краеведы, специалисты в различных областях) знакомят всех желающих с историей родного края, ритуалами и обрядами осетин. Совет старейшин осетин – традиционный народный орган – общинный сход является важной составляющей Высшего совета. Данное движение получило всестороннюю республиканскую поддержку. «Традиционники» стремятся к формированию своей осетинской государственности, к тому, чтобы во всех властных структурах были осетины.

Основные праздники «традиционников» – Праздник Бога Богов, Святого Уастырджи, Покровителя хлебных злаков, Покровителя Диких животных, День водного царя, День Покровителя крупного скота, Покровителя мелкого скота, День Матери Марии, День семи божеств. Крупные праздники – Джеоргуба – осенний праздник в честь осетинского дзуара Уастырджи, покровителя мужчин, путников, защитника слабых и обездоленных. Празднуется 23 ноября. В основе праздников – посещение святых мест и устройство осетинского стола с тремя пирогами и почитание

⁸⁷ Канукова З.В. Общественный совет в Осетии: традиция и инновация // Успехи современной науки. 2016. Т. 7. № 11. С. 9–11.

единого Большого Бога – Иунаг ыштыр хусау. Во время застолья вначале читаются молитвы и освящаются осетинские пироги, старший («хистар») произносит тост за единого Бога («Иунаг Кадджын Стыр Хуыцау»).

Какое отношение верующих – православных, мусульман, протестантов к этому движению?

Православие в Осетии в настоящее время функционирует в рамках Владикавказской и Аланской Епархии. В республике 30–40 церквей (вместе с часовнями). Этнический состав прихожан: примерно пополам русских и осетин. «Практикующих» православных – 1–2%. В Кафедральном соборе Св. Георгия во Владикавказе на воскресных службах присутствует примерно 500 чел. Во всем Владикавказе – примерно 1,5 тыс. «практикующих». Безусловно, это количество сопоставимо с численностью мусульман и протестантов Северной Осетии. Кроме того, православие в Осетии ослабляется и неявной борьбой между осетинскими и русскими священниками (две трети духовенства – русские, треть – осетины), в том числе и за то, чтобы епархией управлял осетин. Нынешний глава епархии – архимандрит Леонид – русский, многие годы прослуживший в заграничных приходах. Как правило, службы ведутся на русс. яз., с отдельными вкраплениями на осетин. яз. Осетинские священники стремятся вести службы на осетин. яз. (такое бывает в осетинской церкви в осетинской слободке, где священник – осетин). «Служебник» и др. православные книги полностью переведены на осетин. яз. Между православным духовенством и прихожанами, с одной стороны, и «традиционниками», с другой, существуют противоречия. Православные отрицают традиционное многобожие осетин, а «традиционники», в свою очередь, не приглашают их на свои праздники (в святые роци, например, Хетага, и т.д.), которые они проводят широко, с поддержкой республиканских властей. В настоящее время во время православных проповедей руководство епархии советует священникам не выступать против этих праздников. По мнению православных священников, причина усиления неоязычества – желание самоидентификации.

Всего в Северной Осетии 29 мечетей (учитывая мечеть г. Владикавказ). Владикавказскую мечеть посещает примерно 1000 чел. каждую пятницу. Муфтий Северной Осетии Х. Гацалов считает, что современное осетинское общество – индустриальное и база для традиционного общества отсутствует, многие традиции осетин ослабли, видоизменились. Традиционные верования осетин – это путь к национализму. По мнению муфтия, вначале к «традиционникам» действительно потянулась молодежь, но затем произошел отток. Муфтий занимается примирением враждующих семей, недавно была авария с жертвами. Виновного судили, а муфтий занимался примирением сторон. Правовые традиции (в отли-

ние от других) во многом не утратили своей актуальности и могут помогать функционированию осетинского общества. Мусульманские лидеры проводят дискуссии с «традиционниками», выступая против данного движения неоязычества.

Тем не менее, в целом, и православные, и мусульмане не «выпячивают» свое отношение к «традиционникам». Социолог Е. Федосова справедливо отмечает, что обыденное религиозное сознание обычных молодых людей представляет собой причудливое переплетение, состоящее из разнородных и трудно расчленимых элементов – христианства / ислама, язычества и народных верований, т.е. и православные, и мусульмане сохраняют в себе приверженность к общеосетинскому традиционному пласту. Автор подчеркивает, что до сих пор этническая идентичность для молодежи важнее религиозной. Члены протестантских общин Северной Осетии относятся к этому иначе. По их мнению, традиционное застолье, тосты в честь Уастырджи, Единого Бога – это проявления дьявола. По сути, протестанты не придерживаются большинства осетинских традиций. В интерьерах их квартир и домов нет ничего, чтобы свидетельствовало о принадлежности к осетинской культуре.

Протестантские общины адыгов в Адыгее также живут обособленно, общаются только с членами своих общин, супругов находят в своих общинах. Так, адыг из поселка Яблоновский взял себе жену из общины пятидесятников – лачку из Дагестана. В отличие от Северной Осетии в Адыгее реакции родственников, друзей, соседей, адыгской сельской общности на смену религиозной ориентации их собрата крайне негативные. Тем не менее эти реакции в настоящее время не так агрессивны, как это имело место во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х годов. Сейчас обычно родственники перестают здороваться с протестантом, не приглашают его на свадьбы и похороны.

Поскольку основная масса адыгов в 1990–2010-е годы стали либо «этническими», либо «практикующими» мусульманами, между ними, с одной стороны, и протестантами, с другой, сохраняется общий адыгский менталитет, адыгское самосознание. Этот адыгский пласт, который объединяет всех адыгов, имеющих разные религиозные устремления, проявляется в том, как проходят захоронения протестантов-адыгов. Все же сами (перед смертью) или их родственники (после их смерти) просят захоронить их на своих адыгских (т.е. мусульманских) кладбищах. Пастор С. из баптистской церкви рассказывал, что в 2016 г. в одном из адыгских аулов умер баптист-адыг Р., и близким родственникам-мусульманам удалось уговорить имама похоронить его на местном кладбище по-мусульмански.

Для пришедших в протестантизм адыгов этнический компонент по-прежнему важен, и они не готовы отказаться от него. Об этом свидетельствует, в частности, проведение в июне 2017 г. в Майкопе собрания адыгов-христиан, на которое были приглашены адыги – члены различных протестантских общин. Причем адыги-православные (а таковые тоже есть) на это мероприятие приглашены не были. По мнению самих адыгов – христиан, в целом, когда человек начинает посещать общину, его национальная идентичность постепенно ослабевает. Тем не менее в первый период неофитства этнические корни адыгов влияют на их религиозную жизнь. Со временем адыги-христиане начинают в большей степени общаться не с адыгами, а с членами своей общины, независимо от национальной принадлежности.

Народная адыгская культура, т.н. «Адыгэ Хабзэ», в Адыгее в 1990–2000-е годы во многом ослабела. По сути, в ней остались лишь некоторые традиции, такие как почитание старших, взаимопомощь, семейные ценности, которые можно поддерживать и возрождать именно через христианство, поскольку христианские ценности и христианская идеология во многом перекликаются с остатками народной культуры. Одной из причин поиска новых горских идеологий и стал кризис «Адыгэ Хабзэ». В настоящее время в адыгском обществе происходит значительное социально-экономическое расслоение и традиционные адыгские нормы поведения уже не способны объединить адыгов. Появляется адыгская элита, которая так говорит: «Адыгэ Хабзе» для бедных». Люди группируются в разные слои общества, где формируются разные морали⁸⁸.

Среди адыгов есть и члены православных общин, но в Адыгее их значительно меньше, чем протестантов. Православный священник о. Сергей, ныне настоятель церкви в ст. Ханской, указал, что, что он сам лично за 5 лет своего служения крестил около 10 адыгов. Есть православные адыги и в руководстве республики Адыгея. В Интернете есть сайт «крещенные адыги», на котором православные адыги описывают свой духовный опыт. Например, в Кабардино-Балкарской республике работает священник-кабардинец, в Адыгее пока такого нет. Известно, что один адыг из Адыгеи стал монахом православного мужского монастыря «Оптина пустынь». Есть такие адыги, которые не принимают обряд православного крещения, тем не менее обращаются к священникам с просьбой освятить дом или квартиру, а также совершить молитвы о здравии.

Директор центра подчеркивал, что «для нас, адыгской интеллигенции, «Адыгэ Хабзэ» важнее ислама». Причем, по его мнению, со стороны

⁸⁸ Ляушева С., Нехай В., Хунагов Р., Шхачемукова Б. Социоинтеграционный потенциал традиционной адыгской культуры как фактор преодоления межэтнической напряженности на Кавказе в условиях глобализации // Центральная Азия и Кавказ. 2016. № 3. С. 123–132.

мусульман Адыгеи и, прежде всего, муфтия Н. Емижа, который был руководителем Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края в течение многих лет, на адыгскую интеллигенцию оказывалось давление: мусульманам не нравился атеизм адыгской интеллигенции. В свою очередь, те адыги, которые являются в настоящее время членами протестантских общин, убеждены, что адыгская культура, адыгский моральный кодекс «Адыгэ Хабзэ» не только не работают в современном адыгском обществе, но уже практически не работали и в 1990-е годы. И именно это было одной из причин того, что люди начали поиски новых идеологий. Поэтому адыги-протестанты относятся к остальным адыгам как к номинальным мусульманам, живущим, по сути, без морального фундамента.

Важно подчеркнуть, что если практикующие мусульмане свою новую исламскую идеологию строили на ревизии адыгских традиций, практически отказываясь от них, считая себя, прежде всего, мусульманами и лишь затем – адыгами, тем самым развивая религиозную идентичность в ущерб этнической, то адыги-христиане и главным образом адыги-протестанты не отказывались от адыгских ценностей, от адыгской идентичности. Для большинства из них противоречий между рудиментами адыгской культуры и протестантской идеологией практически нет за исключением некоторых норм адыгского этикета.

Адыгов-протестантов, много лет посещавших баптистские общины, тем не менее, по их собственной просьбе или по просьбе родственников хоронят на адыгских (т.е. мусульманских) кладбищах. По мнению самих адыгов-протестантов, когда человек начинает посещать общину, его адыгская идентичность постепенно исчезает, но не сразу: этнические корни первое время влияют на религиозную жизнь.

Новые мусульмане – «практикующие» мусульмане готовы во многом отказаться от адыгских традиций, «этнические мусульмане» – не готовы и стремятся сохранить свой адыгский фундамент. В целом адыги-христиане не отказываются от адыгских ценностей, от адыгской идентичности. И это их объединяет с «этническими» мусульманами⁸⁹.

Заключение

Итак, на Северном Кавказе в течение 1990–2010-х годов менялись социально-экономические и религиозные условия жизни, менялись нацио-

⁸⁹ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Республика Адыгея. Особенности исторического развития религии // Религиозно-общественная жизнь российских регионов / Под ред. С.Б. Филатова. М.: Летний сад, 2014. С. 7–32; Бабич И.Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008. С. 171–186.

нальные, религиозные лидеры. Было время формирования исключительно политических лидеров, в основу деятельности которых были положены политические требования, не связанные ни с национальными претензиями, ни с религиозными лозунгами. Все эти лидеры были со своей идеологией и своими представлениями о жизни на Северном Кавказе. Их деятельность часто приводила к экстремистским формам, что сказывалось и продолжает сказываться на жизни горцев региона.

Все проанализированные формы экстремизма в разных сферах жизни народов Северного Кавказа, появившиеся в 1990–2010-х годов, по разным причинам со временем приобретали новые формы и функции. Безусловно, описанные выше институты являются инструментами конструирования новой социокультурной реальности, отчасти радикально ломая сложившуюся жизнь. Так произошло на Северном Кавказе, как мы показали, с т.н. новым, «чистым исламом», протестантскими движениями, начавшими ревизию горских традиций, вызвав многочисленные конфликты в селах и городах региона. В происходящей сейчас трансформации этничности северокавказских народов, которая имеет разные формы и векторы развития, все большее место занимает отношение к исламскому и протестантскому факторам и к их роли в истории отдельных народов Северного Кавказа. При этом религиозный фактор все заметнее выступает не только в качестве строительного материала для переделки существующих идентичностей, но и для формирования новой суперэтнической идентичности всех народов Северного Кавказа. И в этом процессе, безусловно, много радикальных и экстремистских проявлений.

В ходе данных процессов проявляется отмеченная британским антропологом Эрнестом Геллнером особенность любого национализма, мифы которого «переворачивают реальность», и который, эксплуатируя лексику «восстановления исторической справедливости» и «защиты традиций», в действительности создает новые «высокие культуры», являющиеся «его собственными изобретениями»⁹⁰. Как «чистый ислам», так и протестантизм как нельзя лучше подходят к кавказским условиям. В отличие от «традиционализма», эта система ислама обращена к надэтническим универсалистским и эгалитарным ценностям. Для их сторонников не имеет значения принадлежность к клану или этнической группе. Отсюда и возможности формирования «горизонтальных связей» между активистами из разных кавказских республик. В условиях отсутствия внятной идеологии и концепции российского нацистроительства народы Север-

⁹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 130-131.

ного Кавказа ищут свою идеологию, свой фундамент жизни, свою горскую идеологию, впадая в безуспешные крайности⁹¹.

Сценарий дальнейшего развития ситуации на Северном Кавказе зависит от целого ряда факторов. Прежде всего это способность федеральных и региональных властей выдвинуть и реализовать на практике внятную, дееспособную и притягательную для населения программу, способную стабилизировать обстановку в регионе и нейтрализовать действия идеологов экстремизма в любой его форме. Одно из направлений такой программы – это утверждение патриотических традиций служения и защиты Отечества, которыми славятся представители народов Северного Кавказа на всех этапах истории России.

⁹¹ Бабич И.Л. Поиски современной «горской» идеологии на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2006. Т. 1. № 1. С. 154–164.

СКУЛШУТИНГ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И НЕКОТОРЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Д.В. Громов

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/11>

Массовые убийства как вид преступлений широко распространены прежде всего в США. Массовые убийства в учебных заведениях здесь – частный случай массовых убийств (которые могут производиться не только в учебных заведениях, но и на улицах, в рабочих помещениях и т.д.)¹. В английском языке для обозначения данного типа преступлений используется термин *school shooting* – букв. «школьная стрельба».

Массовые убийства в учебных заведениях США довольно регулярно происходили на протяжении всего XX века. Этому способствовала доступность стрелкового оружия, которая гарантирована Конституцией страны. Например, в 1956 г. 15-летний Билли Преватт в ходе ссоры застрелил одного и ранил двух педагогов в г. Сит-Плезент, штат Мэриленд. В 1962 г. 16-летняя Бренда Спенсер «от скуки» открыла огонь по ученикам школы в г. Сан-Диего, штат Калифорния, погибло двое взрослых, ранено восемь детей и один полицейский. В 1966 г. 25-летний студент Чарльз Уитмен, бывший снайпер, на почве мизантропии открыл огонь с башни Техасского университета (г. Остин, штат Техас), убив 18 и ранив 31 человека. Убийства и покушения совершались не только с помощью огнестрельного оружия, но и с применением взрывчатки, ядов, холодного оружия. Только за последнюю четверть XX в. в США произошло 37 случаев целенаправленного нападения на школы, в которых принимал участие 41 человек².

В 1999 г. практика массовых убийств вышла на новый уровень, благодаря расстрелу в школе «Колумбайн» (штат Колорадо, США), совершенному школьниками Эриком Харрисом и Диланом Клиббодом. Это преступление имело особо сильный эффект, в том числе благодаря особой стилистике, которую выработали убийцы, сделав свои действия медийно привлекательным. Медийный эффект был настолько велик, что слово *колумбайн* фактически стало обозначением преступлений подобного типа, а *колумбайнер* – нарицательным именем молодых людей, совершающих

¹ Capellan J.A., Johnson J., Porter J.R., Martin C. Disaggregating Mass Public Shootings: A Comparative Analysis of Disgruntled Employee, School, Ideologically motivated, and Rampage Shooters // Journal of Forensic Sciences. May 2019. Vol. 64. No. 3. P. 814-823.

² The final report and findings of the safe school initiative: implications for the prevention of school attacks in the United States. United States Secret Service and United States Department of Education. Washington, D.C. May 2002. P. 7.

такие преступления. Только за первые пять лет в США произошло 17 случаев школьной стрельбы, которые рассматривали как сознательное подражание Харрису и Клиболду, а также 37 неудавшихся попыток совершить такие действия³.

В России преступления, связанные со стрельбой в учебных заведениях, начались позже. К их числу относятся убийства и покушения на убийства, совершенные Сергеем Гордеевым (Москва, 3 февраля 2014 г.), Михаилом Пивневым (Ивантеевка, 5 сентября 2017 г.), Львом Биджаковым и Александром Буслидзе (Пермь, 15 января 2018 г.), Антоном Бичивиным (Улан-Удэ, 19 января 2018 г.), Артемом Тагировым (Стерлитамак, 18 апреля 2018 г.), Владиславом Росляковым (Керчь, 17 октября 2018 г.), Даниилом Пулькиным (Вольск, 28 мая 2019 г.), Ильназом Галявиевым (Казань, 11 мая 2021 г.), Тимуром Бекмансуровым (Пермь, 20 сентября 2021 г.), Владиславом Струженковым (Серпухов, 13 декабря 2021 г.), Артемом Казанцевым (Ижевск, 26 сентября 2022 г.). Большинство этих преступников, как минимум, проявляли интерес к событиям в «Колумбайне» и другим случаям скулуштинга; в некоторых случаях преступление Харриса и Клиболда цитировалось непосредственно.

Преступления в стилистике «Колумбайна» имеют установку на зрелищность и самодостаточность убийства. Конечно, при анализе каждого преступления постфактум выявляются определенные причины, позволяющие объяснить действия колумбайнеров – обиды на сверстников (будущие убийцы иногда подвергаются травле), отсутствие взаимопонимания с родителями, личные драмы. Но месть, сублимация внутреннего раздражения, увлеченность деструктивными идеологиями в «колумбайнерском» каноне выступают только как вторичные мотивации по сравнению с основным наполнением преступления – убийством в чистом виде, убийством ради убийства, вооруженным насилием как целенаправленной акцией, имеющей во многом эстетический посыл; в случаях, когда колумбайнеры мстили конкретным обидчикам, убивали не только их. Момент убийства здесь осмысливается как экстатический акт, проявление силы и всемогущества, выражение ненависти и ярости в чистом виде. Скулуштинг в стилистике «Колумбайна» предполагает не только убийство, но и самоубийство: как правило, колумбайнеры, достигнув вершин насилия и следуя канонической форме преступления Харриса и Клиболда, сами оканчивают жизнь; иногда им это по разным причинам не удается, но попытка суицида совершается. Фактически преступление в стилистике

³ Thomas P., Levine M., Cloherty J., Date J. Columbine Shootings' Grim Legacy: More than 50 School Attacks, Plots // ABC News. 7.10.2014. <http://abcnews.go.com/US/columbine-shootings-grim-legacy-50-school-attacks-plots/story?id=26007119>.

«Колумбайн» можно рассматривать как эффектный суицид, публичное действие, позволяющее уйти из жизни красиво.

С точки зрения общественного резонанса публичные преступления с большим количеством жертв могут быть представлены как «концептуальные террористические спектакли с высокими концепциями»⁴, они предполагают декларативность символического действия, трансляцию неких информационных посылов, будь то простое выражение раздражения и неприязни или же некоторые политические заявления⁵. В случае последователей «Колумбайна» массовое убийство происходит как публичное действие, не предполагающее информационного посыла кроме презентации убийства в чистом виде. Убийцы очень редко делают в ходе акции какие-либо заявления политического и религиозного характера, обычно идеология сводится к превалированию насилия. Такие практики привлекают, помимо прочего, людей с расстройствами психики; по некоторым данным, с 1990-х гг. около трети всех массовых убийств было совершено людьми с серьезными психическими заболеваниями⁶.

Неудивительно, что убийства подростков и молодых людей вызывают широчайший общественный резонанс и на родине скулшутинга в США и в других странах. Эта тема обсуждается очень широко, выработано множество подходов, на накопленном материале проведены многочисленные исследования. Скулшутингу посвящен огромный объем научной и практико-ориентированной литературы⁷. В данной статье на основе накопленных в исследовательской традиции данных будут рассмотрены некоторые заблуждения, связанные со скулшутингом.

Прежде всего, нужно отметить, что в России скулшутинг только недавно стал считаться террористическим актом, раньше он рассматривался по статье 105 УК «Убийство»; например, как массовое убийство расценивалось преступление Владислава Рослякова. Отличие террористических

⁴ Kellner D. 9/11, spectacles of terror, and media manipulation. A critique of Jihadist and Bush media politics // *Critical Discourse Studies*. 2004. Vol. 1. Issue 1. P. 41-64.

⁵ Capellan J.A., Johnson J., Porter J.R., Martin C. *Disaggregating Mass Public Shootings...*

⁶ *Mass Violence in America: Causes, Impacts, and Solutions* / National Council Medical Director Institute. 1.08.2019. National Council for Behavioral Health, 2019.

⁷ См. напр.: *The School Shooter: A threat assessment perspective* / M.E. O'Toole / Critical Incident Response Group (CIRG), National Center for the Analysis of Violent Crime (NCAVC), FBI Academy. Quantico, Virginia, 2000; *The Final Report and Findings of the Safe School Initiative: Implications for the Prevention of School Attacks in the United States* / B. Vossekuil, R. Fein, M. Reddy, R. Borum, W. Modzeleski. Washington, DC: United States Secret Service, United States Department of Education, 2002; Langman P. *School Shooters. Understanding High School, College and Adult Perpetrators*. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2015; *The Wiley Handbook of the Psychology of Mass Shootings* / Ed. by L.C. Wilson. Wiley-Blackwell, 2016.

актов от убийства в том, что они ставят перед собой целью решение через насилие неких политических, религиозных, социальных целей⁸. Согласно определению, данному в статье 205 УК РФ, террористический акт «устрашает население» и производится «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями». При скулшутинге всего этого, как правило, нет. Тот же Росляков не оставил никаких объяснений о том, зачем он совершил преступление, и если его действия и произвели в обществе резонанс, то согласно существующим в обществе фобиям, а не замыслу преступника⁹. Однако 19 января 2022 г. Генеральная прокуратура РФ «обратилась в Верховный суд России с иском о признании террористическим движения “Колумбайн”»¹⁰. В ходе заседания Верховного суда 2 февраля 2022 г. иск «о признании в нашей стране движения “Колумбайн” террористическим» был удовлетворен, Верховный суд «согласился с позицией надзорного ведомства»¹¹. Так что теперь случаи скулшутинга расцениваются как террористические акты, а не массовые убийства. Верхние рамки наказаний по статьям 105 и 205 одинаковы, нижняя рамка наказаний за убийства ниже на два года.

Заблуждение 1

Скулшутеров можно определить по набору признаков

Желание предотвратить трагедии, естественно, приводит к попыткам работать на опережение – заранее выявлять тех, кто склонен к массовым убийствам, изолировать их от общества, применять к потенциальным колумбайнерам профилактические меры. Такие методики вырабатывались в США, столкнувшихся с волной скулшутинга¹². Анализируя совершавшиеся преступления, эксперты высказывали самые разные мнения относительно того, что повлияло на действия преступников. Например, обсуж-

⁸ Schmid A.P. Political terrorism: A research guide to concepts, theories, data bases and literature. New Brunswick, NJ: Transaction, 1983. P. 70.

⁹ Громов Д.В. Кто боится «жрченского стрелка»? Активизация социальных фобий через слухи и квазиэкспертные высказывания // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 37–52.

¹⁰ Движение «Колумбайн» могут обвинить в терроризме // Российская газета. 19.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/19/dvizhenie-kolumbajn-mogut-obvinit-v-terrorizme.html>.

¹¹ Верховный суд признал движение «Колумбайн» террористическим // Российская газета. 2.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/02/verhovnyj-sud-priznal-dvizhenie-kolumbajn-terroristicheskim.html>.

¹² См., напр.: The School Shooter: A Threat Assessment Perspective / Critical Incident Response Group (CIRG), National Center for the Analysis of Violent Crime (NCAVC), FBI Academy.

далось, влияет ли на скаушутеров прием определенных медикаментов. Ожесточенные споры вызывает влияние на скаушутеров (и на агрессивность подростков в целом) увлечение жестокими компьютерными и видеоиграми, фильмами-триллерами и прочими материалами, содержащими сцены насилия¹³.

Психиатр Петер Лангман отмечал, что «наиболее распространенной ошибкой при обсуждении скаушутеров является предположение, что они представляют собой однородную группу людей»¹⁴. Подробно разобрав случаи сорока восьми скаушутеров, он свел их к трем группам; соответственно представленных как 35%, 52% и 25% соответственно¹⁵.

1. Психопаты – люди самовлюбленные, высокомерные, уверенные в собственной правоте; им свойственны поверхностность эмоциональных реакций, бессердечность по отношению к окружающим, сниженная способность к сопереживанию и раскаянию, скрытность, манипулятивность, умение целенаправленно производить благоприятное впечатление. «Эти стрелки были мотивированы мстостью за предполагаемые обиды, погоней за славой, стремлением к власти или господству, а также поиском садистских острых ощущений»¹⁶.

Психопаты составляют несколько процентов населения¹⁷, большей частью это мужчины, хотя есть мнение, что психопатия среди женщин не менее высока, хотя и проявляется несколько иначе. Психопатия не входит в перечень психиатрических заболеваний, это тип личности, свойство характера.

Пример скаушутера психопата – Владислав Росляков, замкнутый молодой человек, не имевший врагов, не вступавший в конфликты с ровесниками, но вынашивавший планы своего преступления, подготовивший его, хладнокровно убивший и ранивший несколько десятков человек.

2. Психотики – психически больные люди, страдающие шизофренией или шизоидными расстройствами. Мотивация таких преступников обусловлена галлюцинациями и бредом; первые обуславливают ложное восприятие, вторые – ложные убеждения. Если для психопатов на первом месте проблема самоутверждения (из-за чего, например, они иногда це-

¹³ Anderson G.A. An update on the effects of playing violent video games // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27. P. 113-122.

¹⁴ Langman P. School Shooters. Understanding High School, College and Adult Perpetrators. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2015. P. 1.

¹⁵ Langman P. School Shooters... P. 196.

¹⁶ Langman P. School Shooters... P. 29.

¹⁷ Sanz-García A., Gesteira C., Jesús Sanz J., García-Vera M.P. Prevalence of Psychopathy in the General Adult Population: A Systematic Review and Meta-Analysis // Front Psychol. 5.08.2021. Sec. Psychopathology. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.661044/full>.

ленаправленно атакуют девушек и авторитетных людей, посягающих на их самоуверенность¹⁸), то психотики довольно часто озабочены социальными проблемами, отчаянно одиноки и склонны к депрессии¹⁹.

Примечательно, что психотики, совершающие массовые убийства, как правило, не стоят на учете у психиатров, их заболевания не выявлены, им ставят диагнозы уже после совершения преступлений²⁰. Речь идет о случаях, когда родители и окружающие не обращают должного внимания на проявления психических расстройств или же они развиваются стремительно. Таким образом, своевременное диагностирование и лечение психических расстройств могло бы снизить количество преступников данной группы.

В сценарии колумбайнерских преступлений, предполагающих суицид, встраивается склонность преступников данного типа к аутодеструкции: Лангман отмечает, что каждый десятый больной психозом заканчивает жизнь самоубийством, а в целом вероятность для психоза закончить жизнь самоубийством в тысячу раз больше, чем для здорового человека²¹.

Примером такого типа скулипутеров, видимо, является Ильназ Галиев. Вскоре после совершенного им убийства был признан невменяемым экспертами Научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского²²; сообщалось, что у него прогрессирует заболевание головного мозга и во время следствия он вел себя неадекватно²³. Правда, вторая экспертиза представила юношу вменяемым; как объяснялось, это связано с тем, что был принят во внимание «факт влияния на Галиева идей субкультурного течения “колумбайн”»²⁴.

Колумбайнеры Эрик Харрис и Дилан Клиборд являются примером психопата и психотика, объединившихся для совместного действия. Харрис в данной паре был лидером, расчетливый садист, он оказывал влияние на мягкого Клиборда, страдающего шизотипическим расстройством²⁵; «Клиборд чувствовал себя настолько отчаянно одиноким и неполноценным,

¹⁸ Langman P. School Shooters... P. 28.

¹⁹ Langman P. School Shooters... P. 29.

²⁰ Langman P. School Shooters... P. 30.

²¹ Langman P. School Shooters... P. 30.

²² Казанского стрелка Галиева признали невменяемым // МК. 21.07.2021. URL: <https://www.mk.ru/incident/2021/07/21/kazanskogo-strelka-galyavieva-priznali-nevmenyaemym.html>.

²³ СК: У напавшего на школу в Казани диагностировано заболевание мозга // Российская газета. 12.05.2021. URL: <https://rg.ru/2021/05/12/sk-u-galiavieva-diagnostirovano-zabolevanie-mozga.html>.

²⁴ Бастрыкин объяснил, почему первая экспертиза признала Галиева невменяемым // РИА Новости. 13.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220113/sk-1767605093.html>.

²⁵ Langman P. School Shooters... P. 18–23, 42–44.

что не мог рисковать потерять Харриса как друга. В результате он был готов на все, даже убивать людей, чтобы получить одобрение Харриса»²⁶.

3. Психически травмированные люди – подвергавшиеся систематическому насилию, выросшие в жестоких, крайне неблагоприятных условиях; массовое убийство в таких случаях может быть реакцией на это насилие, мстостью. При этом случаи непосредственной мести крайне редки, обычно жертвами становятся не непосредственные обидчики, а люди, не имеющие к насилию непосредственного отношения; скулшутинг является реакцией на длительные фрустрации, выпуская пар, порой безадресным.

Мотивация травмированности и мести больше всего свойственна школьникам, для студентов эта мотивация уже не актуальна, иногда травмированность движет взрослыми людьми, совершающими преступления в учебных заведениях²⁷. Мстительность хорошо уживается с психическими расстройствами; так, многочисленные мелкие обиды, которые легко переживаются и забываются здоровыми людьми, для психопатов и психотиков могут стать предметом длительной фрустрации, они превращаются в «коллекционеров несправедливости», накапливающих раздражение и впоследствии выплескивающих их в преступлении.

С накоплением эмпирического материала оказалось, что социально-психологический типаж скулшутера можно очертить только очень примерно. Есть часто встречающиеся черты, но всегда можно указать многочисленные исключения²⁸.

– Согласно материалам, собранным в США²⁹, убийцами являются почти всегда мужчины; но известны и случаи, когда массовые расстрелы устраивают женщины, они составляют, по разным оценкам, 6–10%³⁰.

– Убийцы – большей частью мужчины с белым цветом кожи; но в США известны случаи, когда скулшутингом (в том числе в колумбайнерской стилистике) занимаются афроамериканцы, азиаты, индейцы³¹, они составляют около четверти всех преступников³².

²⁶ Langman P. School Shooters... P. 43.

²⁷ Langman P. School Shooters... P. 127–156.

²⁸ Приводя количественные показатели, нужно учесть, что каждый источник, который мы рассматриваем, пользуется собственной выборкой; так, отчет USSS и USDE оперирует статистикой за 1975–2000 год, С. Лангман анализирует тех преступников (n = 48), о которых ему удалось собрать достаточно информации. Тем не менее приводимые количественные оценки вполне дают общее представление о структуре явления.

²⁹ The Final Report...

³⁰ Mass Violence in America... The Final Report... Langman P. School Shooters...

³¹ Langman P. School Shooters... P. 199–200.

³² The final report and findings of the safe school initiative: implications for the prevention of school attacks in the United States. United States Secret Service and United States Department of Education. Washington, D.C. May 2002. P. 19.

– Случаи скулшутинга случаются преимущественно в небольших городах; в крупных городах и мегаполисах они сравнительно редки; это говорит в пользу того, что уклад крупных городов как-то снижает психическую напряженность, приводящую к преступлениям скулшутеров³³.

– Примерно у половины преступников были проблемы с адаптацией в обществе. Но другая половина была вполне общительна, многие имели друзей³⁴; мало того, друзья иногда и подталкивали скулшутеров к совершению преступлений³⁵, примерно в 44% случаев есть некто, поддерживающий совершение преступления³⁶.

– Подавляющее большинство скулшутеров учились в школе на хорошо и отлично, но были и неуспевающие (5%)³⁷.

– Примерно две трети скулшутеров не были замечены в правонарушениях, и только треть были «трудными» подростками³⁸.

– Скулшутеры могут жить в полных или неполных семьях; их родители могут быть разведены, а могут и нет; дети в семьях могут быть родными и приемными³⁹.

Анализ случаев скулшутинга позволяет выявить некоторое количество закономерностей. Так, у мужчин-скулшутеров было больше хронических заболеваний и физических дефектов, многие из них терпели неудачу при попытках поступить на военную службу и т.д.⁴⁰ Но все эти параметры, позволяющие лучше понимать мотивацию скулшутеров, совершенно не позволяют сколько-либо уверенно диагностировать склонность других молодых людей к подобным преступлениям.

Раннее предупреждение случаев скулшутинга может быть затруднено непредсказуемостью ситуации: убийца может быть скрытным, у него может сформироваться уникальный комплекс мотивации, может повлиять стремительно развившееся (и порой не замеченное окружающими) психическое расстройство.

Что касается выявления социальной адаптированности и склонности к агрессивности через тестирование, в США эта практика широко развита, но известны случаи, когда специализированные тесты дают низкие показатели агрессивности и склонности к деструктивному поведению, формирование мотивации колумбайнеров происходит через психологи-

³³ Langman P. School Shooters... P. 200–201.

³⁴ The final report... P. 20.

³⁵ Langman P. School Shooters... P. 176-177.

³⁶ The final report... P. 26–27.

³⁷ The final report... P. 20.

³⁸ The final report... P. 20.

³⁹ The final report... P. 19.

⁴⁰ Langman P. School Shooters... P. 157–180.

ческие механизмы, которые не затрагиваются тестированием⁴¹. И самое главное, показатели тестирования, направленные на выявление девиантного поведения, не отражают склонности к скулшутингу (многие склонны к девиантности, но убивать идут единицы).

Один из неприятных побочных эффектов «опережающей» борьбы против скулшутеров – травля молодых людей, которые попадают под подозрение как потенциальные скулшутеры (иначе говоря, для якобы обеспечения безопасности одних проводятся репрессии против других). Понятно, что под подозрение попадают «странные» – необычно одевающиеся, нелюдимые, неуживчивые, застенчивые, имеющие психические отклонения. После «Колумбайна» The New York Times писала о таких преследованиях как о «национальной охоте на ведьм», в ходе которой «детей в основном выбирают, если они носят плащи, если их называют готами, если они в Интернете, если они играют в Quake и Doom. Этих детей, которые уже чувствовали себя посторонними, заставляют чувствовать себя также убийцами (...) Учеников исключают из школы или отстраняют от занятий за “антиобщественное” поведение или отправляют домой, чтобы они переодели одежду, похожую на ту, которую носили убийцы; родители ограничивают использование компьютера»⁴² и др. Видимо, к этому же ряду надо отнести задержания в августе 2020 г. в Красноярске подростков, подписавшихся на VK-сообщество, посвященное массовому убийству в Керчи⁴³. Опыт подсказывает, что при профилактике скулшутерства «велик риск несправедливого навешивания ярлыков и стигматизации детей»⁴⁴.

Заблуждение 2

Существует некое «субкультурное движение», объединяющее участников и поклонников массовых убийств в учебных заведениях

В социологии и социальной антропологии существует множество подходов к тому, что такое субкультура⁴⁵. Однако то, что нам известно о преступлениях в стилистике «Колумбайна», не подходит ни под какие

⁴¹ Gladwell M. Thresholds of Violence. How school shootings catch on // The New Yorker: magazine. 19.10.2015. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/10/19/thresholds-of-violence>.

⁴² Goldberg C. Terror in Littleton: The Shunned; For Those Who Dress Differently, an Increase in Being Viewed as Abnormal // The New York Times. May 1, 1999.

⁴³ Тарасов А. «А девочка созрела». Словники в Красноярске увозят школьников в психдиспансер из-за подписки на паблик о «Колумбайне» // Новая газета. 27.08.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/26/86835-a-devochka-sozrela?ysclid=17oticp5g7133367636>.

⁴⁴ The School Shooter... P. iii.

⁴⁵ Обзор см., напр.: After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

определения субкультурности. Под субкультурами понимаются сообщества людей, объединенных на основе какой-либо совокупности признаков (совместной деятельности, общей идентичности, самоназвания, единой стилистики внешности и поведения, единого жизненного стиля и т.д.), составляющих культуру внутри некой более крупной «основной» культуры (отсюда и приставка *суб*). Несомненно, у гипотетической «субкультуры Колумбайн» есть общий объединяющий символ – практика скулшутинга, стилистически зафиксированная в каноническом убийстве в школе «Колумбайн» и в некоторых других преступлениях. С этим каноном любой желающий может ознакомиться по материалам, находящимся в свободном доступе, например, в Интернете выложены многочисленные художественные и документальные фильмы и видеосюжеты по теме.

Есть несколько молодых преступников, которые совершили нападения на учебные заведения, выполненные в данной стилистике. Есть некоторое количество тех, кто готовит подобные преступления или размышляет о возможности их совершения, но по разным причинам не совершает их (видимо, такие люди иногда попадают в сети правоохранительных органов и проходят по разряду «подготовка массового убийства»). Есть периферийная среда любопытствующих, которые ни при каких условиях не собираются заниматься скулшутингом, но читают о нем материалы, смотрят видео, изготавливают визуальную продукцию, связанную с темой (о чем пойдет речь ниже) и обсуждают тему в Интернете. Можно ли всех этих людей называть субкультурой? Думаю, что нет, поскольку отсутствуют важные элементы, формирующие субкультурность, – совместная деятельность и общение.

Люди, интересующиеся стилистикой «Колумбайна», не проводят субкультурных мероприятий, не собираются на тематические встречи, вряд ли у них есть субкультурная идентификация («я – участник субкультуры колумбайнеров»). Насколько можно судить по публикуемым материалам и моим личным наблюдениям, межличностное общение в этой среде минимизировано: интернет-пользователи вместе (но независимо друг от друга) знакомятся с материалом о преступлениях в стиле «Колумбайн», иногда высказываются в комментариях, но не прослеживается их совместная коммуникация. Возможно, общение происходит в личной переписке (о проработке неких «личных связей» иногда упоминается в материалах о расследовании колумбайнерских дел). Но это именно частное общение с единомышленниками (которые иногда становятся подельниками), иногда консультации по практическим вопросам.

На мой взгляд, выступления в стилистике «Колумбайн» нужно рассматривать, прежде всего, как тип преступления, как, например, убийство, изнасилование, разные виды мошенничества и т.д. Люди, согласно своему выбору, могут идти на это преступление, но это не объединяет их в некую субкультуру. Чтобы пояснить разницу преступных действий и субкультурности, приведу аналогию. Есть убийцы, но они не объединены в «субкультуру убийц», есть преступники, совершающие изнасилования, но они не объединены в «субкультуру насильников» и т.д. При этом существует множество медийной продукции (фильмов, книг, публикаций в СМИ), рассказывающих об убийствах, изнасилованиях и других преступлениях, но это не переводит разрозненных преступников в состояние какой-либо «субкультуры»; они вообще не образуют сообществ, каждый из них совершает преступление сам по себе. Так же и колумбайнеры – пользуясь общими знаниями о «каноне» преступления, они могут и сами совершать преступления в такой стилистике или готовить их, но это не объединяет их в какую-либо «субкультуру».

То же можно сказать и о сравнении сообщества колумбайнеров с «сектой». Конечно, образам Харриса и Клиболда уделяется повышенное внимание, но вряд ли это говорит о религиозном, сектантском подходе к скулшутингу.

Заблуждение 3

Интернет-сообщества, посвященные колумбайнерам, объединяют потенциальных скулшутеров и являются средством пропаганды массовых убийств

Огульное зачисление в ряды «субкультуры «Колумбайн» всех посетителей ВК-сообществ, посвященных этой теме, – действие заманчивое. Раз интернет-пользователи подключаются к сообществу, в названии которого есть слово «Колумбайн», значит, они интересуются этой темой; а раз интересуются, значит, и сами потенциально готовы взять в руки оружие и расправиться со своими одноклассниками. Как известно, Интернет вообще является источником всевозможных опасностей для детей, подростков и юношества (да и для взрослых и пожилых людей тоже). Однако приравнение интернет-пользователей к «участникам субкультуры» неправомерно.

Во-первых, при таком логическом ходе не учитывается, что современный человек живет в медийной среде, приучающей его к повседневному потреблению занимательной информации, причем это именно потребление, не предполагающее выработки каких-либо навыков и применения их на практике. Взрослый человек смотрит фильмы о преступлениях (детективы), знакомится с информацией о шокирующих событиях в

СМИ, знакомится с новостями из жизни поп-звезд, следит за спортивными единоборствами и т.д. Это вовсе не значит, что он собирается совершать преступление, воспроизводить шокирующие события, использовать поп-звезд как идеалов для своей жизни, применять на практике приемы боевых единоборств и многое другое. В то же время почему-то ожидается, что посетители колумбайн-сообществ действуют иначе – они якобы являются не потребителями информации, а практиками, осваивающими навыки скулуштинга.

Подростки и молодежь потребляют информации больше, чем взрослые. Подросток, состоящий в сообществе, посвященном преступлению в «Колумбайне», состоит еще в десятках сообществ, посвященных развлечениям, юмору, спорту, кинематографу, глубокомысленным изречениям и многим другим темам, входящим в современное медиа-пространство; тема колумбайнеров в таком случае – лишь мимолетный эпизод в новостной ленте.

Во-вторых, не учитывается характер общения, происходящего в интернет-сообществах, посвященных скулуштингу. При алармистском подходе ожидается, что посетители осваивают здесь навыки убийства и впитывают идеологию ненависти. Однако журналистка Анастасия Гнединская, в целом занимающая алармистскую позицию, обрисовывает ситуацию несколько иначе. Весной 2018 г. она исследовала ВК-сообщества, посвященные «Колумбайну». Гнединская отмечала, что у участников преобладает интерес к личностям известных колумбайнеров, сходный с интересом к медийным личностям: «Если не знать, что этот паблик посвящен убийцам, можно подумать, что здесь собрались фанаты музыкальной группы или актера»⁴⁶.

Видимо, в интересе к колумбайнерам присутствует компенсаторная функция, поскольку участники сообществ склонны рассматривать их не только как убийц, но и как жертв насилия и непонимания: «Почти в каждом сообществе отдельные посты посвящены тому, как одноклассники унижали устроивших бойню в Колорадо подростков. И это, наверное, основное объяснение, почему подростки во всем мире делают Эрика и Дилана своими кумирами. Они не считают их убийцами. В сознании “колумбайнеров” Харрис и Клиболд – аутсайдеры, отомстившие своим обидчикам»⁴⁷. Гнединская приводит высказывания двух админов групп о том, что они создали паблики не для пропаганды насилия, а чтобы решить свои личные проблемы в общении со сверстниками и родителями.

⁴⁶ Гнединская А. Что творится в закрытых колумбайн-сообществах, воспевающих подростков-убийц // РИА Новости. 7.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180507/1519930073.html>.

⁴⁷ Гнединская А. Что творится в закрытых колумбайн-сообществах...

Еще один описанный Гнединской админ заявил, что «не боится, что кто-то из его подписчиков под влиянием содержания группы решит взяться за оружие»; он вспомнил всего лишь один случай, когда в паблике возник разговор о скулшутинге всерьез: «Когда в его паблике один подписчик написал о своем желании прийти в школу с пистолетом, он испугался: “Оказалось, что тот парень неудачно пошутил. Но его одноклассники восприняли все всерьез, рассказали учителям. Скандал был грандиозный”»⁴⁸. Надо пояснить, что данное сообщество относится к довольно распространенной категории пабликов, в которых выкладывается зрелищный контент, и на его фоне реклама; то есть паблик, как говорилось выше, предполагает только потребление информации через пролистывание новостной ленты, но не обсуждение и коммуникацию (иногда у таких пабликов даже отключена за ненадобностью функция комментирования).

Одним из факторов, поддерживающих тематические интернет-сообщества, является интерес пользователей к художественному и литературному творчеству.

В современном интернет-пространстве появление ярких, интересных событий ведет к формированию фанатских сообществ, или фэндомов (*fandom*). В русском языке слово «фанат» имеет негативные коннотации и обозначает слепо верующего адепта, однако современное слово «фанат», являющееся калькой с английского, более нейтрально, оно обозначает человека, заинтересованного чем-либо. Фэндомы могут образовываться вокруг людей и явлений⁴⁹.

Одними из факторов, поддерживающих деятельность фэндомов, является интерес пользователей к художественному и литературному творчеству. В среде поклонников возникают фан-арт (любительское изобразительное творчество) и фан-фикшн, или фанфики (любительская литература)⁵⁰. Колумбайнеры как медийные фигуры также становятся материалом для творчества. Например, появилось достаточно большое количество фанфиков после массового убийства, совершенного Ильназом Галявиевым; их авторы девушки, образ Галявиева используется ими для создания романтических и загадочных сюжетов, разрабатываются версии о невиновности убийцы; авторы фанфиков подчеркивают, что не одобряют совершенного преступления, используя образа скулшутера только для упражне-

⁴⁸ Гнединская А. Что творится в закрытых колумбайн-сообществах...

⁴⁹ Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / Ed. by J. Gray, C. Sandvoss, C.L. Harrington. New York: New York University Press, 2007.

⁵⁰ Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet: New Essays / Ed. by K. Hellekson, K. Busse. Jefferson, NC: McFarland, 2006.

ний в литературном творчестве⁵¹. Вокруг Галявиева образовался круг поклонниц⁵²; в частности, 11 девушек собрали деньги на адвоката для него⁵³.

О деятельности англоязычных сообществ, посвященных колумбайнерам Харрису и Клиболду, можно узнать из исследования Эндрю Рико⁵⁴. Основные положения его статьи вполне соотносятся с отечественными материалами, изложенными в данном параграфе.

– Поклонники скулшутеров фиксируют свое внимание не на насилии, а на возмездии; скулшутеры представляются как жертвы, мстящие тем, кто их притеснял и оскорблял; они выражают чаяния всех ущемленных. Кстати, такая мотивация для реальных скулшутеров не характерна, известен всего один случай, когда скулшутер, придя на место преступления, специально нашел и убил своего обидчика, во всех других случаях гибли невинные люди⁵⁵.

– Важную группу фанатов составляют девушки-поклонницы; встречается мнение, что они составляют более двух третей всего фан-сообщества колумбайнеров (то есть, оказывается, интернет-сообщества, посвященные колумбайнерству, это не про убийства, а про симпатичных мальчиков). История знает много случаев, когда молодые мужчины, совершившие резонансные убийства, оказывались окружены поклонницами, и некоторые случаи скулшутинга не оказались исключением.

– Массовые убийства имеют медийный эффект, «американская публика коллективно собирается вокруг шока, травмы и раны из-за увлечения сценами насилия в том, что (...) называется “культурой раны”»⁵⁶.

– Троллинг также является одной из мотиваций, приводящих посетителей в интернет-сообщества, посвященные скулшутингу.

В конце 2018 г. я следил за telegram-каналами, посвященными Владиславу Рослякову; после его преступления появилось несколько таких каналов, они исчезали (видимо, их закрывало руководство мессенджера), появлялись новые; довольно скоро тема оказалась исчерпана, и общение заглохло (впрочем, надо сказать, что оно и изначально не было актив-

⁵¹ Казанский стрелок стал героем фанфиков. В них он влюбленный студент и работник ФСБ // *Medialeaks*. 23.07.2021. URL: <https://medialeaks.ru/2307lfc-txt-ficbook-omg>.

⁵² «Какой красивый, я дождусь его». Девушки увидели Ильназа Галявиева в суде и влюбились в казанского стрелка // *Medialeaks*. 13.05.2021. URL: <https://medialeaks.ru/1305sav-trnd-strelok>.

⁵³ Как девушки помогают казанскому стрелку. Они собирают деньги для Ильназа Галявиева в телеграме // *Medialeaks*. 8.07.2021. URL: <https://medialeaks.ru/0807tat-trnd-telegram>.

⁵⁴ Rico A.R. Fans of Columbine shooters Eric Harris and Dylan Klebold // *Transformative Works and Cultures*. 2015. Vol. 20.

⁵⁵ Langman P. School Shooters... P. 210.

⁵⁶ Rico A.R. Fans of Columbine shooters...

ным). Пока каналы работали, их посетители обсуждали произошедшее, как люди и обсуждают интересную новость, сообщали о ходе следствия, делились материалами. Опять же убийца представлялся в качестве жертвы: активно обсуждались конспирологические теории о том, что Рослякова «подставили», на самом деле преступление совершил не он или не только он (то есть, как говорилось выше, колумбайнер рассматривался не как убийца, а как жертва). Отдельную категорию участников составляли девушки, которые проявляли влюбленность в красивого (и, возможно, невиновного) юношу Рослякова. Не было замечено призывов к повторению поступка Рослякова, инструкций по скулшутингу, практических разборов преступления и прочих обсуждений, которые можно было бы расценить как пропаганду идеологии скулшутинга. Как многие люди интересуются, например, подробностями жизни поп-звезд или горячими политическими событиями, так и посетители сообществ, посвященных Рослякову, обсуждали трагедию в Керчи. При этом первые не собираются брать пример с поп-звезд или инсценировать политические новости, а вторые не собираются заниматься скулшутингом. Те и другие просто эмоционально заинтересованные зрители, потребители информации, но не потенциальные участники.

Заблуждение 4

Преступления в стиле «Колумбайна» происходят во всем мире

Это утверждение верно, но необходимо сделать некоторые оговорки. Убийства в учебных заведениях могут происходить во всем мире, эти преступления могут совершаться в ходе ссор, военных конфликтов и прочих понятных причин. Но скулшутинг (особенно убийства в стилистике «Колумбайн») свойственен, прежде всего, обществам западного типа. Как уже говорилось, массовые убийства являются преступлением, типичным для США, где узаконена свобода ношения огнестрельного оружия. Эпизодов скулшутинга здесь фиксируется больше, чем во всем остальном мире вместе взятом. Распространены такие преступления в Европе, в Латинской Америке. А вот с Африкой и Азией сложнее. Списки массовых убийств в учебных заведениях содержат и случаи, произошедшие здесь. Но, будучи внешне похожими на скулшутинг, эти случаи обычно отличаются по своей мотивации и фактически относятся к другим категориям преступлений (военным преступлениям, преступлениями на религиозной почве, криминальным разборкам, убийствам в процессе ссоры, на почве ревности и др.). Как уже говорилось, скулшутинг в «западном» стиле (в стилистике «Колумбайна») предполагает убийство в чистом виде, убийство ради убийства, вооруженное насилие как целенаправленную акцию, имеющую во многом эстетический посыл.

Сделаем некоторые **выводы** на основе сказанного.

Скулшутинг (массовое убийство в учебных заведениях) может быть обусловлен разными причинами, в том числе личными обидами, помноженными на личностные особенности преступника. Но скулшутинг в стилистике «Колумбайна» – вид преступления, предполагающего публичность. В его основе – социокультурный образец поведения, заданный каноническим преступлением Харриса и Клиболда (которое, в свою очередь, встроено в контекст массовых убийств, обусловленных доступностью оружия в США). Активное обсуждение в обществе, представленность в массовой культуре (например, многочисленные фильмы, посвященные преступлению), доступность информации создали стереотип социального поведения. Потенциальные колумбайнеры могут примерять на себя этот стереотип напрямую; формирующее воздействие какой-либо социальной среды при данном механизме оказывается лишним.

Некорректно говорить о том, что существует некая «субкультура “Колумбайн”», или «секта “Колумбайн”». Совокупность людей, проявляющих какой-либо интерес к преступлениям этого типа, по своим параметрам не соответствует понятию субкультуры. Колумбайнеры – это не «субкультура», а совокупность отдельных людей, которые изъявляют желание совершить преступление согласно колумбайнерскому канону (и совершают его или планируют). Преступники колумбайнеры не образуют никакого единства, они практически не коммуницируют друг с другом, не занимаются субкультурной деятельностью, это одиночки, попавшие под обаяние колумбайнерского канона и следующие (или не следующие) ему. Стоит добавить, что преступление в стилистике «Колумбайна» декларируется в каноне как форма суицида, хотя по разным причинам суицид часто оказывается незавершенным.

Благоразумными действиями является блокировка ВК-сообществ скулшутеров, производящаяся с начала 2018 года. Однако опасность таких сообществ значительно завышена. Как во всем мире, так и в России посетители таких сообществ в подавляющем большинстве не стремятся к выработке навыков скулшутерства, они преследуют другие цели: потребление занимательной информации, встроенность онлайн в интересные жизненные события, компенсацию собственных жизненных проблем, подростковый эротизм, троллинг и прочее.

Преступники-скулшутеры не сводятся к какому-либо единому социально-психологическому типу. Опережающее диагностирование склон-

ности к преступлениям такого типа (в том числе через тестирование) неэффективно, тем более что подобные попытки опережающего воздействия на маргиналов могут привести к травле ни в чем не повинных людей, формально подходящих под «признаки колумбайнера».

Массовые убийства в стилистике «Колумбайна» – серьезный вызов обществу, системе образования, силовым структурам, средствам массовой информации. Чтобы спасти человеческие жизни, нужно относиться к этой угрозе с полной ответственностью, грамотно, а для этого нужно правильно понимать сущность явления, его скрытые механизмы.

ЭКСТРЕМИЗМ СРЕДИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

И.Л. Бабич

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/12>

Введение

В 1990–2000-е годы, в годы проведения военных действий в Чечне, в Европе обосновались представители народов Северного Кавказа, главным образом, чеченцы. Основная их масса осела в Польше, Франции, Швейцарии и Германии. При отсутствии официальной статистики чеченцев в Европе можно считать, что во Франции их около 10–15 тыс., в Германии – более 40–50 тыс. Незначительная чеченская диаспора оказалась и в Швейцарии. В целом, официальной статистики северокавказских общин в этой стране нет, поскольку они фиксируются в документах как россияне, но по нашим полевым материалам в Швейцарии в настоящее время около 2–3 тыс. чеченцев. В предлагаемой статье на основе собранных нами полевых этнографических материалов во Франции и Швейцарии в 2015–2019 гг. мы рассмотрим формирование в ходе адаптации северокавказцев к жизни в Европе элементов экстремизма. Проанализируем три сферы жизни и деятельности эмигрантов с Северного Кавказа, а именно: в области религии, права и культуры, где наиболее вероятно их «наступление» на европейские ценности.

Экстремизм в области религии и права

Ключевое влияние на формирование религиозной жизни северокавказских мусульман в Европе и появление в ней элементов экстремизма оказывают два фактора: количество мусульманских общин в конкретной стране и возраст горцев, в котором они покинули родину. Численность таких общин влияет на возможность северокавказских мусульман войти в мусульманское сообщество страны. Так, Франция и Швейцария значительно различаются по этому показателю. Хотя в Швейцарии обосновались группы мусульман из различных стран – это и турки, и косовские албанцы, и сирийцы, тем не менее, в целом среди всех групп эмигрантов мусульман немного. Во Франции мусульманское сообщество представлено иначе. Можно говорить о значительной группе мусульман в этой стране. В результате влияние, которое могут оказать и оказывают в реальной жизни мусульмане из других восточных стран на северокавказских мусульман, во Франции гораздо существеннее и сильнее, чем в Швейцарии.

Второй фактор, влияющий на жизнь мусульман – это собственно государственная политика страны по отношению к мусульманам. В этом контексте между Францией и Швейцарией существуют большие различия. Франция, несмотря на все трудности, связанные с потоком мусульман в последнее десятилетие (теракты и т.д.), продолжает отстаивать идеи культурной, в том числе религиозной толерантности и отделения любой религии, в том числе мусульманской, от государства. Швейцария – уникальная страна, которая вопреки характерной для Европы культурной (в том числе и религиозной) толерантности, объявила о «нулевой толерантности» и проводит жесткую политику по отношению к мусульманам страны.

Народы Северного Кавказа, исповедующие ислам, оказавшись в эмиграции, воспроизводят сложившуюся ко времени их отъезда с родины религиозную (исламскую) жизнь. Тем не менее, мы можем отметить увеличение чеченских мусульман, которые «практикуют» ислам и во Франции, и в Швейцарии. Иногда процесс перехода из «этнических мусульман» в «практикующие» бывает быстрым: женщины-горянки приезжают в эмиграцию, и еще проживая в общежитии для эмигрантов и ожидая разрешающих документов, начинают, по выражению самих северокавказцев, «кутаться», а иногда для этого требуются годы¹.

В эмиграции чеченские мусульмане стремятся обучать родившихся уже во Франции детей исламу. Так, в 2011 г. в Страсбурге ими была создана культурная и духовная ассоциация кавказцев Страсбурга (ASS. Culturelle et Culturelle des Caucasiens se Strasbourg²). Руководителем ассоциации стал Шамиль Албаков, казначеем – Измаил Байханов. Ассоциация занимается обучением детей и молодежи нормам ислама (обучение выразительному чтению Корана, проведение уроков по исламским догматам и т.д.), обучением языкам (французскому, арабскому, русскому), помогает мигрантам решить возникающие конфликтные ситуации (в правовой сфере), оказывает материальную помощь нуждающимся. В Швейцарии такой практики нет.

В Швейцарии и во Франции сформировалась группа людей, которая не работает, а живет на социальные пособия и, по сути, ничем не занята. Среди них – те, кто был травмирован войной, или те, кто живет на «социалку» и не желает работать. В этом контексте «практикующий» ислам становится важной составляющей жизни для этой группы северокавказцев в эмиграции, таким образом, решая многие, в том числе и психологические, проблемы молодежи.

Наиболее сложная категория среди чеченских эмигрантов – подростки, у которых появляются проблемы с адаптацией в новой стране. Для

¹ Полевые материалы автора, 2015–2019 гг., Швейцария, Франция.

² URL: www.acccs.fr.

них адаптация к новому обществу проходила тяжело: в школах они никак не могут «прижиться». Тогда молодые отпускают бороду, держат уразу, делают намаз, часто посещают мечеть, не учатся и не работают, дома высказывают радикальные исламские идеи. У них нет другой среды общения. Все их друзья: чеченцы, азербайджанцы, косовские албанцы.

Более углубленное вовлечение северокавказских мигрантов в ислам и исламскую жизнь во Франции и Швейцарии, с одной стороны, безусловно, компенсирует им отсутствие иного, интересного содержания жизни в эмиграции, а, с другой, невольно отдаляет их от окружающего общества и прежде всего от общества остальных россиян-мигрантов и главным образом, русских.

Отметим, что северокавказцы, находясь в эмиграции, боятся ослабления своих этнических культур. И если во Франции этот процесс не так выражен, то в Швейцарии дети всех эмигрантов, родившихся в стране или приехавшими маленькими, пройдя швейцарскую школу в 20-м годам становятся «швейцарцами», приобретают не только привычки, нормы поведения, но и швейцарскую идентичность. Понимая, что это может произойти и с их детьми, чеченцы этого очень боятся и усиленно стремятся передать своим детям традиции и нормы поведения и морали, воспитать в них «ях» (важный элемент этнической культуры, символизирующий сохранение чести, достоинства и самоуважения).

С другой стороны, понимая, что ослабление этнической культуры в Швейцарии неизбежно, чеченцы больше надеются на «мусульманский» фундамент. Многие чеченские эмигранты, особенно девушки и женщины, начинают активно исламизироваться именно в Швейцарии. Девушки и женщины приезжают в страну и носят довольно открытую одежду, без платков или хиджабов. И начинают в Швейцарии интересоваться исламом, читать дома молитвы, «кутаться», соблюдать посты и исламские каноны при проведении свадеб и поминок (похорон не бывает, так как всех отвозят хоронить на Родину).

Мусульманский акцент в жизни чеченцев хорошо иллюстрируется решением проблемы женихов для подрастающего поколения чеченских девушек. Для чеченцев важным является заключение брака со «своими». Браки со швейцарцами для них неприемлемы. Поэтому поиск женихов – важная и трудная задача для современной жизни чеченцев в стране. Обращаются и к интернету, даже приглашают женихов из Чечни. Но это не решает проблему полностью. В результате в чеченской среде сформировалось такое правило: жених может и не быть чеченцем, но главное, чтобы он был *мусульманином* (арабом, турком, албанцем).

В настоящее время европейские государства вообще, и Франция, в частности, контролируют радикальных мусульман, в том числе и северокавказских (главным образом, чеченцев). Так, 13 февраля 2015 г. сотрудниками Главного управления внутренней безопасности Франции (DGSI) были задержаны шесть чеченцев в возрасте от 32 до 38 лет на юге Франции (г. Альби, недалеко от Тулузы) «в ходе расследования дела об отправке джихадистов в Сирию, им предъявлены обвинения причастности террористическим группировкам». У одного из шести арестованных было французское гражданство, другой имел франко-российское происхождение, остальные имели статус политических беженцев. Всем им были предъявлены обвинения, касающиеся причастности к террористической группировке и финансированию предполагаемых боевиков. В частности, по данным издания, они подозреваются в том, что содействовали отправке кандидатов для участия в джихадистских группировках в Сирию или оказывали им финансовую или логистическую поддержку³.

31 августа 2016 г. спецслужбы Бельгии составили список террористов, в котором фигурируют и граждане России. В составленном спецслужбами Бельгии списке лиц, причастных к террористической деятельности, фигурируют 29 граждан России. Четверо из этих россиян имеют также бельгийское гражданство. Большинство российских граждан, попавших в поле зрения спецслужб Бельгии, – выходцы с Северного Кавказа, в основном из Чечни. Все они связаны с террористической организацией «Кавказский эмират». В Бельгии они занимались исламистской пропагандой, а в ряде случаев – и финансовой поддержкой экстремистов. 11 фигурантов списка с российскими паспортами сейчас находятся в Сирии и Ираке, еще 13 вернулись в Бельгию⁴. Одного из террористов удалось перехватить на обратном пути, еще четверо уехали из страны. Всего в перечне бельгийских спецслужб числятся 614 человек. Среди них, помимо россиян, – граждане Бельгии, Франции, Марокко, Алжира, Нидерландов, Италии, Сирии, Туниса и Македонии. В 2018 г. в центре Парижа чеченец – эмигрант 20 лет совершил теракт: с криками «Аллах Акбар» он набросился на прохожих около Оперного театра. Как сообщили правоохранительные органы, уже в течение двух лет этот человек состоял на учете как «потенциальный террорист»⁵.

³ URL: <https://news.mail.ru/incident/21061404/>; Иванченко Е.А. Мусульманская община во Франции: проблемы религиозной и культурной интеграции // Вестник Могилевского государственного университета. 2009. № 2–3.

⁴ Косяков С.В. бельгийский список террористов попали 29 россиян. 31 августа 2016 г. URL: <http://smiexpress.ru/news/world/-26159-v-belgijskij-spisok-terroristov-popali-29-rossiyan/> (дата обращения 13.12.2016).

⁵ URL: <http://ru.rfi.fr/rossiya/20180514-frantsuz-ili-chechenets-kto-takoi-parizhskii-terrorist-khamzat-azimov>.

Швейцария проводит последовательную жесткую политику по отношению к мусульманам и исламу как религии и религиозным институтам. Опишем некоторые конфликты, имевшие место между швейцарскими властями и швейцарскими мусульманами в последние годы, после известного в 2008 г. проведенного референдума по запрету минаретов в стране.

Швейцарские мусульмане все время стремятся создавать для себя комфортную нишу для проживания в соответствии с их религиозно-идеологическими ценностями. В 2013–2014 гг. мусульмане коммуны Фолькетсвилль (цюрихский кантон) и ассоциация «Аль-Худа» решили организовать исламский детский сад. Представляя свою идею, педагоги обещали готовить детей к поступлению в школы в полном соответствии с учебными планами, установленными министерством образования Швейцарии, но помимо базовых занятий, одинаковых во всех детских садах, планировалось проводить дополнительные уроки арабского языка и исламского богословия. Дети должны были воспитываться в исламских традициях. Кантональные власти Цюриха не только запретили создание такого сада, а лишили лицензии ассоциацию «Аль-Худа», которая планировала создать подобное дошкольное учебное заведение⁶.

С 2015 г. в стране началось обсуждение вопроса о запрете ношения хиджабов, а также бурок, вуалей и никабов. В 2016 г. один из швейцарских кантонов – Тичино (итальянская часть страны) принял такое решение (точнее референдум был проведен еще в 2013 г, а закон вступил в силу в 2016 г.). В 2018 г. кантон Сен-Галлен принял такое же решение. Подобные законы уже работают во Франции, Бельгии и Голландии⁷. Отметим, что в других кантонах (особенно в Монтре, где на первой линии домов на берегу Женевского озера «осели» богатые мусульманские семьи) мы постоянно видим мусульманок с полностью закрытым телом и лицом даже в 40-градусную жару. В Швейцария есть планы установить запрет хиджабов на территории всей страны.

Главным аргументом против введения ряда исламских канонов в образовательную систему Швейцарии стало то, что путем определенных швейцарских приемов, которые использует школа, дети эмигрантов проходят важный путь интеграции в швейцарское общество. И это действительно так. Поэтому в тех случаях, когда школьники-мусульмане не хотят выполнять требования швейцарской школы, это является основанием в отказе получения швейцарского гражданства. Данное правило касается не только эмигрантов-мусульман, оно касается всех эмигрантов, желающих получить швейцарское гражданство. Как рассказывали нам эмигранты,

⁶ Рахимов А. В Цюрихе запретили исламский детский сад // Наша газета. 30.05.2014.

⁷ Гирко Т. Туристки в парандже: какое будущее в Швейцарии // Наша газета. 15.09.2016.

когда они подавали документы на гражданство, у них попросили документы, свидетельствующие об их участии в различных швейцарских сообществах, например, в Обществе «Красного Креста» и др. Швейцарские власти действительно придают большое значение способности желающего быть гражданином Швейцарии интегрироваться в швейцарское общество. И образовательная система Швейцарии является одним из ключевых инструментов адаптации эмигранта к швейцарской жизни, культуре, поведению и т.д.

Самые большие сложности возникают в связи попыткой внедрения исламских канонов в образовательную систему Швейцарии. Отметим, что, как показывают интервью с кавказскими эмигрантами, образовательная система страны направлена не только на обучение школьников, сколько на создание системы комплексной интеграции детей эмигрантов в швейцарское общество. В 2016 г. в стране начались дебаты относительно того, что школьники-мусульмане не хотят пожимать руку своей школьной учительнице (традиционное рукопожатие принято в швейцарских школах). Один из руководителей исламского совета Николя Бланшо считает, что «рукопожатие не является одной из ценностей, закрепленных в Конституции Швейцарии»⁸, тогда как этот жест противоречит религиозным убеждениям мусульман всего мира (нельзя прикасаться к женщинам, не являющимся членами семьи). Возглавляющий Собрание глав департаментов образования Швейцарии Кристоф Эйманн заявил: «Мы не должны допускать отклонения от правил по религиозным причинам». Также школьники-мусульмане отказываются посещать уроки плавания. Такой случай имел место в школе в одной из коммун Базеля, или другой случай, когда мусульманин-эмигрант из Боснии Эмир Тахирович запретил своей 14-летней дочери посещать школьные уроки плавания. Иногда школьники-мусульмане не хотят посещать организованные для всех классов летние и зимние лагеря, что также воспринимается властями как нежелание включиться в швейцарское общество. Уроки плавания и учебные лагеря являются неотъемлемой составляющей образовательной системы Швейцарии. Вышеупомянутая Симонетта Соммаруга подчеркнула, что «в нашей культуре мы обмениваемся рукопожатиями. Это – часть нашей общей жизни»⁹.

Дети северокавказских мусульман, посещающие школу во Франции, сталкиваются со светским принципом образования. Во Франции запрещены внешние религиозные отличия в общественных местах, например,

⁸ Гирко Т. Прокуратура Конфедерации заинтересовалась Центральным исламским советом // Наша газета. 28.11.2016.

⁹ Гирко Т. Путь к швейцарскому гражданству лежит через бассейн // Наша газета. 29.06.2016.

хиджабы. В государственных французских школах детям не преподают религию или религиозную культуру, а преподают философию, на уроках которой детей учат размышлять, формируя личностное мировоззрение. Школа воспитывает в детях понятия о том, что религия – дело частное, и она не должна быть частью общественной жизни Франции. Именно это не нравится французским мусульманам в школьном воспитании. Во французском законодательстве главенствующими являются принципы светскости и равенства, в том числе равенства между всеми религиями. Этот принцип не позволяет относиться к различным религиям по-разному. Одним из следствий этого принципа светскости является то, что государство не признает ни одну религию. Все религии имеют право на существование, ни одна из них не признается официально.

На мусульманский праздник Курбан Байрам адыги–мигранты во Франции делают национальный суп – ашрык, для которого требуется использовать семь злаков (зерна белой кукурузы, три вида фасоли, перловая крупа, пшеница шлифованная, рис, пшено), вяленое мясо, сохранившееся с прошлого праздника Курбан Байрама, разносят мясо среди всех северокавказских мусульман (раньше сырое, в настоящее время – чаще приготовленное)¹⁰.

Во многом домашняя жизнь северокавказских мигрантов наполнена скорее этническим, нежели исламским компонентом. Традиционные танцы являются важным атрибутом этнической идентичности в эмиграции. Во время различных праздничных встреч танцуют все: и молодые девушки, и юноши, и мужчины, и женщины.

Северокавказцы, как известно, во многом сохранили нормы обычного права и шариата для урегулирования большинства конфликтов в своих обществах, в том числе и в сфере уголовных. Проживая в Европе, они стремятся узаконить их. Мусульмане Германии обратились к министру юстиции юго-западного района Германии Рейнланд-Пфальца Йохену Хартлоффу, который поддержал их, предложив ввести в Германии шариатские суды. Это, по его мнению, способствовало бы не только интеграции мигрантов в страну, но и решению многих вопросов в сфере спорта, торговли и арбитража. Коллеги Хартлоффа его идею высмеяли, и начали обсуждать вопрос об отставке министра юстиции.

Поддержал его инициативу уполномоченный по вопросам интеграции мигрантов в ХДС/ХСС Михаэль Фризер: по его мнению, мусульманские суды могли бы заниматься бракоразводными делами. В частности, для решения таких вопросов в Германию приезжало бы больше мигрантов.

¹⁰ Бабич И.Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. М., 2003.

Экстремизм в области культуры

Для анализа экстремизма в сфере культуры со стороны северокавказских эмигрантов обратимся к конфликтам, которые имели место между швейцарскими властями, с одной стороны, и кавказскими и мусульманскими диаспорами, с другой, связанные с сохранением швейцарской идентичности.

Опишем конфликт, имевший место в начале 2010-х годов в одном из французских кантонов Швейцарии – Невшательском кантоне. В мае 2011 г. два чеченца Булат Чагаев и Ислам Сатуев приобрели футбольный клуб г. Невшателя «Хатах». Б. Чагаев стал президентом клуба, а И. Сатуев – вице-президентом. Как сообщалось в прессе, стоимость сделки составляла более 1 млн. евро. Булат Чагаев (примерно 50-летнего возраста) – по профессии инженер-нефтяник (окончил Грозненский государственный нефтяной университет), бывший советский комсомольский работник. Как указывалось в прессе, он женился на дочери деятеля ЦК КПСС 1980-х годов Доку Завгаева – Ирине. Это позволило ему заняться уже в 1980-х годах торговлей с зарубежными странами. В 1987 г. в одном из швейцарских городов – Цуге он основал компанию по продаже металла. Со временем он приобрел в Швейцарии жилье (Сен-Сюльпис, пригород Лозанны, кантон Во). Ко времени покупки невшательского клуба Б. Чагаев уже имел опыт руководства чеченским футбольным клубом «Герек».

По случаю покупки футбольного клуба в Невшателе было устроено торжество, изюминкой которого стал салют. В Швейцарии салюты – явление частое и очень популярное. Особенно мощными и грандиозными салюты бывают на главный праздник Швейцарии – «День Конфедерации», который празднуется 1 августа. Чагаевский салют не был столь грандиозным, но отличало то, что среди залпов были залпы в виде полумесяца со звездой. В швейцарской практике салютов таких залпов не бывает. Большинство болельщиков, членов команды и руководства невшательского кантона на это не обратило внимание, тем не менее, как сообщали наши респонденты, этот факт их насторожил сразу. Вскоре он изменил логотип футбольной команды, добавив в него чеченские мотивы (вайнахский орнамент, который можно увидеть на гербе Чеченской республики, символизирующий единство и вечность) и лавровый венок. После этого Б. Чагаев распорядился вешать транспаранты на стадионе «Ксамакс» «Стадде ля Маладьер», где обычно проводились футбольные матчи клуба с другими командами, на чеченском языке. Первые подозрения у швейцарцев зародились после целого ряда весьма экстравагантных выходов нового

владельца. Так, в перерывах матчей на стадионе «Ксамакса» – «Стад де ля Маладьер» – начали крутить чеченскую этническую музыку, а на большом экране транслировались ролики с чеченскими танцами.

Постепенно он отказался от сотрудничества с рядом спонсоров из невшатальского кантона, считая возможным единоличное финансирование и единоличное руководство. Затем Б. Чагаев провел изменения в футбольной форме, заменив традиционные черно-бардовые цвета на зеленый (цвет флага Чеченской республики). По информации издания «Le Matin», Б. Чагаев предложил добавить к названию клуба слово «вайнах» (в переводе с чеченского языка означает «наш народ»), объяснив свою позицию тем, что это «напоминало бы ему о родных краях»: из «Ксамакса» в «Ксамакс-Вайнах». Однако идею не поддержали ни болельщики, ни почетный президент клуба Жильбер Факкинетти, который так говорил: Вайнах? Что это такое? – не скрывал удивления Факкинетти, – Название – это часть идентичности клуба, и речи быть не может о том, чтобы его изменить. Я в ужасе от такой инициативы». Это было последней каплей «невшатальского» терпения. Чагаев подал документы в Швейцарскую федерацию футбола, которая отказала ему в реализации этой идеи, сославшись на то, что документы были поданы слишком поздно перед началом чемпионата. Общество, футбольные болельщики, члены команды, руководство невшатальского кантона объединились в «борьбе» с Б. Чагаевым. С одной стороны, Б. Чагаеву вменяли грубое обращение с игроками футбольной команды «Ксамакс», смену тренеров (это принято внутри футбольного мира), с другой стороны, его обвинили в том, что он своими действиями затрагивал, как не раз писали в газетах, «невшатальскую» идентичность. И это, как мы видим из его активных действий по продвижению чеченских культурных «брендов» в невшатальский образ жизни (футбол является существенной частью граждан невшатальского кантона), было действительно так.

Таким образом, попытка внедрить чужие культурные бренды, чужую идентичность была пресечена путем проверки финансов, что позволило найти основания для уголовного преследования. Вначале, в ноябре 2011 г. Б. Чагаеву удалось избежать банкротства, представив фальшивые документы от Bank of America о том, что он обладает средствами на сумму 35 млн. долларов. Однако 26 января 2012-го процедура банкротства «Хатах» все же началась. Судебные расследования длились очень долго и до сих пор еще не окончены, но это уже совсем другая история, это уже проблемы самого Б. Чагаева, главное для невшатальцев, что им удалось отстоять свой клуб, вернуть логотип, цвет формы, местных спонсоров и т.д. В апреле 2013 г. швейцарские власти постановили выслать Б. Чагаева из страны, где он проживал по деловой визе.

Безусловно, Б. Чагаев имеет свою (и, скорее всего, справедливую) аргументацию) относительно того, что, как сообщал его адвокат – Дмитрий Яфаев, лишь после покупки клуба он узнал о долгах клуба в размере 3 млн. франков. Уже потом швейцарская пресса начала писать о провалах Б. Чагаева в управлении клубом, привлекшего несколько громких имен, но разорвавшего связь с локальными структурами и уволившего многих сотрудников: разрыв отношений с группами поддержки Club des 200 и Club des Amis, ежегодно приносившими клубу 500 тысяч франков, оплату трех перелетов на частном самолете из Женевы в Грозный на сумму 98,5 тысяч евро, увольнения игроков, тренеров, администрации клуба и связанные с этими действиями финансовые санкции на сумму 8 млн. франков и другие «чрезмерные расходы», в которых его обвиняла невшатльская юстиция.

Почему так получилось? Почему умный и интеллигентный человек стал наступать на кантональную идентичность, не обращая внимание на то, что в течение длительного периода в прессе постоянно появлялись статьи о том, что он «не уважает» невшатльскую идентичность. Швейцарцы, народ довольно замкнутый, крайне настороженно относятся к попыткам назойливого продвижения у себя чужой культуры (достаточно вспомнить историю с запретом в стране мусульманских зданий-минаретов в 2008–2009 гг.). Многие из них считают, что вышеописанные действия Б. Чагаева по продвижению чеченских культурных брендов «воспринимались ими как стандартные чудачества иностранца», а главным именно то, как он управлял клубом и много миллионные долги клуба, которые были сделаны задолго до прихода Б. Чагаева в клуб. Тем не менее, по нашему мнению, финансовая сторона – вторична, она появилась лишь после активного неприятия «вайнахского» стиля Б. Чагаева. Финансово дотошные и скрупулезные швейцарцы не могли не прояснить все финансовые вопросы задолго до покупки футбольного клуба, а вот слишком активное продвижение чеченской культуры в сознании и менталитет невшатльцев никто не ожидал. И общество не позволило ему это.

Заключение

Анализ исламской жизни северокавказцев во Франции и Швейцарии свидетельствует, что религиозный фактор по-разному проявляется в механизме адаптации эмигрантов к европейской жизни, культуре и другим основам французского образа жизни. Для некоторых ислам перестает вообще играть роль, такие эмигранты во многом адаптируются к новой жизни, встраиваются в нее, находя для себя различные способы интегра-

ции в новое общество. Другие, и их безусловное меньшинство, (главным образом, прибывшие во Францию и Швейцарию подростки) начинают исламизироваться, а подчас и радикализироваться. Для таких эмигрантов ислам выступает своего рода психологическим инструментом, своеобразной адаптацией к жизни в Европе. Подобные мусульмане слабо интегрируются в европейское общество, не живут его интересами, во многом ограничивают свой образ жизни небольшим и подчас радикальным, мусульманским сообществом, которое противопоставляет свои ценности государству, в котором живут эти новые граждане. Для такого меньшинства ислам играет существенную роль в их жизни. Поскольку в настоящее время ислам используется многими мировыми «игроками» в качестве политического инструмента, то ислам из бытовой жизни северокавказских мусульман переходит в их политическую жизнь, поставляя для мирового экстремизма и терроризма новую молодежь.

Об авторах

Бабич Ирина Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, *babi7chi@yandex.ru*

Громов Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН, *gromovdv@mail.ru*

Захарова Наталья Сергеевна – журналистка, специалист по связям с общественностью, возглавляла пресс-службу Дагестанского государственного университета. Редактор экономического телеграм-канала *@proeconomics*

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, *ola_kul@mail.ru*

Савин Игорь Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Центральной Азии Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, *savigsa@inbox.ru*

Старостин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет»; доцент кафедры археологии и этнологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»; старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Историческая компаративистика, регионоведение и развитие восточноазиатских территорий» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, *alisheria@mail.ru*

Тайналова Валентина Александровна – выпускница аспирантуры Института этнологии и антропологии РАН, исследователь-стажер Центра этнополитических исследований ИЭА РАН, *v.tanaylova@iea.ras.ru*

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, *valerytishkov@mail.ru*

Шнирельман Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, *sbnirv@mail.ru*

Энгель Валерий Викторович – кандидат исторических наук, директор Центра изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте, *valery.engel@yandex.ru*

Этран Скотт – Центр изменения характера войны и Центр изучения социальной сплоченности, Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания, *scott.atran@pmb.ox.ac.uk*; Школа государственной политики Джеральда Р. Форда и Институт социальных исследований Мичиганского университета, Мичиган, США, *satran@umich.edu*

Научное издание

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Сборник статей

Под ред. В.А. Тишкова

Утверждено к печати Ученым советом Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ISBN 978-5-4211-0302-8

Верстка: О.В. Кульбачевская
Обложка: Е.В. Орлова

DOI: <https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0302-8/2022-12/1-384>

Подписано в печать 27.12.2022 Формат 70x100 1/16

Усл.-печ. л. 31,2 Тираж 300 экз. Заказ № 186519

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5